

Олег Дивов
Леди не движется-2
Профессия инквизитор – 2

«Леди не движется-2»: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-67524-1

Аннотация

В уютном кресле межзвездного лайнера рейса «Танира — Эверест» так легко предаваться воспоминаниям. Только и воспоминания могут быть опасны. Прошлые Деллы Берг, девушки с большими проблемами и маленьким пистолетом, идет за ней по пятам вместе с опытным наемным убийцей. Задача на ближайшие дни ясна: спасти ключевого свидетеля и уцелеть самой. Но что дальше? Капитан тактической разведки, кавалер двух орденов, уволенный из армии с позором без права ношения формы и наград, чудом оставшийся в живых, скрывшийся под личиной скромного полицейского, а потом оказавшийся ассистентом инквизитора, все это — Делла Берг. Ее бывший муж — князь, ее нынешний босс — герцог, но работа Деллы — идти по следу преступника в одиночку, и если она сама превратится в мишень, никакие звездные принцы не успеют ее выручить. Так уже было. Так еще будет. Тем не менее следствие должно быть закончено.

Олег Дивов ЛЕДИ НЕ ДВИЖЕТСЯ-2

Мой роман с Максом был коротким и поразительно ровным. Меня только что зачислили на первый курс Военного университета, я сама не верила такой удаче и словно на крыльях летала. Первый офицер в семье за последние триста лет! Я буду настоящим офицером и дослужусь самое малое до полковника. Я уже воображала, как на мне будет смотреться парадный китель полковника тактической разведки.

Занятия начинались в сентябре, но для желающих существовал так называемый летний кампус — проживание на территории университета, волонтерская работа в госпиталях или спасательных отрядах Мадрида. Как правило, в летнем кампусе жили только будущие первокурсники да конченные неудачники; тогда я не знала этого. Я решила, что если приеду к самому началу занятий, то не успею акклиматизироваться и влиться в коллектив. Последнее казалось особенно важным. Почему-то я была уверена, что весь мой будущий курс успеет уже подружиться к сентябрю, и я рискую стать чужой. Понятно, что потом я справлюсь, но зачем начинать с трудностей? Их и так будет предостаточно. И я, наивная простушка, после вступительных тестов, которые в Военном Университете проводились только очно, осталась в летнем кампусе. Там собралась от силы треть курса. Остальные, узнав о зачислении, сразу разъехались по домам или курортам — когда еще удастся отдохнуть? Может, через четыре года. А может, и через десять.

Коттеджи в кампусе были на двоих, дизайн и комфорт — казарменные, но я пришла в восторг. Мне сказали, что здесь теперь мое место на все время учебы, поэтому коттедж я мигом обиходила. Соседки у меня пока не было; она появится уже после начала занятий, переводом с географического, с понижением на два курса. Мелви Сатис по прозвищу Справочная... Но до этого еще предстояло дожить.

Формы нам не выдавали, мы — я и мои немногочисленные новые подруги — ходили в майках и джинсах. Утром работа в госпитале, вечером свободны. Все вечера мы проводили вместе. У нас было любимое место для посиделок — кафе «Ладья» у парка Победы. Мы

занимали всю открытую веранду и трещали как сороки. А потом устраивали танцы. Нашими партнерами были ребята с первого или второго курса, ракетчики и атмосферные пилоты. Они соперничали между собой за право танцевать с будущими разведчицами. Я пользовалась успехом, несмотря на то что танцевать не умела и большую часть времени сидела за каким-нибудь столиком. И однажды самого пламенного моего поклонника оттеснил плечистый мужчина такой красоты, что дух захватывало. Сущий дьявол, мечта во плоти. Он был выше меня на голову, носил черные кудри ниже плеч и сверкал голубыми глазами. И еще он был значительно старше нас.

— Макс, — представился он.

— Делла, — ответила я. — Ты выпускник или преподаватель?

— Выпускник. Приехал на встречу. Я часто здесь бываю — как президент союза выпускников Военного Университета.

— А что заканчивал?

— Космическое.

— О-о, — только и сказала я. — Джедай!

Это было, пожалуй, лишнее, но все первокурсники стараются показать старшим, что знают и уважают жаргон Четырех Университетов.

— А ты, значит, будущий хоббит. Угадал?

— Точно! — обрадовалась я. — А где служишь?

— Служил, — поправил Макс.

— А где служил? — не унималась я.

— В армии. Ты сама откуда?

— Арканзас. Дед переехал с Земли. А нам что? Мы все профессиональные военные, дома живем только до восемнадцати. Потом — контракт и ту-ту! — я засмеялась. — А чем сейчас занимаешься?

— Финансы.

— И как?

— На жизнь хватает. Прошвырнемся по парку? Здесь слишком шумно.

Конечно, я пошла. И целовалась с ним половину ночи на жесткой скамейке. Потом отправилась спать, а Макс оказался таким скромным, что не напросился в компанию — хотя тогда я жила в коттедже совсем одна. Утром девчонки рассказали мне про него все-все. Чуть позже я поняла, что это «все» по факту было ничем. Девчонки сказали, что это Берг, что у него традиция: каждое лето он склеивает самую хорошенькую из первокурсниц, на пару недель, не больше. Ставит звездочку на фюзеляж, ага. Лучше и не мечтать о любви — у него ледяное сердце. Так-то парень хороший, но убежденный холостяк. Я подумала и решила, что самое оно для меня. Потому что я пришла сюда учиться, а после учебы пойду служить, и пока не получу хотя бы майора, замуж — ни-ни. Зачем мне длительный и серьезный роман? А вот пару недель погулять перед учебой было бы неплохо. На самом деле Макс просто понравился мне, и я не видела причин отталкивать его.

Через два дня он позвал меня на уик-энд к приятелю в загородный дом. Там мы азартно стреляли по сорокам и наперегонки плавали в холодном озере. И в первую же ночь стали любовниками. В постели Макс был неподражаем — а мой предыдущий любовник, Дик Монро, несмотря на возраст был чрезвычайно искусным партнером, но Макс превзошел его без усилий.

Я трезво смотрела на вещи и не ждала сюрпризов от этого романа. Такой красавец, ах. Кумир джедаев и мечта всех девушек из Военного Университета. Признался, что на Земле в гостях. Он улетит, а я пойду учиться. Каждому свое. Через две недели я провожала его на космодром, а он злился, что я даже слезинки не уронила. Еще через две недели он внезапно вернулся и предложил пожениться. Это было так неожиданно. И так приятно. Я к тому моменту осознала, что насмерть влюбилась в него, ужасно скучала, и согласилась не раздумывая. На свадьбе я узнала его полную фамилию. Он — мою. Было ужасно неловко, потому что он потребовал перевода и семейную историю.

Конечно, я сказала, что мы — династия хоть и солдатская, но профессиональная и очень старая. Ведем родословную от легендарного неуловимого русского снайпера Слоника. Некоторые исследователи полагают, что его фамилию надо читать все-таки «Солоник», вот пусть они и читают, а мы лучше знаем. Но это устная часть нашей истории. А документированная начинается с космонавта Ивана Кузнецова, первого и пока что единственного офицера в роду. Тоже русского. Хотя официально по национальности я чешка, ну вот так получилось. Макс выслушал всю эту дребедень с непередаваемым видом, а потом небрежно сказал:

— Да, увлекательно.

И показал свое досье.

Я только рот раскрыла. Что же, я теперь получаюсь княгиней?! Макс ухмылялся. Ага, княгиня. Да еще и Сонно.

Я боялась всего — и особенно холодного приема, который просто обязана была оказать мне его семья. Не могла не оказать. Макс же князь, а я кто? Девчонка, которую он подцепил в дешевой кафешке. Однако я ошиблась. Семья была такой же бесшабашной, как Макс, на все глядела сквозь пальцы, и поначалу мне было страшно весело. Я даже поверила, что это надолго.

А потом наступило отрезвление. Как верно заметил доктор Моррис, Макс — замечательный человек. Добрый, тактичный, умный и сильный. Он даже не спросил, почему я не люблю свое полное имя. И называл меня Офелией, только когда хотел осадить или призвать к порядку. Но... он совершенно безумный. Он любил играть со смертью. Его тяга к саморазрушению выматывала мне все нервы. И в конце концов я подала на развод. Гордый Макс не стал унижаться и отговаривать меня. Год после развода ему не давали пропуск на территорию факультета, и декан «тактиков» Кид Тернер принял все мыслимые предосторожности, чтобы исключить наши встречи. Потом «эмбарго» сняли, но Макс не стремился к сближению. Мы довольно часто виделись — у него были общественные дела в университете, — но разговаривали сдержанно. На третьем курсе он пришел в кампус и устроил мне дикую сцену ревности. С размахиванием холодным оружием и тяжелыми предметами. И из-за чего, спрашивается? Подумаешь, сходила на футбол в компании Сэнди Маккинби, а потом четыре часа болтала с ним на нашей вахте. Для Макса это, оказывается, невыносимо. Ну, что... Я позвала брата. Крис оприходовал Макса кухонным столом, тут подбежал и Сэнди Маккинби — верней было бы сказать, что он подлетел, запарковав машину на аллее возле коттеджа. Приземлился мастерски, ведь аллею рассчитывали так, что влететь на нее было затруднительно и практически невозможно — стартовать. Нарочно, чтобы к нам не залетали незваные гости пофлиртовать с юными разведчицами. А Сэнди сумел — и сесть, и взлететь, правда, едва не чиркнув стабилизатором по стене во время лихого разворота. Крис и Сэнди сдали Макса не полиции, а психиатру. Психиатр наконец нашел причину страданий Макса — опухоль. Потом Макса прооперировали, и он превратился в лапочку, белого и пушистого.

Но примирились мы не поэтому. Можно сказать, что нас подтолкнул друг к другу Сэнди. Я просто убедилась, что Макс — ревнивый козел, но не мерзавец. Ревность не провоцирует его на подлые поступки. И пусть Сэнди раздражал его уже тем, что смел болтать со мной, — когда стряслась беда, Макс пришел ему на выручку. Пусть ради меня. Но ведь пришел? Мы не вернулись к прежним любовным отношениям, но больше не были и врагами. У меня словно камень с души упал.

На выпускном, конечно, без Макса — никак. Его общественная должность, президента союза выпускников, обязывала. Обычно, учитывая княжеское достоинство и эффектную внешность, его просили вручить дипломы десяти лучшим. Я просто любовалась им. И ждала бала. Я наконец-то научилась танцевать хотя бы вальс и точно знала, что мы будем открывать бал. На мне сияла парадка с первыми в жизни офицерскими нашивками. Но я не ожидала...

— ...и последний, — интригуяще сказал Макс залу, уже вручив девять дипломов. — В

этом есть некая несправедливость. Принято вручать дипломы от меньшего к большему, и лучший из лучших в награждении стоит последним. Поэтому уточняю: я вручаю этот диплом с отличием выпускнику, набравшему самый высокий балл на квалификации из всех выпускников Военного университета в этом году. А как мне подсказывают — результат лучший не только в этом году. Итак, лучший из лучших, лучший за... не падайте!.. десять лет. За последние десять лет не было еще настолько талантливого и упорного курсанта, и нет сомнений, что университет будет гордиться им, потому что вот тут, под дипломом, уже лежит контракт. Этот выпускник не ищет легких путей и диплома для престижа. Он уходит в армию, на передовую, защищать нашу Родину и служить человечеству... Для меня особенная честь вручить этот диплом. Честно говоря, я горжусь этим человеком. Горжусь больше, чем своими достижениями, и я очень рад, что диплом он получит из моих рук... Офелия ван ден Берг!

Господи, я чуть не умерла на месте. Я не знала даже, что мне дали диплом с отличием! А тут — лучшая из лучших, да еще за целых десять лет... Зал взорвался воплями, и хоббиты старались больше других, потому что у нас не было лучших в выпуске лет двадцать. И терминаторы кричали, а джедаи ликовали так, словно я их выпускница...

— Я приготовил тебе маленький подарок, — прошептал Макс, — то, что ты любишь.

Я тонула в его бедовых глазах.

Мы открывали бал. Макс в парадной джедайской форме был красив как бог. Знакомые мужчины потом говорили мне, что я в своей парадке — а у «тактиков» она самая красивая, черная с серебром, — ничуть ему не уступала. И наш вальс, который я буквально на днях научилась танцевать, был просто сказочным. Макс обрушил на меня всю свою харизму, а я с удовольствием поддалась его чарам. Прямо с бала мы прыгнули в его вертолет и на две недели спрятались от всего мира на небольшом озере, принадлежавшем кому-то из друзей. Мы жили у самой воды в палатке, ловили рыбу и коптили ее на костре, и эти две недели были чудесней, чем предыдущие несколько месяцев в браке.

А потом мы оба пошли служить. Да — оба. Макс сложил с себя общественные обязанности и взял армейский контракт на год. Мы попали в десятый округ, под начало генерала Лайона Маккинби — офицера-легенды. И родственника того самого Сэнди Маккинби... Мой любимый брат Крис два года отслужил под началом Маккинби и из его рук получил рекомендацию в университет. Теперь генерал с удовольствием, как он сказал, принял сестру того солдата, которого считал достойным молодым человеком. А я, конечно, старалась не уронить семейную репутацию.

Там я на практике освоила тонкости работы, которая и дала название всей профессии — тактической, или полевой, разведки. За первый серьезный бой, когда я вывела батальон терминаторов практически без потерь из-под шквального огня и обеспечила эффективное выполнение задачи, меня представили к награде — Малая Звезда. Генерал вручил мне орден, а потом позвал в кабинет и за закрытыми дверями отчитал, как маленькую. За то, что рисковала собой без острой необходимости. Он полагал, что моя задача — не вытаскивать пехоту, когда ее сбили с курса, а тренировать рядовых разведчиков и координировать их действия. Пускай они бегают, а я должна сидеть где положено. Я слишком дорого стою, чтобы лезть под огонь, даже если все у меня просчитано до мелочей. Рано или поздно я ошибусь, от этого никто не застрахован, но на ошибках учатся, а из могилы учиться затруднительно... Я расстроилась, но Макс объяснил: у генерала первая жена была хоббиткой. Погибла в бою на седьмом месяце брака. Теперь для него все молоденькие разведчицы — дочери, и за всех он боится. Я приняла к сведению и всерьез взялась за подготовку кадров. Тем не менее через три месяца я снова оказалась под огнем. Не собиралась: тут важнее были навыки чисто штабные, потому что требовалось не только направлять терминаторов, но и координировать взлом обороны с воздуха. Одним из штурмовых кораблей командовал Макс... И в головной роте убили разведчика. Я просто заняла его место, продолжая вести корабли, — нас и такому учили. Тогда я получила вторую Малую Звезду. Незадолго до окончания контракта я получила и повышение в звании —

отныне я была капитаном.

Продолжать контракт у Маккинби я не стала, потому что пришло предложение из четвертого округа. О, это была моя мечта: нелегальная разведка за границей. Я согласилась сразу. Макс полетел со мной, но контракт брать не стал.

Год. Я прослужила в четвертом округе всего год. Но этот год стоил мне половины жизни. Командующий, в отличие от Маккинби, не требовал, чтобы я обучала кадры. Он использовал меня в хвост и в гриву, а я поначалу только радовалась. В контракте было пять миссий, по факту набралось шестнадцать. Я больше недели на базе не бывала. Через год почувствовала себя выжатой тряпкой, явно началось эмоциональное выгорание, то есть пора было как следует отдохнуть. Но я пошла еще раз. И провалилась. Нет, миссию выполнила, но меня раскрыли. Я бы и не выбралась, если бы мне не помог тот самый человек, которого я работала.

Перед этой миссией мы с Максом решили возродить наш брак — мы ведь стали старше и умнее, мы любим друг друга, у нас должно получиться. Но жизнь распорядилась по-своему. После миссии мне довелось пережить самые страшные месяцы. Я выкарабкалась, но... Но Макс остался в прошлом. И когда я увидела его — уже на Большом Йорке, — то поняла, что наши пути разошлись навсегда.

Меня больше не привлекал его авантюризм.

И то, что раньше я терпела ради любви, вылезло на первый план. Его придирки, его упреки, его диктат и его выходки.

Я ни капельки не солгала Йену Йоханссону, сказав, что Макс — одна из причин моего ухода из полиции. Не самая главная, но мне казалось, что без него я прожила бы депрессивные месяцы легче. Основная причина, разумеется, Август. Я уходила к нему в лучшую жизнь. Но и Макс сыграл свою роль. Возможно, если бы он не добил меня своей неуместной нотацией, я бы не решилась перешагнуть через свои сомнения. Но Макс добил.

В тот год он поселился на Большом Йорке и натурально не давал мне проходу. Своей репутацией стервы я на две трети обязана ему. В нашем отделе было слишком мало восторженных юнцов вроде Йена и слишком много битых жизнью, расчетливых прагматиков. Коллеги не простили мне, что я бросила такого мужчину. У полицейских, даже самых тупых, глаз наметанный. И пусть о том, что Макс — князь, знал только наш комиссар, все распознали в нем человека не просто богатого, а, что называется, «из хорошей семьи». Всеобъемлющий термин. И я пренебрегла им. Мужчины подозревали, что в лице Макса я презираю их всех, все их достижения, подвиги и заслуги, и вообще я, наверное, лесбиянка, только почему-то не признаюсь в этом. Ну а женщины... достаточно один раз увидеть Макса, чтобы понять, за что меня люто ненавидели женщины. Разумеется, я никому не говорила, что была замужем за князем. Но это ж Макс. Он познакомился с главной моей врагиней, Летти Фонкс, и взял ее в наперсницы. Он ведь хитрый.

И тут появился Август-Александр Пол Николас и еще двенадцать имен Маккинби. Буквально через час после начала работы я всем существом поняла, что с Августом у меня много общего. Того общего, каким я в себе гордилась. С Максом у меня тоже было много общего, только — другого. Я тоже люблю эпатаж и рискованные шутки, и жизнь с размахом, но меня это иссушает. А с Августом я отдыхала. Поэтому выдержать экскурсию по его коллекции было нетрудно. Три часа спустя я смотрела в его холодные серые глаза, которые больше не казались мне сонными, и думала, что привлекательная внешность шефа — достоинство. Мне ж смотреть на него, извините. Разве хорошо, когда от рожи начальника тошнит? На Августа смотреть приятно. И деньги он предлагает сказочные. А еще он чертовски умен, проницателен и умеет правильно давать распоряжения.

Макс даже словом меня не попрекнул, что я из-за новой работы отказалась от всех свиданий. У меня больше не было времени на личную жизнь. А он слишком горд, чтобы скандалить. Он просто завел шумную интрижку, потом вторую, третью... Потом с ним всюду появлялась Эмбер Мелроуз — впрочем, она не мешала ему время от времени флиртовать с кем-то еще. Я изредка читала о его похождениях в светских колонках, но с ним

самим больше не виделась. Пару раз ловила себя на том, что скучаю. Но тут же у Августа появлялся новый клиент, я должна была лететь через половину Галактики, работа увлекала и не оставляла места для тоски. И я потихоньку свыклась с мыслью, что роман с Максом остался в прошлом.

Я думала обо всем этом, сидя в комфортном кресле лайнера «Танира — Эверест», рядом со следователем Йоханссоном, который уже и не скрывал, что влюблен в меня, и глядя в кудрявый черный затылок Максимилиана ван ден Берга в трех рядах впереди.

* * *

У моего босса нет чувства юмора. Совсем. Главное — помнить об этом каждую секунду. Тогда многое становится понятней.

А еще он всегда делает именно то, что говорит.

К своему стыду, я забыла и о первом, и о втором.

Я действительно чуть не взвыла, увидав Макса в салоне лайнера. Сказать ему, куда я отправляюсь, мог только Август. Поэтому я сидела и злилась: значит, Август так отвлекает Макса?! Такие вот меры он принял, чтобы Макс мне не мешал?!

Конечно, это могло быть совпадением. Я летела в крупнейший научный центр нашего штата. Восемь университетов с единым кампусом. Макс и университет — понятия очень даже совместимые. И не только в рамках нашей альма-матер, где он десять лет занимал пост президента союза выпускников, а по факту был главной фигурой всей общественной жизни Четырех Университетов. Но это вписывалось в его имидж плебоя и эпатажника. А что не вписывалось — Макс входил в десятку лучших финансовых аналитиков государства. Большинство мужчин в деловых кругах знали его как ту еще акулу — с пуленепробиваемой шкурой и полным набором самозатачивающихся зубов. Макс славился абсолютной беспощадностью и быстротой реакции. Там, где другие разорялись, он неизменно выходил победителем. И нынешним своим благополучием семья Берг обязана вовсе не сокровищам предков, а финансовому чутью Макса. Ему было девятнадцать, он учился в Военном Университете, когда случайно узнал, что живет в долг. Тогда он начал искать практические решения, а ради теоретической базы поступил еще и в Бостонский финансовый. Успевал всюду, хотя нагрузки у студентов-джедаев огромные, и совмещать их с удаленным обучением премудростям фондового рынка почти нереально. Чего это стоило Макс, подумать больно, но уж если Берг берется за дело, он идет до конца, не щадя себя. То-то остальные Берги так не любят браться за что-нибудь тяжелее стакана... Через пять лет Макс выплатил семейные долги до последнего гроша и вышел в прибыль. Когда мы с ним познакомились, он был уже богат. Он рисковал и ходил по лезвию. Но во всем этом не было адреналина. В делах Макс неизменно был хладнокровен и бесстрашен. Для эмоций он искал себе другие приключения. Однажды я попыталась разобраться в не самой сложной его многоходовке — и, к стыду своему, запуталась уже на четвертом этапе. А Макс держал в голове сотни комбинаций.

Наверное, одна я знала, каким унижением для него было услышать, что семья разорена. Другой бы запил. Собственно, если твоя фамилия ван ден Берг, отчего бы и не выпить с горя, раз нет повода выпить на радостях. Но Макс стал искать решение проблемы — и справился.

Теперь время от времени Макс читал лекции по своей гражданской специальности в каком-нибудь университете. И попечительские советы дрались между собой за право залучить его на курс. Ему случалось собирать на лекцию по десять тысяч человек, как на футбольный матч или концерт, и никто не уходил обиженным. Поэтому, конечно, могло оказаться, что Макс летел на Эверест по делу. И договорился о том давно.

Но я никогда не верила в совпадения.

И только в роскошном здании космопорта я увидела изящный замысел Августа целиком.

Макс притворялся, что не замечает меня. Изображал сюрприз. Он ни разу не посмотрел

в мою сторону, хотя я абсолютно точно угодила в его поле зрения. Но, конечно, хитрая физиономия выдавала Макса с головой. Настолько, что занервничал Йоханссон.

— Делла, мне кажется, вон тот господин ведет себя подозрительно. Он слишком упорно смотрит куда угодно, только не в нашу сторону.

— Не беспокойся, — устало сказала я.

— Вы уверены?

— Да. Это мой бывший муж.

Йен на миг замолчал.

— Тот самый? Вы говорили, он аристократ.

— Не похож?

— Похож, но...

— Максимилиан ван ден Берг.

— Господи, — выдохнул Йен, — вы были замужем за этим чудовищем?! Он же разорил столько семей...

— Йен, не говори глупостей. Макс никого не разорял намеренно. Вот чем он никогда не занимался, так это рейдерством. Не он виноват, что люди суются играть на бирже, не умея. И тем более он не виноват, что переиграл кого-то, кто рассчитывал облапошить его, да прогорел сам.

— Ходят слухи, что он ни разу не проигрывал. А такой успех нельзя объяснить одним везением или талантом.

— М-м... не знаю. Возможно, он проигрывал. Просто он умеет скрывать то, что ему невыгодно.

Макс начал медленное движение, оборачиваясь через правое плечо. По завершении его он должен был как бы случайно столкнуться со мной лицом к лицу. А я вдруг поняла, что в толпе встречающих слишком много прессы.

— Йен, — только и успела сказать я.

В зал влился второй поток — из частного сектора. Раздались приветственные крики, толпа репортеров ломанулась к новоприбывшим. Среди пассажиров мелькнула женская головка с вопиюще малиновыми волосами. И тут же на весь зал разнесся вопль:

— Макс! Чертов паскудник, кого я вижу!

Вопль покрыл шум в огромном зале, заглушив прочие звуки. Ну и голос. Высокий, с металлическим звоном, таким легко командовать даже в танковом сражении. Малиновая девушка, растолкав всех, с разбегу кинулась Максиму на шею. Он побледнел так, будто сейчас умрет. Тут-то он и показал, что знает о моем присутствии, — очень аккуратно скосил глаза и посмотрел в мою сторону из-под ресниц. Я ответила злорадной ухмылкой.

Девушка вопила, вокруг нее сгуртовалась толпа, ярко вспыхнула подсветка профессиональных камер. А голос был слышен даже снаружи, я уверена. Уникальный голосище.

— Кто это? — спросила я у Йена.

— Нина Осси, — с восторгом ответил он. — Певица. Надо же, как повезло! Наверное, у нее тут концерты. Непременно надо попасть.

Макс стоял белый как мрамор. Такой подляны он никак не ждал. Девушка висела у него на шее, репортеры ликовали. Она уже сообщила им, что «лучшего любовника, чем этот ублюдок, у нее в жизни не было», предлагала Максиму «зажечь как тогда», уверяла, что вдвоем они вскипятят эту сырую универскую кашу... Между делом я узнала, что она не собиралась сюда прилетать. У нее вообще было все плохо, но один добрый человек предложил ее агенту поставить Эверест на уши, а то здесь как-то скучно в последнее время, и все уладил, так что завтра доставят аппаратуру, а послезавтра — стадион, поклонники в истерике и так далее. Об Макса она, кажется, вытерлась уже вся, благо он не шевелился. Йен нервно хихикал.

Я обошла их по тылам. Зал был свободен. Я ни капельки не сомневалась, что этот «добрый человек», устроивший Нине Осси чудесную гастроль. Август, конечно. Придумал, чем отвлечь Макса.

Противоположности не только притягиваются — если глянуть со спины, то окажется, что они одинаковы. Абсолютная серьезность неотличима от чудовищного чувства юмора. Август просто решал конкретную задачу. А вышло так, что он поиздевался над Максом.

Ничего, в очередной раз встретятся на дуэли — и уладят вопрос. У них это просто.

Впереди стояла группа в строгих костюмах со значками колледжа Святого Валентина. Солидные господа с ужасом глядели на столпотворение в центре зала. Похоже, Макс действительно планировал лекции, и эти люди его встречали. А теперь они видели своего уважаемого лектора в дичайшей, невозможной ситуации. Необразованная вульгарная девка едва руку в штаны ему не запустила. Через минуту все окажется в новостях. Ну и как собирать аудиторию? Так и писать — господа студенты, эту лекцию для вас прочтет ублюдок Макс, звезда богемы?

За спиной раздался очередной вопль.

— Ты еще и князь?! Да обоссаться мне на месте! Ахренеть! Мой парень — натуральный князь! Слышите, фотайте нас живее, пишите — Нина Осси со своим князем! Сукин ты сын, да я ж за тебя тогда замуж выйду! А хрен ли мне не стать княгиней, а?!

Вряд ли Макс упомянул свой титул, небось кто-то из толпы ляпнул.

Я сделала еще несколько шагов.

Да, конечно, он получил по заслугам. Нечего было путаться с кем попало.

— Но я же не могу его бросить? — спросила я Йена. — Его растерзают.

Он не успел ответить. Я развернулась и пошла назад. На ходу я влезала в самую свою великосветскую улыбку. Йен, кажется, понял, потому что в последний миг обогнал меня и расчистил путь. Я взяла Макса под руку — под свободную руку, на другом плече висела Нина Осси. Макс вздрогнул — он не заметил, как я подошла. Обернулся. В глазах было отчаяние. Я улыбнулась еще шире.

— Макс, твои студенты, я уверена, будут просто боготворить тебя. Ведь их любимая певица считает тебя лучшим другом. Но не забыл ли ты, что нас ждут?

Макс только положил ладонь на мою руку и сжал пальцы. Певичка уставилась на меня с подозрением.

— Офелия ван ден Берг, — назвалась я. — Очень рада встрече. Честно говоря, когда Макс обещал мне сюрприз, меньше всего я могла предположить, что он имеет в виду ваш концерт. Мой коллега, — я показала на Йена, — ваш горячий поклонник. Разумеется, мы будем на концерте. Не так уж часто в нашем штате случаются события такого масштаба. Что вы думаете о вечеринке после представления? Для небольшого круга, только свои, все очень демократично...

— Значит, Офелия, — опомнилась девица. — Ван ден Берг. Очень, очень приятно. Скажите, вы тоже в восторге от его пениса?

— Знаете, что меня всегда восхищало в характере Макса? Он совершенно лишен этого мерзкого зазнайства и спеси. Он дружит с самыми разными людьми и не кичится своим титулом и богатством. Всегда как будто равный. Мало кто так умеет, не правда ли? Он ценит в людях талант и душу, а все остальное не имеет значения. Что ж, Нина, была очень рада встрече. Мы не будем вам мешать, ведь пресса — это часть вашей работы, с нашей стороны в высшей степени некрасиво оттягивать внимание на себя. Мы, пожалуй, пойдем. Не забудьте про вечеринку!

Макс с приклеенной улыбкой и на деревянных ногах пошел за мной. Девица Нина затейливо выругалась. Пара настырных репортеров увязалась за нами, я помахала им рукой и даже придержала Макса для удачного снимка.

— Я убью его, — прошипел Макс, когда рядом не осталось посторонних.

— Кого? — невинным тоном осведомилась я.

— Маккинби! Это его интриги...

— Милый, Август подсунул тебе свою бывшую любовницу или все-таки твою? В том, что произошло, тебе следует винить только себя. Это ты с ней спутался, а не Август. Вот и плати теперь за грехи.

— А ты, выходит, знала.

— Нет. Но разве так сложно догадаться? И возьми себя в руки — кажется, эти господа тебя встречают.

Умение притворяться, базовый навык любого аристократа, оказалось как нельзя более кстати. Макс сделал вид, что так и было задумано. Ну а чего с него взять, он известный эпатажник, а тут еще и девица потеряла чувство меры, заигралась. Впрочем, если кто-то полагает, будто лектору противопоказана репутация повесы, — лектор не навязывает свое общество, ему есть чем заняться.

Оправдываться, конечно, не потребовалось. Макса встречали очень приличные люди. А приличные люди, видя чужой позор, стараются вовремя отвернуться.

В салоне университетского автобуса Макс вздохнул и сообщил:

— Теперь ты, как порядочная женщина, должна стать моей женой.

— Милый, я могу появиться с тобой в обществе два-три раза и без обручального кольца.

— Если бы ты меня не бросила...

— В твоих ошибках всегда виноват кто-то другой. То Август, то я. И я была бы тебе крайне признательна, если бы по приезде ты добыл нам с Йеном машину — нам забронировали номера в другом отеле. Мы с удовольствием проводим тебя, но вообще-то мы не отдыхать приехали.

— А зачем?

— Ну как ты думаешь, зачем я куда-то поехала в компании самого талантливого молодого следователя Таниры?

— Вот оно что.

— Именно. И постарайся не привлекать к нам внимание прессы — ты теперь, скажи спасибо своей Нине, звезда молодежной культуры.

— Ну ясно, — процедил Макс и отвернулся кокну.

Больше он не проронил ни слова, до той минуты, пока за ними не пришло такси. Лишь тогда он совершенно равнодушно напомнил:

— Ты обещала этой дуре пойти на концерт. И устроить вечеринку.

— О, с удовольствием. Когда будешь бронировать места, не забудь про Йена. Он действительно ее поклонник.

Билеты я получила тем же вечером. На себя и на Йена. А еще в конверте лежали два именных приглашения на лекции Максимилиана ван ден Берга в колледже Святого Валентина.

Как это мило с его стороны. Можно подумать, я сюда от скуки прилетела, не знала чем заняться, и тут — такой подарочек.

Ровно через десять минут явился Макс собственной персоной.

* * *

— Так, где твой... этот? Дел, как его зовут?

— Йен Йоханссон, и он не мой, а полицейский.

— Не важно. Бери его и поехали.

— Куда?

— Ужинать.

— Макс, — очень строго сказала я, — ты...

— Парень, по которому ты работаешь, учился в колледже Святого Валентина. Я поговорил кое с кем. Есть сложности. Поэтому мы идем ужинать.

— Не вижу логики.

— Ты, я, твой Йен и эта клуша Нина.

— Ну спасибо.

— Она кумир той тусовки, в которую входил твой труп.

— Мой труп пока при мне и никуда не ходил.

— Надо же нам извлечь хоть какую-то выгоду из интриг твоего босса.

Я вздохнула.

— Форма одежды? Демократично?

Макс выразительно оглядел себя. Выглядел он, как обычно, на миллион.

— По-твоему, это демократично?

— Тогда пусть твоя шалава пеняет на себя.

— Ты отстала от жизни, моя дорогая. Нина Осси сейчас — номер один. И ее приглашают в такие места, где ты отродясь не бывала. Хотя если бы ты не была такой дурой и не закатила истерику с разводом...

— Еще одно слово — и я никуда не пойду. А с твоей шалавой номер один я могу познакомиться и без твоей помощи. Ей очень важно знать мое мнение о твоём пенисе.

— Пф, — бросил Макс, — чтобы составить мнение, нужно иметь достаточно материала для сравнения. А у тебя опыта-то кот наплакал.

Я подчеркнуто высокомерно вскинула бровь:

— Может, ты считаешь, что взял меня девственницей? Тогда, милый, это у тебя опыта не было.

— Да было у тебя разок в школе, я помню, ты рассказывала. — Макс едва не лопался от типичного мужского самодовольства. — Это не опыт.

Я снова промолчала, что у меня был очень умелый любовник до него. В любом случае спор бессмысленный, — что бы я ни сказала, у Макса готов ответ: раз до сих пор спишь со мной, то я лучший, а остальные не стоят даже упоминаний.

— Зато теоретическая подготовка будь здоров, — все-таки огрызнулась я и пошла выбирать, что надеть.

Макс хохотнул за моей спиной. Вот ведь странно устроены мужчины: он оконфузился, я его вытащила, а этот, вместо того чтобы устыдиться, раздувается от гордости — как будто он меня спас, а не наоборот.

Ничего особенно праздничного у меня с собой не было, поэтому я выбрала традиционный вариант — терракотовое платье-футляр до середины бедра и густо-серое болеро. И нарядно, и не напрягает. Макс увидел, скроил такую мину, словно я в драные джинсы влезла.

— А где то серебряное платье, в котором ты была на ужине? На Сонно? Очень тебе идет.

— На Кангу, — пробормотала я, выбирая туфли. — Вместе со всем остальным. Мне не до багажа было, когда я улетала.

— Не понимаю, что за срочность такая была. Подождала бы день, улетела бы на моей яхте.

— Макс, — я вздохнула, — для тебя это забава. А для меня — работа. Тебе кажется, это такая романтическая игра в опасности и рискованные приключения. И ты, так и быть, подыгрываешь мне. Аристократически снисходишь до моих грубых развлечений. А что, почему бы не пошалить. Только ты в любой момент можешь все бросить и вернуться к своим достойным занятиям. Дело твое, имеешь право. Но ты почему-то считаешь, что для меня это тоже всего лишь игра! Что у меня есть задачи поважнее, например, развлекать тебя...

— Дел, у тебя действительно есть задачи поважнее, чем твоя так называемая работа, — перебил Макс. — Начистоту? С твоей работой вполне может справиться любой опытный оперативник. Тут не нужны ни твои профессиональные таланты, ни твоя квалификация. Заметь — я не отрицаю, что они у тебя есть, и значительные. Но на этой работе ты никак их не используешь. Для тебя все, что может поручить Маккинби, — детские шалости. Видала ты миссии и посложней. Главная трудность — это потрафить прихотям Маккинби. Он до хрена говорит об исключении личных эмоций из рабочих отношений, только сотрудников он всегда подбирал исходя именно из эмоционального впечатления. Не спорь. С ним пыталась работать Ада Корниш. Твоя сокурсница. На уровне инквизиторских задач ее квалификации

хватало с избытком. Но Маккинби ее выгнал. С ним работал Майкл Ежин, едва ли не лучший оперативник Большого Йорка. Ни одного нарекания по работе — и Маккинби тоже не смог придаться к нему. Но к себе не взял.

— Ты не все знаешь. Извини, я-то с Ежином в одном зале сидела. Майклу тогда оставалось дослужить три года. Ты думаешь, он променял бы гарантированную федеральную пенсию на хорошие деньги, но без пенсии? При этом Август регулярно привлекает его. До сих пор. И есть у меня подозрение, что, когда Ежин уволится, он не станет беспечным дядей-пенсионером, потому что Август возьмет его к себе. Оперативником под мое начало.

— Неважно. В любом случае я наверняка знаю, почему Маккинби выбрал тебя.

— Ты неправильно формулируешь. Правильно будет «я выдумал», а не «я знаю».

— В данном случае, дорогая, я именно знаю. Конкретно от него. Ничего выдумывать не надо, двойного толкования там быть не может. Причина тебе покажется нелогичной и неожиданной. К твоей работе она не имеет никакого отношения.

— Ну и какая?

— Поди и сама спроси. С чего это я должен выдавать тебе чужие личные секреты? Ты же не докладываешь мне секреты Эмбер, например.

Я скептически покачала головой. Макс знает Августа существенно хуже меня. Ему невдомек, что этому парню важны чрезвычайно тонкие нюансы вроде тембра голоса сотрудника или привычки к определенной цветовой гамме. У меня была масса преимуществ перед другими претендентами. Я легко адаптируюсь к любым требованиям, я пластична и могу работать в любом образе, я служу отличным фоном для рассуждений Августа, подбрасывая глупые реплики именно так, как его не раздражает. А еще я не лезу к нему в штаны. Ада Корниш, ха. Ада вообще-то мечтала замуж за него выйти. Со второго курса мечтала, вслух и смачно. И работу восприняла как первый этап строительства семейного гнездышка по ее вкусу. Не знал об этом, наверное, только Макс.

Конечно, Август опирался на эмоциональные впечатления. Главное из них — хочет человек работать или готов притворяться работающим ради других целей.

— Для тебя твоя «работа» — это тоже игра. Только по-детски серьезная. Это твой способ самоутвердиться, не более того. Осознать себя личностью и независимой. Как только осознание произойдет, у тебя мигом изменятся цели, — продолжал Макс. — Все люди развиваются одинаково. Думаешь, я в твоём возрасте был другим? Я тебе больше скажу: и Маккинби такой же. Он вообще туго растёт, как дуб, ему спешить некуда. То, что с другими происходит в двадцать пять, ему только предстоит узнать в сорок. Для него инквизиторство — тоже игра. Притом что его талант никто не оспаривает. Но через несколько лет он займётся тем, для чего и появился на свет. Я давно его знаю и давно за ним слежу. В колледже он жил только профессией. А сейчас, смотрю, и обществом не брезгует, и положенную по статусу нагрузку несёт охотно. И в бизнесе обороты набирает. Пять лет назад он в управлении колонией смыслил столько же, сколько твой Йен, если не меньше. Вся работа лежала на управляющем да на родителях Маккинби, которые пасли управляющего. А последний его сенатский отчет я слушал — это говорил уже не парень, которому дали документ для заучивания наизусть. Он все, о чем говорил, видел, потрогал руками, изучил и даже родил пару идей по улучшению. Грамотных идей, между прочим. Он занялся инвестициями, и довольно успешно. Понятно, пока под чутким руководством дедушки, но все же занялся? Нашел какой-то интерес для себя? Он меняется, Делла. А вместе с ним изменится и твоя жизнь. Я это вижу наперед и не считаю нужным притворяться, будто верю в вечность твоих карьерных успехов. Это преходящее. А настоящее — ты захочешь того же, чего хотят все женщины. Семью, детей. Это женское призвание.

Я наконец решила, что оливково-зеленые туфельки на скромном, зато изящном и устойчивом каблучке отлично подойдут. Влезла в них, чуть покачалась с мыска на пятку — да, содрала движение у Августа, а мне оно помогало понять, нравится ли обувь именно сегодня. И неожиданно с тоской подумала: черт, надо было ехать с Августом в Пиблс.

Потому что за несколько дней моего гостевания на Сонно Макс залечил раны, нанесенные его самолюбием, и принялся калечить мое. Ничего в самом деле не изменилось бы, если бы я улетела на Землю. Август ведь уже знал, что убит Бернارد, а не Адам. Меня не обстреляли бы или обстреляли бы позже, при очередном визите к Крюгеру. В общем, мир не пошел бы по другому пути, если бы я поехала в Пиблс.

Зато Макс держался бы несравненно скромнее. Он всегда тише воды ниже травы, если считает свои шансы невеликими. Положим, на деле у него не было шансов вообще, но он-то этого не знал. А я не хотела говорить. Потому что не обязана. Это довольно унижительно — объяснять мужчине, что ты бесплодна. «Прости, милый, но я урод». И наплевать, что, будь он рядом в нужный момент, ничего не случилось бы... или если бы спохватился сразу. Его не было, и он не спохватился. Он вообще завалился ко мне на работу спустя восемь месяцев после расставания как ни в чем не бывало. Даже не спросил «где ты шлялась, дорогая». Наверное, я ждала от него чего-то другого. Может быть. Хотя в действительности я все решила много раньше.

Но все-таки надо было ехать в Пиблс. Плюнуть на того мерзавца и ехать. Август знает почти все, ему не надо объяснять. Он и так сообразил, что делать.

На этом-то этапе меня и осенило. Я состроила похоронную мордашку и очень спокойно посмотрела на Макса:

— Макс, ты забыл историю с Энстоном?

Такого подлого удара с моей стороны он не ждал.

Хотя какая тут подлость? Меня изувечили, а он и не почесался сквитаться с мерзавцем. Это вроде как мое личное дело, он не обязан вмешиваться. Да и что он знает? А должен был знать все, раз такой в меня влюбленный.

— Нет, — хладнокровно ответил Макс. — Время не пришло.

— Оно и не придет, — парировала я. — Ты вообще не задумывался, почему я пошла работать чуть не девочкой на побегушках в драное полицейское управление на драном Большом Йорке?

— Не нужно тебе вообще работать...

— Идиот! — наигранно-зло выкрикнула я. — Голову включи! Мне Энстон кислород перекрыл! Вообще везде! Я не смогла ни второй раз в колледж поступить, ни устроиться куда попрличней! И ты готов к тому, что мы поженимся, ага, а Энстон задушит всю твою родню финансово, а твоим друзьям расскажет, чем я, по его мнению, занималась за кордоном?! Он же типа командующий, ему-то известно!

— Он не посмеет, — уверенно сказал Макс.

— Еще как посмеет. Если б он тебя не то что боялся, а хотя бы за человека держал, — он и пальцем ко мне не прикоснулся бы. Не льсти себе, Макс. В глазах таких вот уродов ты — шут гороховый.

— Ну да, а Маккинби, конечно, серьезный человек, — язвительно отозвался Макс. — Со своими детскими играми в справедливую инквизицию и красными машинками.

— А вот его Энстон боится. Не потому даже, что Август выбросил его в окно со второго этажа. Потому, что Август играет в справедливую инквизицию. Как ты думаешь, сколько ему на самом деле известно про Энстона? Вот и Энстон не знает. Потому больше и не суется. Август — единственный человек, способный реально обеспечить мою безопасность. Ты, прости, не можешь. Ну вот что ты сделаешь, если твоим друзьям клеветы Энстона нашепчут всякие гадости? Что ты сделаешь, если очередной дальний родственник на ужине надерется хуже левретки и заорет, показывая на меня пальцем: «Шлюха, с диссидой трахалась, мне Энстон сказал!» Ты ж ничего не сможешь сделать. Будешь держать меня дома взаперти, на светские рауты ходить один и уклончиво говорить, мол, жена так занята детьми, так занята детьми. А если Энстон проведаст, что ты в припадке бешенства любишь ножом размахивать? Тогда никакой гарантии, что меня не найдут в саду с твоим ножом в груди. И все поверят, что это твоих рук дело. Пусть тебя оправдает суд — все равно никто не поверит, что ты не откупился.

— Но ты же не спала с диссидой... — буркнул Макс. — Не твой уровень.

— Нет. У меня были другие задачи. А Энстон скажет — да. Доказательств никаких. Слово против слова. Слово принца, командующего — против слова арканзасской пастушки. Кому поверят?

Макс болезненно поморщился:

— Да он забыл давно о твоём существовании.

— Ты на это и надеешься? Что он забыл, я по-бабьи проглочу обиду, а ты будешь жить по-прежнему. Так?

— Да, я надеюсь, что он забыл! — рявкнул Макс, багровея. — Потому что я не забыл! И я достану его, как только он потеряет осторожность! Мне тоже есть что сказать ему, до хрена чего есть!

— Тогда остынь. И подожди еще, — я ядовито усмехнулась. — Ничего он не забыл. Тебя не удивило, что Август поехал в Пиблс без меня?

— А с какой стати он должен был ехать с тобой?

— Ну да. Ты решил, что он признал твои несуществующие права на меня и, конечно, благородно слился. Поэтому вопросов ты не задавал.

— Насколько я понял, он не хотел тебя приглашать. Его семья, знаешь ли, и вполнину не так терпима, как моя.

Я не стала говорить, что попала в список тех девушек, которым глава клана Скотт Маккинби Старший устроил смотрины. Во-первых, урок я получила неприятный, а во-вторых, зачем? Ну зачем Максу это знать? Чтобы у него появился лишний повод для ревности?

— Я персонал, Макс. Личный персонал, причем доверенный. И в этом качестве я удовлетворяю всем самым взыскательным требованиям клана Маккинби. Там ждали, что Август прилетит со мной. Я там более желанный гость, чем ты со всей своей княжеской спесью.

— Ну шаз. Меня звали. Но я как глянул на список гостей, как увидел там Джил Фергюсон — так Скотту откровенно и написал: или я, или она. Поскольку ее пригласила жена Скотта, с которой он вроде бы помирился, выбор очевиден.

Джил Фергюсон, мысленно отметила я, но заострять внимание на ней не стала.

— Больше ни на что ты в этом списке внимания не обратил?

— Нет, — удивился Макс. — А что, там люди проверенные, ну, максимум лично мне кто-то неприятен...

— Там был клевет Энстона. Приличный, респектабельный человек. О том, что он по требованию дает любые ложные показания в пользу Энстона, знаю я. Знает Август. Он отлично понимал, что я откажусь поехать — только из-за этого человека. Как оно, собственно, и вышло.

— А он тебя все-таки звал? — прищурился Макс.

— Конечно. Он не ты, не считает, будто лучше меня знает, что для меня хорошо. Человечек приезжал на разведку, разнюхать, как я живу и чем дышу, нельзя ли чего напортить. Не учел, что Август тоже ничего не забыл. Разошлись на том, что человечек срочно уехал по неотложному делу, пообещав никогда больше не появляться в Шотландии.

— Так, — решительно сказал Макс, — пора мне поговорить с Маккинби.

— На предмет?

— Вот об этом тебе точно лучше не знать.

— Уверен?

Макс задумался, потом по-детски вскинул брови:

— Нет, ну если попутно подвернется случай тебе красиво выступить, я скажу, конечно. Но только если подвернется. — И он обворожительно улыбнулся. — Ладно, разговор не закончен, а отложен. Мы к нему еще вернемся. Попозже. Заодно я дожду мать, что ли, задолбало меня ее пьянство... Мне скоро не тебя придется запирать, а ее. И вот еще что, Дел: я быстрее застрелю Энстона, чем стану стесняться тебя. Откровенно? Я перед отлетом

разузнал, как дело продвигается. Наслушался про этого вашего убийцу, Даймона. Зря мужик себя расходует. Мне бы он пригодился.

— Ты спятил?! Ты заплатил бы ему за убийство?!

— На счет раз, дорогая. За очень сложное, требующее настоящей квалификации убийство. Думаю, Даймон согласился бы. Это же профессиональный вызов. Я убил бы Энстона сам, мне это проще, но, видишь ли, он не тот человек, за которого я хотел бы оказаться в тюрьме. А Даймону я бы потом еще и убежище обеспечил. Отличная колония, с прекрасной биосферой, пятый радиус. Туда государство придет по-настоящему, когда у Даймона уже внуки состарятся. Живи не хочу.

— Не вздумай, — сказала я не очень уверенно.

— Да нет, конечно, — согласился Макс. — Даймон уже отработанный материал. Не в том дело, что он староват для задачи или у него на хвосте вся полиция штата висит, а теперь сядут и федералы. Чепуха. Важно, что он позволил себе эмоции. Он пошел вразнос. А для диверсанта это — однозначный конец. Даймон уже мертв, только сам еще этого не знает.

Глупо спорить. Уж в чем, в чем, а в войне, оружии и психологии военных Макс разбирался.

Я позвонила Йену, предложила выходить к лифту, там и встретимся. Йен попросил двадцать минут отсрочки: он после перелета лег подремать, уснул всерьез и был не готов к встрече. Я засмеялась и сказала, что тогда пусть заходит в мой номер.

Макс деловито залез в бар, бормоча «а чего мы насухую-то ждать будем, все равно весь вечер пить, да и вообще у тебя таблетки есть, о, надо же, впервые вижу в гостиничном баре приличный виски, им-то мы и разомнемся...» Принес в гостиную два бокала, лед, местную минеральную воду и бутылку. Умело разлил, подал мне:

— Чин-чин, дорогая.

И сел напротив меня. Я невольно отметила, как красиво каждое его движение. Все-таки двадцать шесть поколений аристократических предков дают о себе знать. Даже если они пираты и психопаты.

— Макс, неожиданный вопрос. Сразу предупреждаю, на карьере не скажется никак, этим направлением занимается Август, так что у меня не выйдет с твоей помощью поразить его эрудицией и дедукцией. Это если ты еще знаешь...

— Давай, — перебил Макс.

— Ситуация: некий человек несколько лет назад пытался купить два корабля. Каких именно, неизвестно, но подразумевается, что грузовых и не новых. Сделка сорвалась. Проверка аукционов за пять лет не дала результатов. Этот человек не регистрировался как участник либо регистрировался, но сходил с дистанции, едва ставки выросли на десять процентов. Насколько я понимаю, для него цена была критичным фактором. Он хотел заплатить не больше двухсот тысяч хардов. Проверка фирм-посредников и частных продавцов тоже ничего не дала: такой человек у них консультировался, но о сделке речь не заходила. Не так давно этот человек приобрел тренажер для пилотов «Дельфина». И есть подозрение, что те два корабля — «Дельфины», по какой-то причине незарегистрированные. Август пошел искать их следы в городском архиве — по-моему, более странного места не выдумать. Что скажешь?

Макс медленно допил виски, вкусно закурил. На потолке замигала красная рамка, распахнулась во всю ширь, проступили буквы «здесь курить нельзя». Макс меланхолично поморгал и принес себе блюдечко под пепельницу.

— Если тебя вздумают оштрафовать, — он показал тлеющей сигаретой в потолок, — скажи, чтобы счет прислали на мое имя. Могут даже позвонить предварительно, я ли курил. — Плеснул себе еще виски. — «Дельфины», говоришь... Это личные корабли. Смотри, как все было. Человек купил себе под поместье голый кусок земли. Танира тогда была, мягко говоря, не курорт. Всех удобств — кое-как поставленный космодром, причем в горах, да разбитая трасса вдоль моря. Поэтому все, что нужно для поместья, начиная со строительной техники и заканчивая коврами в дом, он завозил своими кораблями. Потом два

корабля оставил в поместье. А что? Не на космодроме же их держать, там гадючник, и не на орбите. Поставил ангар, может быть, даже стартовый стол оборудовал. «Дельфины», конечно, бескосмодромники, но, во-первых, стол еще никому не мешал, а во-вторых, после двух-трех стартов-посадок на одно и то же место площадка под стол там образуется сама. Спустя несколько лет ввели новые экологические нормы, а владелец не успел или не смог убрать корабли с планеты. Так они и остались в поместье мертвым грузом. Ну или спецсредством на случай срочной эвакуации. Избавиться от них — никак. Потому что штрафы за старт с места — астрономические, корабли из всех документов имеют только паспорт изготовителя — они же после введения новых норм не были переоформлены, для этого их надо доставить на станцию, а доставить нереально. Допуска к полетам на них нет, техбилета нет, страховки нет, то есть существуют они фактически на правах мебели. Они не зарегистрированы как действующее транспортное средство. Утилизировать их тоже нельзя, потому что для этого надо вывезти с места хранения. И более того: хранятся они нелегально. Иначе бы они числились в базах экологов, которые обязаны проверять условия стоянки кораблей. Вот такие «Дельфины» и хотел купить твой клиент. Но, сколько я понимаю, ему предложили забрать корабли самовывозом, а транспортировка там дороже кораблей выйдет. Сделка не состоялась. А Маккинби прав, конечно. Если эти корабли где и искать, так только в архивах. В архивах заселения Таниры.

Я постучала себя пальцем по губам. Отвратительная привычка, подцепленная у Августа. Я вообще содрала у него массу лишних привычек.

— Йену не говори, — попросила я. — Даже не намекай. Это наша находка, потом решим, что с ней делать.

— С чего бы я стал откровенничать с полицейским? — Макс ухмыльнулся.

— А ну-ка, дуриком... — я запустила поиск по штату, нашла фамилию Ахири и разочарованно вздохнула: — Не вышло.

— Что?

— Да я подумала... Есть у нас подозрительные фигуранты, и имущественный статус подходящий... Нет, увы, это семейство владеет поместьем всего двадцать пять лет, раньше никакой недвижимости на Танире не было, а нормы изменились семьдесят шесть лет назад.

— Это еще ни о чем не говорит. Ладно, когда найдете корабли — дайте мне код владельца.

— Зачем?

— Куплю, — Макс пожал плечами. — Если они и вправду в хорошем состоянии.

— И как ты будешь вывозить их?

— Обыкновенно. Если условия позволяют, стартую с места, фиг с ним, со штрафом. Если не позволяют — ну, подгоню буксир, оттащу на космодром. «Дельфины» маленькие, это вам не «Оушен» и даже не «Пионер»... Тут главное, чтобы транспортная инспекция не успела вмешаться, ее надо ставить перед фактом: не было кораблей — вот корабли, оформляйте, а если чего сделано не по правилам, ну я виноват, наказывайте... Скажешь Маккинби, что у меня интерес есть?

— Да зачем они тебе?

Макс засмеялся:

— Чтобы были! Зачем Маккинби красные машинки, на которых даже ездить нельзя? Вот и мне затем. А может, и использую как-нибудь, «Дельфины» легко переоборудуются, а движки у них вечные. На экологические нормы мне положить с прибором, в крайнем случае на орбите отстойник выделю...

В дверь деликатно постучали. Вошел Йен, еще с влажной после душа головой. Макс критически оглядел его: типичный следователь в приличном строгом костюме.

— Йен, возьми на кухне бокал.

— Зачем? — удивился тот. — Я и так вас задержал.

— Затем, что тебе надо просохнуть, — сказал Макс. — На улице не май месяц, и ветра здесь такие, что мама не горюй. Это Эверест, а не Танира.

— Кстати, по местному календарю как раз конец весны, — меланхолично уточнила я.

— В любом случае нам лететь триста километров, — продолжал Макс, — и от десяти минут, даже получаса уже ничего не изменится. Нина сама, во-первых, опоздает, а во-вторых, придет пьяная. Она мне звонила уже поддатая. Мы появимся как раз вовремя, чтобы она захотела общения.

— О, — только и сказал Йен и сходил за бокалом. — Главное — нам самим не опьянеть.

— Ни в коем случае, — сказал Макс. — Как можно! Это попросту неприлично. Я, например, ни разу в жизни не был пьяным — верно, Дел?

Господи, каков нахал. Но в кораблях он понимает, этого не отнять. Надо будет сказать Августу, когда найдем «Дельфины», что Макс заслужил, как минимум, код владельца. Как максимум — с благодарностью.

Большого не заслужил, к сожалению.

* * *

Через пятнадцать минут Макс решил, что мы в кондиции. Из номера заказал еще бутылку виски в такси — чтобы не скучно было лететь. Мы спустились вниз, пересекли крытую зону для наземного такси и личных автомобилей и вышли на площадку для воздушных аппаратов. В дальнем углу под прозрачными навесами спали три разномастных вертолетика. Нас ждала четырехмоторная амфибия — похоже, ничего дороже попросту не нашлось.

Салон оказался комфортным, на шесть-восемь пассажиров, со стюардом. Мы погрузились, самолетик коротко разбежался и вспорхнул. Под крылом проплыла береговая линия, заплескалось холодное мертвое море. Стюард сервировал столик, рассудив, что если клиенты заказали виски в полет, то их намерения прозрачны.

Мне пить не хотелось. Я пригубила из вежливости и отвернулась, глядя в иллюминатор. Мужчины поняли меня правильно: оставили в покое. Такси шло на высоте самое большее шестьсот футов, и мне казалось, я даже вижу гребни волн, украшенные барашками. Похоже, погода портится.

Какое обычное с виду море... Похоже на земное, на какое-нибудь Охотское. Только Охотское, даром что холодное, кишит жизнью. Здесь вроде тоже были какие-то рыбки-водоросли, но с каждым годом они деградировали и количественно, и качественно.

Эверест — одна из самых интересных планет. Как любая кислородная планета, он проходил оценку, но занял едва ли не последнюю строчку, уступив даже малоудобным Люкстону и Большому Йорку. Сутки на Эвересте длятся двадцать пять с половиной часов, и это, пожалуй, единственное его достоинство.

Год на Эвересте длится одиннадцать с половиной федеральных. Резкая смена сезонов, зима по четыре года и холодное, мокрое лето. Громадные ледяные купола и вечная мерзлота. На экваторе среднегодовая температура — плюс четыре по Цельсию. Однако практически вся экваториальная зона занята океаном. И для жизни на планете годятся лишь несколько крупных островов.

Его открыла частная экспедиция больше трехсот лет назад. Люди потратили на исследования несколько лет, упустив перспективные Таниру и Кангу, а в результате остались ни с чем: овчинка выделки не стоила.

Сначала основным населением Эвереста были сотрудники научных станций, азартно изучавшие процесс естественного оледенения планет. Вскоре вокруг станций выросли институты. Еще сто лет назад считалось, что будущее Эвереста предопределено: планета-лаборатория, планета-университет, планета-кампус. Потом с нее придется убираться, потому что оледенение продолжается и скорость продвижения границы снегов с каждым годом все больше. Когда льды с севера и юга сомкнутся, планета перейдет в статус ресурсной и станет хранилищем пресной воды. Но вскоре выяснилось, что и этого ей не дано: вода по качеству

уступала даже той, какая льется из стоков машин на водородных двигателях. Пить ее нельзя, очистка слишком дорогая, а рядом — две крупные теплые планеты, прекрасно обеспеченные всеми биологическими ресурсами. Фактически льды Эвереста годились только для первичного терраформирования. Когда для жизни готовили Венеру, никто не обращал внимания на качество завозимого льда. Главное, чтоб это был водяной лед, а не метановый или какой он там еще бывает. Строго говоря, если вспомнить исходный состав тамошней атмосферы, удивляться нечему: Венеру химией не испортишь. Но — это планета в составе Солнечной системы. В двух шагах от родины. Ни с одной планетой дальше десяти парсек от Земли нянчиться не станут. Потому что незачем. В Галактике в целом процент кислородных планет очень низок, особенно в «нашем» рукаве, однако же их куда больше, чем человечеству нужно прямо сейчас и понадобится в ближайшую тысячу лет.

Поэтому Эверест просто бросили. Постепенно свернули полярные станции — их ведь надо как-то обогревать, на полюсах температура под минус сто — вовсе не рекорд. Поначалу, когда был газ, они работали, но затем доступные в теплой зоне шельфовые месторождения истощились, и даже университеты стали искать новое место.

Но двадцать лет назад все снова изменилось. Появились дешевые технологии бурения льда, и наконец нашли способ разведывать недра под слоем мерзлоты в десять и даже тринадцать километров (кто бы знал, что этот секретный способ называется «баба Лиза»). На Эвересте стала бурно разворачиваться промышленность. Комплексы строили прямо в ледяной толще. Некоторые доходили до поверхности, и тогда по штату ползли странные слухи: что обнаружены явственные следы высокоразвитой цивилизации, чуть ли не вполне технологического уровня — паровые машины там, радио... Ни четкого подтверждения, ни опровержения в прессе не было. Но что на планете когда-то была жизнь — несомненно. Потому что здесь было вдосталь органических полезных ископаемых.

Последние годы стал разворачиваться и туризм. Края ледников оказались перспективными для зимних развлечений, океаны годились для яхтинга и рыбалки. Птиц почти не осталось, вымерли еще до появления тут людей.

Наверное, исследователям очень интересно следить за процессом. Они лучше понимают механизмы ледниковых периодов на Земле. И туристам нравится. Многие часами бродят по островным берегам в надежде найти какой-нибудь артефакт. Но мне, например, очень грустно. Эверест — планета-могильник, и этим все сказано. Я не смогла бы здесь ни учиться, ни отдыхать. И мне кажется, не случайно среди выпускников Эвереста много сумасшедших, но мало тех, кто сделал большую и плодотворную карьеру.

Подходящая планета, чтобы породить грандиознейшую преступную идею.

...Самолет лег на крыло, и я увидела бухту, окруженную зелеными холмами. Растительность здесь была завозная и недолговечная ввиду угрозы скорой гибели, но смотрелась весьма празднично. Я поняла, почему Макс заказал именно амфибию: холмы вздымались едва не от самой воды, устроить взлетно-посадочную полосу негде. Видимо, это норма для Эвереста, где каждый метр суши драгоценен.

Такси коснулось воды, мягко побежало к пристани. Мои мальчики за время полета нашли общий язык, чему весьма способствовали полбутылки виски. Макс явно приложил усилия, чтобы влюбить Йена в себя, но к чести последнего должна сказать: не поддался. Он не понял, зачем Макс обрушил на него свою харизму, — вроде не женщина, не перспективный инвестор, не высокий чин из налогового департамента. Обычный полицейский, даже не экологический, а криминальный. А может, Йен просто жил в ожидании встречи с любимой певицей, и Макс, каким бы сладкоречивым ни был, на фоне Нины Осси не котирировался.

На пристани нас ожидал кабриолет — чтобы любоваться видами по дороге, не иначе. Я поехала — на этом острове было существенно холоднее, чем на нашем, — и села в машину, предвкушая, как меня сейчас продует. Но в кабриолете оказалась тепловая завеса, и через пять минут, которые я провела, действительно с интересом глядя по сторонам, нас высадили у входа в пафосный ресторан. Миновав рамки, Макс кивнул метрдотелю, тот

поклонился и указал жестом направление.

Увидев Нину Осси, я в очередной раз убедилась, что Макс не знает женщин. Во-первых, она была в драных джинсах и лиловой майке на голое тело, рядом лежала теплая куртка лимонного цвета. Во-вторых, она явно пришла вовремя и уже озверела от скуки. А в-третьих, перед ней стоял бокал с пивом, но назвать ее пьяной или хотя бы заметно поддатой у меня язык бы не повернулся.

— Привет, — хмуро сказала Нина, не удостоив нас и взглядом. — Макс, а я всегда считала, что аристократам свойственна точность. Вот какого хера я, вместо того чтобы поваляться в ванне лишние полчаса, приперлась сюда точно к сроку?! И, блин, вы вырядились... Это уже демократично, да?

— А что, демократичность зависит от одежды? — парировала я, усаживаясь напротив.

— Но ты ж не будешь, например, пиво? — скривилась Нина. — Ты небось только винцо за лимон пригубляешь.

Я бесцеремонно взяла ее бокал, понюхала, вздернула бровь и отодвинула.

— Лучшее пиво варят в Мадриде, — авторитетно сказала я. — Но где его там варят, знают только джедаи. Они пьют его теплым. Гадость, как по мне, но все остальное еще хуже. Ты его много уговорила?

— Не-а. Второй. Не лезет.

— Отлично. — Я обернулась, поманила официанта. — Что есть из виски?

— Я бы посоветовал «Бен-Невис», двадцать один год. Вискикурня на Кангу, основана этническим шотландцем, рецептура выдержана полностью, напиток выдерживается в бочках из-под хереса, ячмень выращивается в условиях, близких к шотландским...

— Неплохая вещь, — перебил его Макс, — я пробовал. На мой вкус, слишком мягкий. Хотя сегодня такая погода, что... Нам, пожалуй, тоже.

Официант оставил нам меню на пластиковых картах и удалился. Нина недоверчиво глядела то на меня, то на Йена.

— Твой поклонник, — небрежно сказала я. — Йен Йоханссон, следовательно. Умница, талант, прекрасно воспитан.

Йен порозовел от смущения. Нина окинула его взглядом, но ничего не сказала. На столе появились две бутылки, бокалы, разноцветный лед в вазочках, пошлые свечи, пепельница и грубо поломанный — ради вящей натуральности? — шоколад. Дождавшись, пока официант разольет по глотку, я понюхала. Ну, если мой нос не врет, пить это можно. Хотя пробовала я и лучше.

Выпили. Йен налил по-человечески, по полстакана. Я досыпала себе лед, потом достала из сумочки два блистера, из каждого выломала по две таблетки. Пару оставила себе, пару положила перед Ниной.

— Это что? — насторожилась она. — Слушай, не знаю, за кого ты меня приняла, но я с этим делом завязала.

— Розовая снимает алкогольное опьянение, — объяснила я. — Белая — детоксикант. Рекомендуются перед приемом выпить сто — сто пятьдесят миллилитров крепкого алкоголя. После этого можно легко залить в горловину еще пол-литра — не окосеешь. Утром никаких постэффектов.

— Ух ты, — Нина оживилась, — я о таком не слышала.

— Еще б ты слышала. Спецсредства из аптечки разведчика-нелегала, — фыркнула я.

— А у тебя откуда?

— А, — небрежно отмахнулась я, — старые запасы. Еще с армейских времен. У них срок годности десять лет.

И с тоской подумала, что этот блистер детоксиканта — последний, остатки таблеток из баночки я доела на Сонно, а привезет ли Август новую партию с Земли, еще вопрос.

— Гм. Я правильно поняла, что ты служила в нелегальной разведке?

— У нас говорят «специальная разведка», — поправила я. — Служила. Имела бы капитанский чин, да с командующим повздорила.

— Все мужики козлы, — сделала Нина вывод. — Ладно, давай выпьем. Сколько, говоришь, надо? Сто пятьдесят? Это мы мигом.

Через десять минут наша знаменитая певица развеселилась и расшумелась. Я напомнила ей про таблетки, заодно и сама приняла. Нина закинула их в рот и залила хорошим глотком виски.

— А я что-то решила, ты жена Макса, — сказала она уже тем доверительным тоном, какой бывает только у демонстративно нахальных поддатых женщин. — Еще, блин, подумала: неловко-то как получилось. Ну, в порту. Не, я не такая развязная на самом деле, просто знаю себе цену, ну а остальное — работа требует... Если б я видела, что Макс с женщиной, фиг бы я подошла. А мне померещилось, что он один. А сейчас гляжу на вас... Да фиг бы жена стала меня терпеть. Сестра?

— Нет. Именно что жена. Только — бывшая. Поженились, мне даже девятнадцати не было. Года не прожили, развелись. Остались друзьями.

— Это ты считаешь дружбой? — возмутился Макс, но мы обе от него отмахнулись.

— А-а, понятно, — сказала Нина. — Я тоже сходила замуж. Мне для карьеры надо. Понимаешь, типа звездочку на борту нарисовать, если по-вашему, по-военному. Хотя ты меня не слушай. Все не так было. Выпьем? А то жрать чего-то хочется, а кормить нас не спешат.

Я деликатно профилировала, Нина не заметила.

— Фу, — выдохнула она, — отпускает. А у меня все просто было. Два года назад я, такая вся популярная, наверх не поднимаюсь, а взлетаю, море идей... я ж не только пою, я музыку всю сама пишу, ну и слова... если честно, слова хреновые, но других у меня нет, я с поэтами двух минут рядом провести не могу, мне их убить хочется. У меня студия на Большом Йорке, место гнилое, но писаться там лучше всего — нет стимула затягивать работу. Ты ж понимаешь, я выкладываюсь так, что иногда тошнит от мысли поработать. Вот я себе и устраиваю всякие антистимулы. Типа чем быстрее отпашу, тем быстрее уеду отсюда. И вот, тему закрыла, пошла к друзьям на вечеринку, и знакомят они меня с Раджем... Не, не вспоминай, это его настоящее имя, для сцены-то у него псевдоним. И по фигу, кто он, я не про него хочу рассказать. А у меня, понимаешь, все один к одному. Закончила запись, гастроли через два месяца только, и к тому же рассталась с Максом...

Я покосилась на него из-под ресниц. Два года назад он расстался с Ниной. А я два года работаю у Августа. До этого я служила в полиции и отбивалась от назойливых ухаживаний Макса. Значит, он изводил меня, а сам встречался с Ниной. Красавец.

Макс все понял, но сделал вид, что так и было задумано.

— ...Макс хорош, но это не то, что я хотела, — рассуждала Нина, не заметив наших переглядок. — Секс есть, любви нет. Секса много, сколько хочешь, все на высшем уровне, но без души. Я с ним куда-то иду — и такое ощущение, что мы каждый сам по себе, просто случайно встретились по дороге. А потом точно так же случайно приходим в постель. Типа я поспать собралась, под одеяло залезла — а там Макс. Ну и переспали, хрен ли... Потом он мне внезапно сказал, что у него дела на Земле, завтра улетаю, короче, прощай. Ну прощай. А что я еще могла сказать?! — Она поморщилась. — Мне потом намекнули, что он все это время на два фронта играл, была у него зазноба чуть ли не в полиции... Не понимаю я этой мужской страсти к бабам в форме.

— Это смотря какие под формой формы, — не замедлил подсказать Макс.

Мы обе посмотрели на него весьма неодобрительно.

— Короче говоря, подвернулся мне Радж. Такой же, как я, говорим на одном языке, живем одними идеалами. И прямо фонтанирует любовью. А ты знаешь, у каждой бабы, наверное, какой бы она ни была стервой, есть затаенная мечта — подвенечное платье, белейшее, фата, гости, букет, который она бросает подружкам... медовый месяц. В общем, мы обвенчались. И — все. Секс очень быстро сошел на нет, зато все разговоры сплошь о любви. А мне на гастроли ехать. Раджу со мной таскаться здоровье не позволяет. И планы. У него запись. Тонкая психика. Он весь такой чувствительный. Не может без меня ни дня. Ну и

после первых трех концертов я свернула тур. Неустойку пришлось платить чудовищную. Ладно, думаю, я тогда снова в студию. Вот на этом разговоры о любви кончились, а началась какая-то психопатия. Я не могла ни на минуту его оставить. Без меня он ничего не делал, вот если я приду и заставлю... Ага — именно заставлю. Он скандалил, потому что не хотел вставать утром, скандалил, потому что я пригласила домой своих друзей, высмеивал всех, с кем я общалась, придирался ко всему, что я делаю, и объяснял, что я должна у него прилежно учиться... У нас были идеи насчет совместных проектов, и я точно не помню, они провалились или мы за них так и не взялись. Ну, наркота, как водится. За год я перепробовала, кажется, все. Не работала, не выступала. Очнулась как-то в клинике после передоза и решила: хватит. Развелись. Как я этот развод вытерпела — сама не понимаю. А сейчас знаешь как? После развода барахло свое из нашего дома забрала, а себя по пути где-то потеряла. Живу прошлым. Тем, что еще до свадьбы было. Работать не могу, ни одной мысли. Так, роялти за старое капают. Ну, иногда по клубам пою. Не, клубы нормальные. Иногда вижу себя в рейтингах лонгселлеров, удивляюсь. Как не со мной все это было. Как будто я играю в Нину Осси.

Я сочувственно улыбнулась. Наполнила бокалы. Официант привез еду. Нина зависла над своей тарелкой и вдруг опасливо глянула на меня:

— Я не спросила: а твои таблетки — они как протрезвляют? Я блевать не буду? Я тогда попозже поем.

— Нет, — успокоила я. — Все продукты покинут организм строго нормальным путем.

— А-а. Тогда хорошо. А ты здорово умеешь слушать. Это профессиональное?

— Да и нет. Без этого навыка в разведке и криминалистике делать нечего. Но туда и не набирают людей, которые исходно склонны больше говорить, чем слушать.

— Не, это понятно. Везде так. Вот возьми меня: петь я умею. Но если б таланта исходно не было — никакое обучение не помогло бы. А чем сейчас занимаешься?

— Работаю. Ассистент инквизитора первого класса.

— Ух ты. Не, что такое инквизитор, я в курсе. Фиг бы я развелась, если б мне один инквизитор не помог... Не за так, само собой, но за работу вообще-то принято платить. Хотя он ко мне потом клеился.

— А кто? Если на Большом Йорке, я там всех инквизиторов знаю.

— Фридрих Залман, — ответила Нина. — Или Зулман. Не знаю, как правильно. Если ты бывала на Большом Йорке, то слыхала, какое там произношение.

— Я прожила там полтора года, чуть больше. И красавчика Фридриха, он же Павлин Фридрих, встречала довольно часто.

— Павлин Фридрих, — засмеялась Нина, — очень точно. Кто это его так приложил?

— Я. Видишь ли, он, конечно, в рамках своей компетенции хорош. В работе честен, скрупулезен. Но он закончил следовательский факультет в Кабане. Потом три года — на конторской работе в медвежьем углу, где никогда ничего не происходит. Набрав стаж, уволился, взял локальную лицензию третьего инквизиторского класса. В сущности, это самый обыкновенный, ничем не примечательный хороший полицейский следователь. Но ему казалось, что называться инквизитором — круче. Денег больше, кто бы спорил. Девочкам, опять же, нравится. И Фридрих так пыжился, что смотреть на него без смеха нельзя было. Непонятно даже, чем он больше гордился: смазливой мордашкой, атлетической фигурой или лицензией инквизитора.

Нина кивала на каждое мое слово.

— Ты, если когда-нибудь заинтересуешься темой, захочешь разобраться, чем инквизитор отличается от следователя... — я показала на Йена. — Вон у того парня — именно что инквизиторский диплом. Джорджия. Хотя работает следователем. Йен, у тебя какой класс?

— Второй, — оживился Йен. — На выпускной квалификации. С отличием. Но я с самого начала хотел работать в полиции.

— Он романтик, — пояснила я для Нины. — Настоящий. Старички уже пари

закljučают, как быстро его переманят в федеральную безопасность.

Йен смутился. Нина поглядела с интересом и попросила визитку — ну так, на всякий случай, вдруг действительно захочется разобраться в теме. Йен буквально расцвел. Вот и прекрасно, подумала я, а то парень стал слишком восторженно глядеть на меня.

— А у твоего босса — первый? — уточнила Нина.

— Мой босс — это вообще уникум. Чудак и гений. Из хорошей семьи...

Макс выразительно фыркнул и не замедлил уточнить:

— Моего уровня.

— ...покруче Макса, — сказала я. — Пошел на факультет для бедных. Что удивительно — закончил. Что еще удивительней — он работает по специальности. Первый класс на выпуске, диплом с отличием, Мадрид.

— Круче не бывает, — поддакнул Йен. — Мне даже интересно, в ближайшие двадцать пять лет его рекорд побьют? Потому что первый класс получить можно. Но чтоб диплом с отличием... На это обычно сил не остается.

Нина хмыкнула.

— Август-Александр Маккинби, — выговорил Макс насмешливо.

— Он что, инквизитор?! — взвилась Нина. — Слушайте, чепуха какая-то... Потому что это тот человек, который спродюсировал мои гастроли! Вот эти! Только он ни фига не инквизитор, он герцог...

— Герцог Кларийский, — кивнула я. — Говорю же: чудак и гений.

— А кто именно устроил тебе этот выезд, мы ни капельки не сомневались, — ехидно добавил Макс. — Ну, может, если только Йен...

— Макс, — с дружеским упреком осадил его Йен. — Я же все-таки инквизитор по образованию. Разумеется, я сразу понял, кто срежиссировал всю поездку. И не только уважаемой мисс Осси. Еще и нашу. Не бывает таких совпадений. Он посадил нас в тот же лайнер, каким летел ты. Когда мы прибыли, я окончательно утвердился в своем мнении. Разве тебе не показалось странным, что одновременно сели два корабля, наш и мисс Осси?

А действительно, подумала я. Не сажают одновременно два корабля. Вернее — посадят. Если один коммерческий, второй — личный. Потому что частный сектор отделяют от коммерческого, и посадочные площадки разнесены на безопасное расстояние. Ну-ну, и на чем же Нина летела?

— Мисс Осси, я верно предполагаю, что вы летели не рейсовым кораблем? — спросил Йен.

— Да, — растерялась Нина. — А он мне сказал, что у него друг на Эвересте, ему нужна яхта, и раз нам с яхтой по пути, никто не станет возражать... Слушайте, меня, конечно, в разные места приглашали, но с таким комфортом я летела впервые!

— Так, — сказал Макс, — моя яхта на Танире, я собирался улететь на рейсовом. Значит...

— Насколько мне удалось узнать, это его яхта, — скромно заметил Йен.

— Значит, предполагает, что нам придется срочно уносить ноги, — практично заметила я. — Теперь мне совсем интересно.

— У меня есть предположения, — сказал Йен. — Если общество не возражает...

Общество, разумеется, не возражало.

— Лорду Маккинби нужно, чтобы на Эвересте в один момент оказались лорд Берг, мисс Берг, мисс Осси и я. Предположение первое. Зная отношения между лордом Бергом и мисс Берг, лорд Маккинби ввел катализатор в лице мисс Осси. Развитие событий нетрудно предсказать: лорд Берг окажется в неловком положении, мисс Берг постарается выручить его, таким образом, на несколько дней вы трое будете заняты друг другом и личными отношениями. А я — вот я буду работать. Такое решение хорошо, если нужно удержать мисс Берг от рабочей поездки в какое-то опасное место. Поскольку уже известно, что за ней охотятся убийцы, в этом может быть резон. Предположение второе. Мы — все четверо — приманка. Лорду Маккинби потребовалось удалить с Таниры определенное лицо. Вычислить

его никак нельзя, но известно, что он ходит по пятам за мисс Берг. В таком случае вы трое разыгрываете личную карту, перипетии невольного скандала просачиваются в прессу — с вашей профессией, мисс Осси, это неминуемо, — и искомый человек попадает на крючок. Он знает, где искать мисс Берг, он придет. Возможно, я в таком случае нужен для ареста. И я склонен думать, что второе предположение к истине ближе. Но этот человек уже на Эвересте. Он летел тем же лайнером, что и мы. Я обратил внимание на него. Он ни на кого не смотрел пристально, но время от времени как бы невзначай фиксировал двоих — лорда Берга и мисс Берг. Ну и по мне скользнул взглядом. Вот, — Йен развернул монитор со своего чипа, — я на всякий случай поймал его. Сейчас думаю — не зря.

На фото был рыжий веснушчатый мужчина с лошадиным лицом.

— В отеле я связался с местным управлением полиции, представился и попросил узнать, кто летел на том месте, которое занимал означенный господин. Мне ответили: мистер Джейкоб Бирма, предприниматель с Клондайка, прибыл с целью торговых переговоров.

— Даймон, — процедила я. — Жаль, что в гриме. И жаль, что ты ограничился фото, а не сделал ролик. Моторика, моторика нужна.

— Я поздно заметил его, — в свое оправдание сказал Йен. — Вы не могли его увидеть, он всегда держался в «мертвой зоне». Держался так естественно, что я заметил его лишь потому, что сам приглядывался к лорду Бергу.

— Тебе сказали только имя? — спросил Макс.

— Нет. Всю информацию.

— Чем он торгует?

— Морозостойкими пластиками. Вполне востребованная продукция на Эвересте.

— Код есть?

— Макс! — возмутилась я.

— Спокойно, дорогая, я просто хочу проверить. Я хочу послать ему сообщение.

— Ты ничего не проверишь, у него же чип другого человека, и твое сообщение получит хозяин чипа! У него же параллельный вход в...

— Отлично. В таком случае мы узнаем, что Джейкоб Бирма находится на Клондайке или где еще, а этот тип — точно Даймон. На Эвересте особо спрятаться негде, так что мы мигом его отыщем.

— Это диверсант, — прошипела я, — он тут под столиком сидеть может, а ты его не заметишь.

Нина тут же заглянула под стол. Разумеется, там никого не было. Но мужчины уже загорелись идеей. Зря я пожадничала и дала таблетки только Нине, надо было и их накормить. Насильно, потому что оба считали — они крепкие, обойдутся.

Йен перебрал Макс код. Макс быстро продиктовал короткое сообщение: «Мистер Бирма, есть заказ на ваш товар. Свяжитесь со мной. Берг». Ну, это еще куда ни шло...

Мужчины предвкушали эффект, по этому поводу снова выпили. Мы с Ниной тоже, а чего ж нет.

— Знаешь, а я действительно протрезвела, — с удивлением сказала мне Нина. — Причем хорошо. Не как с утра бывает, со страхами и приступами стыда непонятно за что непонятно перед кем, но с ненавистью к себе, а просто — трезвая. Ну, почти. Я уж забыла это ощущение.

— Ешь давай, — я подтолкнула к ней тарелку. К счастью, посуда здесь была с автоподогревом. Я говорю «к счастью», потому что в пафосных ресторанах пытаются создать натуральный эффект, поэтому используют или настоящий фаянс, или стекло. На них еда остывает мгновенно. — И сильно на виски не налегай, опьянеть не опьянеешь, но перестанешь получать удовольствие.

— О, удовольствие — это важно. Я тыщу лет не получала настоящего удовольствия. Ни от чего. Ну, наркота, ты понимаешь, — Нина пожала плечами. — Это не ты ее жрешь, это она тебя. Хорошо, у меня после развода хватило денег на нормальное лечение. Как вспомню, так вздрогну. Такое чувство, что половину жизни просто в унитаз спустила. Никогда не

подсаживайся на эту дрянь. Знаешь, говорят, мол, у творческих людей мозги так устроены, что наркота у них личность не уничтожает, а вроде как просто стимулятор. Да черта с два. Выживает просто в минус. Пока ты под кайфом, все так весело, а через год приходишь в себя и пытаешься понять — а куда делось это время? Жуткое ощущение. Я бы лучше в коме провалялась...

— Но есть и третье предположение, — уже слегка пьяноватым голосом позвал Йен. — Оно фантастическое. Зная всех фигурантов, боюсь, что оно-то и есть истинное. И оно вот какое: нас просто удалили с Таниры. А мисс Осси добавили и для нее, и для того, чтобы мы опекали ее, потому что ей, очевидно, нужна поддержка. И для того, чтобы мы с мисс Берг не смогли выполнить работу быстро. Я так думаю, потому что мисс Берг упрямая, ее можно затормозить в работе, но нельзя отвлечь совсем. Лорд Маккинби это знает лучше других. Поэтому план, наверное, такой: мы делаем то, за чем прилетели. Какое отношение ко всему имеет Даймон, я не знаю. Но не верю, что он охотится за нами. А в это время лорд Маккинби берет всю банду. Потому что он, конечно, уже знает всех фигурантов по именам. Мы приезжаем и привозим недостающую часть — банды и следственных материалов. И все, можно передавать в суд.

— Хорошо бы, если так, — проворчал Макс. — Только извини, я Маккинби знаю чуть подольше твоего. Согласен, что нас удалили. Но вряд ли затем, что ты сказал. Не дает мне покоя яхта. Зачем-то он ее прислал сюда.

— Чтобы внешние наблюдатели думали — он сам здесь? — предположил Йен.

— О! — воскликнул Макс. — А это значит, он сам где угодно, только не здесь. И не на Танире. Потому что! Потому что на Таниру он прилетел на яхте, то есть она была там. Нин, тебя откуда забирали?

— С Земли.

— Значит, он на Земле.

Я промолчала. Макса понесло. Он даже считать разучился. Когда я выходила из дома, Август еще спал. И раньше чем через час после меня он улететь с Таниры не мог. До Эвереста федеральный лайнер идет около трех часов. И по прибытии мы столкнулись с Ниной, которая прилетела на яхте Августа. То есть, если верить Макс, яхта Августа за два часа проделала путь Танира — Земля — Эверест, причем с приличной стоянкой на Земле — пассажиры-то могут выгрузиться-загрузиться в момент, но вряд ли таможня и сервис войдут в положение и резко научатся шевелиться со сверхсветовой скоростью. Они даже думать с такой скоростью не умеют, куда уж им шевелиться.

Соответственно, яхту на Землю Август отправил раньше. А сам мог и на Танире остаться. Или же улететь на лайнере, но для нас это уже несущественно.

— Переговоры он с тобой когда вел насчет гастролей? — Макс не унимался.

— Да с месяц уже как. То есть был его представитель, а неделю назад с ним мой агент встречался.

— Черт, — Макс удивился, — что же он задумал? Потому что месяц назад... Ну да, месяц назад я приехал на Таниру, как раз было это убийство... То есть он тогда ни фиги еще не знал, как повернутся события. Но вот что точно было — у меня уже был договор насчет этих лекций. То есть что я буду на Эвересте, уже точно было известно. Знаешь, — он прищурился, — у меня крамольная мысль, Дел. Тебе никогда не казалось, что он тебя ревнует? Потому что мы тогда помирились, и он тут же договорился о гастролях Нины, зная, что она девка непосредственная и при встрече кинется мне на шею, а ты...

— Откуда бы он мог это знать? — перебила я. — Вот что, — я достала еще по паре таблеток и выдала мужчинам. — Пейте. Сил моих больше нет глядеть на ваши пьяные рожи. И слушать пьяный бред я тоже не могу.

— Ну почему бред?! — возмутился Макс.

— Потому что я тут оказалась исключительно потому, что он же и выдал мне задание! Если это ревность, то я шанхайский император!

— Делла права, — заметил Йен и бросил в рот таблетки. — Тогда вывод один: его

планы не имеют отношения к нашей текущей работе.

— Слушайте, а что за работа-то? — наконец сумела вмешаться Нина.

— Да так, фигня, — отмахнулся Макс. — Банду ловим. Дел, сколько уже трупов? Десяток есть?

«Ловим», ага. Типа это «мы» ловим. Макс и его верные помощники. Ну-ну.

— Мама... — охнула Нина.

У Макса пришло сообщение на чип. Он прочитал, ухмыльнулся и сказал удовлетворенно:

— Попал. Он. «Дорогой лорд Берг! Счастлив получить ваше письмо. К сожалению, я привез на Эверест демонстрационную партию и в случае заключения договора в ближайшие полгода буду занят исполнением его условий. Однако, представляя себе ваши обстоятельства, полагаю, что полугодовая отсрочка вас не испугнет. Должен признаться, для меня большая честь выполнить ваш заказ, я полагаю себя лучшим в своей рыночной категории и отвечаю даже вашим высоким требованиям. Через полгода, если Господь будет милостив ко мне и я не скончаюсь от какой-либо нелепой причины, я буду счастлив обговорить с вами ваше предложение. Непременно свяжусь с вами. Кланяйтесь от меня Офелии, с уважением, искренне ваш Джейкоб Бирма».

Все молчали. И в этой тишине недоумевающая Нина спросила:

— И чего? Это что — диверсант вам такое написал? По-моему, торгаш как торгаш.

— Он самый, — сказала я. — Йен, он нарочно тебе показался. У него заказ на Эвересте, и он этак вежливо предупреждает, чтоб ему не переходили дорогу. И как бы его заказ — не тот, кого мы ищем. Черт, придется поторапливаться, а то он завалит нам свидетеля.

Нина ошарашенно хлопала глазами:

— И вы так запросто? Вот, взяли, написали... Макс, а ты-то что от него хотел?!

— Выманить, — сказал Макс. — Есть один человек, которому я от всей души желаю самой лютой смерти. Все знают, что он есть. Вполне достоверно звучит — я ищу наемника, чтобы грохнуть некую важную персону. Черт, мне сейчас надо, а не через полгода. Может, ему в лоб сказать, сколько заплачу? Тогда он все бросит и придет...

— Макс, — осторожно сказала я, — ты читать разучился? Тебя послали. Далеко и темным лесом.

— Ну спасибо, дорогая, за расшифровку, — обиделся Макс. — А то я сам не понял. Почему и сказал — может, ему сумму озвучить? Я могу о-очень вкусный гонорар заплатить. Ну и под этим предлогом договориться о встрече для обсуждения...

— Ты либо пей, либо думай, — посоветовала я. — Он с тобой при самом лучшем раскладе встречаться не будет вообще. С ума сошел? Чтоб себя выдать? Схема обычная: ты оставляешь наводку на клиента, сообщаем номер анонимного счета и пароль. Когда работа сделана, ты читаешь об этом в новостях и активируешь счет. Все. Лицом к лицу вам встречаться нет нужды, Макс, ну, ей-богу, это ж азы.

— Слушайте, вы на полном серьезе такие вещи обсуждаете, — даже испугалась Нина.

— А о ком речь? — спросил Йен.

— Неважно, — отмахнулся Макс. — Я же не собирался в самом деле заказывать чью-то жизнь. Побойтесь бога, я благородный человек. Если надо, на поединок вызову и сам убью.

Я только глаза закатила.

— Макс, таблетки выпей. Тебя уже несет.

— Вот пристала, как репей... — Макс проглотил их, не жуя и не запивая. — Довольна?

— Довольна, — кротко сказала я.

— Ну ладно, я поняла, это такой следственный прием, — сказала Нина. — Не вышло. Давайте чего-нибудь другое придумаем. Могу помочь. У меня воображение богатое. Главное — нестандартное, я ж музыкант.

— Нина, ты прелесть, — я погладила ее по руке, — но проблема в том, что нам не нужно ловить Даймона.

— Нет, ну, конечно, хорошо бы... — протянул Йен, мечтательно поморщившись. — Но

не возьмем.

— Ну щаз не возьмем, — заносчиво воскликнул Макс. — Не знаю, чему учили тебя, а мы-то с Деллой офицеры...

— Но вообще нам нужно найти и разговорить совершенно другого человека. Просто разговорить, никакой грубости. Одного из студентов, вроде бы прихожанина люциферьянской секты, — не обращая никакого внимания на Макса, тянул Йен.

— Ну вы даете. То диверсанта выманиваете, то сатаниста.

— Сатанисты обижаются, когда их путают с люциферьянами, — поправил Йен. — Я три часа бился с нашими сатанистами на Танире, дохлый номер. Мы, дескать, к ним отношения не имеем, мы правильные ребята, а они дураки. А я чую, что имеют... Ну ладно, здесь еще полиция есть. В которой я даже две недели отработал чуть меньше года назад.

— Отлично, — сказала я, — тогда ты пойдешь в полицию, а я — к люциферьянам. Потом поменяемся всем, что нароем.

Йен моргнул два раза, медленно улыбнулся:

— Я так и знал, что вы придерживаете львиную долю сведений.

Я очень загадочно улыбнулась.

— Офигеть вы интересно живете, — у Нины загорелись глаза. — Диверсанты, сатанисты, натуральные звездные принцы, инквизиторы, трупы... Хочу к вам. А правда, примите меня в компанию. Мне новые впечатления нужны, эмоции и страсти. Я тут подумала, может, не получается сочинять, потому что я прошлый опыт уже израсходовала? А новый еще не накопила, нечего пропускать через себя... Не, правда. Я полезная. Если кого надо выманить, из студентов, так я могу автограф-сессию устроить или еще что в таком духе. Они ж как дети, прибегут. По фигу, что сатанисты. У меня, кстати, ни одного знакомого сатаниста нет. Я вообще могу типа закрытого джема устроить, только для сатанистов. Меня, правда, потом бабка на порог не пустит, она набожная, и притом единственная из родни, кого я люблю... но я объясню, что это была такая военная хитрость, надо было втереться в доверие, да чего она, про шпионов никогда не слыхала? А?

— Да легко, — сделал широкий жест Макс. — Ни один сатанист не откажется от твоего автографа, ты кумир всего местного молодняка. Дел, когда это сделаем? Может, прямо после концерта?

Я сдержалась. Вместо этого улыбнулась еще шире и ласково сказала:

— У меня есть идея еще лучше. Нина может оказать следствию реально неоценимую помощь прямо сейчас.

Я взяла театральную паузу, повернулась, поманила официанта:

— Авиатакси свободные есть? На двоих, больше не нужно.

— Есть, — кивнул официант. — Когда подавать?

— Немедленно.

Он удалился. А я плеснула по глотку виски всем. Подняла бокал, выпила.

— План такой. Сейчас мы с Йеном уезжаем. Макс, ты позаботишься о Нине. Нина, а ты постарайся задержать его как можно дольше. Считай это испытательным заданием. Завтра Макс идет читать свои лекции, Нина — готовиться к концерту. А чем займемся мы с Йеном, вас обоих не касается. Нина, — я посмотрела на нее, — на концерте непременно будем. Всего хорошего, господа, приятно провести вечер.

— Делла, — ледяным тоном начал Макс.

— Макс, ты только что в присутствии троих свидетелей пытался связаться с наемным убийцей. Никаких подобных поручений лица, ведущие следствие, тебе не давали. И какие такие у тебя были мотивы, будешь объяснять в полиции. Мне вызвать копов или сам опамятуешься?

Я встала и ушла. У выхода стоял вертолет, пилот распахнул передо мной дверцу. Я удобно уселась. Через десять секунд прибежал растерянный Йен, запрыгнул в машину. Взлетели.

Минут двадцать я молчала, глядя в иллюминатор. Потом, не поворачиваясь, холодно

спросила:

— Йен, ты все понял?

— Черт, — пробормотал он, — я виноват. Больше никакого алкоголя.

— Это само собой. Помнишь, я рассказывала, что Макс выпил мне всю кровь, когда я работала на Большом Йорке? Он ходил в управление как к себе домой и указывал комиссару, какое задание мне поручить. Ты еще удивлялся — как же так, посторонний. Убедился? Я намеренно не стала тебя осаживать. Я хочу, чтобы ты раз и навсегда осознал, что такое Максимилиан ван ден Берг.

Йен расстроено потер лоб.

— Простите.

— Тебе не кажется, что пора уже обращаться ко мне на «ты»? — смягчилась я.

— Спасибо, — только и сказал Йен.

— И перья перед девушками распускай сколько угодно, — добила его я, — но, если Нину грохнут, отвечать как будешь? Положим, я верю, что она не сболтнет прессе, она профессиональная эпатажница, но не идиотка. Но ее могут грохнуть, обстреливая нас. И что тогда? Как будешь перед богом отвечать — хотел произвести впечатление, ну и вот?!

Йен угрюмо молчал. Кажется, ему было бы легче, если бы я попросту наябедничала Крюгеру.

...Как я и ожидала, Макс ввалился в мой номер через полтора часа. Я встретила его в гостиной, со скрещенными на груди руками — в этой позе очень удобно прятать в ладони шокер. Ничего хорошего от Макса я не ждала, поэтому шокер выставила на максимум.

— Делла, нам нужно поговорить, — Макс совершенно правильно истолковал мою позу и не стал приближаться.

— Мне нужно лечь спать, а чем нужно заниматься тебе, я не знаю и знать не хочу. Требование одно: подальше от меня.

— Я понимаю, что ты раздражена. Нина сболтнула лишнее, я сам ревнивый, отлично понимаю твои чувства. Но пойми и меня: это был просто секс. Никто не питал иллюзий, ты слышала, Нина сама сказала. Мне нужен секс, я взрослый мужчина. Если я еще и от секса ради тебя откажусь...

О господи! Он решил, я из ревности осаживаю его. Воистину, мужчинам надо выдавать член не с рождения, а лет в двадцать пять и только за безупречное поведение. Иначе они вырастают с убеждением, что весь мир вертится вокруг их пениса.

— Тем не менее Нина в прошлом. Это не повод пересматривать наши отношения.

— Макс, — сказала я равнодушно, — наши отношения — это плод твоей фантазии, и ничего более. Это тоже был просто секс. У меня давно не было любовника, а тут подвернулся ты. Вот и все.

— Ах так, — сказал Макс вежливо, но с легкой угрозой.

— Именно. Ты достойный партнер, чего скрывать. Но, Макс... Я не люблю тебя.

Макс застыл, побледнел, уставился на меня расширенными глазами. Я не отводила взгляд.

— Что же, — тихо сказал он, — тогда извини. Больше не побеспокою.

Он повернулся и ушел, аккуратно притворив за собой дверь.

Половину ночи я проплакала в подушку.

* * *

Я не ожидала, что мой утренний гость окажется таким красавцем.

Он позвонил, едва рассвело, извинился на случай, если не угадал с местным календарем и разбудил меня. Я посмотрела, откуда исходит звонок, ответила, что нахожусь на соседнем острове, соответственно в одном с ним часовом поясе. Тогда он передал мне привет от Ширны Та и попросил разрешения нанести личный визит. Я согласилась.

Через час, пригнув голову, чтобы не врезаться в притолоку, в мой номер шагнул самый

красивый орк, какого я когда-либо видела. Рост у него был выше среднего, на глазок — два с половиной метра. Сложение по человеческому или индейскому типу — длинноногий, с подчеркнуто прямой спиной. Похоже, из равнинных или островных орков, среди них исходно было много таких, а в условиях культуры они буквально через два-три поколения становились похожи на людей. Горные-то орки с виду — горилла гориллой. В пользу равнинного происхождения говорила и светло-соломенная масть. Характерный крап проявлялся умеренно, в виде шоколадных перьев, причем строго по волосистой части головы. Кстати, я впервые увидела орка, у которого крап обратный — обычно светлые пятна на темном фоне. Лицо и шея чисто выбриты, оставлены лишь небольшие бакенбарды. Брови четко оформлены, шоколадного цвета. Шерсть на голове гладко зачесана назад, открывая низкий, но выраженный лоб. Губы тонкие, но плотные, и клыки при разговоре не вылезают наружу, как это часто бывает у немолодых самцов. Кожа с медовым оттенком. И при такой цветовой гамме у него были отчетливо синие глаза.

Офигенный просто орк. Главное, он пришел в костюме. Из дешевой ткани, не новый, но сшитый на заказ. Еще бы. Для орков не производят фабричной протокольной одежды. А этому, значит, она была нужна. Обут в строгие ботинки, судя по замятостям — носить привык давно, ногу ставит правильно. Ногти аккуратно подрезаны, светлого цвета, шерсти на пальцах нет — похоже, сводит, потому что даже у людей на пальцах есть пух, а у него не было. Из-под манжета белой сорочки на левой руке выглядывал край сопряженного браслета — металлического.

— Шон Ти, — еще раз представился он. — Я навещал друзей на Эвересте, теперь возвращаюсь домой. Друзья попросили меня встретиться с вами.

Я обратила внимание на его речь — совершенно нехарактерную для орка. Его выговор был практически правильным.

— Вы собираете информацию о Дирге Та и диких орках, — продолжал он. — Я могу кое-что рассказать вам. Я не знал Диргу Та, только с чужих слов. Но я знаю другое. Я решил сходить к вам, потому что я гражданин и могу давать показания в суде, а еще я попрошу потом о небольшой помощи, которая вас не затруднит.

Заурядная ситуация для орков: они не бескорыстны. Как правило, сведения стоили десятилитрового бочонка пива, иногда двух. «Таксу» знали все, и даже полицейские исправно выкатывали оркам-свидетелям любимый напиток. Судя по тому, что Шон Ти загодя упомянул о желаемой помощи, он хотел чего-то другого, но тоже разумного.

А вот то, что у него есть гражданство, очень даже хорошо. У орков, кстати, гражданство не было чем-то из ряда вон выходящим, и граждан среди них насчитывалось больше, чем среди эльфов, хотя последние несравненно умнее. Просто орки-мужчины едва ли не поголовно служили в армии и после пяти лет службы, если к ним нет претензий, гражданство получали почти автоматом, с облегченным экзаменом.

— Хорошо, Шон Ти, — сказала я, — вы хотите чаю или кофе?

— Чаю, если можно, — очень церемонно ответил орк.

Я заварила сама — тоже важный элемент, орки весьма ценят такие мелочи. Человеческая женщина своими руками заварила чай для орка — значит, она его уважает.

Поставив чашку перед гостем, я села напротив.

— Если вы не возражаете, я включу запись и потом оформлю ваш рассказ как показания. Разумеется, вам придется оставить свою подпись.

— Электронную или простую? Я умею писать.

— Достаточно электронной.

— В этом штате простые законы, удобные, — сказал орк. — Когда я служил в армии, в другом штате, подпись требовали обычную, на каждой бумаге. Даже от нас, орков. Мне хорошо, у меня бабушка индианка, я умный и закончил полную школу. А остальным было трудно.

Вот оно в чем дело — он кварталон. Орочьи и индейские кварталоны наследовали от обеих рас лучшее.

Дождавшись моего сигнала, мол, запись включена, он заговорил:

«Я расскажу по порядку. Я получил гражданство до армии, но все равно служил десять календарных лет. Армия — хорошее место для орка, и еще лучше она для умного орка. Я служил в штурмовой пехоте и в десанте, еще ходил в разведку. Два года я был рядовой, потом меня направили учиться, потом еще, и я стал сержантом. Через десять лет я заработал минимальную федеральную пенсию и решил, что надо поискать другую работу. Я закончил курс по личной охране, умею водить машину, самолет и вертолет, знаю, как устроены системы наблюдения, и хорошо обращаюсь со сторожевыми собаками. Я слышал, что богатые люди ценят таких, как я, и это достойная работа. Я дал объявление, что ищу работу у благородного человека. Это было шесть календарных месяцев назад.

Мне позвонил один человек с Таниры. Его зовут Грант. Он низкого роста для мужчины, но очень широкий и сильный. Он может обхватить большого орка, больше меня, и поднять его так, что у орка ноги полностью оторвутся от земли. При этом у Гранта сердце бьется как обычно, и он не краснеет от натуги. Грант сказал мне, что у него есть работа для меня. Работа такая: начальник охраны большого поместья. Поместье на Танире, раньше было заброшенное, теперь приехали новые хозяева и взялись за дело. Охраны не было никакой, они набрали орков, потому что орки — лучшие солдаты, но нужен командир и тренер. Командир нужен такой, чтобы умел еще сопровождать хозяев на парадных выходах, потому что хозяева принцы.

Я приехал, поглядел. Мне не понравилось. Когда хозяева принцы, они сразу понимают, чего стоит такой орк, как я. Им друзья хвастаются, у кого такой есть. Я ждал, что со мной будет говорить хозяин, потому что начальник охраны — это важное лицо, и хозяин должен сам проверить, подойдет ли ему кандидат. Но хозяев я не видел, ни его, ни его жену. Не знаю, какими планетами они владеют, а когда спросил у Гранта, он посоветовал мне не умничать. Так с важными сотрудниками не обращаются, но я решил еще посмотреть. В поместье меня тоже не возили. Я был только дома у Гранта. Этот дом находится в Девятом квартале, на углу Шестнадцать-Два, номер не знаю, но дом заметный: он за высоким забором, глухим, как тюремный, и с большим участком. В заборе есть ворота, туда заезжаешь на машине и сразу попадаешь в подземный гараж, из которого только выходишь в дом. Сам дом небольшой, но к нему пристроены казарма и зал для тренировок. Все под крышей. В казарме живут орки.

Грант сначала показал мне контракт. Деньги очень хорошие, пятьдесят тысяч в год, хардами, но наниматель он, а не обещанные принцы. Я подумал — и подписал, потому что нуждался в работе. Грант захотел, чтобы только на бумаге, сказал, что бумага — это гораздо солиднее, чем электронный договор, и у настоящих принцев всегда так. Только я подписал, Грант повел меня в казарму. Он показал мне комнату, где мне предстояло жить. Комната плохая. Голые стены, старая узкая кровать, белье ветхое, одеяло как будто мыши погрызли. Я сразу понял, что контракт был липовый, потому что мне тех денег не заплатят — раз уже сейчас не ценят. Я захотел уйти, но Грант сказал, что это временно, я могу заказать все, что нужно, это привезут, но мне самому без его позволения из дома выходить нельзя. Он объяснил, что это требование хозяина поместья, если кто-то узнает, что у него появилась охрана, сразу насторожится и навредит. Я подумал, что Грант считает меня дураком. Но промолчал — потому что я ведь не дурак, и зачем это показывать Гранту? Пусть думает, что обманул.

Так день прошел, а на другой мне показали моих подчиненных. Тогда я понял, что никаких принцев нет, а Грант хочет совершить преступление. Потому что мне показали тридцать орков, но все они — дикие. Там только двое кое-как балакали по-федеральному, остальные ни слова не понимали. Без шунтов, голые. Я стал говорить с ними по-нашему, но они совсем дикие. Их только что привезли. Они и по-нашему-то плохо говорили. А те двое, которые понимали федеральный, они за надзирателей. Я с ними поговорил, по-нашему, но на мужском наречии. Грант знает орочий, но тот, который общий, для всех. А есть еще женское наречие, его наши парни не знают, и мужское, которое не знают девчонки. Есть еще детская

речь и язык Старших, но Старших я никогда не слышал, здесь его не учат.

Те двое мне сказали, что Грант хороший, дает пиво, „нирвану“, женщин. Только одних в город не пускает, и новеньких тоже не пускает, но когда я покажу себя верным, то пустит. Они и в поместье том были. Да, сказали, большое, таким только принцы владеть могут, размером с остров Д'Варту. Я не знаю, каков он, я никогда не бывал на родине моих предков, но я знаю, что для людей это мало. У людей принцы всегда владеют целой планетой. Те двое мне сказали, что это не вся земля, еще есть, только ее враги захватили. Поэтому и нужны орки. Тот принц хочет армию и прогнать со своей планеты врагов. И еще сказали, что таким хозяевам служить приятно. Потому что раз в неделю женщина, пусть одна на нескольких, зато слова ей давать не надо, и бывает оркушка, а бывает и человеческая, и можно делать что хочешь с ней. Я удивился. Это неправильно. У нас принято, что, когда парень и девушка хотят вместе делать детей, они дают слово, и после того парень не смотрит на других девушек, а девушка не глядит на других парней. Если они так не сделают, „другие я“ того парня закидают девушку грязью, а „другие я“ девушки поколотят парня палками, и нельзя давать сдачи. Если после этого они снова не дают слова, но ходят в лес, то обоих прогоняют из трибы. А без слова берут, когда идут мстить другой трибе или хотят выгнать ее из своего леса. Тогда мужчин бьют и убивают, а женщин берут как хотят, но потом забирают в свою трибу. А то, что делал Грант, — это плохо, оркам нельзя такое позволять, они привыкают и потом становятся преступниками. У нас же, если с женщиной что хочешь делаешь, а войны с ее трибой нет, то за нее будут мстить все ее „другие я“, и братья, и сестры, и друзья ее братьев и сестер, и твои братья за тебя не заступятся.

Тем вечером я увидел, что Грант дает всем „нирвану“. Он давал ее выпить, потому что дикие боялись иголок и не позволяли колоть. А те двое уже не боялись, они кололи. Грант дал и мне, я сказал, что боюсь иголок, лучше буду пить, и тайком вылил. Дикие орки уже привыкли, им в пути, на корабле, давали „нирвану“ с водой, и они теперь без нее не хотели. Потом, когда они захмелели, Грант привез трех женщин. Человечки, старые и пьяные. Они кричали „дай наркотики, дай выпить“, и Грант лгал им, что все даст. А сам втолкнул в казарму к диким оркам. Я не пошел, Гранту сказал, что мне такие женщины не нравятся. Тех женщин Грант потом убил. Задушил. Когда я об этом узнал, то захотел уйти. Но Грант выстрелил в меня шокером, а потом велел диким бить меня. Я лежал несколько часов, потом смог ходить. Дождался, пока дикие снова получают „нирвану“, взял стул и отдубасил каждого. Отдубасил не как меня били, а хуже. Одному глаз выбил. Гранту понравилось. Он сказал, чтобы я не жалел их, потому что они — мясо. Мне заплатят, а им — нет. Только тем, кто говорил на федеральном. А если я убью кого, пока учить стану, то не беда: орков много. Если понадобится, их еще привезут. У тех принцев корабли есть, и они уже должны скоро прийти, с новыми дикими орками. Их много должно быть, тысяча, две.

Утром я стал делать вид, что учу их. Я кричал на диких, а если они плохо слушались, я сразу — кулаком в нос. Грант думает, что так все сержанты новобранцев учат, он в армии не служил и ничего не понимает. Был такой довольный, что нарочно для меня отдельную женщину привел, тоже человеческую, тоже пьяную, но не очень старую. Я дал ей свою „нирвану“, которую так и не пил, она выпила и уснула как мертвая, а я вышел из комнаты и притворился довольным. Так мы стали жить. Грант привык, что я не бунтую и делаю все как он скажет, перестал следить за мной, когда я хожу по дому. Я дождался, пока он совсем потеряет бдительность. И пока орки в казарме были с женщинами, а Грант меня не видел, я нашел один выход, выбрался в сад и перелез через забор. За мной погнались, но я же быстрый. Я ушел.

Я знаю жизнь и потому не пошел на космодром сразу. Я побежал в Китайский квартал. Орки могут долго бежать, день могут. Я прибежал, зашел на рынок, в притон, поговорил с одним китайцем, я не помню его имени, но могу показать. Я объяснил ему, что мне надо скрыться, но не от полиции. Тогда он поручил мне охранять его груз на Эверест. И я улетел с Таниры, совсем не покупая билет, и Грант не узнал, куда я лечу. Здесь я спрятался у друзей из трибы Та. Они рассказали мне про вас и про то, что вы спрашивали про диких орков. Вот,

я рассказал вам, что знаю».

Выслушав его рассказ, я сказала:

— Вы упомянули, что ходили в разведку.

— Да. Не один, конечно, с людьми. Меня брали, потому что только орки умеют подкрадываться совсем бесшумно и снимать часовых так, что они вздохнуть не успевают.

— Проверим, чему вы научились в разведке.

И я стала задавать вопросы. Много. На столике между нами появилась пластиковая бумага, на которой Шон Ти нарисовал план дома Гранта, под картой красовалась его собственноручная подпись. Память у него была очень хорошая, он дал четкие приметы «тех двоих» и Гранта. Орки, как и эльфы, охотники, наблюдательность у них на высоте. Надо только уметь спрашивать, чтобы орк вспомнил даже то, на что не обратил внимания.

Дикие орки были поголовно горными, очень молодыми и крупными, семнадцать сплошь черной масти, четверо сильно крапчатые, практически тигровой масти, остальные бурые. Трое предпочитали ходить на четвереньках, что служило поводом для насмешек: нормальный дикий орк на четырех костях только бежит или прыгает, а ходит все-таки прямо.

Грант, как я и думала, в доме жил не один. Еще была приходящая оркушка («Красивая, — мечтательно сказал Шон Ти. — Я не хочу давать слово оркушке, дети будут глупые, у меня была жена индианка, есть дочь, она в индейской деревне растет. Когда найду работу, снова женюсь на индианке. Из них получаются хорошие жены для солидных орков. И дети красивые и умные. Но та девушка была очень красивая»). По его словам, Грант предложил один раз привести ту оркушку в комнату Шона Ти. Но тот заметил, что девушка носит колечко, какое надевают оркушки, если замужем за человеком. Значит, она уже кому-то дала слово, и неважно, что ее мужчина другой крови, — оркушки очень независимы и если принимают решение, то не меняют его. В доме оркушка готовила еду для казармы, стирала белье. Еще она приносила Гранту «нирвану» для диких.

— Точно она?

— Да, — сказал Шон Ти. — Я видел, как она отдавала ему коробку, из которой он потом доставал наркотик.

— Может, в этой коробке изначально было что-то другое, а потом Грант использовал ее как хранилище?

— Нет. Она приносила маленькие коробки, на один день. Каждый день. Это всегда были разные коробки.

Я выбрала из досье фотографии Дирги Та, показала:

— Похожа?

Шон Ти долго вглядывался, потом уверенно сказал:

— Она. — Помолчал и добавил, показав пальцем на свою левую бровь: — Седина. Очень заметная. Она молодая, оркушки так рано не седеют. Еще у нее должен быть широкий шрам на животе. Однажды она убиралась на кухне и разделась, на ней были только две повязки — на груди и бедрах. И я увидел шрам. Я не спрашивал, я вообще не разговаривал с ней. Это неприлично: знакомиться с девушкой, которая носит колечко, если у тебя нет к ней дела. Кто она?

— Шон Ти, я не могу сказать вам этого. Если вам придется давать показания в суде, вы не должны говорить ничего, кроме того, что видели и слышали сами. Мои слова могут повлиять на ваши размышления...

— Да, понимаю, — согласился орк. — Так бывает. Когда знаешь не все, додумываешь. Хорошо, я не буду спрашивать про нее.

Еще в доме жил эльф. Он ходил в человеческой одежде, ни с кем не разговаривал, целыми днями пропадал на чердаке. Шон Ти подозревал, что эльф — стрелок, снайпер. Однажды он слышал, как Грант ругал эльфа за то, что тот тайком пробрался на кухню и украл бутылку вина. Напился, конечно. Эльфы — пьяницы почти все. Шон Ти слышал, как Грант называл эльфа Лаком. Когда Шон Ти собрался бежать, то позаботился, чтобы эльф не

выстрелил ему в спину. Он попросил, чтобы Грант дал ему вечером виски вместо «нирваны», и Грант принес большую бутылку. Шон Ти поднялся на чердак, открыл эту бутылку и поставил ее под самый люк: у эльфов чутье хорошее, унюхает. Через час он снова поднялся, проверил. Люк был открыт, а эльф накакался и спал. Шон Ти увидел у него винтовку и пистолет, брать не стал — мало ли кого эльф убил из этого оружия?

— Те двое, с кем вы говорили, что-нибудь рассказывали про корабли и ваших соотечественников, которые должны прилететь?

— Мало. Они ведь дикие, что они понимают? Когда описываешь, чего никогда не видел, чепуха получается. Но я кое-что понял. Два корабля, они постоянно ходят. Большой и маленький. Орков берут осторожно, помалу. Их немного учат, как бы цивилизуют, и потом продают в мафию. Мафии хорошо, потому что можно подослать орков убить кого-то, и кто подумает на мафию? Орки вечно кого-то убивают, просто так, за плохое слово. Те двое задержались, потому что хозяева захотели собрать свою армию из орков, и им нужны были переводчики и надзиратели. Те двое сказали, что орков берут так: ловят сетями, сразу дают много «нирваны», потом связывают и по одному кладут в большие коробки с толстыми стенами, в стенах дырочки для дыхания. На корабле орков не выпускают, даже по надобности. Их кормят через трубку и в воду всегда подмешивают «нирвану». Орки прилетают все загаженные, им стыдно, чтобы не было стыдно, они снова пьют «нирвану». Тогда они во всем покорны хозяину. Их привозят, в коробках прямо, в город, складывают где-то в большой комнате — те двое через дырочки в стенках видели, — потом ночью тайком грузят в машины понемногу и привозят к Гранту. Но так можно привезти двадцать орков, ну полсотни. Если тысяча, их перевозить придется неделю. И они не поместятся в доме у Гранта. Их где-то в другом месте держат.

— Если привезли.

— Думаю, что привезли. Те двое сказали мне, что скоро уже должны прилететь, неделя, две. Это было два месяца назад.

Я скептически прищурилась:

— Шон Ти, вы же служили в армии. Положим, Грант не лгал, и диких орков действительно дрессируют для захвата планеты. Но вы же должны понимать: с двумя кораблями и даже десятью тысячами орков планету не взять.

— О чем и речь, — согласился Шон Ти. — Я говорил с Грантом. Он тоже любит выпить. Но я орк, я могу выпить намного больше и почти не опьянеть. Я притворился пьяным. Он поверил. А еще я сержант, я умею говорить. Я был сержантом не только для орков, но и для людей. Солдат — он простой. Ему нужно, чтобы командир был строгим, но внимательным. Чтобы спросил, если солдату грустно, — что с тобой, парень, расскажи, я помогу. Солдаты мужчины, они трудно говорят, думают, это слабость. Сержант должен уметь спросить так, чтобы солдату захотелось рассказать о себе. И я так поговорил с Грантом. Я же видел, что он недоволен. Он командир только для диких орков, а хозяева к нему как к собаке беспородной. Прими-подай-пошелвон. И я ему сказал: Грант, я десять лет служил в армии. Там, за Ядром, все не так, как показывают в федеральных новостях. Людям говорят, там просто с транспортом плохо, а вообще жить можно, только близ Фронтيرا опасно, потому что диссида ходит... А я там служил. Там нигде не бывает спокойно. И диссида ходит не всякая. Все бояться Шанхая, потому что он большой, там император и много бедных китайцев, которые ужасно хотят есть, и они делают все, что прикажет император. Прикажет переть буром на пушки — попрут. Но я-то знаю. Император Шанхая старый, ему ничего не хочется. Сын у него молодой, его заботит, чтобы не сломать ногти на ногах, потому что императору нельзя стричь ногти, это позор, если ноготь короткий. Еще его заботит, чтобы все кланялись. Он не смотрит на Землю, делает вид, что ее не существует, потому что на Земле над ним все будут смеяться — дурак какой-то, даже ногти постричь не умеет. Поэтому Шанхай никуда не ходит. Только туда, где люди объявили свою колонию ничьей территорией. Тогда туда мигом насыпается десять миллионов голодных китайцев, которые говорят: раз ничья, нам можно тут брать что захотим. А вообще на Диком Западе

так: есть наш фронт против Шанхая, там следят, чтобы китайцы не ходили к нам и не воровали что плохо лежит. А дальше стоит кордон шанхайского императора, который тоже следит, чтобы китайцы к нам не ходили. А то они сходят, посмотрят, как мы свободно живем, и тоже так захотят. Они горбатятся и получают плошку риса в день. А у нас, если кто горбатится, имеет свой дом, машину и федеральную пенсию. И дети у него в колледже. А у китайцев так: совсем бедным нельзя учить грамоту, кто заслужит — тому разрешают, чтоб дети немного научились читать, если они заслужат — их детям можно будет уже читать, писать и считать. И так далее, пока дальние потомки не станут чиновниками. Тогда им можно все. Каждый китаец хочет быть чиновником, но не хочет воевать с Землей — если его на войне убьют, как же он станет чиновником? Еще есть Куашнара. Куашнара вообще никуда не ходит, никогда. У нее с одной стороны Шанхай, с другой Эльдорадо, а в тылу индейцы на Саттанге. Она всех боится и хочет, чтобы Земля ее защитила, но под себя не подгрребала. На самом деле Куашнара почти не боится Шанхая, у них даже общий торговый порт есть, единственный, через который Шанхай с внешним миром общается, и еще Куашнара совсем не боится индейцев. А чего их бояться, у них же своих кораблей нет, да и аномалия там эта, особо не разлетишься. Вот кого стоит бояться, так это Эльдорадо. В Эльдорадо хунта и диктатор. В диктаторы там всегда выбирают чокнутых. И та диссида, про которую все говорят, она лезет только из Эльдорадо. Там все расисты, садисты и фашисты. И туда даже наша разведка боится соваться.

Я слушала и старалась не улыбаться. Была я в Эльдорадо... шестнадцать раз. За год. Так что насчет «боится соваться» Шон Ти сильно погорячился.

— Я сказал это Гранту, чтобы он понял. И спросил: Грант, если бы там была только Эльдорадо, зачем нам такая большая армия? Флот там нужен, да. Чтобы корабли диссидентские сбивать. Но зачем нам десант, штурмовая пехота, атмосферная авиация, артиллерия? Зачем нам тактическая разведка? Зачем нам много разных родов войск, если официально враг — только Эльдорадо, и нам надо защищаться от его вторжения, но сами мы к нему не вторгаемся? Зачем нам военные базы не только по Фронтиру, а повсюду, в каждом штате, начиная с четвертого радиуса? Зачем мы производим столько оружия и постоянно совершенствуем его? Грант подумал и ответил, что от пиратов. Тогда я рассказал ему, кто такие пираты и откуда они берутся. И что на самом деле происходит за Ядром, и о чем в новостях никогда не пишут. А там как — надежные только те колонии, которые рядом с военными базами. Потому что знают: если вякнешь — тебе мигом прилетит. А остальные глядят волками и камень за пазухой всегда держат. Земля далеко, транспорта нет, а на любой жилой планете вдосталь всего, чтобы свободно развиваться. Человечество же во времена Адама и Евы как-то выжило. И люди нет-нет да и подумают: на фига нам платить ваши налоги, блюсти ваши законы, кормить вашу армию и вообще жить по вашей указке? Будем-ка мы сами по себе. Тогда они вешают федералов на фонарях и устанавливают свои законы. Вот для этого армия и нужна: чтобы подавить такой бунт. Потому что кто не с нами, тот против нас. А транспортные пути слабые, иной раз одна колония взбунтуется — и маршрут на Тварь перекрыт, и наш Фронт отсечен, оказывается между Эльдорадо и мятежниками. Но это не все. Мятежникам нужно оружие, чтобы отстоять свою независимость, и нужны всякие земные ништяки, которые они на самом деле не хотят терять. Поэтому они снаряжают корабли и идут грабить. Вот это и есть пираты. За Ядром война идет постоянно. То с диссидой, то с нашими. И я за десять лет все это видел. Я четырнадцать мятежей видел. Все подавили. И я знаю, как надо захватывать планету. Я сказал Гранту: планета — это тебе не голая пьяная женщина, подходи и бери. Для начала к планете нельзя подойти незаметно, тебя видно издалека, потому что космос холодный, а корабль горячий. И пока ты долетишь, там уже все про тебя узнают — и на чем летишь, и какой ущерб можешь нанести, и как тебя ловчее сбить. Жилые планеты всегда внутри системы, а снаружи стоят оборонные кольца. Хоть плохонькие. Если их там нет, тогда они есть на орбите или спутнике планеты, или в поясе астероидов, если он есть. На орбитальном космодроме есть пушки, всегда. Плохонькая станция, оборонная, она снесет за полчаса флот из ста грузовиков. Если ее подавить, надо

еще высадиться. Пока ты высаживаешься, ты — мишень для всех орудий на поверхности. Но и когда ты высадишься, ты не победишь. Потому что тебе надо кушать и спать. Тебе должны подвозить еду, воду, боеприпасы, лекарства от ран и смену. Ты не можешь сразу положиться на местные ресурсы, какое-то время ты зависишь от снабжения. Чтобы твое снабжение не сбили на лету, ты должен подавить огневые точки на поверхности. Они есть, везде есть. Даже здесь, на Эвересте, есть. И на Танире, которая курорт, есть. Где стоят, я не в курсе, это военная тайна, но должны быть. Они законсервированы, но комендант знает код, и по тревоге все посты развернутся автоматом.

Я не возражала. Две такие точки на Танире я знала: одна в холмах, отделявших Китайский квартал от Сити, одна, естественно, в пяти километрах от космодрома. Кстати, ставили их грамотно. Не была бы я разведчиком, не обнаружила бы.

— И я спросил Гранта: он верит, что с нашими силами можно захватить планету? Добро бы пятый-шестой радиус, но там и захватывать не надо, много свободных, приходи и селись. Только тамошние частники принцами не считаются. А если надо захватить планету ближе Ядра, то она с зубами. Грант совсем опьянел и проболтался: у хозяина есть коды, так что высадиться мы сможем. Там главное на поверхности всех лишних вырезать. Для этого и нужны орки. Он не говорил конкретных названий, не знал сам. Но планета эта где-то поблизости. И народу на ней много. Наша задача — подавить сопротивление и уничтожить всех, кто владеет планетой сейчас, а когда придет армия, хозяин представит свои документы, и по ним выйдет, что никаких других владельцев не было, а он просто подавлял мятеж. Я спросил, сколько народу. А там десять миллионов или больше. Да не хватит орков на это! И двух кораблей! Тогда Грант сказал, что будут люди-роботы, эти, запрещенные. Андроиды. Скоро привезут оборудование, и их будут делать прямо на Танире. И корабли еще есть, только в ангаре, их пока нельзя поднять, все сразу поймут. Сначала надо будет на Танире власть захватить. Тогда придут еще корабли, привезут оружие. Тут я понял, что, если не изображу радость, Грант заподозрит дурное. Я сказал, что для захвата Таниры надо совсем немного, и стал строить планы. Грант обещал все передать хозяевам, наверное, от своего имени, чтобы выслужиться. Пускай. Я нарочно самые глупые планы предложил. И я сказал Гранту: хорошо, что ты разъяснил мне, теперь я знаю, как учить диких орков. Раз будут андроиды, значит, орки нужны для первого удара и для запугивания. Их не надо учить настоящему военному искусству. К тому же слишком хорошо выученные орки опасны. Им покажется, что «нирваны» недодали, и они против хозяев пойдут. Или требовать начнут слишком много. А еще их надо учить так, чтобы никто не заподозрил — основную работу сделают андроиды. Ведь хозяин, даже с документами, по закону не может подавлять мятеж андроидами, они в любом случае запрещены, даже на Фронтире. Его за это в тюрьму посадят, а нам же надо, чтобы он благоденствовал? Поэтому я обучу орков так, чтобы прошли они и андроиды, и все запомнили бы только орков. Про андроидов тогда никто не узнает. Гранту это понравилось, он сказал, что я неплох, когда не умничаю. Ну вот. А через три дня я сбежал. Перелез сначала к соседу, там можно, а потом на улицу.

Планами Шон Ти поделился и со мной. Да уж. Чтобы поверить в успех такого, надо родиться безнадежно гражданским человеком, напроць к тому же лишенным инженерного чувства. Но для обывателя — в самый раз.

— Прекрасно, Шон Ти. Так какая помощь вам нужна? Убежище, где-то отсидеться, пока Гранта с его хозяевами полиция не повяжет?

— Да нет, не боюсь я их. Они думают, я до сих пор на Танире. Я ведь подготовился к побегу. Стал Гранту говорить, что мне те двое не нравятся. Мол, они много знают, а шунтов и чипов им не дают, поэтому они подозревают, что им не заплатят. Ну зачем платить тому, о ком никто не знает, что он есть? Это меня нельзя просто убить и в канализацию спустить, я с чипом и даже гражданин, меня государство искать будет, потому что я налоги плачу, и пенсия мне начисляется, и если я вдруг исчезну, люди должны будут сказать, где я, им же отчеты составлять. А про этих двоих никто не узнает. И я думаю, сказал Гранту, что они хотят сбежать. В полицию пойти. Грант сказал, что они не дойдут до полиции, потому что

орки. Орки всегда шумные. Они захотят выпить, а чипа нет и денег нет, они попробуют отнять спиртное. Кто-нибудь напишет о том в новостях. Грант целыми днями новости читает. Чтобы знать, кто где. Я тоже читаю. Вот, прочитал вчера в новостях, что вы на Эверест прилетели, вас видели и опознали, и решил позвонить утром. Когда еще такой удобный случай представится? А мне Грант сказал, что я тоже убежать не смогу, даром что гражданин. Потому что около управления полиции есть место удобное, чтобы оттуда расстрелять любого, кто пойдет. И с планеты убежать, чтобы в другом месте донести, я не сумею. У Гранта подруга на космодроме работает, она там главный оператор на пассажиропотоке. Всегда знает, кто прилетел или улетел. И есть один человек, на грузовом отделе, он посменно работает, так что грузы контролирует. Даже про частных узнать можно, потому что та подруга — она же доступ к информации имеет, видит, чьи корабли прилетели или улетели. Понятно, что всех людей, кто на частных кораблях, она поименно не назовет, к рамкам у нее доступа нет, то есть таким путем скрыться можно — если есть знакомые. У меня все равно знакомых нет. Я рискнул через грузовой, потому что подумал: Грант ведь решит, что я испугался, никуда не полетел и залег на дно. Кому придет в голову досматривать корабли с китайским грузом? С ними даже орк, если у него репутация есть, не полетит. А я полетел. Здесь у Гранта знакомых нет, я могу лететь куда захочу.

— Тогда я слушаю вас, говорите, чего хотите.

— Грант читает новости, много. И я думаю: как мне теперь работу искать? Если я дам объявление, он же прочтет его и меня найдет. А я не знаю, насколько длинные руки у его хозяина. И вот мне в голову пришло: у вас много разных знакомых. Я про вас читал, вчера, у вас и муж был из благородных. Не могли бы вы спросить кого-нибудь из них, вдруг им нужен орк на службу? Вот, — он положил передо мной карточку. — Мое резюме. И рекомендации от офицеров, под началом которых я служил.

Я взяла. И весьма внимательно просмотрела. Рекомендации будь здоров. Я даже поймала себя на мысли: вот с таким напарником я Даймона возьму тепленьким. Ну ни черта он не сможет сделать против капитана тактической разведки в паре с отлично обученным орком-квартироном. Пускай он ловкий и меткий, мы с ним не будем в этом соревноваться, мы его просто облапошим. Но...

Но я не Макс, у которого тормозов нет и весь мир должен плясать под его дудку. У меня есть совесть. Я не имею права привлекать к расследованию посторонних. Пусть даже Шон Ти опытный и подготовленный. Но у него нет лицензии, нет оружия, и с точки зрения закона он, взяв Даймона, будет таким же преступником. А если его убьют, то вина — целиком моя. Я-то знаю, на что иду. Я на зарплате. А он — действительно посторонний. Поэтому работать я буду одна. И если пойму, что Даймона сама взять не могу, — отступлю.

Шон Ти ждал моего ответа. Я знала, что он не лжет и это не засланец с подделанным чипом — хотя от банды следовало бы ждать такого подарочка. Но ради вящей уверенности я принялась расспрашивать его о службе в армии. Об офицерах, о солдатах, о некоторых событиях... Шон Ти отвечал охотно, потом — с некоторым удивлением: не ожидал от меня подобной осведомленности и общей компетенции по военным вопросам.

— Вы хорошо ведете собеседование, — сказал он. — Не как гражданское лицо. Все реалии знаете. Ваш муж служил в армии и вы жили с ним на базе?

— Сама служила, — ответила я.

Шон Ти покивал — совершенно человеческий жест. Я добила:

— И не в спокойном секторе. На Фронтире. У генерала Лайона Маккинби. Тактическая разведка.

— О! — у Шона Ти округлились глаза. — Так вы — хоббит?

Я невольно рассмеялась.

— У нас в полку был хоббит, — с уважением сказал Шон Ти. — Настоящий, с тапочками. С Земли. Майкл Дин. Это он учил меня ходить в разведку. Потом он ушел на пенсию.

Черт, что же с ним делать? С одной стороны, встроенную паранойю никто не отменял,

а с другой — если не врет, то ценнейший свидетель, надо бы его спрятать. Поэтому я быстро написала отцу, а в ожидании ответа продолжала расспрашивать Шона Ти. Про привычки, увлечения, семью...

Папа ответил быстро и текстом: «Давай примем, на месте разберемся. Ты совсем совесть потеряла, хоть бы матери изредка звонила, про себя я уж молчу. Не забудь, что ждем на Рождество». «Папа, — мигом написала я, — мне уже шеф ультиматум поставил. Я не поехала с ним на свадьбу его сестры, он обиделся и требует, чтобы я поехала на Рождество в Шотландию». Папа не растерялся: «Прекрасно. На обратном пути заезжайте к нам вдвоем». Я мысленно посмеялась: у меня семья простая. Подумаешь, босс. Подумаешь, звездный принц. Заезжайте к нам на ранчо, чё, погуляем.

Но мне их простота нравилась. Да и Август как-то обмолвился, что в древние времена сословие английских йоменов — которому примерно соответствует моя семья — было весьма уважаемым и в их домах, бывало, останавливались путешествующие короли.

— Поступим так, Шон Ти, — сказала я, быстренько записывая на карточку координаты. — Вы поедете на Арканзас. Колония очень белая и очень расистская, но, если пришелец военный или не собирается жениться на человечке, к нему отнесутся так, как он заслуживает. На Арканзасе обратитесь к Джулиану Слонику. Это очень известный там человек, да и не только там. Он владелец частной охранной фирмы. Примерно за такого пытался выдать себя Грант, только на Арканзасе все настоящее. У них есть полигон, вас туда свозят и посмотрят на деле, что вы умеете и что у вас получается лучше всего. Исходя из этого, опросят клиентуру, кому такой специалист нужен. У них клиентура обширная, бедных людей нет вовсе. Но в любом случае вы пробудете на Арканзасе до тех пор, пока полиция не разберется с Грантом, потому что можете понадобиться как свидетель. — Я протянула ему карточку. — Пойдет?

— Лучше, чем я надеялся, — сказал Шон Ти.

Потом я оформила его рассказ как показания, дала завизировать. Шон Ти ушел, страшно довольный, с таким видом, словно уже нашел отличную, самого лучшего качества работу. В чем-то так оно и было: если папе он глянется, папа оставит его себе. Будет сдавать в аренду принцам для парадных выходов, командировать телохранителям к дочкам и женам этих принцев, а в промежутках использовать как тренера для молодняка. Ну и как-нибудь еще.

Я отправила все материалы Августу. Через пять минут он позвонил:

— О, ты не спишь. Я подумал, что ты вчера всю ночь ссорилась с Максом, а теперь отсыпaeшься.

— Интересно, — опешила я. — Август, ты давно проверялся на предмет телепатии?

— Это не телепатия. Макс звонил мне утром и хотел странного. Я понял, что вы поссорились, но не стал выяснять почему. Хоть совсем поссорьтесь, мне только лучше будет.

— Август, я не знаю, каким местом ты думал, если решил, что твоя афера с Ниной его отвлечет.

— С Ниной Осси? — удивился Август. — Я не собирался отвлекать его Ниной Осси.

— А зачем ты устроил ей концерт на Эвересте?

Август вздохнул:

— Макс, как обычно, решил, что весь мир вертится вокруг него. И у меня нет других забот, кроме как наполнять его жизнь приключениями. Делла, как, по-твоему, я богатый человек?

— Глупый вопрос.

— А богатый человек может сделать экстравагантный, но милый подарок своим близким?

— Конечно.

— Ты знаешь, Алистер Торн мне дядя, но на самом деле как младший брат. Алистер уже два года не живет на Земле, он подписал пятилетний контракт и работает на Фронтире. На Земле он бывает раз в год, и его время расписано поминутно. Но потом он на неделю

выбирается на Эверест, где живет мать Кейт, его жены. И Алистер, и Кейт очень любят Нину Осси. Но попасть на ее концерт они не могут чисто физически. Вот я и устроил так, чтобы Нина Осси попала на Эверест и они могли сходить.

— А, то есть Алистер и Кейт сейчас здесь?

— Должны завтра утром прилететь. Если ничего не случится. Но если случится, я что-нибудь придумаю. Если тебе важно знать, я хотел отвлечь его с помощью Алистера. Алистеру есть что сказать Макс. Но события развивались — и развиваются — немного быстрее, мне пришлось задействовать резервный сценарий, он не такой удобный, как основной, из-за этого Алистер задержался и, возможно, задержится еще немного. Потерпишь?

— А мне, как бы помягче сказать, деваться особо некуда.

— Алистер хотел с тобой встретиться, не улетай с Эвереста, пока не поговоришь с ним.

— О чем, ты не в курсе?

— Нет, даже не спросил. Я тоже довольно сильно занят.

— Но ты не на Танире, — предположила я.

— Почему ты так думаешь?

Я поделилась с ним конспирологическими теориями Йена. Август пофыркал и сказал:

— Пьяный инквизитор — наверное, это очень смешно. Но он почти угадал. У меня есть одно важное личное дело на Земле. Так по-дурацки получилось, что когда я был на свадьбе, казалось, оно решится не скоро, поэтому я улетел. А оно решилось, и мне пришлось срочно возвращаться. Я сейчас на Луне, только что прилетел, жду рейса до Земли.

— Между прочим, на танирском космодроме у банды есть осведомитель.

— Пусть. Мне совершенно не страшна наша банда. К тому же я улетел не на лайнере. Алиша Бетар взяла яхту у своего бойфренда и подхватила меня, ей по пути было.

— А яхту ты отправил сюда, потому что она может понадобиться Алистеру?

— У него своя есть. Дед осознал, как виноват, и подарил, почти насильно всучил. Алистер упирался, но Кейт уговорила. Правильно, они ведь почти постоянно живут на Твари, а летать оттуда на Землю с детьми на лайнере — это пытка.

— Ты надолго застрянешь на Земле?

— Как пойдет. Не знаю наверняка. Но закончить банду я смогу и отсюда. Яхту, кстати, я отправил для тебя. Пассажиры дешевых лайнеров, конечно, ценный источник информации, но лучше бы тебе иметь надежный скоростной транспорт под рукой. Пользуйся. Да, и вот что: пока меня нет, распоряжайся «Залией» по своему усмотрению. С такими концами, какие тебе приходится делать на Танире, лучше летать на самолете, чем на машине. Кроме того, самолет безопаснее. Только Макса на ней не катай, я ужасный собственник. Звони, я твой канал отключать не буду, даже когда буду спать.

Ну да. И я со своим «везением» позвоню ему именно тогда, когда он будет спать не один.

— Мой рейс, — сказал Август нетерпеливо. — До встречи.

Мне стало грустно. Некстати вспомнилось, как Макс предрек: Август изменился, у него будут другие приоритеты, и сегодняшнее покажется ему уже не таким важным или даже вовсе незначительным. Так и вышло, даже быстрее, чем Макс предсказывал. Раньше Август ничем не жертвовал ради работы. И его машинки, его любимая коллекция — они стояли на втором месте после профессии. А теперь у него завелись «личные дела» на Земле, и он бросает все остальное, летит очертя голову.

Знаю я, что у него за «личные дела». Джиллиан Фергюсон их зовут. Бедная Эмбер, она так восхищалась Августом... Но мужчины, даже лучшие, не любят скромных девушек. Им подавай таких вот хищниц, чтобы смотрели влажными глазами, предлагали себя при всех. Тогда мужчина чувствует себя победителем, настоящим мачо. Наплевать, что это ложь, что за такой откровенной женской похотью стоит, как правило, циничный расчет — мужчина готов верить, ведь это льстит его самолюбию.

Что он бросил не только Эмбер, но и меня, я старалась не думать. Что — я? Персонал.

На контракте, возобновляемом каждый год. До очередного возобновления осталось десять дней. Потом, если Августа задержат «важные личные дела», я автоматом стану безработной. Ничего, я уже не та, что прежде. Я не пропаду. Куда хуже, что с окончанием контракта я теряю все полномочия.

Ладно, надо работать. В конце концов, мой контракт действителен еще десять дней, и этого вполне достаточно, чтобы поймать банду. И лучше заниматься бандой, чем жаловаться на судьбу и невезение.

Все равно никто не услышит этих жалоб.

* * *

Прошло меньше двух дней. Я сидела у себя в номере одна и раскладывала пасьянс «Наполеон». Терпеть его не могу. Зато карты очень приятны на ощупь. Две колоды. Я купила их в люциферянском бутике. Меня заверили, что карты чистые, неиспользованные, незаговоренные и вообще-то самые обычные, просто высокого качества, за счет чего годятся для гадания и магии.

Валет червы... куда его? Ага. Так и живем, Офелия. Ты сама этого хотела. Винить некого. Теперь ты понимаешь, почему в тактическую разведку берут только после срочной службы. За редкими, очень редкими исключениями — вроде тебя. Все твои однокурсницы это знали. Одна ты сунулась — с широко распахнутыми наивными глазами. Талантливая девочка. Мечтала о подвигах и славе. Да какие подвиги в разведке?! Впрочем, нет, не наговаривай. Две медали-то у тебя есть. Были. Вот и не надо было уходить от Лайона Маккинби. Глядишь, сейчас бы до майора уже дослужилась. Но ты ушла за мечтой. Сиди, вкушай. Наслаждайся.

«Здесь свои правила игры». Ты слышала эту фразу тысячу раз и возненавидела на всю жизнь. У тебя уже рефлекс. Как у полицейского, который в любой смерти видит убийство. Там, где люди так говорят, нет государства, а есть один закон — каприз местного князька. И неважно, кто он, этот князек — владелец частной колонии, губернатор или командующий округом. А ты не знала. Ты была лучшей на курсе, лучшей за десять лет. Тебя год облизывали терминаторы Лайона Маккинби. Ты жила как принцесса. И как все дуры-принцессы, ты грезилась о реальной жизни. Ты ее получила. Ты всегда получала именно то, чего хотела на самом деле. А на самом деле ты хотела грязи. Ну, попробуй отмыть ее с себя. Грязь и кровь.

До армии я не бывала дальше четвертого радиуса. Что творится за его пределами, нам в университете не говорили. Ограничивались туманными обмолвками. Кид Тернер однажды сказал мне: «Делла, тебе будет трудно в армии. Характер у тебя неподходящий. Оставь ты эти мечты о нелегальной работе. Давай я пристрою тебя в контрразведку? Там ты приживешься». Я не поняла, о чем он говорит. Почему у меня неподходящий характер? Самый подходящий. И первый год мне было очень даже хорошо. Но потом...

Орк Шон Ти прав: государство заканчивается в четвертом радиусе. Дальше начинается поле боя. До бога высоко, до царя далеко. Каждый сам за себя. Власть — это тот, у кого есть оружие и наглость. Там даже федералы ходят на цыпочках. Потому что надерзишь такому региональному барону, а потом твой корабль диссида уничтожит. И бесполезно спрашивать, что диссида забыла в пятом радиусе. Главное, не докажешь ничего. Иди ищи обломки корабля в космосе, когда они уже остыли, ага, исследуй место преступления. Можешь еще попробовать доказать, что вот эта колония вовсе не бунтовала, она всего лишь отказалась платить дань командующему округом.

За Ядром все зависело от того, есть ли совесть у командующего. Совесть есть — люди будут жить как люди. Совесть была у Лайона Маккинби. Еще у Шумова. Все, пожалуй. Лайон вызвал меня к себе, едва я прибыла на базу, и объяснил кое-что. «Делла, — сказал он, — здесь все возят контрабанду. Вообще все. Я не получаю ни гроша с оборота. Но и не запрещаю. Здесь нет другого надежного транспорта, кроме военных кораблей. Иногда я буду

посылать тебя на экскурсию. Вон, с мужем». Я поняла. В этом был смысл, потому что грамотно поставленная контрабанда заменяет патрулирование и располагает к себе население. У Лайона Маккинби не было бунтов в округе. А я с удовольствием каталась на «экскурсии», то бишь инспектировала колонии.

У Энстона совести не было. Поэтому весь округ жил как деревня под властью деспотичного мафиозного дона. Энстон не уважал никого и ничего, даже свою свиту. Энстону нравилась вседозволенность. При этом он считался куда более надежным, чем генерал Мимору из соседнего округа. У Мимору вечно и диссида проскакивала, и бунты какие-то были... А у Энстона была самая высокая безвозвратная убыль личного состава. Ничего удивительного — ближе всех к Эльдорадо. Это уже фронт, а не Фронтир. Энстон собирал дань с колоний, его подчиненные брали взятки и воровали из бюджета, а если приходил приказ «навести порядок» в какой-то колонии, то никто не спрашивал — она бунтует или просто дань пора увеличивать?

Люди терпели. А куда деваться? До цивилизации добираться месяц. Этим все сказано. Государство — тот, у кого есть сила. Твою смерть расследуют... наверное. Лет через пятьдесят. Потому что ты в восьмом радиусе, а бардак еще в пятом не разгребли. Забудь, что написано в Конституции. Лучше выучи наизусть, что командующий всегда прав. Особенно если ты — гражданское лицо. У военнослужащего есть слабая надежда на контрразведку, а ты беззащитен. Потому что твоя полиция точно так же боится командующего.

И в такую клоаку я попросилась добровольно.

Честно говоря, я надеялась на «личный» фактор. Макс все-таки князь, и он полетел со мной. Я не учла, что Энстону плевать, кто князь в той половине Галактики, потому что в своем округе он — король. Ну что ему мог сделать Макс? Да ничего. Не та весовая категория. Коменданту базы «Антуан» Макс еще мог угрожать, тот привычно юлил и преданно заглядывал в глаза. Но притом с притворным огорчением «обнаружил», что мы с Максом в разводе и он вообще тут посторонний, поэтому доступа на территорию базы иметь не должен. Однако из «уважения» к княжескому достоинству (пересрал, что Энстон может подумать, будто комендант ставит себя выше принцев) пообещал давать мне увольнительные между миссиями, чтобы я жила в городе с Максом. Давал. По целых три дня. Все честно. Я больше чем три-четыре дня свободна и не была, остальное время готовилась к новой миссии.

Я думала, та история закончилась. Как страшный сон.

Наверное, я снова сплю. Потому что она продолжалась.

Август молчит как партизан. Ни одного ответа на мои сообщения. Сообщения проходят, значит, чип действует. То есть Август живой. Если бы в госпиталь попал, мне бы позвонили. Обязательно. У него на чипе пометка. Как и у меня. Просто не хочет отвечать. У него там важные личные дела. Неотложные. А мне нужны инструкции, черт подери!

Ничего, Офелия. Тебя готовили для длительной одиночной работы в глубоком тылу противника. Вот и работай. Ты умеешь.

Проклятье. Если Август не прорежется до полуночи, мне придется сдавать Зелинского Йену. Не хочется. Но придется.

Пасьянс не сошелся. Четвертый раз подряд. А концерт Нины Осси идет уже двадцать минут. Я не пошла. Не хочу никого видеть, особенно Макса. Да, я разведчик. Но не робот. Даже самому стойкому разведчику иногда бывает трудно. Черт, как мне нужна поддержка. Но ее не будет. Ее никогда не бывает, когда она мне нужна.

На столике рядом с картами лежал пистолет. С патроном в стволе. Так, на всякий случай. С другой стороны — конверт. Конверт от Даймона. С очередным чипом, на этот раз на имя Джейкоба Бирмы. Отработал и мне послал. Блин, нашел родственную душу. Впрочем, работа у нас была одинаковая. У меня чуть больше разнообразия, у него — чуть больше шансов уйти живым.

Куда же все-таки запропастился Август... Даймон и то общительней, чем мой босс. Мой босс на ближайшие восемь дней, ха-ха. Время течет, через восемь суток с небольшим

истекают мои полномочия. И что, я зря все это делала? Зря получила по заднице, будто она у меня казенная, зря подставилась под пули эльфийского снайпера, зря парилась в гадючнике «лайнера» «Кангу — Эверест»? Нет, Офелия, не зря. За деньги. Которые ты получишь при окончательном расчете. А остальное тебя не касается. Тебя нанимали бегать по приказу шефа, а не пылать высокими чувствами и радеть за справедливость и закон. Так что забудь. Если босс сочтет, что работу завершать не нужно или он справится без тебя, — тебя это не касается.

Самое паршивое, что делать мне тут больше нечего. Надо дожидаться Алистера Торна. Алистер должен был пойти на концерт Нины Осси. Возможно, заглянет ближе к полуночи. Тогда можно возвращаться.

Опять пасьянс не сошелся. Пятый раз. Это карты люциферянские такие, не иначе.

Люциферяне оказались забавными. Нине Осси понравились бы. Я не люблю, когда люди играют в преисподнюю, но моего мнения никто не спрашивал. Люди имеют право жить как хотят — в рамках закона. Да и вообще, если честно, они забавны, но глуповаты. Верховная Жрица только хороша. Умная, практичная стерва. Не удивлюсь, если она по воскресеньям ходит в христианскую церковь. А что? Между прочим, устав люциферянской церкви не запрещает двоеверие. Такой вот парадокс.

Я приехала к ней вчера. Около офиса штаб-квартиры меня встретил толстый парень лет шестнадцати, проводил в приемную Верховной Жрицы. Ко мне вышла высокая, очень тонкая женщина чуть старше меня. С первого взгляда было видно, что ее растили для карьеры модели — на таблетках. Одета она была в джинсы, мужскую толстовку и сабо на босу ногу.

— Привет, — сказала она, — я Лючия. Алкоголя у меня нет, я не пью, могу предложить чай, кофе, сок. И вот что: мы с тобой две состоявшиеся женщины, нам незачем доказывать, что мы уважаем друг друга, так что, может, на фиг эти ритуальные раскланивания? Давай на «ты».

Потом мы сидели, пили чай с маленькими печеньями и болтали.

— Пожрать люблю — ты не представляешь как, — жаловалась Лючия. — А пожрать не могу толком, — она похлопала себя по провалившемуся животу. — Видишь, да? Я седьмая подряд дочь в семье. Папаша поглядел и сказал — пусть таблетки жрет, потом в арт-сопровождение. Хоть бабла зашибет. В арт-сопровождение я даже не совалась. С четырнадцати лет в Церкви, ну, к счастью, у меня от таблеток только кишечник атрофировался, не мозги. Так что благодаря папе у меня почти нет кишок, желудок с наперсток, женские органы — у лягушки и то больше и теплее, — но бабла я таки зашибла. Своих детей у меня нет и не будет, но это не проблема — вон, сестры постарались, аж девять штук племянников и племянниц, один жаднее другого. Я их вижу, только когда им деньги нужны.

Она весело смеялась и курила.

— Церковь так выгодна?

Лючия пожала тонкими плечами:

— За любой сектой стоит бизнес. Всегда. Если секта солидная, со статусом Церкви и легальным положением, — то бизнес идет лучше. Мне на Эвересте один конкурент — лорд Джимми Рассел. Но я себя ловко поставила: он остальных конкурентов выживает. Меня сильно не любит. Знаешь, меня всегда смешили люди, которые серьезно относятся к религии. Нет, не к своей — это их дело, я никому не запрещаю веровать как им надо. К моей. Всем кажется, что я прямо-таки демон, из ада восставший, и младенцев по ночам ем. Да я до сих пор даже ни одного из своих племянников не укусила, хотя достали уже до печенки. Бизнес есть бизнес, я никогда не скрывала, что Церковь — это только прикрыtie. Вот этого Джимми понять и не может. Он вообще со странностями. Не, чисто по-женски он мне нравится. И даже эта его эльфийская беспощадность импонирует... Знаешь, что эльфы напрочь лишены жалости, сострадания и совести? Вот так. У них это привнесенное. Они изображают, потому что так положено в обществе.

— Строго говоря, три четверти людей такие же.

— Три четверти, скажешь тоже... девяносто процентов! Эльф знает только задачу. Ноль рефлексии, ноль эмоций. Но при этом Джимми не размажет женщину. Потому что в обществе не поймут. Он сам, наверное, верит, что жалеет меня. А я издеваюсь. Как встречаемся, я его демонстративно соблазнить пытаюсь. Ну то есть не пытаюсь, изображаю. Он теряется. Я неправильная с его точки зрения, но инстинкты-то никуда не делись! Так и живем... Слушай, открой секрет: чем ты купила Сержа Чекконе? Потому что он, между нами, непробиваемый. Мы, главы больших сатанинских церквей, друг дружку все знаем, конечно, встречаемся регулярно, у нас свои конвенты есть... сначала кто-то пытался обозвать их шабашами, обставить по традиции. Толку, как обычно, — все перепились еще до начала и на представление не пришли. Так вот, к чему это я, — Серж не пьет. Вообще. Он единственный из наших, кто не пьет и не курит. Парень замечательный, умный, если на конvente надерешься, то достаточно уснуть у него под мышкой, чтобы не было эксцессов. И с посторонними Серж не откровенничает. Тут он мне звонит и говорит — приедет Делла Берг, я дал ей твой контакт. И все. Первый раз за ним такое. Я не против, мне вообще эта секретность по барабану, но интересно — чем расколола?

Я налила себе еще чаю. Вспомнила, что у меня в отеле в номере был такой же. Уж не чайный ли у Люции бизнес?

— А я пригрозила ему, что тогда с ним будет разговаривать Маккинби.

— О! — Люция распахнула глаза и расхохоталась. — Маккинби — это сильно! А ты откуда его знаешь?

— Я у него работаю.

— погоди. То есть ты монашка? А чего в гражданском?

— Почему я должна быть монашкой?

— Ну потому что Скотт Маккинби-младший вообще-то монах.

Настала моя очередь смеяться. До меня дошло, чего на самом деле испугался Сержио.

— Да не он. Я на его старшего брата работаю.

— У него еще и брат есть? — искренне удивилась Люция. — Не, я знаю, что он из серьезной семьи, но... Или брат не родной?

— Родной. И сестра есть.

— Фантастика. Кто бы мог подумать.

— А ты откуда Скотта знаешь?

— Пф. Как откуда я знаю человека, который официально контролирует мою религиозную, блин, деятельность? Хотя его и так все знали бы. Самый молодой доминиканский приор за всю историю ордена. Ну и, как водится, инквизитор. У меня с ним разговор феноменальный состоялся, при знакомстве. Я: Скотт, нет у меня никакой религиозной деятельности, мне крыша для бизнеса нужна была. Скотт: вижу. Интересно, как это он разглядел при первой встрече? Я его еще спросила: Скотт, а ты девственник? Он мне точно так же, бесстрастно — да, конечно. И все. Потом, с год назад, приезжал с проверкой. Прошел по храму, на картину одну показал, говорит — это уберите с глаз долой, призыв к экстремизму. И уехал. Причем, ты знаешь, никто не помнит случая, чтобы Скотт реально применил власть, но все его на каком-то поджирочном уровне боятся.

— И ты?

— А я особенная, что ли? Из наших с ним только Серж бодался. Наверное, с перепугу. Скотт его походя размазал, Серж до сих пор вздрагивает. Причем там ничего серьезного, диспут, кажется, был. Серж с тех пор уверен, что все мелкие неприятности — это происки католиков. Но это он так с воображаемым Скоттом спорит. А брат его кто?

— Также инквизитор, только светский.

— Понятно. Это семейное, — обреченно сказала Люция. — Также девственник?

— Да нет, с чего бы.

— Ладно, — Люция отодвинула чашку и притянула поближе пепельницу. — Так что тебе из-под меня надо?

— Твой прихожанин. Луис Алонсо Нуньес де Вега.

— А! Луисик. Знаю, конечно. Совершенно очаровательный раздолбай. Из богатой семьи, к жизни относится правильно. Знаешь, у нас вообще-то поощряется жажда удовольствий, и Луисик себе ни в чем не отказывает. Но обычно такими людьми брезгуют, а Луисика любят. Он безобидный. С женщинами чертовски галантен. По-моему, перетрахал в Церкви уже всех, кроме меня. Парней тоже. А он такой, ему важны эмоции, а пол — второстепенен. По большому счету, молодой дурак, дураком и останется. Вот его брат — тот башковитый, а Луисик никогда не поумнеет. Притом я что хочу сказать: по-человечески я его где-то даже люблю. Добрый, не жадный, не завистливый. Деньжат подкинуть может.

— Он с кем-то особенно дружит?

— У, — Лючия помрачнела. — Дружит. Меня от этой его дружбы корежит. Нашел себе ханжу с высокими идеалами. Я, в принципе, никого не контролирую — пришел, ушел, снова пришел. Мы свободная организация. Взносы плати — и можешь не появляться. Перестал платить — исключаем. Можем снова включить. Все просто. Никто не делает мировой трагедии из-за такой чепухи, как членство. Да и ритуалы. Кто-то магией увлекается, как Луисик. Кто-то Ницше читает. Кто-то на черную свечу медитирует. В общем, юношеское баловство. Недовольны трое: Джимми Рассел, Серж — ему хочется серьезной философии — и этот новый приятель Луисика. Причем он же вообще атеист, ну какое ему дело до нас? Нет, взялся наставлять Луисика на путь истинный. А меня заело. С чего это я буду терять прихожанина, верно? Ну, навела я справки про этого парнишу. Роберт Зелинский, второй курс математического, профессиональный игрок в карты. Нет, не шулер, по крайней мере, доказательств нет. Но практически не проигрывает. Луисик ему в рот смотрит и каждое слово буквально с языка склеживает. Нет, это нелюбовь. Ну, в сексуальном смысле. Так-то любовь, конечно, самая настоящая. Но без секса. Роберт у нас жутко правильный. На самом деле, как мне шепнули, у него маленький член, поэтому он вообще ни с кем не спит. Короче говоря, одно сплошное уязвленное самолюбие, помноженное на самолюбование. А что случилось-то?

— Луис Алонсо убит.

Лючия побелела.

— Не может быть!

— Посмотри танирские новости.

— Но на Танире-то он что забыл?!

— Это я и хочу спросить у его приятеля.

— Так, — Лючия вскочила, быстренько сбегала в подсобку, стуча деревянными подошвами сабо, вернулась и протянула мне карточку: — Держи. Все, что я собрала на Зелинского. Показания оформлять надо?

— Нет, ты же не свидетель убийства.

Я рассказала ей то, что она и сама могла бы прочесть в новостях. Лючия курила и ужасалась. Услышав про косой крест на щеке трупа, выдохнула:

— А вот это, Делла, уже настоящие сатанисты. Не то что мы.

— Это не сатанисты, а подонки.

— Кой фиг разница... Послушай, мы настоящих сами ненавидим. Они на всю башку больные. Конченные отморозки. Им только убивать и крушить надо.

— Тем не менее никакой религиозной подоплеки в деле не обнаружено. За всем этим, как и за сектами, стоит бизнес.

— Ясно... — протянула Лючия. — Ладно, действуй. Будет что нужно — звони. У меня здесь влияние есть, если что, я и Джимми Рассела подпишу, тут мы с ним заодно будем.

Я не стала говорить, что Рассела давно подписали. Не нужно.

От Лючии я поехала в кампус математиков, но безрезультатно — Роберт Зелинский на контакт не пошел. Вообще. Он то ли внимательней следил за новостями с соседних планет, то ли звериное чутье подсказало ему, что встреча со мной добром не кончится. Ладно, подумала я, еще не вечер. У меня много козырей. И занялась отработкой мелочи: узнала, где

собиралась компания Князева, наведалься в тот отель. Никого из компании не застала, но управляющий отлично знал и Князева, и старшего брата Луиса Алонсо. Подтвердил, что Князева в этом году не было, но и только.

Вечером, когда я практически без сил ввалилась в свой номер, зашел Йен. Сказал, что утром ходил на лекции Макса, записал для меня, потом побывал в полиции, замотивировал знакомых на работу. В целом мало результатов — поговорил кое с кем из известных люциферян, те ответили, что Луис Алонсо давно не появлялся, а так ничем себя не зарекомендовал. Таких много.

После его ухода мне принесли конверт. С частным курьером. В конверте был чип, завернутый в письмо.

«Уважаемая мисс Берг! Лышу себя надеждой, что первый мой подарок пришелся вам по вкусу. Посылаю следующий, на котором, в частности, осталось опрометчивое послание вашего бывшего супруга. Поступите с ним как вам будет угодно, равно как и с этим моим посланием. Надеюсь, вы не в обиде на меня, что я отказал вашему бывшему супругу. Я твердо решил уйти на пенсию. У меня есть дом, есть жена и дети, есть сбережения, которых хватит на всевозможные нужды до конца моей жизни. Желая и вам не тратить силы на занятия, кои не стоят даже размышлений о них. Искренне ваш, Даймон.

P.S. Сегодня видел в порту небезызвестного вам Шона Ти. Удалось выяснить, что он заказал два билета — на рейс до Койона и рейс от Койона до Арканзаса. Полагаю, он нашел там работу. Я был приятно удивлен — вы оказались еще умнее, нежели я предполагал. Признаться, когда я увидел его у входа в отель, где вы остановились, то немного даже испугался. Шон Ти — прекрасный специалист, и, если бы вы решили во что бы то ни стало поставить меня перед судом, для чего заручились бы его помощью, мне пришлось бы туго. Очень жаль, но пришлось бы убить его — чтобы не убивать вас. В силу разного рода обстоятельств я не могу позволить себе такой роскоши, как судебный процесс и честное отбытие пожизненного срока в федеральной тюрьме. Берегите себя, за вами слежу не только я.

Даймон».

Разумеется, сразу после этого я позвонила Мелви Сатис. Я просила ее разузнать про Даймона, но Мелви нечем было меня порадовать:

— Мать, дохлый номер, — честно сказала Мелви. — Он засекречен по самое не балуйся. Я даже не смогла узнать, сколько точно ему лет, не говоря о звании или роде войск. То, что у него в официальном досье, публичном, действительности не соответствует никак, там, по-моему, только генная карта — его, и то оставили по медицинским соображениям. Двадцать два года назад он проходил у нас переобучение. По офицерской программе.

— Обучение специальное?

— Нет, общая тактическая программа. Фактически то же самое, что у нас, но без первого курса и со сниженной физнагрузкой.

— Странно.

— В жизни и не такое бывает, — заверила Мелви. — Да вот еще Кид обмолвился, что Даймон вроде бы исходно был из инженерных войск. Кид его помнит и сказал, что думал, будто Даймона готовят на глубокое внедрение в Эльдорадо. Он чисто внешне подходящего типажа — чернявый, кожа оливковая. Но в Эльдорадо он если и был, то разово и кратковременно.

— Спасибо, — кисло протянула я.

— Не за что. Привет боссу.

Чернявый, кожа оливковая, рыжий, веснушчатый, с лошадиным лицом, толстый, одышливый, седой и потный. М-да. Бывает.

Полчаса я размышляла, что же удалось узнать. Если Даймон засекречен до сих пор, то он, как у нас говорят, все еще не снят с баланса. То бишь его в любой момент могут вернуть

на действительную службу. Если генную карту оставили подлинную, значит, у него было как минимум одно тяжелое ранение, которое не удалось залечить полностью. Подорвался на собственной бомбе, что ли?

Если его готовили конкретно на Эльдorado, но туда не забросили, то возможен еще один вариант: его внедрили в диссидентское подполье у нас. Могло быть еще хуже. Ему могли поручить устранение наших предателей и лидеров восставших колоний. Тогда его до смерти не рассекретят. Еще бы, тогда придется рассекретить, что наше правительство время от времени убирает изменников без суда и следствия. Я понимаю мотивы правительства, но обыватель не поймет точно...

А потом позвонила Она.

Разумеется, я знала ее имя. Она считалась первой красавицей гарнизона. Вышагивала павой, взгляд с поволокой, губы всегда чуть рассеянно-распутно улыбаются. Муж серенький, с нее ростом, суетливый. Зато был. Двое детей. Диалектные словечки в речи, Она была из колонии четвертого радиуса. Почему-то мне врезался в память ее пламенный спич на рождественском ужине в столовой для офицеров. Выговаривая слова округло и с растяжкой, Она обличала городские пороки. Она горделиво поглядывала на товарок и их мужей, на меня почему-то с брезгливой снисходительностью. Я ведь «с Земли», понятия не имею о моральных ценностях. А я знала, что Она спит с комендантом и что ее муж вписан в схему местного казнокрадства. Но если бы я и осадил ее — осудили бы меня. Подумаешь, с комендантом спала! Это начальство, не считается. Без начальства отпуск в хорошее время не получишь, мужа по службе не продвинешь, так и будет вечным лейтенантом с седой бородой. Детям рекомендацию в колледж не выправишь, дом в болоте получишь. И муж ворует помаленьку — что такого? Все воруют, на зарплату не проживешь. Потому что там подарочек сделай, тут взятку дай, вот и разлетается твое хваленое федеральное жалованье, а кушать на что? Надо крутиться. Все такие. А раз все — это прилично. Непристойно быть не такой, как все.

Я все поняла, едва увидела ее лицо на мониторе. Растрепанная, зареванная, губы бесформенные, голос уже хриплый от отчаяния, боли и ужаса. Тогда я приказала себе забыть ее имя. Детская такая психологическая защита: пока ты не знаешь имени, для тебя это только тело. Имя есть — и тело выделилось из окружающей среды, стало человеком. Тело убить легче, чем человека. К смерти эту женщину приговорил не ты — но ты будешь палачом. Тебя к этому тоже приговорили.

Правила игры, могла бы сказать я. Но я молчала. Не имею дурацкой привычки говорить сама с собой или с окружающими предметами вслух. Я просто включила запись разговора.

Она сидела на полу в гостиной своего коттеджа. На коленях, руки связаны за спиной. Рядом муж в такой же позиции. Оба в форме. И — шесть человек в ночных диверсионных комбезах. Плотная черная ткань обтягивает все тело, включая голову. Разрезы на лице — для глаз, носа, рта. Дешевая версия, к слову. Настоящая диверсионка — это без пяти минут скафандр, только тонкий. Почему в ночных-то? Судя по тому, что жертвы в форме, там день. И детей нет дома... слава богу, детей нет дома, ну правильно, они же в интернате, в городе...

Потом их убили. Обоих. Я впервые видела, как людей убивают электрической пилой. И зачитали мне ультиматум: если я не откажусь от всех планов мести Энстону, следующей будет моя семья.

Я внимательно смотрела на мужчин в черном. Вы, ребята, можете сколько угодно прятать лица — лучше бы прятали руки и ноги. Или стояли неподвижно. Со мной говорил Джон Сэлдон. Надо же, из лизоблюдов в каратели переквалифицировался.

Меня ничего не связывало с жертвами. Мы не дружили. Странно, что Энстон решил убить именно эту семью. Та женщина кричала, что виновата я. Она до самой казни, пока пила не коснулась ее тела, проклинала меня.

В сущности, я ничего не могла сделать. Я не могла даже утверждать, что эти люди были живы в тот момент, когда я ответила на вызов с незнакомого канала. Мне могли прислать запись. А главное, я не понимала, чего от меня хотят. Макс, что ли, отчебучил

номер? Я ж ему сказала, что, пока не решен вопрос с Энстоном, даже думать о повторном венчании не буду. А потом еще и к черту его послала. Макс, конечно, все это семечки. И не так ругались. И сценарий давно отработан: Макса посылают, Макс уходит, проворачивает немыслимую аферу в немыслимые сроки, возвращается довольный — с цветами, шампанским и отчетом о проделанной работе.

Проблема в том, что остановить Макса можно только пулей. Слов он не услышит. Кстати, правильно сделает. Потому что преступник всегда угрожает. Он говорит тебе: не сопротивляйся, убью. И ты веришь, выполняешь все его требования, он уходит безнаказанным. И приходит еще куда-то. А чего бы не прийти, раз все получается? А если ты откажешься подчиниться — тогда рано или поздно звучит выстрел, и кто-то умирает. И вся толпа трусов кидается на тебя — потому что убили из-за тебя. Из-за того, что все сдались, а ты нет. И даже если ты потом убьешь преступника, возненавидят все равно тебя. Вот если бы ты не полез, человек остался бы жив... Конечно, легко геройствовать, не тебя же убили. Нельзя, говорят они, поддерживать закон ценой человеческой жизни. Она священна.

Поэтому там, где ценят жизнь превыше всего, правят бал преступники.

Я могла бы многое напомнить. Могла бы напомнить про гарнизонную круговую поруку. Про то, как все замалчивали преступления командующего. И Она тоже. Эту ситуацию создала не я, а все те приличные женщины и мужчины, подленькие, трусливенькие, которые лицемерили и лгали. Они все — не жертвы, а соучастники. Добровольные. И всех новеньких втягивали в порочный круг, кого обманом, кого силой. Все такие, говорили они, и вы должны быть такими же. Когда никто не выделяется, не так обидно.

Я знала, что забуду их крики. И брызги крови, клочья во все стороны. Все забуду. Разведчик должен уметь не только помнить, но и забывать. Есть методики. Забуду прочно. А пока я сидела и бесстрастно смотрела. Подонки желали убедиться, что я испугалась. Перебьются.

Когда сеанс связи закончился, я прикинула, что могу сделать. Послать это в полицию? А с какими, простите, комментариями? Теоретически ни с какими. Дескать, какие-то подонки убивают моих бывших сослуживцев. И как я должна объяснять, что у меня в досье — ни слова про службу в армии? Нет, полиция отпадает. Тем более что, если я хочу успеть спасти хоть кого-то, посылать надо в местную полицию. А у нее нет допуска на территорию базы. Военная полиция? Она под Энстоном. Федералы? Эти, во-первых, долетят только через месяц, а во-вторых, наш неуважаемый военный министр не даст им войти на базу. Он же лучший друг Энстона. Остаются военная контрразведка и личные каналы.

...Уснуть я не смогла. Строго говоря, даже и не пыталась. Я несколько раз прогнала запись ультиматума, убедилась, что это не монтаж. Энстон, похоже, думал, что объяснять мне ничего не нужно, я сама все знаю. Сейчас ему доложат, что убеждению я не поддаюсь, и он перейдет к другим методам. Самое простое — послать убийцу. Нанять кого-то, кто территориально находится поблизости, — пустяк, у него не только в четвертом округе все куплено. Лучше бы мне подготовиться к визиту.

У меня никогда не было много оружия. Два пистолета, шокер и нож. Один пистолет гражданский, маленький и плоский, чтобы хорошо помещался в сумочку. Да, пулька легонькая, заряд слабенький. А мне хватает. Ввязываться в перестрелку на пятидесяти метрах с пистолетом довольно глупо, а с десяти я попаду в глаз даже плевком. Второй пистолет, большой, стандартной армейской модели, преимущественно лежал в сейфе у Августа, и брала я его раз в год, и то по настоянию босса. Носить его можно было только в наплечной кобуре, и лучше бы под толстой курткой, иначе вид у меня становился загадочный, типа «сиськи набок». У Августа-то был не ствол, а форменное стенобитное орудие. Опять же, не из любви к «главному калибру», а потому, что именно этот пистолет оказался удобнее других под его руки. Августу не надо было решать проблему «как засунуть эту дуру в эту маленькую сумочку», потому что он носил квадратные пальто, плащи и длинные пиджаки. И кобура с железкой весом в полтора килограмма не напрягала его

нисколько. Шокер — шокер у меня был очень дорогой и качественный, да. А вот нож я предпочитала маленький, с коротким, но очень прочным клинком, складной.

На Эвересте практически везде — разоруженная зона. Кампусы ведь. Меня при въезде предупредили, что в отеле хранить и носить оружие можно, но в ста метрах от входа начинается зона, где огнестрел под запретом. Шокер можно. Нож можно только бытовой. Ну, как у меня — клинок три дюйма.

Я взяла с собой маленький пистолет, запасной магазин, шокер и нож. С таким арсеналом долго не продержаться. Выполнила разогревающую гимнастику. Рукопашка — это, конечно, не оружие, когда тебя убивать пришли, но может пригодиться. Я осмотрела окна, передвинула мебель. В коридоре послышался шум, и я мигом оказалась у двери, распластавшись по стене, с пистолетом. Какие-то поддатые балбесы пытались куда-то пройти, но наткнулись на дедушку из номера напротив. Дедушка надтреснутым голосом урезонивал хулиганов, грозил вызвать полицию. Потом я услышала голос Йена, разбуженного этой ссорой. Вскоре стало тихо.

К утру мне прислали еще три ролика. Таких же. Убито еще три семьи... последняя — вместе с детьми. Это уже какой-то бред. Перебор даже для Фронтيرا. Энстон сошел с ума.

Я не выходила из номера весь день. Старалась отвлечься работой. Уточняла показания Шона Ти. Поколебавшись, позвонила Крюгеру и сдала ему адрес Гранта, который у нас числился среди разыскиваемых, в обмен на информацию о нынешних кораблях Бейкера. Да, большой и маленький. Сейчас в рейсе. Повезли овощи на Эверест, оттуда пошли на Альпин за промышленным грузом для Кангу, с Кангу порожняком на Эверест, тут берут холодильные установки для Таниры. Как я посчитала, на все про все с максимальными задержками — две недели. Корабли ушли в рейс пятнадцатого сентября и до сих пор не вернулись. Они были на Эвересте, но на Альпин не пришли. Однако Бейкер не подавал заявления о пропаже.

Двумя часами позже Крюгер отзвонился и сказал, что дом обнаружил, он пустой, люди по нему работают. Уже откопали четыре женских трупа в саду.

Господи, сколько же трупов.

Днем заглянул Йен. Переменился в лице, увидев меня.

— Плохо выгляжу? — равнодушно уточнила я.

— Не хочу быть бестактным, но да. Ты как будто неделю не спала.

Тут Йен заметил пистолет на столе.

— Делла, что случилось?

— Тебя это не касается.

— Делла?

— Йен, это не банда. И... уходи. Услышишь шум — не высовывайся. Это моя война.

Не хочу отвечать еще и за твой труп, подумала я, но не сказала.

— И передай Нине мои извинения. Я не смогу пойти на концерт.

Йен погрузился, но спорить не решился. Ушел.

А я осталась. Подготовила все, чтобы никто не усомнился в причине моей насильственной смерти. Упаковала все ролики, присланные с базы «Антуан», так, чтобы в момент гибели они отправились к Августу. Написала ему очередной отчет, про корабли Бейкера. Ответа не было.

Я помнила, что он просил звонить голосом. Я не могла. Боялась, что разревусь, у меня начнется истерика и я смогу выговорить только одно: «Забери меня отсюда как можно быстрее!» Я ж потом в глаза ему смотреть не смогу.

Когда пришел Макс, я даже обрадовалась.

* * *

Он очень деликатно попросил разрешения войти. Я сунула в карман конверт от Даймона и открыла дверь. Макс явился с цветами и большой коробкой.

— Я думала, ты на концерте.

— Нет, — печально ответил Макс, — я подумал, что ты пойдешь, а тебе, наверное, не хочется меня видеть. Потом я позвонил Йену, убедиться, что все в порядке, он сказал, что ты одна и грустишь.

— Так и сказал?

— Да. Я решил, что праздник надо отмечать вдвоем, и пришел.

Он раскрыл коробку, вынул конфеты, какие-то экзотические фрукты, шампанское. Отыскал вазу и поставил в нее цветы. Присматривая самое выгодное место для цветов, обратил внимание на столик. И застыл.

Разумеется, пистолет я не убирала.

— Все так плохо? — уточнил Макс. — Ты настолько меня боишься, что держишь ствол под рукой?

— Не ты один можешь зайти, — ответила я бесстрастно. — Пожалуйста, сядь так, чтобы не загромождать мне дверь.

Макс очень осторожно поставил вазу. Потом выпрямился, оглядел номер. Прошелся, бесшумно, по-волчьи ставя ногу. Потом подвинул свободное кресло так, чтобы видеть одновременно входную и балконную двери. Принес из кухни бокалы, сел. Выложил на стол свой любимый абордажный пистолет-пулемет, дослал патрон. И принялся откупоривать шампанское.

Я вернулась к пасьянсу.

Макс разлил вино по бокалам, один протянул мне.

— Я не буду.

— Почему?

Я промолчала.

— Делла, — очень уважительно, очень сочувственно сказал Макс. — Я не знаю, кого ты ждешь. Но кто бы ни попытался вломиться сюда без спросу — стрелять буду я. И очередями. Я физически не могу напиться так, чтобы из автоматического оружия не попасть в дверь с шести метров. А при моем калибре не имеет значения, в какой именно участок дверного проема я попаду, потому что вылетит все, включая эту с виду крепкую стену. Так что пей смело. У тебя уставший вид, если тебя сморит сон, я покараую.

Нельзя сказать, что в его словах не было резона. Собственно говоря, он был абсолютно прав. В том, что касалось конкретно боевых действий, Макс всегда был прав. Я поколебалась и взяла бокал.

— С праздником, — Макс отсалютовал мне.

Я не понимала, о каком празднике речь. На Танире взяли банду? Может быть, я не смотрела новости. Я вообще не отвлекалась. И свела к минимуму звуковую нагрузку — чтобы расслышать, если дверь в номер будут вскрывать электронной отмычкой.

Пригубила. Отставила. Макс испытующе смотрел на меня.

— И что ты подсыпал в это шампанское? — осведомилась я. — Глядишь так, как будто ждешь эффекта.

— Ничего. Просто удивлен. Ведешь себя странно.

— А по-моему, вполне адекватно. Ты говорил, что знаешь Джиллиан Фергюсон.

Макс сильно удивился:

— Ну, знаю. — Помолчал, ожидая моей реакции, не дождался и принялся рассказывать: — Охотница за богатыми мужьями. В обществе очень любят ее мать, поэтому и дочку принимают. Семья разорилась почти в ноль, остались только связи. Но это не помешало Джил четыре раза блестяще выйти замуж. Первый муж у нее умер, со вторым и третьим она развелась на своих условиях. Фактически она разорила их. Пощады от Джил не жди. Насчет четвертого ничего не знаю, может, и живут пока. Но, судя по тому, что на свадьбе Ирэн Маккинби она была без кавалера, — ищет новенького.

Меня чуть не передернуло. Уже нашла.

— В общем, пора бы, она с последним мужем в браке уже лет восемь, причем вместе

они жили только год, потом он платил ей содержание, но жил отдельно. Сама по себе Джил довольно интересная женщина. Прекрасно образованная, хитрая, отлично распоряжается деньгами. У меня было с ней... — Макс замялся. — Не знаю даже, как назвать. Не роман, а так, история. Между ее третьим и четвертым мужьями. Еще до того, как мы с тобой поженились. По-моему, я был единственным, кто сумел ее бросить. Нас познакомили у Гамильтонов, Джил посмотрела мне в глаза. Меня поразило, как много она обо мне знает и как хорошо понимает. Буквально с полуслова. Я о ней не знал ничего, а она говорила только обо мне. Через час я за руку вытащил ее с той вечеринки, сунул в машину и привез к себе, потому что больше терпеть не мог. Любовница — феерическая. Такого секса у меня даже во сне не было. Проблема в том, что осталось ощущение игры в одни ворота. Это понимание, которое она демонстрировала, было лицемерным. Она навела обо мне справки и первые дни говорила лишь то, что я хотел слышать. Через два месяца я чувствовал себя выжатым и выглядел точно так же. При этом я никак не мог поверить, что меня обманули, что Джил мною пользуется, но не любит ни капельки, ей нужен брачный контракт, а любит она только деньги. Я уже знал, знал наверняка, что она именно такая, но не хотел верить. Потом как-то собрался с силами и уехал. Она пару недель доставала меня звонками, письмами, угрозами покончить с собой — я не реагировал. Через месяц мне сказали, что она вышла замуж. Я успокоился. Как раз через год я встретил тебя... Потом я как-то столкнулся с Джил. Ты еще училась. И опять у меня две недели просто выпали из жизни. Очнулся — как с лютого похмелья. На душе было настолько скверно, что я в зеркало смотреть не мог. С тех пор я зарекся появляться там, где Джил. Ты, кстати, на нее похожа.

— Ну спасибо.

— В том смысле, в каком свет похож на тьму — и то и другое слепит. Когда мы с тобой познакомились, я в первую секунду даже испугался — потому что ты точно такая же. То же самое ощущение абсолютного понимания. Вот только у тебя это настоящее. На что хочешь могу спорить, что мы с тобой действительно друг друга понимаем.

— Ты меня — нет.

— Понимаю. Но... Делла, одно дело — знать рассудком, другое — сердцем. Я не могу поверить, у меня в голове не укладывается, что ты не любишь меня. Как же так, ведь любовь была, точно была...

Я оживилась и с интересом уставилась на него. Кающийся Макс — зрелище, которое стоит потраченного времени. Он винулся так артистично, так вдохновенно, что глаз отвести нельзя было. И пусть я знала, что это сиюминутный порыв, что ни хрена ни в чем Макс не раскаивается, пусть я видела этот спектакль уже раз двадцать — он все равно пробирал до глубины души.

— ...я понимаю, что сам все испортил. Своими руками. Послушай, Дел, я отлично все про себя знаю и никаких иллюзий не питаю. Я испорченный мальчишка, который никогда ничем не дорожил. Я презирал этот мир за то, что мне в нем было нечего любить. И тогда появилась ты. Те месяцы, которые мы были вместе, — это единственное время, когда я был счастлив. И я отлично понимал, какое ты сокровище. Знал, что я не заслуживаю тебя. Мне просто повезло, случайно повезло. Но теперь я живу в страхе, что потеряю тебя. Да, по собственной глупости. Но, ты думаешь, осознание своих ошибок помогает что-то исправить? Нет. Это осознание порождает лишь злость и желание любой ценой сделать все как прежде. Как в то время, когда мне не было страшно, что я потеряю тебя. Да, рассудок говорит, что я уже потерял тебя, давно потерял, то ли в армии, то ли еще раньше. Но я не могу с этим смириться. Я как утопающий, который свалился в воду посреди океана, он знает, что не доплывет, но все гребет, выдыхается из сил, но старается держаться на плаву. Я хватаюсь за каждую соломинку. Я надеюсь. Кажется, я перестану надеяться, только когда умру. Я просто не могу, не способен поверить, что все уже в прошлом, оно никогда не вернется, мне надо привыкать к новой жизни, которая мне не нужна, в которой не будет ни одного проблеска света. Два года я не видел тебя — и все два года прошли как в тумане. А потом мы встретились, и я проснулся. Ты такая же. У тебя тот же взгляд, та же улыбка. Я не чувствую

равнодушия. Поэтому и не могу поверить, что ты больше не любишь меня. Как же так, ведь мы по-прежнему понимаем друг друга с полуслова, мы по-прежнему родные, близкие люди. Разве так бывает, когда любви уже нет? Разумом я знаю — бывает. А сердцем понять не могу. И чем чаще я вижу тебя, тем сильнее боюсь — вот, сейчас у тебя появятся другие интересы, для меня снова не останется места в твоей жизни. И я, наверное, грубо, наверное, бестактно — но я просто пытаюсь закрепиться. Хоть одним пальцем. Чтобы иметь хоть какую-то уверенность, что увижу тебя завтра, послезавтра, ты не исчезнешь навсегда. Что завтра, через неделю я снова получу подушкой по голове, потому что ты легла спать, а тут я со своей любовью, вот только меня тебе и не хватало, когда все мысли — упасть и чтобы никто не теребил...

Я не выдержала и рассмеялась. Макс понял, что прощен. Подался вперед, осторожно взял меня за руку.

— Делла...

— Макс, убирайся, — сказала я с улыбкой. — Ну вот честное слово, мне сейчас не нужен ни один человек в этом номере.

— Я никуда не пойду, — проникновенно сказал Макс. — Потому что я не слепой. У тебя уставший вид и пистолет под рукой. Ты работаешь по опасной банде. Я дурак, но два с двумя сложить умею. Ты ждешь очередного покушения. Так вот, если ты меня выгонишь, я сяду в коридоре под твоей дверью. И буду сторожить. Оттуда ты выгнать меня не сможешь. Но было бы лучше, если бы ты пошла спать, а я бы покараулил здесь.

— Макс...

— Дел, если тебя убьют, мне жить незачем, — откровенно сказал Макс. — На этом фоне вероятность, что меня самого ранят или грохнут, совершенно не пугает.

Я тяжело вздохнула.

— Макс, это моя война.

Ну да, черта с два его этим проймешь. Это Йена можно попросить уйти — и пойдет. Макс только плотнее усядется и будет ждать, когда его введут в курс последних событий. В крайнем случае — когда ему поставят конкретную задачу. И попробуй только не дать ему задачу — он сам найдет. Это, ребятки, принц. Человек, на генетическом уровне абсолютно уверенный в правильности каждого своего шага. И в том, само собой, что его присутствие уместно всегда и везде. Хуже Макса в этом отношении только Август. Август в подобных обстоятельствах способен выгнать тебя — но не себя.

Макс подошел, отодвинул столик с картами, присел передо мной на корточки. Потом качнулся вперед, опершись коленями об пол. Положил голову мне на ноги и трогательно вздохнул:

— Дел, я люблю тебя. Это факт. Ты никак не можешь повлиять на него. Ты можешь быть сколько угодно недовольна, что солнце встает, а Эверест замерзает, например. Но изменить это ты не можешь. Так и моя любовь. Ну да, такое вот я стихийное бедствие, хрен от меня избавишься...

— Про бедствие — очень точно подмечено. Сижу и думаю — за что мне оно?

— За то, что самая лучшая. Лучшим всегда поручают сложные задачи. Например, перевоспитать меня.

Моя рука совершенно произвольным жестом опустилась на его затылок, пальцы залезли в кудри. Красивые, блестящие, черные кудри. Макс, не поднимая головы, обнял меня.

— Я не собираюсь запирать тебя дома. Да что я, садист, по-твоему... Пойми, я действительно боюсь за тебя. С этими покушениями... сколько их было, два уже? Дел, с меня хватило твоей армии. Ты уходила за кордон, а я сходил с ума. Я думал, что сейчас у тебя спокойная работа, но когда я увидел ее своими глазами...

— Обычно она не просто спокойная, а почти скучная.

— Но риск остается.

— Риск остается у всех. И всегда. Вон, Грета Шульц — первая жертва. У нее в жизни

вообще никакого риска быть не могло. И нате вам, убита. Кстати, про остальных хотя бы понятно, за что их убили. Но за что ее — мы уже головы сломали.

— Поэтому, если уж мне не удалось отговорить тебя от риска, я останусь с тобой. И буду охранять. Я не оставлю тебя, не надейся. Когда мы венчались, я клялся быть с тобой в радости и в горе. Для меня это не пустые слова. Ты можешь сказать, что мы разведены... но никто не освобождал меня от клятв, данных добровольно. Я не отказываюсь от своих слов.

Я молчала. Такой большой, теплый... В чем-то Макс был прав: ощущение общности, целостности у нас всегда было потрясающее. Чуть ли не с первой минуты знакомства. Я всегда знала, что Макс — мой. Совершенно мой, полностью. Мы действительно были частью друг друга.

Чип тихонько пискнул, я вскинулась, даже сердце забилося. И тут же сникла: нет, не Август. Эмбер. Я подумала — и не стала отвечать на вызов, послав в канал «извинительную» визитку, мол, не могу говорить сейчас, непременно перезвоню позже.

Эмбер... да, с ней я тоже поступила нехорошо. Завезла на Кангу и бросила там.

— Бросила? — удивился Макс, которому я пожаловалась на свой эгоизм. — Дел, она там счастлива. Она наконец-то избавилась от тотального контроля своей матушки. Эмбер звонила мне вчера, у нее все хорошо, и больше всего она не хочет уезжать. Матушка в жизни не позволила бы ей гладить диких зверей — это же негигиенично, опасно, они укусят могут. Стрелять не позволила бы, ездить верхом, одевшись в камуфляж, — это не для девушки из приличной семьи...

— Как ты думаешь, у нее с Августом что-нибудь получится? — спросила я, усилием воли прогнав воспоминание: девушка-гадюка подлащивается к Августу.

— Что? — Макс даже выпрямился. — Ты о чем?

— Не знаю, мне казалось, они нравятся друг другу.

— Пф, — сказал Макс уверенно, встал и потянулся за шампанским. — Выброси из головы. Маккинби никогда на ней не женится. По той же самой причине, по которой не женился я.

Я почувствовала себя почти оскорбленной.

— Что, родом не вышла?

— Ну шаз. На тебе-то я женился, хотя ты по роду еще ниже. Нет, с происхождением у Эмбер все в порядке. Мелроузы — младшая ветвь Гамильтонов, примерно того же уровня, что Торны, Люкассены, Рублевы. В принципе она нашего круга. Честно говоря, она настолько не похожа на тебя, но при этом такая естественная, что я в какой-то момент думал — ты меня отвергла, а вот девушка, с которой я если и не буду счастлив, то, по крайней мере, не буду и несчастен. С ней можно дружить. Она умница, хорошенькая, очень добрая. Но оказалось, что с мужчинами ей хочется только дружить. Для всего остального Эмбер предпочитает женщин.

Я онемела.

— Да, — понимающе ухмыльнулся Макс, — а ты думала, почему ее мама контролирует так плотно? Дочку надо замуж выдавать, да подороже, а у девочки глупости всякие на уме. Вот если ей не разрешать, глядишь, и отвыкнет.

Я потрясенно качала головой.

— Макс, но она так восхищалась Августом...

— И поверь — искренне восхищалась. Она и мне рассказывала. А он как раз тот типаж, с которым ей нравится дружить. Стопроцентное попадание. Но влюблена она не в него, а в тебя.

Я наконец опомнилась.

— Черт, Макс, зачем ты мне это сказал? Выдал девичью тайну...

— Она сама попросила. Она робеет, потому что тут же мало в любви объясниться. И попросила меня как-нибудь деликатно выяснить, что ты думаешь. Потому что она хотела бы большего от ваших отношений. Ей показалось, что ты совершенно разочаровалась в мужчинах, но нельзя же допускать, чтобы ты разочаровывалась в любви.

— И ты согласился сказать все это мне?! — я уставилась на него с недоверием.

— Конечно. Я же знал, что ты ответишь. — Макс подал мне бокал. — Кстати, Эмбер я предупредил. Я все-таки хорошо тебя знаю. В этом смысле ты плохой разведчик.

Я фыркнула.

— А вообще я не боюсь тех, кто по тебе вздыхает. У меня только один реальный конкурент. Зато, блин, качественный.

Я с подчеркнутым удивлением вскинула брови.

— Маккинби, — пояснил Макс. — Единственный человек, которого я опасаюсь. Не боюсь, нет, но опасаюсь. Главное, никогда нельзя сказать наверняка, что у него на уме. И какой номер он выкинет в следующую секунду. Непредсказуемый.

— Макс, я в школе была влюблена в Карла Второго. Стюарта, если что. Английского короля. Правил в семнадцатом веке. Ты не хочешь и его записать в реальные конкуренты?

— Он давно помер.

— Какие мелочи, право слово. Смерть любви не помеха. Так вот, Макс: у тебя больше поводов для ревности к Карлу Второму, чем к Августу. Я только его ассистент. И то у меня через восемь дней истекает контракт.

— И что? — Макс обрадовался. — Какие планы на будущее?

— Ни-ка-ких, — отчеканила я. — Потому что Август двое суток не отвечает на мои сообщения. Вообще.

— Так ему не до почты, — убежденно сказал Макс. — Ты чего, у него сейчас ни секунды свободной нет. Сама подумай...

— Я и подумала. Я все отлично понимаю. Но если он за своими офигенно важными личными делами забудет продлить мой контракт... А если верить твоим словам про Джиллиан Фергюсон, то он забудет.

Макс растерялся.

— Джил? А при чем здесь Джил?

— При том, что Август съездил на свадьбу своей сестры, познакомился там с этой вашей серийной чаровницей. Я видела фото, она от него не отходила. Не успел вернуться, тут же выпроводил меня на Эверест, а сам рванул обратно на Землю. Мне сказал, что по неотложному личному делу.

Макс хмурился и моргал.

— Дел, ты новости смотрела?

— Нет.

— Понятно. Нет, если он спутался с Джил, то я ему не завидую. Но вообще-то он на Земле по другому поводу. Собственно, поэтому я и пришел тебя поздравить...

Ничего больше Макс рассказать не успел, потому что в коридоре раздался истошный крик.

В следующую секунду в номере погас свет, что-то взорвалось, и вылетела дверь.

* * *

Доли мгновения, между криком и вторжением, нам хватило. Я успела схватить пистолет, а Макс — меня за шкуру. Когда дверь разлетелась в пластиковую труху, Макс перебросил меня через спинку кресла, а сам одним прыжком махнул через полгостиной, оказавшись у стены.

Стреляла я, ориентируясь по запаху.

По орочьей вони.

Их было минимум четверо. Огромные, я таких крупных еще не видела. Тут я и пожалела, что оставила дома большой пистолет: мой калибр этим как медведю дробина. Впрочем, учитывая оружейное законодательство Эвереста, мне пришлось бы везти большой пистолет нелегально.

Макс ударил очередь, послышалось рычание, ответная пальба. Выстрелы мигом

переместились в коридор, где тоже была крошечная тьма. Я с двух попаданий все-таки свалила одного орка — повезло — и откатилась в угол. Толку-то... орки в темноте видят превосходно. На меня напали сразу двое, взяли в коробочку. Можно быть сколько угодно лучшей на своем курсе, но против орка у человека почти нет шансов. Особенно у женщины. Орки выше на метр и вдвое тяжелее среднего мужчины. А еще у них чертовски длинные руки. Если у орка оппозитные пальцы не удалены и не атрофировались — такое встречается примерно у каждого десятого, — то он без проблем схватит тебя ногой. А потом перегрызет тебе горло.

Патроны кончились. Я схватилась за шокер и нож. Максимальная мощность... один из тех, кто зажал меня, выпал из реальности, зато второй легко вывернул мне руку с шокером. У меня оставалась еще одна рука, с ножом, жаль, коротким, но я полоснула его, все равно полоснула поперек туловища, как можно ниже, стараясь распороть брюхо — там много нервных окончаний, будет болевой шок. Проклятье, орк был в плотных штанах. Огромная лапа схватила меня сзади за шею, и я поняла — даже «Отче наш» прочитать не успею, все кончено.

Сверху хлынула кровь. Потом я упала, и меня накрыло вонючей орочьей тушей.

Тишина.

— Жива? — спросил Макс.

Я прохрипела что-то в том смысле, что по крайней мере не мертва.

Замигал и включился свет.

Я лежала в луже крови, и она все еще хлестала. Макс вытащил меня из-под орка, я обернулась — у того практически не было головы.

— Лучший мой выстрел, — хладнокровно сказал Макс.

— Спасибо, — ответила я. — Офигеть, как ты еще увидел, куда стрелять.

— Не видел, — согласился Макс. — У меня оставался один патрон. Я просто взял ориентировочно на два с половиной метра от пола, чтобы точно не задеть тебя. А наводился по звуку.

Я кивнула.

— Кто кричал?

— Дед из номера напротив. Любопытный старикан. Я когда шел к тебе, он выглянул, осмотрел меня с подозрением и снова заперся.

— Он вчера ночью тоже кого-то шуганул...

— Шуганул, — хмыкнул Макс. — Этих было пятеро плюс с ними человек. Человек и один из орков — с огнестрелом. Ушел только человек. Двоих положила ты, двоих я. А дедок шустро так подстрелил вооруженного орка и ранил человека. Потом сказал, что ему худо, он пойдет к себе полежит, до приезда полиции.

— Ты уже сообщил?..

— Нет еще.

Я критически осмотрела поле боя. Все пятеро орков — явно горные, два черных, трое бурых, отлично подходящих под описание Шона Ти. Все «голые», даже тот, что был с пушкой. Дикари, брр. Ладно, нечего время терять... Я вызвала копов.

Макс брезгливо оглядел себя, уставился на меня — и расхохотался.

— Мне идут ошметки орочьих мозгов в прическе? — осведомилась я.

— Еще как, — заверил Макс.

Как ни странно, в ходе потасовки разбились наши бокалы и ваза с цветами, но уцелела бутылка. А что ей сделается? Открыл, налил, снова закрыл — и хоть кидай ее, она ж не стеклянная, не разобьется. Макс деловито пристроил цветы в другую посудину, принес чистые бокалы и налил до краев. Я с удовольствием выпила. Сейчас уже бояться нечего: копы придут с минуты на минуту. Даже если Энстон пришлет убийцу, тот не сунется — слишком легко засветиться.

— Надо бы проверить старикана, — сказала я. — А то кто его знает. Помрет еще с такого перепугу.

— Не заметил я, чтоб он испугался, — возразил Макс. — Действовал очень четко. Не ходи. Сейчас полиция приедет, вот она пусть и проверяет, как его здоровье. Ты Йену позвонить не хочешь?

— Незачем. У нас, между прочим, параллельное расследование.

— Я помню. Так, на всякий случай. Он все-таки местных копов знает.

— Не хочу.

— Ты их ждала?

Я промолчала. Нет, ждала удара с другой стороны. Надо же, бывает и такое — я ж должна сказать спасибо Энстону. Если бы он не вздумал терроризировать меня именно сейчас — я бы и не почесалась. Впрочем, возможно, пошла бы на концерт. Хотя нет, не пошла бы. Я ж не хотела видеть Макса. Значит, осталась бы. И легла бы спать.

Короче, если бы не Энстон, вопросы продления контракта сейчас уже не волновали бы меня.

Я коротко написала Августу, что нас провела банда, мы отбились, имеем самое малое одного живого «языка» — того, которого я приложила шокером.

Ответа опять не последовало.

Да ну тебя к черту, подумала я и протянула Максу свой опустевший бокал.

— Что-то копы долго едут, — отметил Макс. — С другой планеты летят, что ли?

— С соседнего острова, — поправила я. — Они тут вообще раздумчивые и несуетливые. Ну, понимаешь, ледник ползет с полюсов, все мы умрем, торопиться некуда. Йену тогда на один-единственный вопрос чуть не сутки отвечали.

— Н-да, — только и сказал Макс. — Если б это была моя полиция, на Сонно, вышвырнул бы всех без выходного пособия.

Мы успели допить бутылку и как раз решали, не заполировать ли нам шампанское вискарем, когда наконец приехали силы правопорядка.

Приехали и первым делом арестовали нас с Максом.

* * *

Всю ночь мы провели в местном управлении. Оно было в пять раз меньше танирского — и по занимаемой площади, и по количеству сотрудников, — зато камер оказалось даже больше. Ну понятно, студенты. Они везде буйные.

Полицейские ходили хмурые, недовольные, их ведь заставили работать. К Максу прицепились сразу же: у него ствол армейского образца, да еще и полный автомат. В-первых, частным лицам такие не продают, во-вторых, ввоз негражданского оружия на Эверест запрещен. Потребовали сдать пушку. Макс отдал с усмешкой:

— Держите. Сами принесете и еще извиняться будете.

Полицейские обиделись.

Макс объяснил, что он, строго говоря, не частное и не гражданское лицо. Как владелец планеты, он несет обязанности по ее защите, соответственно, имеет чин полковника внешней обороны. Стандартный чин для звездного принца, независимо от того, служил он в действующей армии или нет. Впрочем, практически все принцы хотя бы срочную, но прошли. И те, кто служил офицером, в обиходе представлялись заслуженным чином — пусть он хоть лейтенантский, — а не статусным.

Так или иначе, но Макс закупал оружие армейских образцов вполне легально. И носил тоже.

Полицейские почти что оскорбились. Люди по-разному реагируют на появление звездного принца в орбите своей привычной деятельности. Кто-то с любопытством разглядывает, кто-то демонстрирует почтение, а кто-то пользуется случаем показать, как он ни в грош не ставит этих задавак. Мы, мол, сами с усами, и на нашей территории вам никаких поблажек не будет, не надейтесь. Вы привыкли, мол, на всех свысока глядеть, по головам ходить, а вот мы вас на землю-то грешную спустим да заставим по ней погулять

вашиими ноженьками изнеженными, чтоб как все были.

Макс посмеивался. И не растерял куража, даже когда его сунули в камеру. Повод, как по мне, из пальца высосан — ну подумаешь, защищался тем оружием, какое было. Он же не нападал. Но вот тут полицейским показалось очень важно выяснить, почему он находился не в своем номере да почему пришел в гости вооруженным до зубов... Объяснять, что Макс всегда такой, он снимает пистолет лишь в ганзфри-зонах, — бесполезно.

А потом напротив него оказалась я. Совсем весело. Потому что один из орков был убит наповал, и убит из пока неустановленного, но тоже явно армейского оружия. Полицейские решили, что убила я, а ствол выбросила в окошко. Деда, кстати, они не нашли. Похоже, старикан вызвал врачей и поехал лечить стресс в госпиталь, а полиция решила, что его и не было.

Трагедия начала превращаться в фарс.

Меня спрашивали, зачем ко мне шли эти орки. И зачем я открыла огонь по ним, может, они поговорить хотели. Оказывается, их видела дежурная в холле, их было шестеро, еще человек. Человек сказал, что идут к Делле Берг, есть сведения, которые она просила раздобыть. Она преступление расследует, вот. Дежурная не удивилась, поскольку недавно к Делле Берг уже приходил орк. Полицейских, конечно, до глубины души возмутило, что я расследую преступление на их территории, и моя лицензия вкупе с авторитетом Августа их только злила. Они, дескать, сами справляются, у них все хорошо, пока не приезжают всякие столичные штучки и не начинают тут без спросу свои делишки крутить. Спрашивать я никого не обязана, но они обиделись: надо было зайти поговорить, так все воспитанные люди делают, а они бы объяснили, как у них тут принято работать. И вообще, я сама все подстроила. Орки вон безоружные были, ну кроме одного, а остальные-то с голыми руками! А я их крошить стала, ни за что. Дверь взорвали? А почему я знаю, что именно они? Да это я сама их спровоцировала на нападение. Да, так! Вот не надо было приезжать и распускать тут перья! Пока вас не было, у нас все тихо было! Ах, вы танирскую банду ловите? Ну и ловите ее на Танире, а здесь Эверест!

Есть такие люди, которые ненавидят оружие у гражданского населения. Они считают, что ствол у жертвы провоцирует бандита на убийство. Вот не было бы ствола — глядишь, преступник забрал бы что ему надо и ушел. А его потом поймали бы. Может быть. Зато все живы. Когда я училась в школе, то попала на диспут, посвященный частному оружию. И сказала: дело не в оружии, а в праве человека на самозащиту. Оружие лишь символ. Люди, ратующие за запрет гражданского вооружения, ратуют за то, чтобы отнять у людей их природное естественное право обороняться от агрессора. Почему-то меня с этого диспута выгнали. До сих пор не понимаю почему.

Наконец приехал Йен. Бледный, сердитый и взъерошенный. Пошел к комиссару. Вернулся явно не в себе. Спросил у нас с Максом про адвокатов. Объяснил, что здесь всегда был такой идиотизм, поэтому он год назад даже двух недель проработать не смог, сбежал. Позвонил Крюгеру, чтобы тот повлиял на ситуацию своим авторитетом. Крюгер все испортил, потому что комиссар окончательно взбеленился. Начала собираться местная любительская пресса, преимущественно студенческая. Я, понятно, никого не видела, но охрана у камер охотно делилась подробностями. В нужном ключе — типа, все из-за вас. Макс в своей камере ухмылялся и подравнивал ногти пилочкой. Полицейские недобро на нее косились, явно подумывая, не отобрать ли. А то вдруг кого зарежет.

Явились сразу две звезды — местная и залетная. То бишь Нина Осси и Верховная Жрица Лючия. Лючия пошла на концерт, познакомилась с певицей, выяснила, что они обе знакомы со мной. Поэтому они решили взять шампанского и пойти ко мне. Пришли — а там все оцеплено, бегают криминалисты и выносят ороочи трупы. Они отправились в полицию. Их выставили, но снаружи уже была толпа любопытных студентов, и «звезд» пришлось пустить обратно — во избежание. А то через час тут весь Эверест будет — когда еще представится возможность поболтать с Ниной Осси, да по такому авантюрному поводу, как расстрел орков ее подругой. Орков тут, кстати, не любили сильно и конкретно, поэтому я

мигом сделалась героиней года.

В четыре часа ночи явилось локальное оружие массового поражения в лице лорда Джеймса Рассела. Его сопровождала хорошенькая блондинка в хаки, в которой я с трудом узнала Эмбер Мелроуз. Что уж там Рассел сказал комиссару — не ведаю, но из камер нас с Максом немедленно выпустили, привели в кабинет и даже принесли кофе. Через час Макс с извинениями отдал пистолет. Правда, сначала ему достали боеприпасы — свои-то он израсходовал — и попросили сделать пару выстрелов в пулеулавливатель. Для экспертизы. Макс нетрудно, сделал. Потом с него взяли честное слово, что он не будет ходить по планете с этим монструозным агрегатом. Пусть хранит, так и быть, но чтобы без ношения и применения. Макс согласился и на это.

Картина вырисовывалась следующая. Некий человек низкого роста, но очень широкий в плечах, дважды пытался пройти в мой номер. Сначала он пришел с двумя орками, поднялся, но из номера напротив вылез скандальный старик, расшумелся. Услыхав звуки ссоры, вышел Йен. Он-то и запомнил и гостей, и старика. Всех незаметно зафиксировал на чип. Гости удалились. На следующий вечер тот же самый человек пришел уже с пятерыми орками. Ни одна рамка, ни одна камера их не записала, показания собирали со свидетелей. Полиции Эвереста это не нравилось, но куда ж деваться, нам тоже не нравилось.

Из пятерых орков двое были убиты — вооруженный и тот, которому Макс снес голову. Один довольно быстро очухался от разряда шокера и сбежал — его сдуру отвезли в больницу. Двое оставшихся имели ранения разной степени тяжести. Из них один очнулся, но убежать не смог, поскольку Макс перебил ему позвоночник. Тот, которого свалила я, лежал на операционном столе — пулька-то у меня маленькая, но залетела в голову и заблудилась там внутри. Все пятеро были голые — без шунтов, с неудаленными оппозиционными пальцами, не владеющие федеральным языком. Для допроса вызвали рабочего с ближайшей газовой скважины — чтобы переводил. Тот должен был приехать к середине дня — когда у него закончится смена.

Старик из номера напротив как в воду канул. Полицейские осмотрели номер и не нашли там не то что человека — а даже следов его проживания. Гостиничная электроника тоже уверяла, что в номер никто не заходил уже пару недель. Только с поручня балкона вниз уходил трос. Почти до самой земли. И один из таксистов на парковке видел, как с черного хода выбрался окровавленный человек, сел в машину и улетел. Тут же из-за здания выбежал старичок, очень быстро добежал до спортивного вертолета на стоянке и тоже улетел. Вслед за окровавленным.

Я отправила фотографии, сделанные Йеном, орку Шону Ти. Орк опознал в человеке Гранта. Его ранил старик из номера напротив, Грант ушел, но порядком наследил, запятнав кровью весь пол и лестницу. Генная экспертиза показала, что мне нанес визит Грант Закери Трумм. Оч-чень хорошо, это имя я уже знала. Именно этот человек участвовал в убийствах Василия Князева и Адама, пардон, Бернарда Бейкера. Он же как минимум относил труп эльфа Джона Смита, если не помогал убивать. Подручный Марио Лоретта, убитого на Эвересте Даймоном. Значит, по словам Шона Ти, Грант натаскивает диких орков на какую-то военную авантюру. Йен сказал, что по результатам экспертизы, которую провели после обстрела на Танире, помощником эльфийского снайпера был тот же самый Грант Закери Трумм. Помощником и убийцей.

Кажется, Йену наконец удалось убедить комиссара сотрудничать. Грант после ранения постарается выбраться с планеты — здесь население маленькое, все на виду, и уж, конечно, каждый раненый в госпитале вызовет подозрение. Поэтому надо выставить кордоны в порту, чтобы помешать бегству. Йен объяснил сложности, которые могли возникнуть, — что у Гранта наверняка чип на другое имя и что надо контролировать не только пассажирский, но и грузовой поток.

Только после этого нас отпустили.

* * *

В моем номере еще работали криминалисты. Макс решил проблему, сняв для меня номер этажом ниже и классом выше. Там была спальня, рабочий кабинет и огромная гостиная. Выбор напитков в баре — как в пафосном ресторане. Есть маленькая кухонька, с чайным шкафчиком. После недолгих препирательств мне позволили забрать вещи из старого номера и переехать.

Основательно помывшись, надев чистую одежду, я почувствовала себя отдохнувшей. Ну понятно, открылось второе дыхание, теперь я еще пару суток смогу обходиться без сна и еды. Потом упаду. Но это уже не важно, потому что мне требовалось всего несколько часов, чтобы решить все задачи, связанные с Эверестом.

Мне больше не нужны были инструкции Августа. План я выстроила такой: любимыми средствами, правдой или кривдой, убедить Роберта Зелинского лететь со мной, погрузить его на яхту Августа и привезти на Таниру, где сдать Крюгеру. Тюрьма — единственное место, где я могу гарантировать жизнь этому свидетелю. Есть вероятность, конечно, что никто и не собирается убивать его, но я сомневалась: эльфа Джона Смита убили вообще ни за что.

Оставалась небольшая проблема в лице Алистера Торна, который зачем-то хотел со мной встретиться. Впрочем, я могу отправить Зелинского с Йеном, а сама остаться.

В моей гостиной толпился народ. Нашли где потусоваться. Хорошо еще, я всех знала. В одном углу с серьезным видом тихо переговаривались Макс и Рассел. На что угодно могу спорить — о бизнесе. Не, ну а чего даром время терять? Йен развлекал Нину Осси, а Эмбер, всплескивая руками и широко раскрывая глаза, болтала с Люцией. Вот это, пожалуй, удивительно, потому что выглядели девушки отнюдь не как свежепознакомившиеся. Я подошла к ним. Мои подозрения оправдались: Эмбер тут же поведала мне, что знает Люцию уже много лет, познакомились на какой-то конференции викторианцев...

— Хоррор как жанр — моя слабость, — объяснила Люция. — А корни его растут из Викторианской эпохи. И даже не из литературы, а из самого стиля жизни. Я совершенно уверена, что хоррор может быть только английским, германским — помните, «сумрачный германский гений»? — и африканским. Французский хоррор — что может быть абсурднее?

— А что вы скажете о русском или, допустим, чешском? — спросила я, делая умное лицо. Нет, мне и правда стало интересно.

— Чешский по сути — ответвление германского, — безапелляционно заявила Люция. — А у русских настоящего хоррора быть не может. У них любой хоррор уступает прозе жизни.

За нашими спинами вырос Джеймс Рассел и тяжело уставился на Люцию. Люция не растерялась:

— Эмбер, лорд Рассел терпеть не может сатанистов, так что имей в виду.

Рассел едва заметно улыбнулся. Очень холодно. Он на Эвересте вообще был совсем другим, нежели на Кангу, — собранным, жестким как проволока, даже с виду безжалостным. Эльфийская красота не смягчала, а подчеркивала твердость характера.

— Но Люция моя подруга! — воскликнула Эмбер, обращаясь к нему. — Вы теперь перестанете меня уважать из-за этого?

Рассел посмотрел ей в глаза, улыбка стала властной.

— Нет. Не перестану.

Эмбер отчего-то смутилась и отвела взгляд. Рассел ответил Люции:

— У вас свои убеждения, у меня свои. Научитесь уважать чужие, если хотите, чтобы уважали ваши.

И отошел.

— Да нет у меня никаких убеждений! — крикнула Люция ему в спину.

— Это-то и плохо, — бросил Рассел через плечо.

— Тьфу, — в сердцах сказала Люция, — фанатик. Делла, представляешь, он крестил всех эльфов в своем поместье. Когда я спросила — ну зачем? — ответил: они тоже чада божьи, надо дать им шанс на спасение души. По-моему, англиканская церковь должна

поставить ему памятник при жизни за такое рвение.

Нина Осси уже пару раз глянула в мою сторону, я подошла, извинилась, что не смогла пойти на концерт.

— А! — отмахнулась она. — Фигня. Я понимаю. Это твоя работа. Мне тоже жуть как хотелось поучаствовать, но я же не бросила свою работу! Я просто что сказать хотела: будет еще один концерт. Камерный. Тут клуб есть, реально офигенный. Мне предложили там отработать двухчасовую программу. Причем без ограничений. Сама понимаешь, на концерте я работаю только то, что надо. В общем, билеты я через Макса пришлю. Будет реально интересно.

— Когда?

— Завтра.

— Постараюсь.

Йен принялся извиняться за местную полицию.

— Делла, они нормальные люди, адекватные, честные. Но у них тут замкнутый мирок, и они, в сущности, как и все провинциалы, очень не любят вмешательства извне. Их методы работы для Эвереста самые подходящие, но, конечно, они не годятся для случаев вроде нашего. Да, пожалуй, местные не так расторопны и умны, как танирские. Но какой умный и перспективный специалист, будучи в здравом уме, пойдет сюда?! Это замерзающее болото, здесь все происшествия случаются по плану! Первого сентября — драка между колледжем Святого Валентина и колледжем Среднего острова. Тридцать первого октября — повальная студенческая пьянка, мордобой, несчастные случаи и пожары. На Рождество и День студента — опять пьянка, и обязательно кто-нибудь выпадет из окна. На Валентинов день студенты одноименного колледжа рассылают поздравления девушкам из других колледжей, а парни оттуда приходят и дерутся с ребятами из колледжа Святого Валентина. На Пасху протестанты дерутся с католиками, а православные устраивают шествие против сатанистов, пока католики заняты и не могут примазаться. Первого мая шествие устраивают сатанисты, а остальные провоцируют их на драку. В сессию много попыток суицида, но погибают редко. Ну и так далее. Изредка кражи в отелях, которые раскрываются гостиничными детективами. Ну еще волнения среди рабочих на ледяных шапках. Но тамошние проблемы почти не касаются полиции, там справляются службы безопасности корпораций. Сюда идут люди, которые больше никуда не смогли пристроиться. Идут, чтобы ничего не делать. Да, они такие. Но они вовсе не желали всем нам какого-то зла...

Я пошла на кухню заваривать чай. Опять подумала: надо спросить у Люции, не она ли занимается поставками чая на Эверест. Но спросить не успела, потому что ко мне приперся Макс. Нежно обнял, потерся носом и деловитым тоном, не вязавшимся с жестами, шепнул:

— Что дальше предпримем?

— Дальше ты пойдешь читать свои лекции.

— Это само собой. Заберу твоих гостей и пойду. Только дождусь полицейских.

— Каких?

— Я договорился с комиссаром, что он пришлет пару оперов покрепче и поумнее. Если он не хочет, чтобы мы устраивали ему бедлам, пусть заботится о нашей безопасности, верно? Опера будут дежурить в коридоре, у твоей двери. Кстати, я переехал в этот отель, на седьмой этаж, номер точно над твоим. Мне надоело мотаться с острова на остров. Последний свободный номер занял... Я к чему спросил: я освобожусь часам к пяти. Формально в три, но у меня обычно еще ответы на вопросы аудитории... сама понимаешь, такие лекции вовремя не заканчиваются. В половине шестого я точно буду здесь. Если у тебя есть какие рабочие планы — согласен побыть твоим оперативником, потому что на местную полицию надежды лично у меня нет. Если ты против — я бы сводил тебя поужинать. По-моему, тебе нужно немного расслабиться. А к семи приходит моя яхта, я вызвал ее. Нет, я ничего не имею в виду, просто подумал, что неплохо иметь корабль под рукой, мало ли что.

— И какой из тебя оперативник, если ты поклялся не прикасаться к пистолету?

— Ну, Делла, — Макс заулыбался, — конечно, поклялся. И сдержу слово. Но я обещал не прикасаться именно к тому пистолету! Кто сказал, что у меня он один?

Я рассмеялась.

— Я принесу тебе второй, — доверительно шепнул Макс, — перед уходом.

— Спасибо. А яхта у меня есть. Не моя, конечно, — Августа. Стоит на космодроме. Я могу ею пользоваться.

— Моя лучше, — заявил Макс.

— Почему?

— Потому что, во-первых, к моей прилагается хозяин, приказы которого, даже самые безумные, экипажем не обсуждаются, а во-вторых, я со своей, в отличие от Маккинби, снял не все пушки. Нет, Дел, ну мало ли — у банды есть корабли, вдруг кто-то удерет, понадобится за ним гнаться...

— И устраивать несанкционированный бой в космосе, за который нас посадят.

— Ага, посадили уже одни такие. Не дрейфь. Я все устрою.

Я подумала. Потом еще раз подумала. В принципе риска никакого. Банду мы потрепали основательно. Руководитель группы ранен, орки перебиты. Даже если это не все орки, которых он привез, — без командира дикари малоопасны в силу своей бестолковости. Опять же, шум мы подняли знатный, бандиты либо залегли на дно, либо ищут способы удрать с Эвереста. Если уже не удрали, обманув местную неповоротливую полицию. Таким образом, посторонние, которые окажутся замешаны в моих делах, не пострадают.

— Мне вечером надо съездить в одно место, — сказала я. — Поговорить с парнем, из-за которого я и прилетела. Парень — студент, проблемный. На контакт не идет вообще. Мне, видимо, придется обманом заманивать его на борт яхты, чтобы вывезти на Таниру.

— Совсем неконтактный?

— Совсем.

— Имя, код знаешь?

— Роберт Зелинский, — я сбросила Максу его код.

— Что еще известно?

— Самолюбив, заносчив, ханжа. Ведет себя так, словно подозревает: у половины мужчин мира член больше, чем у него...

— А! — перебил меня Макс. — Все понятно. Отдыхай. К шести вечера я достану тебе этого поганца. Он ведь поганец?

— Говорят, еще какой.

— Отлично. А потом поужинаем? Можно на борту яхты, если тебе надо сопровождать поганца на Таниру.

— Сопровождать будет Йен, потому что мне еще надо дожидаться Алистера Торна. Уговорил: после работы весь вечер — твой.

Через пять минут прибыли обещанные оперативники. Макс принес мне свой резервный пистолет и забрал гостей. Стало пронзительно тихо. Я помялась и решила немного полежать. Спать не хотелось, но телу надо бы дать возможность расслабиться. Растянулась на широкой постели, полезла читать новости.

В принципе чтение новостей — моя обязанность. Мой рабочий день начинается с того, что я просматриваю почту, затем новости, а Августу излагаю выжимку. Но это на Танире. На выезде я полностью сосредоточена на текущей задаче, и бывает так, что уже Август пересказывает мне последние события по возвращении.

Новости оказались такими, что я окончательно расхотела спать.

Инквизитор первого класса Август Маккинби доказал факт государственной измены, совершенной военным министром Нотторпом.

Нотторп арестован, уже состоялось первое заседание суда. Август за неполных трое суток успел выступить в Сенате, перед правительством и в суде. Расследование вела сводная бригада: Августу ассистировала Алиша Бетар, инквизитор второго класса, два контрразведчика и штат оперативников сплошь из хоббитов. Десять человек. Год

исступленной работы.

И я ничего не знала!

Господи, он свалил Нотторпа... Теперь я поняла, с чем были связаны угрозы Энстона. Я-то грешила на Макса. А в это время оставались считанные часы до выступления Августа в Сенате. Энстон надеялся, что я испугаюсь и остановлю своего босса. Без его показаний дело рассыпалось бы... наверное. Станный все-таки человек Энстон. С чего он взял, что я могу остановить Августа? Его родная мать не остановит, что уж говорить об ассистентке.

Я лихорадочно читала материалы. Обалдеть можно... Все здание неприкосновенности Энстона зиждилось на двух китах — Нотторпе, который покрывал аферы в четвертом округе, и этике аристократов, которая сводилась к принципу «акулы кусают только раненых акул». Пока Нотторп занимал свое кресло, под Энстона копать было бессмысленно. И Август свалил его... Пробыл оборону Энстона, считай, в самом надежном месте. Пробыл с фронта, тупо, напролом.

Я просмотрела выступление Августа в суде. Хорош, чертяка. Величественный, собранный, опасный. Красивое невозмутимое лицо, холодные серые глаза. Выверенная речь с идеальным британским произношением. Неопровержимые улики, грандиознейшая преступная сеть, сотни вовлеченных лиц по всей Галактике... форменный же мафиозный синдикат. И Август, один на трибуне, как эпический герой, повергающий в прах дракона...

И я не сразу обратила внимание, что почти повсюду его сопровождала девушка. Высокая, тонкая, гибкая. Покорно-преданный взгляд газели, восторг на личике. Я даже не поверила своим глазам: это та самая Джиллиан Фергюсон? Ни фиги себе актерские данные у гадюки. Она выглядела юной, хотя была старше Августа, юной, неискушенной и трогательно влюбленной. На всех публичных выступлениях Августа, на всех пресс-конференциях она скромно сидела в зале или в уголке, следя за ним сияющими глазами. Скрипнув зубами, я полезла смотреть, что пишет светская хроника.

Ну да, свершилось. Или почти свершилось. Масса снимков Августа и Джиллиан. В ресторане за ужином, на прогулке. Она жмется к его руке, доверчиво кладет голову на плечо. Репортеры уже называли их самой красивой парой десятилетия. Прозвучала версия, что Август неспроста наехал на министра — кто-то в том синдикате обидел Джиллиан, а инквизитор отомстил. Я была оскорблена до глубины души: меня как будто обокрали. То есть страдала я, а жалеть будут ее!

От возмущения вскочила, нервно походила по номеру. Ну ладно, личные дела Августа меня не касаются, в конце концов, откуда мне знать, вдруг там и Джиллиан пострадала, я ж не одна такая «героиня»... Однако сделать вид, что я вовсе ничего не заметила, нехорошо. С Августом я разговаривать не могла, поэтому позвонила Алише Бетар. Алиша ответила голосом, без изображения.

— Привет, не отвлекаю?

— О, Делла! — обрадовалась Алиша. — Нет, я лежу в ванне и буду мокнуть еще час самое малое. Я заслужила это удовольствие. Куда ты пропала?

— Никуда не пропадала, работаю.

— Я почему-то думала, что ты выкроишь время приехать. Ну все-таки не каждый день такое происходит!

— Если честно, я ничего не знала. Буквально час назад в новостях прочитала.

— Фантастика.

Я поздравила ее с завершением масштабного дела, Алиша вздохнула:

— Делла, год жизни. Года просто как не бывало. Но зато я поняла, зачем нас так фундаментально учили. Послушай, это же ад. Я вообразить не могла, что в наше время, в нашей стране, не в каком-то там Шанхае, такое возможно. Там же государство в государстве образовалось. И абсолютно какое-то рабовладельческое государство. Даже не феодализм. Данью обложено все гражданское население, все колонии, людей терроризировали... Масштаб коррупционных схем такой, что я поначалу боялась — мы не поднимем этот объем работы.

— Ну а чего ты удивляешься, размах коррупции всегда зависит от двух вещей: количества того, что можно украсть, и удаленности от правоохранных структур. Ты вспомни, какие были схемы еще пятьдесят лет назад. И как первые инквизиторы вскрывали, извини, в первом радиусе целые сети, которые включали в себя десятки чиновников. Все хотят пристроиться к кормушке. Опять же, считается, что тащить из бюджета приличнее и безопаснее, чем воровать в одиночку или бандой. И это — рядом с Землей, на одной отдельно взятой колонии. Что уж говорить про четвертый округ... Энстон же в принципе за счет Нотторпа был неподсуден. Потому что жаловаться на него было некуда. Он двадцать лет творил что хотел.

— Да, конечно, но все равно. Дел, ну хоть какие-то зачатки совести должны быть! Если не совести, то осторожности!

— Зачем? — удивилась я. — Зачем, когда он в безопасности?

— Все равно не понимаю. Это до какой степени надо не уважать людей...

Я рассмеялась:

— Алиша, а он принц. Высокородный. Он там такой один, все остальные — быдло. Он родился с чувством собственной исключительности и уверенности, что мир создан для удовлетворения его капризов.

Алиша только вздохнула.

— Ужас. И сколько еще предстоит узнать... Мы ведь пока доказали три эпизода из двадцати шести известных. А собственно в округ мы еще не сошлись даже! Я боюсь думать, что мы там обнаружим. Но, Делла, как же вовремя мы спохватились. Еще пять лет — и Энстон отделился бы.

— Ну шаз, отделится он. Ему выделяли бюджет, поставляли оружие и солдат, опять же, у него тут тринадцать планет, с чего бы он все это захотел потерять?

— Да нет, не формально, без объявления независимости. По факту отделился бы. Там, собственно, и так жизнь была по своим законам. Помесь Шанхая с Эльдорадо... Ты сама как, живая?

— Местами. Если бы не Макс, точно бы на тот свет отправилась. Ко мне тут дружеская делегация орков на чай зашла, ну и пока орк отвинчивал мне голову — в прямом смысле слова, — Макс снес башку ему. Наверное, я долго буду помнить эту кучку орочьих мозгов у себя на макушке.

— Тьфу, — засмеялась Алиша. — Твой цинизм уже за гранью добра и зла.

— Алиша, у меня кое-что есть по Энстону. Мне звонили, по его поручению, как раз накануне первого заседания суда. Я тебе перешлю, но с одним условием: ты в эти материалы даже не заглянешь.

— А чего так?

— Не стоит такое смотреть на ночь.

— Думаешь, у меня психика нежная? — с сомнением уточнила Алиша. — Дел, нас вообще-то не хуже вас готовили.

— О чем и речь. Только я после этого две ночи уже не сплю и как-то не хочу.

— Ничего себе, — сказала Алиша уважительно. — Ладно, не буду. А что тогда с твоим материалом сделать?

— Отдай кому-нибудь из мужиков, кто с тобой работал.

— Думаешь, у них нервы крепче?

— Думаю, что их не так жалко.

— Ну хорошо, — Алиша повозилась. — О, я Маккинби отдам. Не возражаешь? Пусть у него будет веселая ночь. А то меня эта его овечка уже достала до печенок. Просто мечтаю испортить ей настроение. Надеюсь, она сильно расстроится, если у Маккинби после просмотра твоих материалов случится тотальный нестойк... Слушай, кто это такая вообще, ты в курсе?

— Смотря про кого ты.

— Джиллиан Фергюсон. Не могу, меня тошнит от нее. Я Маккинби сказала — ты что,

ослеп? Или поглупел? Она прилипла к нему, как сопля к стенке. Где бы мы ни появились — она тут как тут. Цветочки ему дарит после выступлений, прикинь? Утром захожу к нему в номер — мы на время процесса в отеле поселились, — а она мне дверь открывает...

Почему-то мне стало очень, очень больно.

— ...и вроде бы в одежде, но с таким личиком, что все сразу понятно. Дел, ты знаешь, я не ревную. Но есть две категории людей, которых я ненавижу: альфонсы и брачные аферистки. Дошло до того, что мы с ним даже поругались из-за этой крали. Я его спрашиваю — чего ты с ней носишься? Ну ты понимаешь, отвечает он мне, мы друг друга с детства знали, а у нее сейчас тяжелый период, развод, любимый муж уходит к другой, надо поддержать...

Я не выдержала и зло хохотнула.

— Во-во, — поддакнула Алиша. — Дел, мы-то женщины, мы это видим за километр. Я ему говорю — глаза раскрой, она же брачная аферистка, она тебя в следующие терпилы приглядела и обхаживает. Правда, я кое-что еще сказала, лишкухватила, он надулся. А она явно копирует тебя. Прическа у нее такая же, рост приличный, так она туфли без каблуков носит, глазками хлопает... Но у тебя это игровое, а у нее — наигранное. Причем, понимаешь, утрированно наигранное. А он как не видит!

Через пять минут я знала все о Джиллиан Фергюсон и об отношениях Августа с ней. Ну, я понимала, кому звоню. Алиша тоже понимала, кому рассказывает. Судя по всему, мое будущее обрело конкретные очертания. Август уже пару раз обмолвился, что не уверен, буду ли я и дальше работать у него. Замечания такого рода он ронял с загадочным видом, без капли огорчения. А я, дура, еще удивлялась, неужели он забыл, что мне пора продлять контракт?

Алише требовалось выговориться. Она устала жить строго делом, ей хотелось побыть женщиной. Я вытерпела, а потом, когда она отключилась, тоже пошла в ванную. Хорошая мысль — помокнуть в облаках пены. Глядишь, расслаблюсь, в сон потянет. А то я посмотрела на себя в зеркало и ужаснулась: на труп похожа. Олицетворенная смерть, косы не хватает.

В общем, с учетом новых обстоятельств, нельзя сказать, чтобы будущее мое рисовалось в мрачных красках. За два года я скопила порядочную сумму, ее хватило бы, например, чтобы оплатить еще одно образование в федеральном колледже. Да, раньше эта возможность отсутствовала, спасибо Энстону. Но Август свалил Нотторпа, и здание Энстона зашаталось. Не исключено, что я потребую пересмотра своего дела и смогу восстановить хотя бы диплом и разрешение работать по профессии. Если так, я просто вернусь в армию. Полковничьи звезды мне хотелось получить по-прежнему, сейчас еще сильнее, чем раньше. Но даже если меня не восстановят или дело затянется — после двух лет работы у инквизитора и при условии, что Энстон не станет мешать, я смогу устроиться в федеральную безопасность. Зарплата в твердой валюте, государственное жилье, страховка, пенсия опять же. Поди плохо. Это ведь я даже не рассматриваю такие беспроектные варианты, как вернуться домой или к Максу. Максу, правда, придется рассказать, что я бесплодна, но как-нибудь справлюсь. Может, я не настолько бесплодна, как мне кажется. Три года назад врач сказал, что слабый шанс на частичное восстановление есть. Современная медицина творит чудеса. Посмотрим, посмотрим...

Вызов из полиции застал меня в ванне. Гляди-ка, сам комиссар! Интонации сменились на уважительные, и вообще он был сама любезность. Хотел уточнить кое-какие данные о старичке, проживавшем напротив моего номера. Положим, я подозревала, что под личиной меткого и четкого дедушки скрывался Пол Даймон. Если он задался целью перестрелять на фиг всю банду, то самое оно ему оборудовать засидку поближе ко мне, чтобы использовать как приманку, — но полиции я об этом говорить не спешила. Тем не менее идея подъехать мне понравилась. Никогда не отказывалась узнать что-то новенькое в полиции — а это неизбежно, я ж по одним вопросам угадаю ход их мыслей.

Весело насвистывая, я оделась, причесалась, тщательно накрасилась, загримировав и

темные провалы под глазами, и серовато-бледную кожу, и заострившийся нос. Надела серый брючный костюм с розовой водолазкой. Я не самый большой любитель розовых оттенков, но знаю: этот цвет отлично маскирует недостатки кожи, освежая ее.

Прикинув план на сегодня, я заказала такси с водителем на весь день. Потом, поколебавшись, заблокировала канал Августа. Не могу я сейчас с ним говорить. Так и вижу: на Земле поздний вечер, он лежит в постели, на его обнаженной, влажной после любви груди покоится растрепанная головка Джиллиан Фергюсон, а Август начальническим тоном разговаривает со мной. Нет уж. Пусть текстом пишет. Тем более я в полиции буду, мне не стоит отвлекаться.

У меня было на редкость замечательное настроение. Я вышла в коридор. У номера дежурили два опера. Один остался охранять мое временное жилище, а второй проводил вниз. На площадке уже стояло воздушное такси, за штурвалом ждал молодой некрупный индеец. Завидя меня, он вышел, открыл дверцу пассажирского салона, разложил лесенку и помог подняться.

В воздухе я проверила почту. Два пропущенных вызова — от Августа и от Алиши. Текстовое сообщение от Августа: «Делла, что случилось, почему не отвечаешь?» Я соврала: «Извини, я в полиции, важная информация, позже отчитаюсь». «К черту отчеты, — написал он мне тут же, — немедленно на яхту и на Кларион. Можешь взять с собой Берга. Сиди там, пока я не прилечу». Ну вот делать мне больше нечего, ага. Я долго думала, что бы такого сказать, но ничего остроумного сочинить не смогла, поэтому оставила приказ без комментариев.

Мне не впервой не подчиняться приказам. Тем более что меня в любом случае увольняют.

Такси плавно снизилось перед зданием, которое занимало управление криминальной полиции Эвереста.

* * *

Я поняла, что Лючия была очень деликатным человеком. Она охарактеризовала Роберта Зелинского как поганца. На мой взгляд, он был самым настоящим говнюком.

Третий час мы вчетвером уговаривали его сдаться. Я уже впала в подобие транса, у меня отключились чувства и эмоции, я помнила только о задаче. Меня несколько часов протерзали в полиции, пытаясь выудить признание в сговоре с Даймоном.

Старичок, как я и догадывалась, был нашим неуловимым диверсантом — на тресе, с помощью которого он ушел из номера, остались частички его кожи. Видимо, был неаккуратен, когда надевал перчатки. Во время перестрелки он пользовался «джеймсоном» — это очень точный и несуразно дорогой ствол, которым в армии пользуется только спецназ. Не лучший выбор для пальбы в тесных помещениях, потому что длинноват, хотя заблокировать коридор самое милое дело. Полицейские додумались до того, что разжиться «джеймсоном» Даймон мог через Макса, но самого князя допрашивать побоялись, поэтому мучили меня. А я не собиралась ничего рассказывать про Даймона, поэтому не могла даже объяснить, насколько нелепа их версия. Положим, я знала, что аргументов в ее пользу, пусть не убойных, но заслуживающих внимания, много: Даймон прилетел с нами, заселился в гостиницу одновременно со мной, постоянно высовывался в коридор, стоило кому-то приблизиться к моему номеру. Вел себя как сторожевая собака, короче говоря. Но полицейские этого не знали, потому что прилетел Даймон под именем Джейкоба Бирмы — кстати, его чип лежал у меня в особом кармашке на бюстгальтере, и если бы его нашли, это была бы улика, а не просто «аргумент», — а заселился и вовсе нелегально. То бишь он вскрыл пустующий номер электронной отмычкой, подключился к гостиничной сети и вынес этот номер из базы свободных, не внося в базу занятых. По всей видимости, он никуда не выходил, однако осталось загадкой, что же он ел и как отправлял естественные надобности, потому что никаких пищевых заказов в номер не было и сантехника оставалась нетронутой

после очередной обработки. Такое ощущение, что он жил на клочке пола перед дверью. Теоретически питаться мог и таблетками, но таблетки не отменяют потребности в воде, а вода должна регулярно выводиться из организма. Мог пописать в пакетик и унести с собой. Но таксист, видевший, как старичок убежал, не заметил, чтобы у него был багаж. Вопрос: куда Даймон дел свои отходы жизнедеятельности и, самое главное, «джеймсон»? Это не пукалка для дамской сумочки, его в карман не положишь и под мышкой не спрячешь. Полиция почему-то считала, что ясность могу внести только я. Я предложила им осмотреть балконы всех нижележащих номеров в гостинице и мусорные баки — если их содержимое уже не отправили на переработку. По идее не должны, в случае вроде нашего полиция первым делом сигналист мусорщикам, чтобы контейнеры с указанной территории не трогали до окончания работы криминалистов. Опять же, что с вертолетом, на котором улетел Даймон? Вертолет еще не нашли, грустно сообщили мне.

Несколько часов мы ходили вокруг да около. Потом меня отпустили, и я поехала на встречу с Зелинским. Зелинский оказался под стать местной полиции. Нина Осси, на которую, собственно, Макс и выманил этого говнюка, явно боролась с желанием треснуть Зелинского по башке чем-нибудь тяжелым.

Ему вчера исполнился двадцать один год. Он сделался совершеннолетним и решил, что это повод показать всему миру, как он его ни в грош не ставит. Гаденыш поглядывал на нас победоносно, цедил слова через губу, посмеивался, видя, что мы все терпим, и считал, что наконец-то получает заслуженное. Он ведь такой великолепный, единственный и неповторимый, и всем за счастье внимать его речам. О, он долго ждал этого момента, когда за ним станут бегать принцы, знаменитые певицы и прочая приبلуда. Потому что все они — лишь пыль под ногами гениального Роберта Зелинского.

Да-да, именно так он и воспринял это «приглашение» — что мы за ним бегаем. Алкаем, так сказать, внимания такого скромного, но знающего себе цену истинного повелителя мира. Он даже не снизошел до того, чтобы отпираться. Да, идея насчет чипов принадлежала ему. У него еще много таких идей. Он уже четыре раза объяснил Макс, что старый мир рухнул, но пока не подозревает об этом. Нет больше никаких принцев и богачей. Все принадлежит Зелинскому. Ему пальцами щелкнуть, чтобы Макс превратился в самозванца. Вообще теперь все станут жить так, как им позволит Роберт Зелинский. Сокровища мира принадлежат ему, Роберту, и делиться он станет лишь с теми, кто заслужил его расположение. А заслужить его расположение — это трудная, очень трудная задача.

Нина брякнула, что уж ей-то такое не грозит. По крайней мере, она в силу своего таланта уникальна. Роберт ей объяснил, что талант не имеет значения — ведь все, что она заработала, в любую секунду перейдет к нему. Деньги, история, права на песни. Новые сочинит? И они перейдут. Так что, милая, или пой себе в подворотне, как самозванка, потому что твое имя — оно тоже больше не твое, или кланяйся. Ничего-ничего, позвоночнику полезны тренировки на гибкость.

Конечно, говнюк нарочно дерзил. С задротами такое случается сплошь и рядом. Их никто не замечает, а когда внезапно сваливается внимание, да еще и известных людей, задроты стараются показать, как они не уважают всех этих принцев и «звезд». Чтобы, типа, не считали себя лучше всех.

Он был чуть выше меня ростом, тощий и плохо выбритый. Одет как большинство экономных студентов. Грации ноль, движения грубые и ломкие. Роберт выпил две кружки пива, захмелел, и его спесь приобрела гротескные черты. Крошка Цахес на троне. Я склонялась к мысли, что он все-таки девственник, и не потому даже, что так непривлекателен внешне, а потому, что боится красивых женщин, а для дурнушек считает себя чересчур ценным подарком. Все ждала, когда он перейдет и к этой теме: как юный гений презирает красавиц. Должен, просто обязан он высказаться и на этот счет.

Все было понятно еще тогда, когда мы увидели место встречи. Кампус, «разоруженная зона», парковка для такси — снаружи. Нас привез индеец, которого я наняла на весь сегодняшний день. От парковки до студенческого бара в глубине кампуса было порядка

полтора километра. Нина Осси сдуру надела сапожки на высоком каблуке. Часть пути мы проделали через парк, по грунту, и Макс заметил, что зря мы не запаслись фонарями — на обратном пути, когда стемнеет, будет тяжело идти, потому что парк не освещался. Это Эверест, ребятки, здесь не до шик. Бар оказался дешевым, и мы вчетвером — я, Макс, Нина и Йен — выглядели инопланетянами. Мы ведь взрослые, хорошо одетые и повидавшие жизнь.

Паршиво, что чисто формально Роберта Зелинского не за что было задержать прямо сейчас. Он свидетель. Важный. Конституцией не запрещено выдумывать криминальные идеи и даже выкладывать их кому попало. Если б было запрещено, пришлось бы посадить в тюрьму всех писателей и вирсценаристов, работающих в жанре детектива. А кроме идей и знакомства с Луисом Алонсо, Зелинскому нечего было предъявить. Мы не знали, изготовил ли он своими руками хотя бы один поддельный чип. А Луис Алонсо — жертва. Да, мы подозревали, что Зелинский отправил Луиса Алонсо на Таниру, но это подозрение — не основание для ареста. Значит, надо добиваться, чтобы раскололся сам. Чтобы не мы приволокли его в полицию, а он пришел бы добровольно и сознался. Роберт Зелинский отлично понимал наши трудности и издевался. Он не собирался никуда идти. У него уже все хорошо.

— Слушайте, — не выдержала Нина Осси, — да ну его на фиг. Ну, грохнут его. Нам-то что? Его проблемы.

— С чего это меня должны грохнуть? — скривился Зелинский. — Вы ничего не понимаете.

— Конечно, — согласилась я, — мы ничего не понимаем в твоих детских фантазиях.

Зелинский разозлился, а Макс рассмеялся.

— Делла, — сказал он мне доверительно, — мальчик никогда не видел, как человек ползает по земле, придерживая вывернутые кишки, и воет от бессилия. Видел бы — никаких иллюзий не питал бы. Ему кажется, что его жизнь бесценна... — Макс взял паузу, картинно закурил. — А мы-то знаем: твоя жизнь стоит ровно столько, сколько твой враг готов заплатить за твою смерть. Роберт, тебе сказать, в какую сумму обойдется твое убийство? Могу приблизительно сказать: если нанять профессионала, то в пятьдесят тысяч максимум. И то из этих пятидесяти сорок пять придется заплатить за честь пригласить специалиста. Но для тебя специалист не нужен — тебя достать как поссать сходить, также легко. Ты живешь в ганзфри-зоне, на островке, который, за исключением гостевой парковки, целиком занят кампусом. Раз в неделю полиция сюда навещается попить чайку к твоему ректору и послушать новости. Еще у вас есть служба безопасности из десяти человек. Сюда может пройти любой орк. А орку даже оружие не нужно, он просто свернет тебе шею. И всей платы будет — купить орку билет до Эвереста, заказать такси до кампуса да положить ему в карман «нирваны» в качестве гонорара. Его даже из полиции вытаскивать не понадобится, потому что вместо «нирваны» можно дать яд. Посчитал? Вот столько стоит твоя жизнь.

— Это вас могут убить, — высокомерно отозвался Зелинский. — Меня не тронут. Никто, кроме меня, не знает, как...

Мы хором рассмеялись.

— Бобби, — Макс намеренно назвал его уменьшительным именем, — тебя прибьют твои же подельники, как только разберутся в идее. Потому что ты до хрена хочешь. Ты хочешь, чтобы мир ползал перед тобой на коленях. Но ты еще мальчик. А связался со взрослыми практичными людьми. Им не нужно упиваться властью. Им нужны деньги. Поэтому тебя убьют хотя бы для того, чтобы не платить. Ну и чтобы ты не поделился идейкой с конкурентами. Хороший изобретатель — мертвый изобретатель.

— Да чего вы мне тут рассказываете...

— Луиса Алонсо убили, — спокойно сказала я.

— Вранье! — Зелинский подпрыгнул. — Это была инсценировка! Так было нужно, чтобы отвести подозрения! Он мне сам написал!

— До или после смерти? — уточнил Йен.

— Разумеется, после, — Зелинский вскинул голову. — Вчера.
— Он написал тебе текстовое сообщение или говорил голосом? — продолжал Йен.
— Письмо. Текстом. Он сказал, что завтра приедет.
— И ты уверен, что писал именно он, а не кто-то с его чипом? — спросил Йен.
Зелинский хотел что-то сказать, но застыл.

— Твоя идея понравилась, — насмешливо сказал Макс. — Ее уже взяли на вооружение и усовершенствовали. Теперь ты сам не можешь отличить, написал тебе приятель или кто-то от его имени. У нас уже есть несколько готовых чипов. Раздобыли, да. Подделка не распознается. Поздравляю, Бобби, твоя идея работает.

Зелинский посмотрел на Йена, на Нину, на меня. Я нашла в своем архиве фото Луиса Алонсо в морге.

— Ты спал с Луисом Алонсо? — спросила я будничным тоном.

— Нет! — Зелинский побагровел.

— Ой, да ладно тебе, — отмахнулась Нина Осси, — мы не из полиции нравов и не твои закомплексованные предки. Все студенты пробуют клубничку.

— Не все, — хором возразили Йен с Максом и посмотрели друг на друга.

— У нас девчонок на курсе было больше, чем ребят, — пояснил Йен и покраснел.

— А меня просто не возбуждают мужики, — обронил Макс. — И голый мужик в моей спальне — это однозначно враг, которого надо убить или хотя бы выгнать. Инстинкты, да.

— Мне не важно, кто с кем спал, — сказала я. — Роберт, ты видел Луиса Алонсо без одежды? В спортзале, в бассейне, еще при каких-то обстоятельствах? Особые приметы знаешь? Сможешь опознать тело?

Роберт побледнел, потом снова покраснел.

— Ну, в бассейне видел, конечно. Смогу, в чем проблема-то.

Ну да, в бассейне он его видел, ага. Чтобы опознавать тело, надо его разглядывать. Впрочем, при наличии интереса этим можно заниматься и в бассейне... Я развернула монитор и показала Зелинскому несколько снимков.

Зелинский разом осунулся.

— Это... не знаю, очень похож... Но... родинка на бедре, да, у Луиса Алонсо такая была, и вот еще над пупком...

— Его убил как раз профессионал, — рассказала я. — Инъекция «нирваны», крест крест ножом на щеке, потом свернули шею. Никаких мучений. Но его убили.

Роберт открывал и закрывал рот.

— Если убили твоего посредника, то кто к тебе приедет завтра, ты подумал? — спросила я. — И зачем? Уж точно не затем, чтобы выплатить тебе твою долю.

— Но... Это совсем не то, вот это, крест крест, это я знаю, это его сатанисты убили, с которыми он путался! — взвизгнул Зелинский.

Я молча показала ему еще несколько кадров.

— Грета Шульц, — сказала я. — Лютеранка. Василий Князев, новообращенный православный. Бернард Бейкер, без определенных убеждений. Джон Смит, эльф, прихожанин англиканской церкви. Их убили точно так же. Что, те же сатанисты? Луис Алонсо не водил знакомства с другими жертвами. А вот еще гляди: Дирга Та, оркушка, изнасилована и убита. Хи Бруно, убит ударом по голове... — Я показывала всех покойников, называла имена. — А вот этот должен тебя отдельно заинтересовать: Марио Лоретти, с виду — повесился в парке на соседнем острове. Тут, на Эвересте, считай, в двух шагах от тебя. Неожиданно, да? Здесь перемешаны и члены банды, и случайные жертвы. Впечатляет количество? Банда начала замечать следы. Она убивает уже не только свидетелей, но и своих рядовых. Роберт, ты все еще считаешь себя ценным кадром?

У него бегали глаза и дрожали руки. Нина, едва подавив гадливую усмешку, подтолкнула к нему кружку с пивом. Зелинский жадно выпил.

— Чего вы от меня хотите?

— Чтобы ты прямо сейчас, не заходя домой, пошел с нами. На парковке нас ждет

такси, — сказала я. — Через час мы будем на космодроме. Там стоит яхта, которая отвезет тебя на Таниру. Вместе с Йеном Йоханссоном. На Танире пойдешь в полицию и все расскажешь. Пойми, явка с повинной для тебя единственный способ остаться в живых.

— На суде тебе много не дадут, — пообещал Йен. — Из колледжа вылетишь, само собой, но это не беда: потом в другом месте доучишься. Если тебя убьют, то в гробу, сам понимаешь, вообще никаких дипломов тебе не видать.

Макс ткнул пальцем в терминал на столе. Через минуту робот привез стакан, до половины налитый виски. Один.

— Пей, — Макс поставил виски перед Зелинским. — И поехали. Банду мы вчера прижучили, но они скоро опомнятся. Надо ловить момент, пока они зализывают раны.

Зелинский выпил. Поднялся, тяжело опираясь о стол. Черт, он пьян. Заблует еще Августу каюту на яхте... Ладно, разберемся.

Мы беспрепятственно покинули бар. Нина прихрамывала, у нее устали ноги, она шепотом ругала говнюка-студента. Ведь был же бар недалеко от парковки! Так нет, захотел унижить, заставил топтать через весь кампус... Макс и Йен с двух сторон поддерживали под локти Зелинского, окончательно павшего духом.

Высоко в небе, заложив крутой и невозможно красивый вираж, прошел корабль. Макс задрал голову, проводил его взглядом, завистливо вздохнул:

— Хочу такую.

— Интересно, кто позволил летать над жилыми зонами? — удивился Йен.

— Так это же «Афина», — пояснил Макс. — Новая серия. У нее атмосферный выхлоп сравним с выбросами планетарной грузовой техники, вполне экологичен. Но как ходит, как ходит... Я в прошлом году предсерийный образец только видел, слюни потекли. Похоже, на посадку пошла. Завтра найду владельца, попрошу показать. Дел, а хочешь, купим такую?

— Мм... Слушай, она ж дорогая, наверное...

— Да достану я денег. Ну ей-богу, один раз живем же, нельзя все время экономить.

На входе в парк нас остановили.

В сущности, я заметила их секундой раньше — по запаху. Но выигрыш во времени ничего не давал, потому что убежать от орка, когда ты на каблуках, — нереально. От него и без каблучков нереально убежать. Он в крайнем случае на четвереньки опустится и помчится гигантскими прыжками.

Семеро. Семеро очевидно диких горных орков загородили нам путь. Трое зашли в лоб, двое с флангов. И двое сзади.

Вот попали так попали.

Я очень живо вообразила фото в новостях: я со сломанной шеей и косым крестом на щеке. Или еще в каком непотребном виде. Август не собирался увольнять меня, у него приступ острого предвидения случился. Я не смогу работать у него дальше, потому что сегодня меня убьют. Наверное, мучительно.

— Вы, — сказал один из орков, — идете с нами. Тихо.

Зелинский тоненько завыл.

Я осторожно скосила глаза на Макса. У Макса было холодное, отрешенное лицо. Мы оба знали, что делать в таких случаях. Мужчина бьется насмерть, а женщина бежит. Единственный сценарий, при котором шансы выжить есть у обоих, — потому что убивать, когда свидетель удрал, решаются немногие. И потому что женщина может привести помощь. А если не приведет, умрет только один, а не оба.

Макс знал, что обречен. Его это не огорчало. Долг есть долг.

У меня шокер и нож. Шокер на максимуме. Одно-двоих орков я свалю, этого хватит, чтобы выломиться из кольца. Но у нас балласт — трое гражданских. Нина, дура, небось даже шокера не носит. У Йена что-то может быть, но наверняка не знаю. И еще Зелинский, которого надо, кровь из носу надо доставить живым.

С лица у Макса стекло всякое выражение, черты разгладились и застыли.

— Хорошо, — сказал он ровно. — Мы идем.

И сделал шаг вперед. На следующем он ударит ближайшего орка, а я ломанусь в проделанную им брешь...

Сухой щелчок откуда-то сзади, второй, третий, звук падения, ругань, два орка кинулись в кусты... Макс обернулся ко мне с дикими глазами, а я крикнула:

— Прикрой этих! Он завалит Зелинского!

И кинулась бежать. Только не назад, а вперед.

За спиной щелкали выстрелы. Снайперская винтовка с глушителем. Проклятье, Даймон. Конечно, он мог выследить орков, но я была уверена — меня. Он знал, что на меня придет банда. А следить удобнее всего, когда ходишь не за мной, а со мной.

Индеец-пилот. Молодой, довольно щуплый для этой расы. Я вызвала такси на весь день. Он весь день возил сначала одну меня, потом всю компанию. Вот дьявол, это ж надо так маскироваться... У него ведь не то что моторика менялась — а и выговор. Имитировать индейский акцент невероятно трудно. На что я способна к языкам, я в Эльдorado говорила на шести диалектах испанского, — но индейский я не осилю. Даже на том уровне, чтобы обманывать людей, не индейцев.

Я выбежала на парковку. Вот наше такси. Машина была заперта, водитель ушел. Так и есть, меня сегодня возил Даймон. Я огляделась. Он поставил машину так, чтобы свет ближайшего фонаря бил в пассажирскую сторону. Тогда на водительскую упадут тени, и не нужно обходить аппарат, чтобы заметить засаду. Он еще и шасси оставил выдвинутым на максимальную высоту — я под днищем на четвереньках пройду точно, а уж человека, который прячется под машиной, будет видно за двести метров. Нормальный полицейский опер в моей ситуации устроил бы засаду в кустах. Да, в тридцати метрах, зато надежно. Потому-то и не смог бы взять Даймона.

Я подобрала полы длинного теплого плаща и залезла на выступ сложенного крыла с пассажирской стороны. Выглянула, убедилась, что крыша загораживает меня полностью, скрадывая предательскую тень. Впрочем, тень мы еще используем. У меня ведь из всего оружия — только шокер. Но для человека, ориентирующегося по тени, этого хватит.

Я плотно прислонилась спиной к борту, влоботорота — на случай, если осторожный Даймон решит зайти с пассажирской стороны, — чтобы меня не застали врасплох. Зажала в ладонях шокер так, чтобы из пальцев торчал самый кончик, как ствол маленького пистолета. И затаила дыхание.

Мне ведь даже по тени нельзя ориентироваться. Только по звуку.

Полторы минуты спустя я уловила легкий шорох.

Пришел.

* * *

— Даймон, стоять, — спокойно приказала я, приподнимая руки над крышей машины, так, чтобы тень показала пистолет.

Мертвая тишина.

Две, три секунды... Из-за края носового обвода показалась рука. Одна. С зажатой в кулаке гранатой. Дьявол!!! В нашем обиходе эту дрянь называли «Без сомнения» — потому что ее убойная сила не оставляла ни времени, ни места для колебаний. Пальцем Даймон прижимал взрыватель. Стоит отпустить — и в клочья разлетится вся парковка. От нас с Даймоном не останется даже фарша — так, капельки одни.

— Ну, стреляй, Делла Берг, — насмешливо предложил Даймон.

Я молчала.

— Бросай ствол, поговорим.

Я не шевельнулась.

— Тогда я сейчас тупо взлетаю, — пообещал Даймон. — Свалишься с крыла, кости поломаешь — сама виновата.

Он распахнул водительскую дверцу, что-то небрежно бросил в салон. Судя по звуку,

винтовку. Я подумала — и отшвырнула шокер подальше, в кусты.

Даймон расхохотался.

— Обманула! А я поверил, что у тебя пистолет! Ну молодчина, не растерялась! Причем я же помнил, что ты законопослушная, не понесешь всякую бяку в ганзфри-зону! И все равно поверил!

Он смело обошел машину, встав лицом ко мне. На ладони он подбрасывал гранату.

— А я тоже обманул, — доверительно сообщил он. — Она учебная.

В левой ладони у меня был раскрытый нож. Не все еще потеряно... Взять Даймона не смогу, но и сама не дамся.

— Я бы помог тебе слезть, я где-то в глубине души джентльмен, но ты же хоббит, у тебя наверняка нож приготовлен. Поэтому давай ты как-нибудь сама? Честное слово, не потому, что я невежливый.

Я спрыгнула назад, так, чтобы нас разделяло сложенное крыло.

Даймон одним движением стянул наголовник маскировочного костюма. Теперь он по плечи был самым собой.

Чуть повыше меня, сантиметров на десять, не больше. Тонкий, гибкий. Седые выющиеся волосы зачесаны назад. Не совсем короткие, кстати. Темная, сероватая в искусственном свете кожа — когда-то оливковая. Черные пытливые глаза. Черты слегка удлинённого лица крупные, породистые. Нет, ребята, в Эльдорадо он был бы еще заметнее, чем я. У него корни итальянские, никак не испанские и тем паче не мексиканские.

— Твои все живы. Только Берга пришлось поцарапать, он слишком ретивый. Ничего, он этой царапиной гордиться будет, как-никак, настоящая боевая рана. Полиция здесь будет минут через десять-пятнадцать, — деловито сообщил Даймон, — и то если твои уже вызвали ее. Успеем. Делла Берг, ты договороспособная?

— Пока мне нож к горлу не приставят. В прямом и в переносном смысле. Тогда — нет.

— Ну это-то понятно. — Даймон болтал дружеским тоном, как будто мы с ним были двое коллег, встретившихся в техничке перед стартом. — Мне заплатили за тебя. Десятку.

— Чего так мало?

— Я тоже считаю, что мало. Ты живая способна причинить ущерб на миллиарды, а убить тебя хоть и несложно, зато геморройно. Поскольку я не собираюсь на тебя работать, я согласился на десять миллионов. Твердых, а как же. Теперь вопрос стоит так: мне нужны эти деньги. У меня семья есть. На свою жизнь мне хватит, но хочется и семье что-то оставить. Мотивы понятны? Если мы договоримся, я получу эти деньги, а ты — моего заказчика с потрохами. Не договоримся — я валю тебя, хотя и не хочу. Заказчика сдаю авансом.

— И кто?

— Как — кто? Энстон, конечно.

— А если бы он тебе больше заплатил?

— Не имеет значения. Зачем убивать, когда можно украсть? Ему можно, значит, воровать из бюджета, а мне нельзя из его кармана? Притом, что в его кармане лежит бюджет, который наполняется в том числе и из моих налогов? План такой: я отдаю тебе половину инфы. Строго то, что имеет отношение к моим с ним переговорам. Там все четко, красиво. Ты проверяешь ее, затем притворяешься мертвой. Я снимаю ролик с подтверждением, после чего сюда прибегает Берг, ты объясняешь ему задачу. Он встречает полицию, убеждает ее поверить, что ты — это твой труп. Он плачет над тобой, вас таких снимают полицейские — позаботься, чтобы была утечка в прессу, а то Энстон проверить может, — тебя увозят в морг. Двое суток после этого не светись. Я получаю гонорар и передаю тебе вторую часть инфы. Она куда вкуснее первой. После этого делай что хочешь, хоть в полицию все сдавай. Момент — удачней не придумаешь. У тебя все дела на Эвересте закончены, можешь пару деньков просто отдохнуть, а Энстон слишком занят, чтобы детально проверять, правда ли ты убита. Опять же, если ты решишь пустить мою инфу в ход, то Энстону станет не до поисков меня, засранца эдакого. Поможем друг другу?

— Ты в банду для этого внедрился?

— Что? А, нет. Я же говорю, деньги нужны.

— Не стыдно? Ты ведь один из лучших диверсантов.

— Ни капельки не стыдно. Государству можно убивать — моими руками, путем смертной казни, еще как, и все это считается законным. А что такое государство? Государство — это граждане. И я не вижу, почему государству можно, а отдельно взятому гражданину нельзя. У нас демократия, ребята. Я просто уравнивал в правах гражданина и государство. Хотя ты, наверное, скажешь, что мне попросту наплевать на человеческую жизнь. И будешь права, кстати, есть такое дело.

— Заказчика в банде тоже сдашь.

— Торгуешься?

— Меня не так просто убить.

Даймон снова рассмеялся.

— Да мне не жалко. Знаешь, — он облокотился о нос машины, — двадцать лет назад она была очень красивой. Красивой и отчаявшейся. Мне нравятся такие женщины — с огнем и болью в глазах. Женщины, которые танцуют со Смертью. Ты еще ярче, но я уже не так молод, и душой в том числе. Двадцать лет назад я потерял голову и на прощание сказал ей: будут проблемы — звони. Она позвонила. Двадцать лет спустя. Я был почти оскорблен, но слово дано. Думай, тебе этого хватит.

— И что потом? Тебе не заплатили?

— Заплатили. Мне заказали двоих. Потом я уже был свободен от всяких договоров, но не стал дистанцироваться. Мне понравились эти чипы. С ними интересно работать. Кроме того, я могу и сам себя нанять. Какой тут мой интерес — я оставил достаточно подсказок, разберешься сама. Когда вчера позвонил Энстон, я подумал: отличный повод! У меня есть все, что необходимо. Соглашайся, Делла Берг. Такого выгодного предложения тебе не делали давно. И не скоро сделают.

— Ты веришь мне на слово?

— Почему же нет?

Я ничего не сказала. И пистолет в его руке заметила поздно.

Раздался хлопок, по моей груди расплылось красное блестящее пятно. Я машинально отшатнулась, а Даймон засмеялся:

— Пиф-паф, Делла Берг, ты убита. Пойдем отыщем место и положим тебя в самой живописной позе.

Бред, полный бред. Я подчинилась. Даймон заботливо сунул мне в руку пластиковый футляр для карточек. Почти машинально я сделала выборочный просмотр. Если это и подделка, то высочайшего качества, и на глаз, без аппаратуры, я не распознаю ее. Да если бы и могла... Выбора-то у меня не было.

Я легла на бетон, Даймон снял и отложил в сторону одну туфельку, картинно разбросал мне волосы, прикрыв лицо.

— Теперь молчи и не дергайся, я включаю запись, — предупредил он.

Он взял мою левую руку, снял сопряженный браслет, пощелкал маленьким пинцетом, примериваясь — и ловко, почти в одно движение, вынул чип. Все правильно. Мало свалить, доказательством смерти считается только чип, снятый с тела, — и зафиксировавший момент, когда умер мозг. Даймон аккуратно уложил мой чип в кармашек из черной плотной пленки.

Почти каждому случалось остаться без чипа секунд на десять — при плановой замене. Ничего не успеваешь почувствовать — хотя некоторые пугаются. Мне случалось обходиться без чипа долго, я помнила, каково это, и старалась не вспоминать. Очень старалась. Меня уже бесило, что я не знаю, который час. Я наполовину оглохла и наполовину ослепла. Какая мелочь. Ты теперь, голубушка, в принципе знаешь об окружающем мире лишь то, что успела запомнить. Хорошо, кстати, что есть профессиональная привычка запоминать дорогу. Ведь карты местности тоже недоступны. Зато какое-то время ты не будешь замечать рекламных меток... Подумай об этом. Хоть минимальный позитив. Ой, мама, неудобно как. И бетон холодный.

— Отбой записи, — сказал Даймон. — И тебе отбой спектакля.

И протянул мне чип.

Я села.

— И?..

— Что? Мне твой чип не нужен, у меня уже есть. С уже записанной твоей смертью. Банда трудится на меня всю, хотя сама этого не понимает, — пояснил Даймон.

— Думаешь, Энстон еще не знает про местную технологию?

— Нет. И постарайся, чтобы в ближайшие двое суток не узнал. Попроси Маккинби, пускай он подбросит ему пищу для фантазии. Пусть Энстон будет занят.

Я кивнула. Даймон на корточках сидел напротив и смотрел мне в глаза.

— Сдавайся, — сказала я. — Дурак, с огнем же играешь. Тебя с твоей биографией никто в общую тюрьму не засунет, а спецтюрьма тебе не страшна. А то найдется же десяток орков и на твою голову.

— Может быть, — согласился Даймон. — У дилетантов всегда больше шансов убить профессионала. Профи знает замашки профи, а дилетант способен отмочить такую глупость, что удивись уже на том свете... Но я еще потрепыхаюсь. Есть шанс. Если повезет, остаток жизни проведу в уютном родовом поместье. Не повезет... ну, значит, не повезет. — Помолчал. — Не вижу, куда ты свой шокер зашвырнула. Ладно, — он вынул из наплечной кобуры пистолет, положил рядом со мной. — А то я не всех орков отстрелял, мало ли... Бывай здорова, Делла Берг.

Легкой походкой Даймон ушел к машине. Я смотрела ему вслед. Снять его из его же пистолета мне и в голову не пришло. Пусть уходит. Даймон залез в кабину, завел двигатели. Машина повернулась носом к морю, коротко разбежалась и прыгнула в воздух.

Из кустов выбежал окровавленный Макс.

* * *

Я сидела в морге, закутавшись в клетчатое одеяло, и пила чай. Я ужасно замерзла, пока валялась на бетоне, а сбитые с толку, но по-прежнему неповоротливые полицейские фотографировали меня с разных ракурсов. Макс, весь в кровище, плакал надо мной так натурально, что я едва не разревелась за компанию. Он положил мою голову на колени, гладил меня по лицу, бормотал слова любви и клятвы мести. Нина Осси, которую не успели предупредить, добавила достоверности: она вышла на парковку, увидела нас и завывала совершенно по-бабьи, горестно и безнадежно.

Все это уже было в вечерней ленте новостей. Сливом информации занимался лично Йен, потому и получилось так оперативненько.

Нина Осси сидела рядом со мной, тоже в одеяле, только полосатом, и чашка с чаем у нее была побольше. Сама Нина была зеленого, без шуток, цвета. Когда я убежала, а Даймон застрелил всех, кого хотел, Нину долго рвало от пережитого ужаса. Потом она разрыдалась. Потом ее еще раз вырвало, уже непонятно чем, потому что даже желчи не осталось, и она плакала до самого морга.

Макса заштопали. Он свалил Зелинского наземь и прикрыл собой. Даймон долго целился, в конце концов все-таки выстрелил — одной пулей порвав Максу плечо и пробив Зелинскому шею. В общем, с точки зрения диверсанта рана, полученная Максом, — действительно царапина. Всего-то кожа, до мяса, да, но мышцы не задеты, сосуды тоже целы. Штопали его прямо в морге, Макса соседство орочьих трупов веселило.

Роберта Зелинского увезли в госпиталь. Врачи сказали, что жить будет. Говорить сможет через месяц, а через пару лет снова начнет ходить. Наверное.

Одному Йену ничего не сделалось, поэтому он работал — гонял полицию, организовывал всех, успел выступить на короткой пресс-конференции...

Теперь мы сидели в морге и решали, что делать дальше. Проблема заключалась во мне: мой чип все еще лежал в кармане, снаружи толпилась студенческая пресса, отдельные особо

изобретательные личности пролезли в здание, под видом свидетелей и нервно-пострадавших. Поскольку полицейский морг находился в одном доме с управлением полиции, мне выходить категорически не рекомендовалось. Для совета и охраны нам прислали двух младших криминалистов и одного следователя, который заодно снимал показания. Патологоанатом, высокий флегматичный мужик, уточнил — ему как, работать прямо сейчас или можно отложить до утра? Следователь ему сказал — а как хочешь, наших потерпевших уже не шокируешь сильнее, чем есть. Простые люди, что с них взять. С другой стороны, были бы сложными, кто-нибудь уже устроил бы скандал, почему мы их среди мертвецов держим или работать мешаем... Толпа снаружи прибывала, надо мной нависла реальная перспектива ночевки в морге, и Макс уже предложил вынести меня в гробу, погрузить на его яхту и отвезти на Сонно для похорон.

Я убеждала себя, что без чипа жить можно. Получалось так себе.

На прозекторских столах лежало пять свежих орочьих трупов. Двое удрали, а Даймон не стал гоняться за ними. Нет смысла, они голые, с планеты и даже с острова никуда не денутся, их местная полиция отловит. Один из убитых был чипованный, он-то и привез всю гоп-компанию на остров. Машину их обнаружили в парке. Патологоанатом только глянул — сразу сказал, что шунт орку ставили кустарно, он еще не зажил, да и чип, скорее всего, краденый.

Примчались лорд Рассел, Эмбер и Лючия. Похоже, чары Эмбер оказались сильнее религиозного фанатизма Рассела, потому что он больше не скалился на Лючию. Они приехали, узнав из новостей о моей смерти. Макс всех успокоил, попросил помощи в решении проблемы. Идея с гробом привела Лючию в восторг, она заявила, что уж гробов-то в Церкви Люцифера хватает, может дать займы, есть у нее достойный экземпляр. Нина оживилась, воскликнула — Макс, а как же концерт? Концерт же завтра, Делле непременно надо попасть. Пусть хоть в гробу принесут. Макс пообещал устроить ей пару-тройку концертов на Сонно, Нина успокоилась.

Рассел внимательно и придирчиво осмотрел орочьи трупы — полиция была в таком шоке, что даже не пыталась выгнать из зала посторонних, которые устроили там великосветскую тусовку, — одобрительно покачал головой, сообщил мне, что орков валил мастер своего дела. Орка свалить труднее, чем человека, как правило, нужно два-три смертельных попадания, потому что без сердца орк живет еще пару минут — не теряя разрушительных способностей. В качестве примера привел диких кабанов, которые пробегают иной раз и подвести метров, когда у них уже ни сердца, ни легких нет. Орки, заверил меня Рассел, еще хуже кабанов.

Я лишний раз подумала, как мне повезло, когда отстреливалась в гостинице. Кстати, интересно, как я без чипа заберу оттуда свои вещи? Как докажу, что я это я? Впрочем, я же мертвая, мне без разницы. Макс придумает, как вытащить барахло.

Нина, внезапно развеселившаяся, отыскала умопомрачительный кадр и показала мне. Да уж, есть чему завидовать. Макс на коленях у моего трупа, а мой труп так женственно и картинно лежит на бетоне... Тут я обратила внимание на комментарий и нахмурилась: Нина выдернула кадр уже из земной новостной ленты. «Сегодня на Эвересте, в ходе перестрелки на территории кампуса колледжа Святого Луки, убита Офелия Гвиневра ван ден Берг (псевдоним Делла Берг), ассистент инквизитора первого класса Августа-Александра Маккинби...» Я взбесилась, раскричалась, потребовала, чтобы мне отдали на расправу того гада, который опять обозвал меня Гвиневрой, когда у меня второе имя — Гвиневера... Макс даже испугался. Ну конечно, это Макс напортачил. Никак запомнить не может. Все присутствующие женщины пришли в восторг от «Гвиневеры», что только усилило мое раздражение. Если я что и ненавидела в этой жизни люто, так свое полное имя и фантазию папаши с дядюшкой, это ж они выдумали, спасибо, папиного двоюродного брата не было, а то у него тоже воображение, и была бы я какой-нибудь Корделией, хорошо еще не Дездемоной — а что, у Шекспира много прикольных женских имен...

В разгар этого дурдома открылись большие двери зала, и нас стало на три человека

больше. Воцарилась тишина, потому что их никто не ждал.

Алистер и Кейт Торны. А на шаг впереди — Август Маккинби.

* * *

Август стоял и просто смотрел мне в глаза. Через весь зал. На его лице отсутствовал даже намек не то что на выражение — а на то, что это выражение хоть когда-нибудь бывает.

Жили только глаза.

Я не знала, плакать мне, или смеяться, или сделать вид, что ничего не заметила, списать на стресс, — так много всего было в этих глазах.

Вокруг снова поднялся шум, но я не разбирала ни слова. Звуковой шторм обтекал меня и Августа, как две скалы в море.

Наконец Август изрек слово. Одно.

— Живая.

* * *

Тон Августа не сулил мне ничего хорошего. Собственно, никакого тона не было вовсе. Это-то меня и пугало. Я понимала, конечно, что он зол. Зол как черт. Но это же Август-Александр Пол Николас и еще двенадцать имен Маккинби. У него абсолютное самообладание, многократно проверенное на тестах и провокациях в университете. Раз в год он позволяет себе сорваться — в быту, не при посторонних. Сейчас посторонних хватало, поэтому Август будет ровен и невозмутим, как робот. Но по-отом... но когда мы останемся вдвоем... Пожалуй, я даже жалела, что мой босс — не Макс. Макс просто зверски отымел бы и успокоился. «Зверски» в том плане, что имел бы, пока ему не надоест, но, конечно, без грубости. Что выдумает мне в наказание Август, я боялась и гадать.

Но при всем этом я была чертовски рада его видеть. У меня просто сердце запело, когда он вошел. Я разом осознала, как же мне не хватало его. Все эти жуткие трое суток, прожитых в отчаянии и страхе. Честное слово, первым моим порывом было кинуться ему на шею и разреваться от счастья. Конечно, я сдержалась.

Бесшумно и легко ступая, Август обошел все трупы, профессионально их оглядел. Подошел следователь, Йен представил их с Августом друг другу. Следователь сам еще ничего не знал, потому что я не успела придумать, что врать про Даймона... Август внезапно повернулся, буквально в пять шагов пересек разделявшее нас пространство и сел рядом раньше, чем я выдохнула.

— Насколько важно сохранять легенду? — спросил он.

— Очень важно.

Август скользнул равнодушным взглядом по собравшимся. Ничего уточнять не стал.

— Какие идеи?

— Ну, основная — добыть гроб и вынести меня в гробу.

Август чуть не застонал.

— Ни ума, ни фантазии у вас. Тебя не могут отдать для похорон в день убийства. Будешь тут жить до срока?

— Это не моя идея, — с достоинством возразила я. — Я тактик, так далеко вперед не заглядываю и решаю проблемы по мере их поступления.

— Хочешь сказать, проблема выхода еще не поступила? — Август посмотрел на меня почти с ненавистью. Ну, не с ненавистью, но при его сдержанности недовольный взгляд означал примерно ту же степень неодобрения, что взрыв бешенства — у Макса.

— Ко мне — нет, еще не поступила. Я только что решила задачу «притворись трупом», замерзла как собака, сижу отогреваюсь. Отогреюсь — позвоню комиссару и попрошу самый маленький комплект формы для шлемонавта. И преспокойно выйду. Вон, Нину Осси сопровождать буду. Ей же нужна охрана, чтоб толпа не разобрала на клочки на память.

— Уже лучше, — фыркнул Август. — Ладно, сиди. — Он встал, еще раз оглядел присутствующих, на этот раз особое внимание уделив дамам. — Мисс Осси, могу я попросить на вечер ваш парик?

Я покосилась на нее. То, что волосы у нее не натуральные, я заметила. Но как Август определил, что именно парик?

Нину интересовало то же самое.

— Вы на всех записях избегаете резких движений головой, не встряхиваете волосами даже тогда, когда этого требует хореография, — пояснил Август. — Привычка с тех времен, когда вы не могли позволить себе дорогой парик с надежным креплением.

Нина хохотнула и принялась отлеплять от висков и кожи за ушами тонкую пленку, намертво удерживающую парик. Через минуту она протянула свои малиновые волосы Августу. Под париком у нее обнаружилось полтора дюйма симпатичной золотистой шерстки а-ля индианка. Короткая стрижка разительно меняла ее.

Через минуту морг превратился в гримерку. Август собрал у всех женщин декоративную косметику и принялся разукрашивать меня с Ниной. Нине нарисовал роскошный фингал на половину лица, с припухлостями и ссадинами. Типа свидетельница расстрела, убежала, ее догнал орк, стукнул, тут его настигла пуля неизвестного снайпера. Синяк и другая прическа превратили Нину Осси, при ее-то запоминающихся неправильных чертах лица, в совершенно незнакомую девицу из студенческой богемы. А уж когда мы поменялись одеждой, Нина и вовсе перестала быть собой.

Август послал полицейского на поиски луковицы — разумеется, большой и натуральной, — а сам взялся за меня. По идее, надо было мне самой поработать, я ведь обучена профессиональному маскировочному гриму, и даже с набором гражданской косметики могла преобразиться так, что Даймон бы языком цокал, но, во-первых, в морге не нашлось зеркала, а во-вторых...

Я млела, когда он касался моего лица, кончиком пальца стирая лишнее. Стыдно признаться, но млела. Сейчас мне было наплевать, где и с кем он завел себе личную жизнь и как это отразится на моей судьбе. Август всегда окутывал меня особенной аурой, я чувствовала себя словно в защищенном от всех ветров коконе.

Наши лица были очень близко, и я видела, какая гладкая кожа у него на щеках. Как будто он брился прямо перед посадкой на Эверест. Мне вдруг безумно захотелось погладить его, до боли просто захотелось. Поскольку у меня нет комплексов вроде «нельзя приставать к начальнику», я быстренько выдумала, что у него соринка и жизненно важно ее смахнуть, иначе мое эстетическое чувство взбунтуется.

Я несколько раз коснулась ладонью его скулы — «соринка» липкая оказалась, ага-ага. Август смотрел на меня с растущей тревогой. Он не любил, когда я прикасалась к нему, сразу напрягался.

— Мусор какой-то прилип, — объяснила я дружелюбно.

— Я так и понял, — ответил он бесстрастно.

— Надо же, ты не разбираешься в женских тряпках...

— Уже разбираюсь.

— ...зато знаешь тонкости макияжа.

— У меня была богатая оперативная практика. Умею гримироваться всем, что есть под рукой. И других гримировать.

Через полчаса он водрузил мне на голову малиновый парик, критически оглядел. Зрители восхищенно охали и ахали.

— Надеюсь, парик идет мне больше, чем орочьи мозги, — озабоченно сказала я и потребовала зеркало.

Зеркало мне не дали: его вроде бы искали, но до сих пор не нашли. Зато пришел сам комиссар и притащил большую луковицу. Протянул Августу. Тот снял с пояса нож, быстро разрубил лук на несколько частей и разложил по гигиеническим салфеткам. Одну дольку завернул и сжал в кулаке. По моргу потек странный запах — химии и еще чего-то,

непонятного, в носу защипало.

— Отлично, — сказал Август, — главное, чтоб от нас луком не несло, пока будем идти сквозь толпу.

Под командованием Августа дело мигом исправилось. Вместо великосветской тусовки в стиле «бедлам» в морге орудовала уже слаженная команда. Женская половина дорабатывала идею маскарада; Лючия выпросила у комиссара старые рабочие очки, настолько несуразные, что они запросто сходили за модный аксессуар. В этих очках, закрывших две трети моего лица, я чувствовала себя сварщиком, а Нина Осси пришла в восторг и уточнила, очки дали поносить или подарили. Ее утешили — подарили. Нина объявила, что будет их носить, они стильные. Мужчины тем временем приводили себя в надлежащее скорбное состояние путем обнюхивания лука. Макс надышался им так, что стал похож на монстра — красноглазого, красноносого и с пятнами на землисто-бледных щеках.

Здание мы покинули легко и непринужденно. Полицейские слегка оттеснили толпу, девушек со мной во главе закинули в большое грузовое такси, мужчины задержались для блиц-конференции. Йен сказал, что моя смерть — это большое горе, огромная потеря. Убийца не найден, но у полиции есть рабочая версия. Под видом этой версии он дал словесный портрет Гранта. А что, пусть студенчество проявит бдительность, приглядываясь к незнакомцам, тем более что Гранта-то найти тоже надо. Йен отдельно попросил не приближаться к этому человеку, а сразу сообщить в полицию.

В такси меня сразу оттеснили в глубину салона и с боков зажали телами Лючии и Нины Осси. Август прошел вперед, не глянув в мою сторону, поманил Макса. Вот даже интересно, что такого нового он может узнать от Макса, если тот сам не в курсе, я ж и ему ничего не объяснила.

— Это вот и есть старший братец Скотта? — задумчиво уточнила Лючия. — Н-да-а... Скотт добрее.

— Август добрый, — заступилась я. — Когда не злится.

— А чего он сейчас злится?

— Я приказ нарушила.

— Понятно. И сильно тебе влетит?

— Не знаю. Теоретически смысла нет наказывать — у меня контракт заканчивается. Но наверняка не скажу.

— Любрикант подарить? — Лючия мне подмигнула.

— Для мозгов? — уточнила я.

Лючия растерялась.

— А он что?..

— Нет, он просто культурный. С этическими принципами. Поэтому он несколько часов будет трахать мне мозг и насиловать психику, объясняя, как я виновата.

— О, дьявол, — почти испугалась Лючия. — Это уже какой-то садизм. Неужели нельзя просто наказать на деньги?

— Он считает, что раз у меня есть Макс, то к деньгам я равнодушна. Не проймешь меня этим, короче говоря. В чем-то он прав. Я совершенно равнодушна... к чужим деньгам. В том числе и Макса. А вот свои я очень даже люблю. Они мне, ты сама видела, каким трудом достаются.

Лючия сочувственно покивала.

У входа в отель я поманила Макса в сторону:

— Ты когда снимал номер для меня, оформил только на мое имя?

— Ну вообще-то нет, — признался Макс. — Оставил себе возможность войти, прости. В этой обстановке...

— Отлично, — перебила я. — Потому что я туда войти не могу. И держи меня под руку, когда будем проходить рамки.

Макс удивился.

— У меня снят чип.

— Почему?

— Потом, все потом. Мне главное — пройти рамки в куче людей.

Задачу Макс понял. Входную рамку мы миновали вчетвером — он, я, Йен и Кейт Торн. Остальные наступали нам на пятки. Думаю, что дежурный, даже если мониторил рамку, не заметил лишнюю голову в этой толпе.

Оказавшись в номере, я первым делом нырнула в ванную комнату. Посмотрела на себя в зеркало и чуть не рухнула. Всегда думала, что мне не идут только светлые волосы. Это я себя с малиновыми не видела.

...Через двадцать минут я почти восстановила душевное равновесие. Я снова стала похожа на себя — правда, я подозревала, что примерно так буду выглядеть в гробу, но это не суть важно, — переделалась в чистое и уютное. На выходе из спальни я наткнулась на Августа, поджидавшего в узком коридорчике.

— Сюда, пожалуйста, — он кивнул на дверь кабинета.

Я отдала Нине Осси ее одежду и пошла отчитываться.

Август ждал меня, стоя спиной к двери. Руки в карманах, ноги расставлены. Когда я закрыла дверь, даже не повернулся.

Сейчас начнется, подумала я и выбрала самый безопасный угол.

* * *

Говорить Август умел. Во всех смыслах. И произносить, и подбирать слова, и выстраивать их в цепочки любой сложности и конфигурации.

Я забилась в угол дивана и поджала ноги. Такой несчастной я себя чувствовала только однажды — после трибунала. Августу было наплевать, что я переживаю. Он не смотрел. Он стоял спиной и излагал все, что думает — обо мне, моем поведении, моем отношении к работе. Излагал размеренно, словно читал речь с трибуны в суде. Обвинял и тут же выносил приговор.

Чертов инквизитор.

А я за четверо суток спала в лучшем случае три часа, толком не ела. И перед этим у меня отнюдь не отпуск был. Я устала, нервы стали похожи на мочалку. Я никому бы не призналась, какого ужаса натерпелась за эти дни, — но себе-то можно. Между прочим, я не какой-то киборг или андроид, я живой человек. И ладно бы я баклуши била — я ж столько материала добыла!

Да, конечно, Август прав. Ты можешь быть гением, но неподчинение приказу — однозначно преступление. И наплевать, что приказ тебе отдали, не разобравшись в обстановке. Отдали? Выполняй. Я все-таки кадровый офицер, так что цену своему поступку знала. Но нельзя же так! Ну оштрафуй, ну уволь — твое право. Август же просто размазывал меня. Методично и тонким слоем.

В какой момент я заплакала, сама не могу сказать. Поймала себя уже в процессе, так сказать. Испугалась, что вдруг сейчас Август обернется, заметит, стыда ж не оберешься: я — и реву в три ручья?! Тоже мне хоббит. И, разумеется, тут же всхлипнула. Не очень-то и громко, зато выразительно.

Август замолчал на полуслове. Обернулся. Я всячески прятала мокрое лицо, но он не стал задавать дурацкие мужские вопросы вроде «а чего это ты плачешь, что такого случилось?». Август просто вышел. Бесшумно, стремительно и немо.

Сказать, что я разозлилась, — ничего не сказать. За какие-то тридцать секунд я успела наградить Августа минимум двумя дюжинами заковыристых эпитетов, ни один из которых не пропустила бы цензура. Мужики все сволочи, все до единого. Сначала доведут женщину до слез, а потом убегают! Их нежная психика не позволяет им находиться рядом с плачущей женщиной. То есть у них психика нежная, а у нас, надо полагать, железобетонная. Ну, в общем, в этом есть резон, потому что для жизни с мужчиной нервы должны быть стальные.

Отсутствовал Август недолго, я не успела даже толком пожалеть себя. Он принес

покрывало из спальни и низкий стакан с бренди. Невзирая на сопротивление, старательно укутал меня покрывалом, ворча:

— И это они считают люксом — бренди в баре есть, а бокалов для него нет! Пришлось налить во что попало...

Август уселся рядом, я обеими руками оттолкнула его. Он удивился. Искренне. Даже не подумал отодвинуться. Вместо этого он сунул мне в руку бокал:

— Вот, держи.

— Да на фиг мне нужен твой бренди, мне сейчас только бренди не хватало, я четверо суток толком не спала, меня ж развезет с него в два счета...

— Ну и пусть развезет, — уговаривал меня Август. — У тебя ж таблетки есть.

— Кончились, — буркнула я, хотя у меня еще оставалось по одной штуке в каждом блистере.

— Я так и знал, — без осуждения сказал Август, — поэтому отнял у Алистера. Того и другого. Сразу по коробке. Надолго хватит. Принесу. И спать тебя положу, если что.

— Я не могу спать, — всхлипнула я, — мне страшно.

Кажется, вот этого Август не ожидал. Совсем. Он растерянно поморгал, обшарил взглядом тесный и пафосный кабинетик.

— А что, Берг даже в этом смысле надежд не оправдал?

— К черту Берга! — заявила я. — Пусть к себе идет спать. Потому что в гостинной он не ляжет, не дожدهшься, он припрется ко мне в постель. И будет утешать. А мне хотя бы минимальный отдых нужен! А потом он уснет и будет вертеться с боку на бок, как электрогенератор, а я сплю чутко!

— Если хочешь, я могу остаться, — предложил Август. — Я не верчусь во сне.

Я только вообразила, что он останется, — и тут же поняла, что это идеальный вариант. Я буду дрыхнуть как сурок. Абсолютно спокойно. Может быть, часов восемь. Или даже десять. И мне будет тепло и безопасно. Но перед этим мне придется выдержать истерику Макса, который вообразит черт знает что.

— Тогда Макса не удастся выгнать точно, — вздохнула я.

— Я объясню ему.

— Ай, — я отмахнулась. — Ничего ты ему не объяснишь. Уж лучше сказать, что ты собираешься переспать со мной. По крайней мере, это его хотя бы шокирует. А еще лучше — я переночую у тебя, а не ты у меня. Ты меня вызовешь типа для работы...

— Куда?

— То есть?

— То есть я еще никак не решил вопрос своего проживания. Когда я летел, то хотел снять номер в этой же гостинице. Попытался забронировать с борта — мне ответили, что номеров нет, но, возможно, к вечеру освободятся два. Насколько я понимаю, это те номера, где работает полиция, — твой бывший и тот, что напротив. — Он замолчал, потер лоб. — Если честно, мне никуда не хочется звонить. У всех стресс. У меня тоже. Я совершенно выбит из колеи. Мне проще выгнать Берга, чем позвонить администратору. Я понимал, что ты будешь тянуть с отлетом до последнего. Но когда я на космодроме узнал, что ты и не собиралась улетать — яхта в ангаре, никаких распоряжений от тебя не поступало, — то здорово разозлился. А по пути читаю последние новости... Честно говоря, когда увидел на фото рыдающего Берга, то первым делом подумал — инсценировка. Позвонил тебе — твой чип заблокирован. Тогда я решил, что убил тебя Берг. А теперь пытается свалить на банду. Потому что он не тот человек, который станет рыдать над трупом. И я не стану. Если бы тебя убил кто другой, Берг не сидел бы сиднем, а уже гнался бы за убийцей. Но он же не станет гнаться за самим собой!

— А ты что сделал бы?

— Наверное, я занимался бы самоуправством. Первым делом перекрыл бы сообщение с другими планетами. Добился бы отмены всех рейсов. Потом вызвал бы сюда кларионский волонтерский полк и прочесал бы весь Эверест, благо тут очень мало мест, пригодных для

жизни. Может быть, придумал бы еще что-нибудь. Но я поймал бы убийцу самое большое за трое суток.

Август потянулся, взял бокал и отпил большой глоток.

— Эй! — возмутилась я. — Ты бренди принес мне или себе?

— Мне много не нужно, — смутился Август. — Я еще принесу.

Тогда я тоже отпила. Несмотря на неправильную тару, напиток был хорош. Значительно лучше разрекламированного «шотландского» виски «Бен-Невис».

— Не будешь больше плакать? — с надеждой спросил Август.

— Если ты не будешь издеваться надо мной.

— Делла, но ты же виновата! Ты должна понимать, что нарушила приказ...

— И обязательно за это выносить мне мозг? На деньги никак нельзя наказать?

Август удивился безмерно:

— Я подумал, что, если просто оштрафую тебя, ты обидишься, сочтешь меня жадным и ничего не поймешь.

— А так я сочла, что ты садист! Неделя до прекращения контракта, ты уже решил, что увольняешь меня, и на прощание еще и размазываешь в тонкий блинчик!

— Кто решил? — Август моргнул и снова потянулся за бокалом. — Я ничего не решил.

На дне бокала после его второго глотка осталось едва ли двадцать граммов. Я их выпила.

— Ты сказал Алише, что не уверен, буду ли я работать у тебя и дальше. Говорил? А я оказалась в ситуации, когда либо действую на свой страх и риск, либо банда уходит сквозь пальцы! Я не могу закончить работу на такой ноте, меня это деморализует, мне нужно закрыть тему. Раз ты все равно меня уволишь, терять нечего.

Август ушел и вернулся с бутылкой.

— Погоди, — сказал он, наполняя бокал. — Черт, второй забыл взять... ладно, из твоего отхлебну, хотя с меня, наверное, уже хватит. Делла, я действительно упоминал о такой возможности, как прекращение твоего рабочего контракта. Но это не означало, что... Словом, у меня был к тебе разговор. Сейчас он потерял всякий смысл ввиду изменившихся обстоятельств. А обстоятельства изменились так сильно, что я отложу продление контракта, если ты не против. У меня к тебе будет другой разговор. Я бы кое-что изменил в условиях, но не стоит говорить об этом сейчас. Поговорим дома, ладно? В спокойной обстановке.

— Как скажешь. Тогда я подумаю, какие новые условия будут у меня, — я очень старалась, чтобы мой тон звучал грозно, но получилось обиженно.

Август только вздохнул.

— Рассказывай.

Едва только в моем отчете прозвучало имя Даймона, Август перебил:

— Погоди. Я Алистера позову. Это по его теме.

Алистер ничуть не удивился, застав меня по уши замотанной в покрывало и с бокалом.

— Получилось? — весело спросил он у Августа. — А ты сомневался! Я тебе сказал — самое верное средство!

Август кашлянул в кулак, Алистер рассмеялся и доверительно сообщил мне:

— Вылетает отсюда, явно не в себе, оттаскивает меня в коридор и шепотом спрашивает: «Ты женатый, должен знать, что делать, когда женщина плачет». Я, понятно, поиздевался чуток, напомнил, что он вообще-то тоже был женат... Ну и сказал — берешь теплый плед или одеяло, бренди, закутываешь, садишься рядом, обнимаешь, даешь выпить. Он мне не поверил! А я ему сказал — ты даже не баран, ты осел. Ну кто устраивает выволочку сразу после обстрела?! Человек же в шоке, он ничего не слышит и не понимает. Тем более — женщина! Она испугана и устала. Ей хочется, чтобы ее пожалели. А ты, говорю, что сделал? Ну да, я понимаю — хоббит. Так хоббиты потому и выгорают так быстро, что все считают их суперменами.

Я посмотрела на Августа.

— А я думала, ты и женщин успокаивать умеешь.

— Теперь умею, — резковато сказал Август. — Алистер, Делла вышла на контакт с Даймоном.

Всякую дурашливость с Алистера сдуло.

— Делла, зачем?! Зачем ты к нему полезла?!

— Вообще-то не я. Он с неделю уже под ногами крутился.

— И ты поддалась на провокацию? Делла, он сумасшедший. А квалификация такая, что я, честно говоря, при незапланированной мной встрече просто стрелял бы на поражение. Надеюсь успеть первым.

— Он не сумасшедший. Просто вы больше не можете его контролировать. Нет рычагов воздействия, — поправила я. — Я права, что его использовали вплоть до недавнего времени?

— Энстон, — лаконично ответил Алистер. — Даймон — ценнейший свидетель, потому что приказы получал непосредственно от Энстона.

Я вспомнила, что у Алистера был ко мне какой-то важный вопрос.

— И чего ты хотел от меня? Чтобы я вывела его из строя?

— Дел, прости, но — кишка тонка, — откровенно сказал Алистер. — У тебя опыта не хватит. Я хотел, чтобы ты уговорила его связаться со мной.

Я отрицательно покачала головой:

— Он отказался бы. Полагаю, что ему известно о такой возможности и всех выгодах обращения к тебе. Но у него совершенно другие планы на жизнь.

— На смерть, — парировал Алистер. — Придурок, — сказал он в сердцах. — За таких, как Даймон, я отдельно ненавижу Энстона. Талантливейший человек. Энстон превратил его в наемного убийцу.

...Пол Даймон родился на Антигоне. В детстве показывал великолепные актерские данные, в десять лет уже играл на «взрослой» виртуальной сцене. Мечтал стать специалистом по драме. Дар перевоплощения у него был уникальный. Но при этом, что бывает редко, ему легко давались точные и естественные науки. Родители настояли, чтобы Даймон получил хорошую техническую специальность, — с таким тылом можно позволить себе и актерские достижения, ведь ты больше не зависишь от моды, капризов публики и своей молодости.

Даймон окончил Московский технический университет, пять лет работал на военных заказах. Страсть к актерству реализовывал в самодеятельности. Затем он внезапно поступил в Кейптаунский военный колледж, на факультет коммуникаций. Блестяще его закончил, служить отправился под начало генерала Рублева. Тот понял, что молодой офицер-инженер способен на большее, через три года дал ему рекомендацию в Мадридский военный университет для переквалификации на разведчика. Тут актерский дар и технические знания сплелись и дополнили друг друга, превратив Даймона в одного из самых многообещающих выпускников.

Сразу после Мадрида Даймон попал в четвертый округ, под начало совсем молодого тогда Энстона. Энстон молодой был еще заносчивей и дурней, чем сейчас. Ему было наплевать на таланты Даймона. В технике соображаешь? Отлично, будешь диверсантом.

Даймон был умным человеком. У него не было покровителей, а возраст уже располагал к пессимизму. Он не стал бунтовать и возмущаться. Он выполнял все приказы, даже устные. Через три года он ошибся и подорвался на собственной закладке. Так и помер бы в тех джунглях, если бы не напарник. Напарником у него был эльф, только что получивший гражданство и решивший, как правильный гражданин, отслужить срочную. Служил он снайпером и в той вылазке страховал Даймона. Страховка — понятие относительное. Касательно таких обстоятельств, в каких оказался Даймон, существовала четкая инструкция — раненого по возможности добить. Наверное, Даймон очень удивился, когда в проблеске сознания увидел над собой коротко остриженного эльфа. Тот смастерил волокушу. До базы было двадцать пять километров. Эльф выбился из сил, но дотащил Даймона.

В госпитале Даймон решил, что хватит с него службы. Он как пришел к Энстону капитаном, так им и остался, ему даже зарплату не повышали, на федеральную пенсию он

себе заработает в другом месте. Но у Энстона было другое мнение. Он объяснил Даймону, что в каждом третьем случае тот «работал» самовольно, поскольку приказов не было. Что, в устной форме? Докажи. Даймон все отлично понял. А вот Энстон не подозревал, какую бомбу себе подложил. Через год Даймон поставил ультиматум: деньги или инфа уйдет кому следует. Он собрал столько компромата, что Энстон предпочел швырнуть ему деньги в лицо. Швырнуть — это, конечно, фигурально выражаясь.

С тех пор у Даймона появилась высокооплачиваемая, но аморальная работа. Он был очень осторожен и от Энстона страховался по максимуму. Спустя пять лет он уволился в запас, но отношения с Энстоном не прервал. Просто теперь Даймон позаботился о том, чтобы иметь побольше личной свободы. Он стал браться и за «частные» заказы. Нравилось это Энстону или нет, но он молчал.

С пол года назад Алистер сумел уговорить Даймона на встречу. Тот пришел. Сотрудничать отказался, но не то чтобы наотрез, не в принципе, а вот именно сейчас не готов.

— ...Он хотел свалить Энстона, — говорил Алистер. — Тогда у нас не было ничего, и Даймон откровенно сказал — никакая программа защиты не спасет, пока военным министром работает Нотторп. Но сама идея подставить Энстона ему нравилась.

Я рассказала уже обоим все, что произошло за последние четыре дня. Алистер совсем погрузнел:

— Все, ушел. Не будет он сотрудничать. Оборудовал себе убежище и хочет уйти. Дурак. Не успеет.

Август задумчиво крутил в пальцах карточку, переданную мне Даймоном. Разумеется, ее проверили. На карточке хранился ролик, запечатлевший переговоры и собственно торги о стоимости моей жизни. Даймон не солгал.

— Он мстит, — сказал Август. — Теперь все ясно. Даймон мстит банде за эльфа Джона Смита.

Алистер удивился. Я — нет, потому что тоже поняла.

— А я гадал, почему он в качестве одного из псевдонимов взял именно «Джон Смит», — продолжал Август. — Все подумали — самое распространенное имя. Но это указание. Месседж, объявление войны. Джон Смит служил снайпером. И я думаю, что это он спас Даймона. Хотя у Джона Смита в досье нет указаний на службу в четвертом округе.

— Я узнаю, — пообещал Алистер.

— Даймона наняли для двух убийств. Всего двух. А потом бандиты убили Джона Смита. И Даймон объявил им личную войну. Он прикончил убийцу Джона Смита. Когда Бейкер попросил его малость урезонить Деллу, Даймон выполнил его приказ — но так, что только раззадорил Деллу. Он аккуратно и точно сдавал нам ключевую информацию. Ему было нужно, чтобы за Деллой началась охота, и он не тратил бы столько сил на отстрел банды. Все потому, что банда убила эльфа, спасшего жизнь Даймону. Только поэтому.

— И какое отношение это имеет к нам? — спросил Алистер.

— Такое, что, пока мы не возьмем банду, Даймон не отступится. Он будет присутствовать где-то на периферии, что-то подстраивать, слать подсказки. В сущности, я могу уже ничего не делать. Все сделает Даймон. Проблем ровно две: в процессе отстрела могут пострадать невинные, просто оказавшиеся рядом и поймавшие бандитскую пулю, и сам Даймон может погибнуть. А он много знает.

— Что будем делать? — Алистер увидел задачу.

— Сейчас поедem в полицию... Ты не звонил администратору, тут есть номера?

— Звонил. Нет и не будет. Но Берг обещал отдать нам троим свой номер. Сам он, как я понял, рассчитывает на гостеприимство Деллы.

— И совершенно напрасно, — вставила я.

— Именно, — подтвердил Август. — Так что Берг возьмет к себе себя и тебя с Кейт. А я останусь здесь. Ладно, — он поднялся. — Дел, посиди здесь пять минут, я поговорю с Максом. Если нас не будет, когда ты выйдешь, не пугайся — мы поехали в полицию. Не

возражаешь, если к тебе доставят наш багаж с яхты?

Разумеется, я не возражала.

* * *

Тусовка так и торчала в моем номере, и я нисколько не жалела: сейчас мне хотелось быть в обществе. Не знаю, что Август сказал Макс, но последний не терроризировал меня уговорами. Принял как факт, что ночевать будем в разных номерах. Я плотно обосновалась в гостиной, на полутораместном кресле, почти диванчике, чрезвычайно удобном, чтобы залезть в него с ногами. Лючия оказалась просто находкой, потому что, пока все шумели и выкрикивали стресс, она сообразила ужин. Мне дала тарелку с овощным рагу, пояснив, что при таком скудном рационе, какой у меня был последние дни, лучше не нагружаться тяжелой пищей. Я согласилась.

Я так и вертела в руках недопитый бокал с бренди. Эмбер заметила, отобрала его у меня и взамен принесла чаю; бренди немедленно употребила Нина Осси. Она порядком набралась и уже попросилась ночевать к кому-нибудь на коврик, лишь бы не ехать к себе — ей было страшно, к тому же в той гостинице наверняка уже окопались любопытные студиозусы. Йен по-джентльменски пригласил ее в свой номер, и я была уверена: он положит певицу в спальню, а сам ляжет в гостиной и будет сторожить ее сон. Но не прикаснется даже пальцем. Хотя Нина, сдается мне, не отказалась бы.

Потом из полиции вернулись Август и Алистер. Алистер сказал, что приемлемую версию расстрела в кампусе согласовали, но Йену придется малость задержаться, чтобы окончательно закрыть тему. А Август сходил на кухню, добыл себе тарелку еды, потом аккуратно подвинул мои колени и втиснулся ко мне в кресло. Очень деловито и по-хозяйски втиснулся.

На меня накатывала усталость. Нина Осси, наконец-то освоившаяся и осмелевшая, пристала к Августу на предмет, зачем он устроил ее концерт. Август объяснил. Макс тут же соорудил такое лицо, словно задумался о мировом кризисе, — так он прятал растерянность и легкое смущение. Он-то предположил совсем другое. А Нина обрадовалась, как ребенок. Ну приятно же, когда тебя нанимают для полноценного концерта, а не просто спеть на чьей-то вечеринке. Концерт — это Да, сразу виден размах. Август объяснил, что вообще все планы полетели к чертям, Алистер с Кейт не попали на большой концерт, поэтому пришлось на ходу договариваться насчет второго, но он надеется, что условия для выступления будут как минимум не хуже. Нина ответила — еще лучше, она знает этот клуб.

— Знаешь, на кого он похож? — громким заговорщицким шепотом спросила она у меня. Август, которого она имела в виду, разумеется, слышал. — На моего идеального папу. Которого я сама себе выдумала. Эх, если б у меня был такой отец...

— Если бы я был вашим отцом, мисс Осси, вы много потеряли бы в этой жизни. В частности, я не позволил бы вам стать поп-певицей.

— О как. Зарыли бы дочкин талант в землю? — возмутилась Нина.

— Нет. Но я заставил бы вас, будь вы моей дочерью, закончить консерваторию и получить серьезное музыкальное образование. Конечно, вы пели бы. Но не вашу обычную чушь, а классические вокальные произведения. Вряд ли бы вы прославились, выступая в опере. Все-таки круг ценителей такой музыки очень узок.

Нина пофыркала, но спорить не стала.

— Август, я тоже хочу сходить на концерт, — я толкнула его локтем в бок.

— И в чем проблема?

— В моем чипе. Как я пройду рамки?

— Обыкновенно. Через дверь. Не беспокойся. Многие, конечно, сочтут странным, что я после гибели своей ассистентки пошел на концерт, да еще и со спутницей, но — мы не обязаны никому отчитываться.

— А если меня узнают?

— Делла, что-нибудь придумаем.

— Могу выдать напрокат облачение Жрицы для тайных церемоний, — подсказала Лючия. — Там полумаска.

— Не самая лучшая идея, — решил Август. — Но зато я точно знаю, что гроб все-таки понадобится.

— О! — воскликнула Лючия. — Любой, на выбор!

Я вспомнила, что так и не спросила про чай.

— Лючия, — позвала я, — чай на Эверест поставляешь ты?

Невинный вопрос почему-то произвел локальный переполох. Рассел с каменным лицом уставился в пол, Эмбер отвернулась, словно я ляпнула ужасную бестактность, а Лючия рассмеялась.

— А вот это, дорогая, — доверительно сказала она, — и есть подлинная причина нелюбви, которую ко мне питает лорд Рассел. То есть ему кажется, что причина — религия. Как будто если бы я была католичкой или англиканкой, то уступила бы ему! Все дело в том, что я вытеснила его с чайного рынка не только Эвереста, но и окрестных мелких колоний.

— Ты демпинговала, — буркнул Рассел.

— Джим, тебе уже не только я, тебе многие говорили — у тебя завышенные цены, — сказала ему Лючия. — Дел, я торговец. Естественно, я могу позволить себе минимальную надбавку. А он производитель. Мало того что на Кангу условия для чая не самые идеальные, так еще и чай не лучшего сорта. Понятно, что у Джима расходы на выращивание, обработку и транспортировку мама не горюй какие. Конечно, он хочет их компенсировать. Но елки-палки, антигонский чай с транспортировкой обходится дешевле, а по качеству лучше! Я чего, я предложила Джиму — давай я буду брать у тебя по реальной цене. По тем деньгам, какие стоит этот продукт. В соответствии с его качеством. Это вдвое меньше, чем Джим рассчитывал получить. Хотя и совсем не в убыток. Ну плохой же чай! У Джима хорошо все, что связано с газом, ну и с его животными. Как он берется за продукты — мне рыдать хочется. Если честно, я ни в чем не разбираюсь, кроме людей и продуктов питания. Поэтому у меня отлаженная торговая сеть с лучшими агентами и лучшие продукты по разумной цене. Просто я знаю это дело. Если б я взялась растить диких животных, потерпела бы такой же крах, как Джим с чаем. Но он же упертый, он не хочет понимать очевидного. А тут еще, прикиньте, я сатанистка!

Рассел не полез за словом в карман, обоих осадил Макс, напомнив, что сейчас не лучшее время затевать бизнес-споры... А я согрелась и наконец-то перестала бояться.

Звуки плыли вокруг меня, распадаясь по частотным диапазонам, и в каждом были какофонией, но я не сердилась. Я перестала уже различать слова, беседа слилась в один сплошной гудящий фон. Я подтянула колени, завернулась в покрывало плотнее. Мне нравилось сидеть и просто глупо улыбаться.

Потом я обнаружила, что моя голова лежит на плече Августа. Я открыла один глаз, бдительно оглядела гостиную, убедилась, что никто не обращает на меня внимания, кажется, даже Август не заметил, что я сползла на него, и снова закрыла глаз.

Потом я проснулась и увидела, что свернулась в клубочек под мышкой у Августа, а его рука лежит на моей спине. Я довольно четко расслышала, как кто-то спросил:

— Спит, что ли?

— Ага, нашла самое безопасное место и уснула, — это, кажется, Алистер.

«Я не сплю», — отчетливо произнесла я, тщательно выговаривая каждый звук, но явно во сне.

Потом подо мной образовалось пустое пространство. Я поморгала и поняла, что меня несут. Куда-то. На руках. Приглядевшись, узнала Августа. Ну ладно, раз такое дело — обняла его.

— Я не Макс, — сказал Август.

— Спасибо, милый, я еще не ослепла, — ответила я. — У Макса черные волосы.

Август положил меня на кровать в спальне.

— Помочь раздеться? — спросил он.

— Сама, — заявила я и замоталась с головой в покрывало.

Потом я опять проснулась. В спальне было темно, за закрытой дверью слышались голоса. Немногочисленные. Макс, Алистер, Кейт. И Август. Больше никого. Я разделась догола, бросила одежду на пол и залезла под одеяло. Подумала — и отодвинулась к правому краю кровати. Августу ведь тоже надо где-то лечь, и совершенно не обязательно в кабинете или гостиной, я вовсе не настаиваю на этом. Пусть ложится здесь. Мне так будет спокойнее.

Потом я проснулась оттого, что надо мной стоял Август. С моим одеялом в руках. Стоял и смотрел на меня, голую. Очень выразительно смотрел. Вот и чудесно, подумала я с покорностью, рано или поздно это должно было случиться, мы оба слишком молоды, хороши собой и чудовищно одиноки. Пусть случится, мне так нужно, чтобы меня пожалели. И Августу нужно, он ведь победитель, свалил Нотторпа, теперь хочет награды. Иначе зачем бы он снял с меня одеяло?

Потом я проснулась потому, что в окно било давно взошедшее солнце.

И проснулась одна.

* * *

Разумеется, сначала я подумала, что ночной визит Августа мне приснился. Ну в самом деле, зачем бы ему приходить в спальню и стоять надо мной, пусть даже голой, глядя с обожанием? Если б он пришел, то лег бы спать. Да, рядом, и что? Мы не так уж редко спим в одной кровати. Не дома, конечно, — на выездах.

Я села, обеими руками яростно почесала голову — пока никто не видит. Ну да, я не леди. На Эвересте воды было хоть залейся, никаких ограничений, только качество подкачало. У меня зудела не только голова, но и вся кожа. Но голова — особенно.

Взгляд упал на пол. Моей одежды не было. Ага. А я точно помнила, что бросила ее прямо на толстый коврик у кровати. На коврике стояли мягкие туфли, в которых я ходила в помещении — детская привычка переобуваться — и которые должны быть в гостиной. Я ведь сбросила их, когда залезла в кресло, а в спальню меня принес Август, так что обуваться смысла не было. А вот вся одежда лежала на стуле.

Сложенная с педантичностью, от которой зубы сводило.

Я вообще-то офицер. Умею содержать одежду в порядке. Но так, как ее складывает Август, я не смогу в жизни. Наверное, для этого нужно закончить британскую классическую школу для мальчиков.

Значит, Август мне не приснился. А чего он тогда ушел? Впрочем, могло быть и так, что я открыла глаза, смутно разглядела его, тут же уснула снова, и мне приснилось, что он снял с меня одеяло. Или я не просыпалась вообще. Собственно, мои сны не обязаны быть связанными с какими-то реальными событиями. Запросто могло быть, что Август сложил мою одежду, а я через час увидела его во сне. Ничего особенного. Он пару раз мне снился. И, надо сказать, сюжеты были на порядок более эротичными.

Широко зевнув, я накинула халат на голое тело и выползла из спальни. Надо ж разведать обстановку. Если Август не в моей кровати, то где он? Мог и уехать куда-нибудь по делам... А мог встать раньше и сейчас варить кофе. Кстати, кофе — это идея.

Я шагнула в гостиную и застыла, преисполнившись умиления.

Как всегда, я ошиблась. Наверное, отвыкла от высокоморальных мужчин за последние дни. Потому что Август отлично помнил, зачем я попросила его остаться, — затем, что мне страшно. Вот он и лег так, чтобы охранять. Придвинул здоровенный диван спинкой к входной двери и спал на нем. В одежде. Под покрывалом, в которое я куталась вечером. У дивана строго параллельно друг другу стояли его туфли, мысками к окну.

Я подкралась к нему и присела подле головы. Август не проснулся. К его лицу, чуть влажному от сонной испарины, прилипло несколько прядей волос. Я осторожно убрала одну, вторую...

Август поймал меня за руку и прижал ее к щеке.

Я застыла. А Август, не открывая глаз, несколько раз поцеловал мои пальцы, а потом лизнул в ладонь. И потянул меня к себе.

Ничего себе, только и успела подумать я, как он прошептал имя.

Черт подери, он назвал меня Джиллиан.

Я вырвала руку и быстро ушла на кухню. Встала у окна, обхватила себя за плечи, усилием воли выровняла дыхание. Если я чего и не люблю, так это когда меня случайно называют именем другой женщины. Уж лучше Офелией. Я понимаю, что люди не нарочно, ну вот думают они о другой, вся голова ею занята, они вообще-то не обязаны думать обо мне. А мне противно. У меня словно бы даже право на личность отбирают. Как будто я некое цветозвуковое пятно, на месте которого человек воображает другую женщину.

И тем отвратительней я себя чувствовала, что Август назвал именно это имя. Наверное, назови он меня какой-нибудь Мэри или Долли, я бы и не обиделась. Но я помнила, что Алиша сказала — Джиллиан подделывается под меня. Это интересный аспект, конечно, мы с Джиллиан не знакомы, но совпадения исключены: во-первых, Алиша инквизитор, не может ошибаться так грубо, а во-вторых, Макс сказал, что у Джиллиан в обычае наводить справки о человеке, прежде чем вешаться ему на шею. Похоже, она выбрала меня как образ, который вызовет у Августа безотчетное доверие. И не промахнулась.

А теперь Август путает меня с ней. Как будто оригинал — она, а не я.

В гостиной послышался шум. Похоже, Август проснулся окончательно и встал. Я машинально проверила время. Времени не было. Ничего не было. Полный информационный вакуум. Черт возьми, я же без чипа! Отсутствие чипа, в котором Август виноват не был, окончательно вывело меня из себя. До такой степени, что я приказала себе забыть про все и стать спокойной. Хотя бы внешне. В конце концов, Август мне не любовник, а работодатель. И я не имею никакого права на свое мнение о его личной жизни. Меня это попросту не касается.

Август появился в кухне, когда я, шепотом ругаясь, пыталась разобраться в интерфейсе кофемашины. Как, однако, много лишних сложностей возникает в жизни, если у тебя нет чипа. С чипом ты в момент осваиваешь любую технику — положи руку на панель, и тебе на чип свалится инструкция. В линзах еще проще: она выскочит перед глазами, стоит тебе глянуть на какую-нибудь пиктограмму. Понятно, что со знакомой техникой все нормальные люди быстро отключают подсказки, но я впервые столкнулась с моделью, которой оборудовали эту кухню. Я сумела сообразить, куда засыпать кофе и сливочный порошок, но и только.

Август несколько секунд наблюдал за моими мучениями, потом жестом попросил отойти.

— Эспрессо, со сливками? — уточнил он через плечо, набирая нужную комбинацию. — Алистер обещал достать тебе к вечеру липовый чип.

— Отлично. А то я уже прикидывала, не воспользоваться ли чипом Джейкоба Бирмы, — съязвила я.

— Не стоит, — Август, как обычно, не понял шутки.

— И на чье имя будет чип?

— Твоей матери. Мне помнится, вы довольно похожи. Никто не удивится, увидев рядом со мной твою мать в трауре.

— Надеюсь, ее предупредили?

— Конечно. Алистер звонил ей вчера. К счастью, успел до того, как твои родители прочитали новости. Ты могла бы и сама подумать о том, чтобы защитить родителей от беспокойства. У тебя чипа нет, но разве Макс не мог позвонить?

— Во-первых, у меня банально не было времени на «подумать», ни о чем. А во-вторых, из всей семьи Макс соглашается общаться только с моим братом Крисом. По старой памяти, так сказать. Крис произвел на него сильное впечатление.

Август поморщился. Он не любил вспоминать ту историю, и я уколола его вполне

сознательно.

Кофемашина заворчала.

— Дурацкая модель, — заметил Август. Помолчал немного, стоя ко мне спиной, сунув руки в карманы брюк. — Прости.

— Бывает, — бесстрастно сказала я, поняв, что он имеет в виду.

Август вынул из машины две чашечки, одну поставил передо мной. К столу садиться не стал. И лицом по-прежнему не поворачивался. Я включила режим «робот-секретарь» и ничему не удивлялась. Если человек чем-то недоволен, то ему язык как раз на то и дан, чтобы высказаться. Если молчит — не очень-то ему и надо говорить. А у меня в контракте нет такого пункта, чтобы клещами вытягивать из шефа каждое слово.

— Делла, — сказал Август таким тоном, что и робот понял бы: сейчас будут претензии. Списком. — Я прошу тебя никогда больше так не делать.

— Как именно? — уточнила я. — За последние дни я совершила немало проступков. Какой из них ты просишь не повторять?

При всей своей нечувствительности к иронии Август распознал-таки шпильку. Немудрено, впрочем, шпилька была размером с доисторический железнодорожный костыль.

— На будущее: если нам вдруг придется ночевать в одном помещении — я постараюсь не допускать таких ситуаций, но не могу гарантировать, что смогу предугадать все случайности... В этом случае ты должна ложиться спать в пижаме. Или в чем-то, заменяющем пижаму.

Я чуть не поперхнулась кофе. Вот чего не ожидала...

— Впиши этот пункт в контракт, — посоветовала я.

— На словах не запомнишь?

— Отчего же, запомню.

— И зачем тогда?

— Затем, чтобы на законных основаниях отказаться его подписывать.

Август недовольно вздохнул и сел напротив меня. Тяжело облокотился о стол, вперил в меня совершенно пустой и равнодушный взгляд.

— Очень хорошо. Начистоту? — спросил он. — Делла, ты не питаешь ко мне и капли уважения. Так нельзя.

— Мое неуважение выражается в желании спать голышом?

— И в этом тоже. Делла, за кого ты меня принимаешь? Ты считаешь, что я бревно... не знаю, евнух какой-нибудь? У тебя ни стыда, ни совести, ты даже не считаешь нужным как-то стесняться меня! Ты знала, что я останусь ночевать в твоём номере, и легла совершенно обнаженная!

Кровь плеснула мне в голову. Я подалась вперед и прошипела:

— А по-моему, ты попросту спятил от любви...

Август мгновенно побагровел, что неприятно шокировало меня. Значит, я права.

— Может, мне теперь паранджу носить? Или скафандр химзащиты? Ну чтоб точно ни кусочка голой кожи не было видно? Чтоб ты мог с чистой совестью сказать своей Джиллиан, что ни на одну женщину, кроме нее, не глядишь! Ты чокнулся, и считай это хоть неуважением, хоть оскорблением. Я в своей постели имею право находиться в том виде, в каком удобно мне, а не в каком хотелось бы Джиллиан! Не нравится — я за тебя не держусь!

Август сделался нормального цвета и посмотрел на меня с недоумением.

— Что за чертову чушь ты несешь? Какая еще Джиллиан?

— Твоя! Джиллиан Фергюсон! Думаешь, я про нее не знаю? Если уже вся светская пресса раструбила про ваши отношения?

— Лэн? — переспросил Август, и я чуть не поморщилась: уже ласкательное имя придумал... — Какие к дьяволу отношения, нет у меня с ней никаких отношений, что ты плетешь...

Я привычно попыталась раскрыть монитор с чипа. Выругалась.

— Сам найди. В светской хронике.

Август немедленно полез в сеть. Брови поползли вверх — похоже, увидел.

— Глупость, — отрезал он, — репортеры вечно выдумают то, чего и в помине нет. Мы просто старые друзья... впрочем, это уж точно не имеет отношения к нашему разговору.

— А я думаю, что имеет. Потому что раньше ты не задавался вопросом, в чем я сплю. Нам и мыться в одной кабинке доводилось, и ничего. А тут вдруг ты оскорбился! Объяснить почему? Потому что ты любишь ее. А мои действия воспринял как попытку соблазнения. Вроде как я пытаюсь разбить вашу счастливую пару.

— Да нет никакой пары! — взорвался Август.

— Ври кому другому. А лучше объясни, за каким чертом ты снял с меня одеяло? Убедиться, что я блюду твое целомудрие и сплю в пижаме? Ну вот зачем? Ты просто ханжа. Сначала сам лезешь к женщине под одеяло, а потом возмущаешься, что она там, оказывается, без одежды! А в каком еще виде ты рассчитывал меня застать? Ты бы еще в душ ко мне зашел. И потом потребовал бы, чтоб я мылась строго в офисном костюме!

— Не трогал я твое одеяло! Я зашел взять плед, а ты раскрылась! Ты сама сбросила одеяло на пол! Я поднял его и укрыл тебя, и все!

— Между прочим, воспитанные люди, застав женщину в непристойном виде, отворачиваются и притворяются, что ничего не заметили! — парировала я победоносно.

Август открыл рот, но так и не нашел, что возразить. Его положение спас стук в дверь. Август поднялся, угрожающе бросил мне через плечо:

— Разговор не закончен. Вернемся к нему позже, — и пошел открывать.

Я одним глотком прикончила кофе, вспомнила, что на мне всей одежды — один халат, и тот тонкий, мысленно хихикнула: что там одеяло, знал бы Август, что я с ним говорила ничуть не более одетая, чем была ночью, одеяло-то, чай, потолще...

В гостиной послышался веселый голос Алистера. Через секунду он заглянул в кухню и тут же вылетел:

— Привет... ой, прости, я думал, вы давно уже встали, времени-то почти полдень...

— Алистер! — крикнула я. — Если что, кабинет в вашем распоряжении!

Август увел гостя, а я беспрепятственно вернулась в спальню и оделась. Назло Августу надела бесформенный брючный костюм и черную водолазку. Волосы заплела и скрутила в тугой пучок на затылке.

— Отлично выглядишь, — с легким изумлением сказал Алистер, когда я вошла в кабинет. — Дел, мне повезло, на Танире оказался командированный специалист-федерал. Его за какой-то надобностью в полицию пригласили...

— За нашей, — буркнул Август. — По банде работает.

— А! — кивнул Алистер. — Не сообразил сразу. Дел, когда нужда отпадет, зайди в полицию, верни, а то парень использовал учетную болванку, — он положил на стол чип в защитной пленке. — Сделано топорно, сразу предупреждаю. На скорую руку. Но сутки-трое с таким чипом можно сносно прожить.

— Он на имя моей мамы? — уточнила я.

— Разумеется. Сама поставишь или помочь?

— Да я вроде не забыла, как это делается.

— Знаешь, давай лучше я. По крайней мере, последний раз я переставлял чип — причем не себе — две недели назад, и у меня не дрожат руки.

Через тридцать секунд я превратилась в собственную маму. Ну, бывали у меня рабочие псевдонимы куда хуже, чё уж там. Маме, правда, в следующем году шестьдесят исполняется, но это мелочи — от меня ж не требуется играть ее роль с максимальной достоверностью.

Главное, «мама» знала, который час, могла следить за событиями, ориентироваться на местности и управляться с бытовой техникой. А звонить и посылать сообщения от ее имени я не собиралась.

Алистер поделился новостями. Даймон улетел с Эвереста земным федеральным рейсом. Не особо и скрывался, поганец. Полиция нашла сбежавшего из госпиталя орка и засадила в камеру. Раненный мной орк скончался. Еще разыскали двоих, которых не добил

Даймон, — на том же острове, само собой, они ж не могли оттуда выбраться. Кое-как удалось выяснить, что у них был командир-человек, но он улетел на Таниру. Все-таки улетел. Йен уже с утра торчал в полиции и ругался с комиссаром, подчиненные которого упустили Гранта. Их ведь снабдили визуальным описанием! Оказалось, они дежурили у рамок с динамическим сканером, ждали человека с поддельным чипом. На тех, чей чип признавался подлинным, они даже не смотрели. То, что человек мог пройти с чужим чипом и именно поэтому их снабдили описанием, им не пришло в голову. Они еще поудивлялись — да зачем им знать, как выглядит преступник? Таким образом, Грант беспрепятственно сел на рейс и смылся. Причем еще вчера. На Танире у него есть сообщники на космодроме, так что от Крюгера он тоже ушел — судя по тому, что Крюгер еще не похвастался поимкой.

Заполучив какой-никакой, а чип, я позаботилась о завтраке. Пришлось поломать голову, чтобы в куче незнакомых названий распознать блюда, приготовленные из концентратов, — я не гордая, но Август такое есть не станет.

К часу дня Люция прислала Августу каталог гробов с комментарием: «Здесь только женские модели. Я взяла на себя смелость и отбраковала возрастные изделия, оставив те, которые подойдут для молодой женщины». Август сначала широко-широко раскрыл глаза, потом зажмурился от ужаса. Еще полчаса он выбирал между темно-синим с кружевами или розовым в фестончиках. Мне, если честно, больше понравился зеленый. Ну и что, что цвет? Зато отделка классическая. Но моим мнением никто не интересовался. И правильно — кто ж спрашивает труп, в каком гробу ему больше нравится? Август все-таки решил брать темно-синий. Люция рапортовала, что гроб отправили в полицейский морг, откуда мы должны были торжественно забрать его вечером, перед отлетом. А мне прислали подарок от фирмы — широкополую черную шляпу с густой вуалью.

Подарок меня добил. Я упала на диван и расхохоталась.

Август решил, что у меня наконец-то нормальная женская истерика.

* * *

День получился насыщенным. Сначала Эмбер привезла мою сумку, брошенную на Кангу. Я малость побаивалась оставаться с девушкой наедине, все-таки неприятно говорить хорошему человеку, что не получится таких отношений, о каких он мечтает. Однако Эмбер словно бы задалась целью опровергнуть слова Макса относительно ее предпочтений. Она болтала без умолку, у нее произошло столько всего интересного, она наповал застрелила волка, напавшего на олененка, и так ловко, что совершенно не задела маленького, хотя волк уже вцепился в него. Олененка пришлось забрать в лечебницу, и Эмбер кормила его из рожка. Теперь она мечтала, что животное вырастет ручным и сохранит привязанность к своей невольной кормилице.

Пока она делилась новыми впечатлениями, я укладывала багаж: вечером мы идем на концерт и сразу оттуда улетаем на космодром. Я отлично понимала, как шокирующе будет выглядеть появление «безутешной матери» на концерте поп-певицы, однако даже не подумала отказываться от удовольствия. В конце концов, мистификация с моей «смертью» рассчитана на Энстона, а не на местных. Ротация новостей происходит очень быстро, и днем позже вряд ли кто заинтересуется личностью никому не известной матери погибшей. По крайней мере, настолько, чтобы распространять инфу дальше Эвереста.

И вообще: Август сказал «можно» — значит, можно.

Не успела я отправить багаж, как явился Макс, завершивший свой курс лекций, а заодно и дела на Эвересте, и немедленно поругался с Августом. Август хотел, чтобы гроб и я летели с ним, на его яхте. Макс считал, что куда уместнее будет, если гроб поедет с ним — ну и я, конечно, — потому что мы были женаты. Август слышать ничего не желал. Положение спасла Эмбер, предложившая компромисс: пусть гроб, «мать» и Макс летят с Августом. Август скрипя зубами согласился, Макс тоже.

К семи вечера мы собрались в клубе, и я поняла, почему Август не зарубил на корню

идею развлечься: здесь, помимо зала, были еще ложи. Мы прошли в центральную уже после того, как в зале погас свет, на нас никто не обратил внимания, потому что через секунду на сцену вышла Нина.

Я поняла, что много потеряла, не интересовавшись ею раньше. Голосище у Нины Осси оказалось такой силы, что ее, казалось, было бы слышно снаружи даже без усилителей. Да и к мелодиям придраться было трудно, по крайней мере, людям без соответствующего образования — вроде меня. Слова... ну, Нина говорила, что на поэтов ей не везет, а сама она втыкает какие-то фразы, лишь бы были. Поэзией ее тексты не смог бы назвать ни один даже самый доброжелательный критик. Но голос, голос, какой волшебный голос!

Что меня поразило — очень скупые движения Нины. В принципе современная поп-музыка подразумевает синтез с хореографией, причем на концерте обычно непонятно, кто выступает — профессиональный певец или же танцор. А Нина все два часа почти что и не танцевала. Ее группа, которую я увидела впервые за все время, выкладывалась на двести процентов, а посреди этого энергетического вихря застыла Нина Осси. Интересно почему? Одной только привычкой к плохим парикам ее неподвижность не объяснить.

Ответ на этот вопрос я получила в конце выступления. Отработав два часа, Нина представила свою группу и тут же отпустила всех, кроме клавишницы. И сказала, глядя в зал:

— Каждый из нас рано или поздно встречается с людьми, которые меняют нашу судьбу. Такие люди попадают на твою пути, когда кажется, что все, жизнь прожита, ничего нового в ней не будет и непонятно, куда идти дальше. И идти ли вообще, а то, может, лучше остаться там, где стоишь. Ты топчешься на месте, а эти люди всего-то проходят мимо — и твоя жизнь переворачивается. Ты испытываешь волшебное и страшное ощущение — мир изменился, и то, что было с тобой раньше, кажется сном, а вот теперь — теперь ты наконец-то в реальности. Таких людей я встретила здесь, на Эвересте. И последнюю на сегодня песню я хочу подарить им. — Нина выждала несколько секунд. — Специально для лорда Маккинби.

Она отступила на пару шагов, взяла с подставки пластиковую папку — с текстом, нотами? Мелодию, которую начала играть клавишница, я узнала с первого же звука и изумленно оглянулась на Августа. А он подался вперед и с интересом уставился на сцену.

«Аве Мария» Шуберта. Чудесная классическая песня, равно уместная в академическом концертном зале, в церкви и в клубе. Вот только текст я не узнавала. Ни текст, ни язык, на котором пела Нина. А пела она, кстати, профессионально... вот чего нельзя было ожидать.

Зал молчал и боялся дышать. Звонящий голос Нины летел над головами, проникал в сердце. Я не очень хорошо разбираюсь в музыке, но мне показалось, что ее исполнение — безупречно. И даже внутренне посмеивалась, вспоминая, как Август накануне осадил нахальную Нину, сказав, мол, его бы воля, не видать бы ей поп-сцены... А не очень-то ей и нужна эта поп-сцена. С таким-то голосом!

Когда наступила тишина, мы не пошевелились. Нина поклонилась и ушла за кулисы. Зал осветился, люди потянулись на выход, изумленные и притихшие.

— Мы чего-то ждем? — осведомился Макс.

Почему-то мне захотелось стукнуть его. Нет бы промолчать, сохранить это ощущение откровения...

— Сейчас цветы принесут, зайдем в гримерку, — ответил Август. — Нельзя же улететь не попрощавшись. Да и поблагодарить надо.

— Пф, — сказал Макс. — Нет, я знал, что она умеет петь. Но могла бы и что-нибудь менее банальное выбрать.

— Ага, — кивнул Август, — а ты чего ждал? Каватину Розины? Или арию Царицы Ночи?

Макс уставился на него с подозрением: по всему, Август иронизировал. Но у него ж нет чувства юмора. Вдруг всерьез спрашивает?

— Макс, во-первых, некоторые вещи надо исполнять только для подготовленного

слушателя, — пояснил Август. — А во-вторых, их надо репетировать. Не день и не два.

— Ну да. Зато вот это мы могли бы услышать на мессе в каждом десятом костеле, — фыркнул Макс.

— Это? — Август встал. — Нет. Потому что это не «Аве Мария». Ты невнимателен, Макс. А вот мисс Осси оказалась куда умней и тоньше, чем я ждал. «Аве Мария», которую ты знаешь, имеет переделанный текст. А в оригинале был немецкий перевод поэмы Вальтера Скотта «Владычица озера». И конкретно эта вещь — «Третья песнь Эллен». Услышать ее в наше время на языке оригинала, на том самом тяжеловесном немецком девятнадцатого века — большая удача. А если вспомнить, что Вальтер Скотт жил относительно неподалеку от Пиблс, — это действительно подарок мне.

— Ты невыносим, — ответил Макс. — Ну как можно быть таким занудой?

В ложу доставили цветы, мы разобрали букеты и пошли в примерку. Нина сидела в кресле, совершенно размазанная, все еще в концертном гриме. Вяло помахала нам рукой и устала на Августа.

— Задатки хорошие, но исполнение ученическое, — обронил он, кладя перед ней цветы.

— Это меня поругали или похвалили? — спросила Нина почему-то у меня.

— Тебе сказали ровно то, что думали, — пояснила я.

Стало довольно шумно. Девушки поздравляли Нину и всячески расхваливали, мужчины отошли чуть в сторону, выжидая, пока схлынет волна женских восторгов. Менеджер клуба принес несколько ведерок, из которых торчали слегка запотевшие бутылки шампанского, и одну бутылку — без льда.

— Мне только холодного сейчас не хватало, — пояснила Нина, жестом попросив Макса открыть для нее теплую бутылку.

— Кое-кого ты удивила, — заметил Макс, наливая ей.

Нина фыркнула и отпила глоток из своего бокала.

— Я всех удивляю. Всегда. У меня выхода другого нет. Макс, ты что думаешь, я действительно начинала карьеру так, как говорю?! Ага, на конкурс молодых талантов пришла малиновая лахудра из рабочего квартала, дурочка с переулочка, пасть разинула и впервые в жизни запела. Ну и тут же все обрадовались, первый приз ей дали, не успела она пасть захлопнуть, ей туда выгодный контракт свалился... Чё, многие верят. Знаешь, люди вообще верят в халяву. Не нужно учиться, не нужно трудиться. Открылся талант — приходишь и берешь все, что полагается таланту. Потому что типа талант такая волшебная штука, сам за тебя все сделает. Если ты тоже веришь, ты идиот. Я с пяти лет пела! В церковном хоре, в школьном, потом — солировала в муниципальном. И училась музыке. Я люто ненавидела весь наш репертуар. Но у меня не было другой возможности учиться у хороших педагогов. Я хотела поступать в консерваторию. Сказала матери, а она ответила, что, если я не выброшу блажь из башки, она запрет меня дома, а на моего педагога накатает иск в суд, что он не педагог, а педофил, забивает ученицам головы всякой лабудой. Она считала, что полная школа — это уже чрезмерное для меня образование, ишь, лошадь здоровая, могла бы на завод пойти пахать, а она песенки дурацкие поет... Притом что я уже тогда зарабатывала музыкой больше ее — я ж еще и уроки давала. Вот тогда я заняла денег у соседей, взяла у подружки карнавальный малиновый парик, выбрала самые драные шмотки и в таком виде ломанулась на Большой Йорк, на конкурс талантов. Мне нужны были деньги, чтобы уехать из дома. А для денег нужна была победа. Я взяла псевдоним и победила. Прикинулась таким самородком, ха-ха. Ну да, самородок! Я на тот конкурс девственницей пришла, потому что у меня никогда банально времени на трах не было! Вот такая цена у победы... Деньги призовые хотела отложить на учебу, но мне тут же сделали интересное предложение. Я решила, что сначала заработаю побольше, а уж потом в колледж пойду. Так что школу не закончила. Именно как хотела моя мамочка. Через год я уже прославилась. Но о том, что прославилась именно я, никто не знал, потому что я жила уже на Большом Йорке. Там, где никто не знал Клементину Франческу Росси, зато все знали Нину Осси. Только,

знаешь... Я до сих пор репетирую кое-что из того, старого набора, который в пятнадцать лет ненавидела. Вот весь последний год репетирую. Каждый день. Одну классику.

Она маленькими глотками пила шампанское.

— Читал сказку про Золушку? Ну, забудь. Золушек не бывает. Не верь, когда тебе говорят про случайности и везение. За успехом каждой Золушки вроде меня стоит адский труд. Каторжный. Но никто не хочет об этом знать, потому что не желает трудиться. Так приятно верить в удачу, везение, волшебство! Приятно тешить себя мечтой, что Случай слеп и завтра может указать на тебя, надо лишь ждать и верить. А работать — нет, зачем? Работать не надо, за тебя все сделает Случай. А Случай не слепой. И зрение у него орлиное.

Ты права, сказала я ей взглядом. Я ведь сама — такая Золушка. Приехала с арканзасского ранчо, с первой попытки поступила в Военный университет, привлекла внимание самого завидного холостяка и мигом окружила его. Мне завидовали. Про меня говорили, что я ведьма, ведь я такая же, как все, это просто слепое везение... Только я двенадцать лет жизни положила на то, чтобы поступить в этот университет. Но кому это интересно?

Или Макс. Повезло родиться князем. Все досталось даром. А что — все? Семейные долги, разоренное княжество? Но никому не хочется знать, как курсант-джедай вытаскивал семью из кредитной ямы.

А Август? Мальчик из богатой семьи. Герцог. Теперь — самый успешный из инквизиторов. Ну конечно, это родители помогли. Чему? Успеху в работе? А то, что он три года спал по два часа в сутки, чтобы изучить все тонкости профессии, никого не волнует...

Все хотят счастья даром. Счастья, богатства, успеха, любви. Преклонения окружающих. Самое главное — даром. Потому что в глубине души презирают все человечество, считая самыми достойными — себя. Зачем зарабатывать то, что весь мир и так тебе должен? Пусть дураки трудятся, а умным и так все дадут. Поэтому «дураки» работают на износ. Они ведь понимают, что их способности и таланты — только болванка, заготовка, их надо еще превратить в шедевр и никто, кроме них самих, этого не сделает. Вот и трудятся — в первую очередь над собой. Самосовершенствуются, учатся на ошибках, исправляют недостатки. А «умные» в это время валяются на диванчике, завидуют «дуракам, которым всегда везет» и рассуждают о своих несравненных достоинствах, ожидая, когда же мир изволит выполнить свои обязательства. Или изобретают фальшивые чипы, убивают и грабят.

Но Случая не бывает. Особенно слепого. Потому-то рано или поздно каждый получает то, что заслужил.

Головокружительный взлет, впустую прожитую жизнь или тюремную камеру.

* * *

Новенькая «Афина», замеченная Максом сутки назад, принадлежала Алистеру Торну. Да-да, именно та яхта, которую Скотт Маккинби Старший сумел всучить сыну в знак примирения. В связи с этим наш старт задержался на час — Алистер рассудил, что вполне можно сначала показать Максу корабль. Я не пошла на экскурсию, решив, что с меня довольно новых впечатлений.

На корвете Августа было тихо и по-домашнему уютно. Капитан приветствовал меня, сказал, что моя каюта давно готова. Я выпила чашку чаю, потом заперлась в каюте, мстительно разделась догола и улеглась спать.

Проснувшись, когда яхта уже заходила на посадку. Влезла в траурный костюм, взяла шляпу под мышку и вышла в кают-компанию. Меня уже ждали — мрачный и всем недовольный Макс и невозмутимый Август. Играли в карты на крышке синего гроба.

— Счет спрашивать не буду, — сообщила я и взяла чашку чаю из рук стюарда. — Он у вас на лицах написан.

— Даже у меня? — удивился Август. — Странно, я полагал, что у меня подходящая мимика для покера.

— Вот именно, — кивнула я. — Когда по тебе не видно ничего, а по Макс — все, вопросы излишни.

Через двадцать минут, когда яхта села на танирском космодроме, я надела шляпу, а Макс подал мне черную накидку с подогревом.

— Да ладно, — сказала я ему, — мы ж сразу в машину сядем.

— Еще ритуалы, — пояснил Август и постучал пальцем по гробу. Звук получился довольно глухой, как будто гроб был доверху заполнен. — Мы хотя бы из вежливости должны постоять рядом, пока его будут грузить сначала на платформу, потом в самолет.

В гробу, как вскоре выяснилось, ехал наш с Августом личный багаж. Я в накидке — это поверх шляпы с вуалью! — и мужчины с непокрытыми головами проводили его в «Залию». У трапа уже стоял навытяжку дворецкий Августа — Тед. Уникальный парень, единственный, по-моему, кто служил у Августа дольше меня. Его невозможно было пробить ни мизантропией, ни гениальностью Августа, он ко всему на свете относился философски. Поначалу меня настораживала такая невозмутимость, я принимала ее за равнодушие. Но нет, Тед был чертовски любознательным, по каждому поводу имел свое бесценное мнение и лишь из природной жадности не желал им делиться. И еще он очень любил думать. Когда он узнал, что я регулярно делаю для Августа некоторые вещи, выходящие за рамки обязанностей, мы еще и подружились. Потому что Тед тоже был не только дворецким. При случае он соглашался стать водителем, наладчиком домашней техники или, как сейчас, пилотом «Залии».

Он ни капельки не удивился, увидев гроб. Даже не спросил, кто в нем.

— Тед, — негромко сказал Август, — дома поставь его в Беседку.

— С церемониями или без? — уточнил Тед.

— Аккуратно, — подчеркнул Август. — Я купил несколько новых моделей, они как раз внутри гроба.

Гроб подняли в салон самолета. Я еще успела подумать — придется нам всю дорогу сидеть на нем, потому что «Залия», при всей своей красоте, была очень маленьким самолетом. Уж лучше я поеду отдельно, на такси.

Август оправдал мои ожидания, показав в направлении космопорта:

— Мы возьмем такси. Завезем Макса в отель и заглянем в полицию. Надо ведь отдать Крюгеру чип Джейкоба Бирмы, я не хочу приносить в дом такую улику.

— Крюгера удар не хватит, если он увидит меня?

— Делла, не кокетничай. Ты не так уж плохо выглядишь даже в черном.

— А ничего, что по плану я еду в этом гробу? Или ты надеешься, что Крюгер примет меня за мою маму?

— Я предупредил его, — ответил Август, привычно пропустив иронию мимо ушей.

Проводив «Залию», выруливающую на взлет, мы взяли самое обычное такси и поехали в город. Макс рвался с нами в полицию, но Август довольно жестко осадил его. В самом деле, хватит с нас этого детства. Макс любопытно, а нам работать нужно.

Крюгер нас ждал. В кои-то веки он оказался не занят! Впрочем, я ошибаюсь: как раз занят — ожиданием нас. Обрадовался мне так, что чуть не кинулся обнимать. Немедленно организовал кофе и запер дверь своего кабинета.

Август с непроницаемым лицом отпил глоток из чашки. Крюгер, кажется, только сейчас сообразил, что сделал: предложил паршивый кофе человеку, привыкшему к совсем иному качеству напитков. Август, однако, не подал виду. Вот что мне в нем нравится — это его деликатность. Макс, при том, что бравирует неприхотливостью, не преминул бы уколоть Крюгера, мол, лучше пить воду, чем эту бурду. А Август словно не заметил ничего.

— Простите, — тут же извинился Крюгер, — я понимаю, для вас-то это не кофе, а непонятно что...

Август чуть поднял брови в легком удивлении:

— Разве? Во время учебы я стажировался у федералов. Эдинбургское бюро. Вот там действительно было непонятно что. Сейчас вспоминаю даже с улыбкой. Ностальгия.

Крюгер покачал круглой головой, а Август выложил на стол конверт — письмо от Даймона.

— Что? — Крюгер уставился на него.

— Чип на имя Джейкоба Бирмы, — пояснил Август.

— Опять Пол Даймон?!

— Не кричите, Крюгер, — осадил его Август. — Лучше пользуйтесь случаем. Когда еще вам удастся получить показания Деллы до суда, а не в процессе, как обычно?

Крюгер, едва сдерживая жадность, схватил конверт и заглянул внутрь. Вытащил письмо, прочитал его. Прочитал второй раз. Изумился. Уставился на меня.

— Вы вели с ним переговоры?!

— Что вы, — возразила я. — Во-первых, не я, а во-вторых, можете вызвать сюда Максимилиана ван ден Берга и допросить как положено. И если он не явится, обещаю, что лично доставлю его, хоть бы и в наручниках.

— Ничего не понимаю, — честно признался Крюгер.

— Не для протокола, — вмешался Август. — Это чистой воды самодеятельность гражданских, но частично осведомленных лиц. В присутствии, как это ни прискорбно, моего ассистента и вашего подчиненного — Йена Йоханссона.

Я кашлянула. Зачем он сдал Йена? С одной стороны, справедливо — потому что вправлять мозги Максу должен был Йен, а не я. А с другой — ну незачем, незачем... Хотя, конечно, Август прав: участие Йена всплыло бы в любом случае — при перечислении Максом свидетелей его переписки с Даймоном.

— Делла и Йоханссон отдыхали после окончания рабочего дня в компании Максимилиана ван ден Берга и известной певицы Нины Осси, — рассказывал Август. — Максимилиан, естественно, как мой клиент, имел некоторое представление о происходящем. Но именно что некоторое — я никогда не информирую клиентов детально. В сущности, он знал ровно столько, сколько я сообщил ему, когда понадобилось перезаключать договор. Кое-что он узнал из прессы. Будучи человеком сообразительным, он достроил пропущенные цепочки и решил, что теперь ему все известно и все понятно. В силу того, что в действительности он не имеет ни малейшего представления об этике и технике безопасности инквизиторской и полицейской работы, он вздумал похвастаться в компании. Перья распустил, иначе говоря. Беседа протекала на фоне горячительных напитков, и я допускаю, что кто-то — Делла или же Йоханссон — проговорился, рассказав ему про Даймона.

Крюгер побагровел, отвел взгляд и покашлял в кулак:

— Это я ему сказал. Ну... трудно объяснить зачем, да. Этическая такая ловушка получилась. А он, значит, использовал...

— В таком случае вы поймете, в каком нелепом положении оказался ваш подчиненный, я говорю о Йоханссоне. Делла, если разобраться, совершенно не обязана пресекать противоправные действия моих клиентов, а вон он — он обязан был. Но коль скоро вы сами совершили подобную ошибку, сильно наказывать его не стоит. Лучше извлечь урок на будущее. Берг — великолепный манипулятор, и об этом не стоит забывать ни на секунду.

— Да, я уже понял, — Крюгер покраснел еще сильнее. — И что?

— В сущности, все не так страшно. Берг отправил на адрес Бирмы сообщение, сформулированное так, что ничего криминального в нем не было. Предложение встретиться, чтобы обсудить некую сделку. Как вы догадываетесь, звездному принцу надо быть очень осторожным и дальновидным человеком, чтобы к тридцати восьми не нажать смертельного врага. Берг славится предусмотрительностью исключительно при просчете финансовых операций, и то — случаются осечки. В отношениях с людьми он ошибается часто. Врагов у него много. Разумеется, Даймону, который считается одним из самых высокооплачиваемых специалистов в области насильственной смерти, это известно. Как все опытные наемники, он регулярно сканирует новости, собирая нечто вроде личной картотеки — кто с кем поссорился и почему, чтобы быть в курсе дела на случай заказа. Таким образом, Берг

рассчитал, что Даймон истолкует намек верно, а истинный Бирма — нет. Даймон намек понял, ответил, но наотрез отказался встречаться с Бергом. На следующий день Делла получила от него вот это послание.

— Ну понятно, — Крюгер повертел конверт и зачем-то понюхал его. — Понятно. Сейчас мы оформим его... Как в прошлый раз?

— Да. Я не хочу держать в доме такую улику, — сказал Август.

— С одним уточнением. Нет, конечно, я приму это на хранение, не беспокойтесь, да что я, не понимаю? Отлично понимаю. Мало ли чего вам по почте прислали, это еще доказать надо, а улика такая, что боже упаси... Подделка чипов — это вам не шуточки. Лучше хранить дома ядерную бомбу, чем это. Но... Вы не будете возражать, если я пока не стану передавать чип на экспертизу? — Крюгер с надеждой уставился на Августа.

— Почему? — искренне удивился мой босс.

— Видите ли... — Крюгер весь извертелся под его взглядом. — У нас приехал этот, федерал. Специалист по чипам. Четвертые сутки ковыряет тот, первый подарочек. Не спешит, не-а. Семь с половиной часов работает — потом гулять идет. Ну а чего, когда еще за государственный счет на курорт смотаешься... Не нравится он мне. Пусть сначала тот чип исследует, а потом я подумаю, давать ли ему этот.

— Это ваше дело, — холодно отозвался Август. — Хотя как по мне, отдает халатностью и использованием служебного положения в личных целях. Вы боитесь, вам федералы голову снимут за то, что в курсе дела оказался гражданский? Я имею в виду Берга.

— Да не боюсь я, — поморщился Крюгер. — Ну подумаешь, выволочку мне устроят. Впервые, что ли? И Йену по шее тоже самое время получить. Просто не верю я этому федералу. Не верю, и все. Может, он хороший спец. Если так, плюну на его характер мерзкий, пусть работает. Вы что, думаете, в управлении есть хоть один человек с хорошим характером? Может, считаете, что Йоханссон такой симпатяга, каким в присутствии Деллы прикидывается?! Ха-ха-ха. И ничего, заметьте, работаю ведь с ними! С каждым из них! И с этим сработаюсь, если он того стоит. Только он, как по мне, еще и не спец. И зачем тогда ему знать лишнее? Кому и что он доложит? Я ведь и о том должен думать, что будет с людьми, на чье имя делали эти чипы. А то он уже намекает, мол, надо бы допросить Джона Смита, с Венеры который.

— Он прилетел? — уточнила я.

— Да, — Крюгер сразу повеселел. — Нормальный мужик оказался. Я думал, он с собой свору адвокатов притащит. Он привел, да. Одного. Крутой адвокат. Не в том смысле, что прославленный, хотя и это тоже. Акула. Знающий. Злой и цепкий, как репей. Но очень знающий. В общем, если федерал этот настоит на своем, я ему не завидую.

Август чуть заметно повел плечом — мол, меня это не касается. Крюгер тут же оформил улику, потом взял с меня показания. Под конец до меня стало доходить, что я на Танире, дома, — и накатила усталость.

Через час мы снова стояли на улице. Мягко грело солнышко, теплый ветерок ласково шевелил мою черную вуаль. Август вызвал такси, ждать почти не пришлось — машина подрулила буквально через две минуты. В салоне я с наслаждением прикрыла глаза:

— Все. Одна мечта — прийти домой и выспаться.

— Это хорошо, — одобрил Август.

— Ну да, тебе все хорошо, лишь бы я не учинила еще какой самодеятельности.

— Вот именно.

— Между прочим, ее учинила не я.

— Разве это повод считать тебя отдохнувшей? — парировал Август.

Я заткнулась.

— Если не произойдет чего-нибудь непредвиденного, сутки отдыха у тебя есть, — заверил Август. — А что там впереди по улице? Булочная миссис Кавендиш? Ты ведь там брала ватрушки?

— Точно, — отозвалась я. — Самая удобная булочная в Сити. За какой бы

надобностью я ни ездила в центр, до нее отовсюду пять минут пешего ходу. И кафетерий есть. А цены такие, что ни одного клерка там не пасется даже в обед, когда скидки.

— Надо взять ватрушек, — решил Август. — Мне они понравились. Пригодятся к чаю.

Он попросил шофера остановиться. Я не стала выходить из машины: что, Август сам не справится с покупкой? Еще как справится. Он отсутствовал минут десять, я успела задремать. Ввалился в машину с огромным пакетом, из которого пахло так призывно, что я решила отложить сон. Потом посплю. Сначала — чай с ватрушками.

— Я на двоих взял, — уточнил Август.

— Я так и подумала. Ты вроде не имеешь привычки есть ватрушки килограммами.

Солнечная, уютная Танира скользила за окнами машины. Неспешная, ленивая, разморенная Танира. Где-то я слышала, что планету назвали в честь дочерей-близняшек капитана-первооткрывателя. Таня и Ира. Как странно, подумалось мне, у Макса сестра — Татьяна, а у Августа — Ирина.

Никаких выводов из совпадения я сделать не успела. Такси вывернуло на последний прямик перед нашим домом. Я машинально отметила, что в воздухе три аппарата и крайний справа как-то очень уж резко взял в сторону, набирая скорость на форсаже.

А потом впереди грохнуло, две оставшиеся машины в воздухе качнулись, заметались, стараясь сохранить высоту, и по очереди упали в сквер на площади. И лишь затем до нас докатилась ударная волна.

В небо прыгнул черный столб, а вслед за ним — багровые языки пожара.

* * *

Мы стояли перед воротами.

Уже собралась толпа, набежала горе-пресса, в воздухе не протолкнуться было от спасательских, пожарных и полицейских машин. Принесся Крюгер во главе целого взвода шлемонавтов. Я быстро описала ему ту машину, которая показалась мне подозрительной, Крюгер развил бурную деятельность.

Дом горел. Не очень-то и охотно, но горел.

Ракета. Просто ракета. Одна. Попадание в центральную часть здания, как раз туда, где у Августа был кабинет, сейф для улик и прочие ништяки. Флигели уцелели и, судя по всему, даже от пожара страдают не сильно. Это хорошо.

Август первым делом позвонил Теду, узнать, как люди — в доме ведь постоянно жила прислуга. Тед бодро отрапортовал, что жертв нет, все в этот момент были у самолетного ангара, кто-то помогал перетаскивать гроб в Беседку, а кто-то просто ошивался рядом. В доме остался повар — готовил обед для господ. Судя по множественному числу, в господа он записал не только Августа, но и меня. Повар пострадал. От взрыва лопнули балки, часть стен обрушилась, вылетели стекла. Ему сильно придавило левую ногу, остальные травмы попроще — два ожога, несколько порезов. Тед сказал, что претензий к хозяину повар не имеет, он ведь знает, у кого служит, но преступника ругал такими словами, такими, что их не при всяком мужчине повторить можно.

Вот ведь чутье у Августа, думала я. Ватрушек ему захотелось к чаю, ишь ты. Если б не та десятиминутная задержка, мы оба в момент взрыва были бы в кабинете.

Я смотрела на пожар и понимала, что ничего не чувствую. Только раздражение. Я так хотела выспаться. Всю дорогу мечтала — сейчас схомячу пару ватрушек и баиньки. В теплую, уютную постельку. В доме, где я чувствовала себя защищенной. Чё, выпалась.

— Прости, что так получилось с твоей подругой, — покаянно сказал Август.

— С какой подругой?

— С Мэри Энн.

— С Мэри Энн? — тупо переспросила я. — У меня нет таких подруг.

— Твоя машинка, — терпеливо объяснил Август. — Она ведь была в доме, на твоём столе в кабинете.

Я растерянно похлопала глазами. Потом рассмеялась.

— Август, она в гробу. В синем с кружавчиками. Я брала ее с собой, когда ездила к лорду Расселу. А когда улетаала, оставила багаж там, и Эмбер привезла его на Эверест. А когда мы летели с Эвереста, ты сам упаковал весь мой багаж в гроб.

— Ну, тогда отлично, — успокоенно сказал Август.

— Что ж тут отличного, твоя коллекция погибла.

— Нет, с чего бы? Я перед отъездом велел Теду перенести все экспонаты из Музея и Галереи в Беседку, хотел кое-что перепланировать.

Въезд на территорию ограничивали два каменных столба. Из правого торчал какой-то металлический штырь, а на нем трепетал белый клочок, вызывающе белый на фоне черного дыма и красного огня. Август пошарил по карманам.

— У тебя резиновых перчаток нет?

Я достала из сумки пару:

— Только натягивай осторожней, у тебя рука большая, могут порваться.

Август пропустил замечание мимо ушей. Надел перчатки, расштал и вынул штырь. Я прищурилась — он держал самый настоящий арбалетный болт. К нему была прикреплена записка на клочке ткани.

«Мы предупреждали».

— Странно, что опять не напомнили — леди не движется, — фыркнула я.

— Повтор тут выглядел бы аляповато. Возможно, у Аристократа неплохое литературное чувство. Должны же у него быть хоть какие-то достоинства, верно? Живых людей вовсе без достоинств не бывает.

— Не знаю, как насчет литературы, но стиля у него нет точно. Слишком напыщенно, отдает сентиментализмом. А сентиментальность для преступника — признак профнепригодности. С жертвой нельзя играть в кошки-мышки, а с полицией — принимать красивые позы.

— Он не очень умен, — возразил Август. — Иначе с самого начала не притворялся бы маньяком, сектантом и так далее.

— Как думаешь, эта ракета — из-за того, что у нас оказался уже второй чип их изготовления?

— Вряд ли Даймон поставил их в известность.

— Ну, не месть же это за десяток диких орков, по нашей милости выбывших из игры.

— Верно. Отвлекающий маневр. Отвлекают уже полицию.

— А смысл?

— Время тянут.

— Как бы они не к убийству Бейкера готовились, — озабоченно сказала я. — Потеря такой фигуры сломает нам все дело.

— Ну, во-первых, уже ничего не сломает, а во-вторых, от него не избавятся.

— Уверен?

— Абсолютно. Только он знает, куда должен прибыть груз.

— И этот груз — не орки.

— Нет, конечно.

Я осторожно посмотрела на него. В серых глазах Августа отражались блики пожара.

Принесся Макс. Взлохмаченный, перекошенный. Увидел нас, в лице не переменился.

— Я в новостях услышал, — отрывисто произнес Макс. — Сказали, что вы не пострадали. Но ё-мое...

— Это еще цветочки, — меланхолично заметил Август. — Мы наконец-то расшевелили банду. Но ягодки впереди.

Макс сплюнул и выругался.

— Вот что, — сказал он, — ночуете у меня. У меня большой номер, поместимся. Еще не хватало, чтоб вас попытались добить этой ночью, пока все охранные системы в шоке.

Вернулся Крюгер. Никого не нашел, зато узнал наверняка, что выстрел произведен из

машины. Август отдал ему арбалетный болт, Крюгер выругался. Значит, у стрелка был сообщник на земле, потому что у арбалета, даже самого навороченного, дальнбойность смешная. Сообразив это, Крюгер отрядил бригаду обыскивать сквер на площади — по всему выходило, что арбалетчик стрелял оттуда.

Мы сумели раздобыть необходимый минимум вещей — да чего там, просто вынули из гроба дорожные сумки, — убедились, что в нашем присутствии на месте нет нужды, и поехали к Максусу.

Вечер прошел на удивление тихо. Я пыталась уснуть, а Макс — перепить Августа. Август с ничего не выражающим лицом цедил сонский портвейн, и я подозревала, что он давно уже спит, а руки и горло работают в автоматическом режиме.

Потому что нормальный человек не может сознательно влить в себя столько этой дряни, не будучи князем Сонно.

* * *

Проснувшись утром, я обнаружила в постели справа от себя Макса, а слева — Августа. Макс был совершенно голый, трогательно свернулся в клубок. Август с непередаваемым величием спал на спине, вытянув руки вдоль тела, его мощная грудь ровно и бесшумно вздымалась. На Августе были безупречно стильные черные трусы и носки, а прочая одежда аккуратно сложена стопочкой на полу в изголовье. В его одеяло завернулась я, а моим укрывался Макс.

Значит, напились оба в стельку, поняла я. Потому что Макс при мужчинах в жизни не раздевался догола, а Августа по пьяни разбирала паранойя, он боялся потерять носки, поэтому не снимал их перед сном. Ну и потому, что в номере было шесть комнат и минимум десять мест, куда можно улечься спать, — но оба приперлись ко мне под бок.

Первым проснулся Август. Сел, огляделся, изрек:

— Да-а... Это я вчера много выпил. Ну ладно, что я проснулся в постели со своим ассистентом — ты хотя бы женщина. Но сколько нужно выпить, чтобы проснуться в постели с Бергом?!

— Ч-черт... — пробормотал Макс, натягивая подушку на голову. — Чтоб я еще раз пил с тобой... Какого черта ты делаешь в постели моей жены?!

— Охраняю своего ассистента от твоих домогательств.

— Заткнитесь, — сказала я. — Какого черта вы оба тут забыли? В этом лабиринте мало других кроватей, где вы превосходно могли бы поспать вдвоем, если нестерпим?

Макс сел к нам спиной, едва прикрыв пах одеялом, схватился за виски.

— Понятно. Виноградники все-таки пора рубить. Потому что от этой дряни похмелье уже у меня... Август, у тебя похмелье бывает?

Вместо ответа Август грациозно поднялся, нащупал черный халат Макса, влез в него и ушел в ванную комнату. Тут же вышел, недовольный, и удалился в дальний санузел.

— Мог бы не стараться, тут шумоизоляция везде приличная, — отметил Макс.

— Милый, он не себя стеснялся — он посмотрел, что в этой ванной с прошлого раза висит женский халат, и ушел, чтобы сюда могла сходить я.

— О, дьявол, какие мы воспитанные... — Макс хохотнул и голышом отправился в ванную, не подумав даже закрывать дверь. — Дел, ты правда никогда с ним не спала?

— Ну если не считать эпизодов вроде сегодняшнего, то есть сна в одной кровати, — нет, конечно.

— Знаешь, у меня с похмелья даже ревности не бывает. Может, мне надо пить побольше, тогда стану нормальным человеком? А то мне вдруг стало интересно: может, он и трахается в темноте? Чтобы не смущать партнершу? И у кого еще мне спрашивать, как не у тебя...

— Это ты верно заметил. Кого еще спрашивать, как не тактического разведчика? Свет оставляет включенным.

Макс недоверчиво выглянул из уборной, посмотрел на меня:

— Слушай, а как ты это узнала?

— Элементарно. У нас спальни в противоположных флигелях, но окна выходят мало того, что во внутренний двор, — еще и друг на дружку.

— Черт, — согласился Макс, — мог бы и сам догадаться.

— А еще мне как-то пришлось его будить после бурной ночи. У него в изголовье стоял пластиковый контейнер с ассортиментом наручников. И один браслет висел на левом угловом столбике кровати.

В ванной внезапно стало очень тихо. Через несколько мгновений выглянул Макс с потрясенной физиономией. Я ухмыльнулась.

— А плеточки у него нет?

— Нет.

— Уверена?

— Естественно. Я вообще-то в курсе всего, что покупается в дом. А что было до меня — тоже знаю. Потому что я следила за упаковкой всего багажа при переезде.

— Ну дает Маккинби... Дел, а ведь мы в наручниках не пробовали.

— Я не дамся. Тебя приковать могу, если хочешь.

— Дурацкий вопрос. Хочу, конечно. — У него заблестели глаза. — А то не будем откладывать? Я даже знаю, где быстро достать наручники.

— Ты забыл, что мы не одни?

Макс нервно потер небритый подбородок:

— Н-да. А втроем мне что-то не хочется.

Я наконец собралась с силами и вылезла из постели. Странное дело: накануне пили мужчины, а похмелье почему-то у меня. Протискиваясь мимо Макса к душевой кабинке, я пробормотала:

— Будешь кофе варить — плесни мне бренди или виски.

— Тебе-то зачем? — изумился Макс.

— Надышалась, — лаконично ответила я, бросая на пол его майку, в которой спала вместо пижамы, и задвинула за собой дверь кабинки.

— У-у... — снаружи уважительно протянул Макс и засмеялся.

Я тоже засмеялась — пользуясь тем, что под душем не слышно. Историю с наружниками в спальне Августа я выдумала. Ну вот еще не хватало, чтобы я кому-то рассказывала правду об интимной жизни шефа! И мне надоели шпильки, которые Макс подпускал в адрес Августа. Вот я и рассказала то, что точно вызовет у него легкую зависть.

Надо сказать, наша с Максом семейная жизнь вовсе не была пресной. Кое-какие милые экспериментики мы себе, конечно, позволяли. Но это были детские шалости. Я таки не решилась позволить Максиму связать меня как следует, например. Да он и не смог бы. Вязать женщину в постели ведь надо уметь. Притом что с запястьями, обмотанными ремнем, мы баловались. Максиму больше нравилось, когда я обездвигивала его и залезала сверху. Но до наручников и прочего металла мы действительно не дошли — хотя я знала, что Макс о том мечтает.

Душ несколько не освежил меня. Наоборот — я поняла, что совершенно не выспалась, эмоционально изнурена, хочу темноты, тишины и одиночества. Я бы даже в гробу поспать согласилась, честное слово. Можно в том самом, синеньком с кружавчиками.

Критически рассмотрев себя в зеркало, я пришла к выводу, что мою внешность можно спасти только профессиональным гримом, а лучше — маскировочным колпаком с другим лицом. Раз так, не буду ничего делать. Пусть мои мужчины видят, до чего они меня довели. Я расчесалась, заплела плотную косу и сочла, что выгляжу адекватно обстоятельствам.

— Что-то ты осунулась, — сказал Макс, когда я, уже одетая, выползла в гостиную.

— Какая наблюдательность, — похвалила я. — Макс, я осунулась две недели назад, еще на Сонно. А ты только что заметил, да?

— Да не была ты такой! — возмутился Макс. — Еще скажи, это я тебя довел.

— И ты тоже, — равнодушно отозвалась я и распахнула окно.

В гостиной абсолютно бесшумно нарисовался Август. Я-то привыкла, а Макс вздрогнул от неожиданности и выругался. Я засмеялась:

— Ага, ага, вот так он ходит. Меня аж завидки берут с его грации.

— Ща скажет, это его шотландские гены. Предки ходили по горам, научились ступать по каменистым осыпям.

Август недоумевающе похлопал глазами:

— Это шутка, да? Массачусетс — пусть и не совсем равнинный штат, но и не горный. Да, на западе есть, но какой же дурак полезет в горы, когда можно поселиться на побережье?

— Да я не про родню твоего отца. У тебя ж со стороны матери — настоящие хайлендеры или как их там.

— А, — кивнул Август. — Из Иллинойса.

— погоди, — насупился Макс, — а как же история клана, которому полторы тыщи лет?

Август пожал плечами:

— Как обычно. Все выдумали.

— И королеву Викторию тоже?!

— Ну, может, она и в самом деле позволила какому-нибудь шотландскому фермеру назвать ребенка Виктором-Альбертом. Исключать нельзя. Но вообще это то, что называется «легендарная часть родословной». Я нашел всего два упоминания о Маккинби в девятнадцатом веке и одно — в двадцатом. В первом случае были отец и сын из Иллинойса, во втором — некий делец из Мексики, а в третьем, самом позднем, — журналист из Нью-Йорка.

— Может, в Катастрофу погибли архивы?

— Макс, история восстанавливается не только и не столько по архивам. Должны быть могильные плиты, памятные надписи на зданиях, старинные украшения и так далее. Ничего этого нет. Четко документированная история нашего клана, именно клана, начинается в середине двадцать первого века, с Филипа Маккинби, бизнесмена из Бостона. Он был чрезвычайно умным, предприимчивым и дальновидным человеком. Родился практически бедняком. В восемнадцать лет уехал в Африку. В тридцать два вернулся в Бостон миллиардером. Женился на молоденькой Ким Эванс, дочери своего друга и делового партнера. Когда Ким забеременела, Филип подумал, что надо бы обзавестись родовым поместьем. И конечно, в Шотландии, он ведь шотландец — правда, его предки перебрались в Америку чуть ли не в семнадцатом веке, как он сам утверждал. Филип мечтал купить поместье Вальтера Скотта, но по понятным причинам не сумел — не все в Британии продается за деньги, даже за очень большие. Поэтому он купил большой и пустой участок неподалеку от города Пиблс. Построил там что-то вроде охотничьего домика, потом вернулся в Америку и никогда больше не бывал в Шотландии. Ким получила в наследство огромные земли в Массачусетсе, слышать не желала ни о какой Европе. Их дети бывали в Шотландии и уезжали оттуда разочарованными — скучно, холодно и бедно, зато пафосу-то, пафосу! И шотландская ветвь появилась только на уровне правнуков. Тогда бостонские Маккинби уже расплодились так, что им стало тесновато. Томас Маккинби, человек с довольно странными для клана наклонностями — он был затворник, маменькин сынок и мечтал стать писателем-философом, — фактически выпросил себе шотландский участок в собственность. Как ни странно, оказавшись вдали от своей властной мамы, он преобразился, занялся общественной деятельностью, несколько лет был мэром Пиблс, потом трижды избирался в шотландский парламент. Оставил по себе добрую славу. И выстроил первое здание из известного ныне дворцового комплекса.

— А, значит, новодел, — саркастически заметил Макс.

— Новодел, — подтвердил Август. — Относительный — все-таки четыреста пятьдесят лет вполне себе почтенный возраст. Но, конечно, это не Средневековье и даже не Викторианская эпоха.

— Послушай, а что, твой предок не мог купить старинное здание? Ну я понимаю, знаменитое поместье ему не продали бы. Но многие замки вполне себе доступны для торгов! И что, во всем городе не нашлось ни одного реально старого домика, который ему уступили бы?!

— Да предлагали. В Пиблс есть несколько старинных зданий, в том числе и замок барона. Пожалуйста. Проблем ровно две: в Шотландии двадцать первого века были лютые исторические законы, по которым, если тебе принадлежит памятник архитектуры, ты обязан его содержать, но не можешь провести даже современную канализацию. И да, конечно, толпы туристов. Другая проблема — если здание можно перестроить, то в нем обязательно делали отель для тех же туристов. Шотландия — очень небогатая страна. Но как можно устраивать семейное гнездо в бывшем отеле?! Никак. На мой взгляд, Филип Маккинби принял единственно верное решение: купить незастроенную землю.

— Ага, и рассказал всем о своих древних корнях.

— Шутка в национальном духе. Шотландцы любят мистификации и розыгрыши. А потом шутка прижилась и превратилась в семейную легенду.

— Под которую даже герб нарисовали. Или нет? Мать мне как-то говорила, что вы не покупали герб. Собственно, почему я и думал, что клан очень старый.

— Это награда, — пояснил Август. — От Сената и благодарного человечества. В принципе, когда мы открыли Дуайт, планета казалась перспективной. Уже через год выяснилось, что ничего особенно ценного на ней нет, а если есть, то оно труднодоступное. Планета нас разочаровала, но что-то делать с ней надо. Поэтому больше от безысходности гуда завезли овец. Новую породу, белую китайскую. И случилось это буквально за двадцать лет до Катастрофы. В Катастрофу у нас рухнул весь бизнес — банки, промышленность, все, во что были вложены серьезные деньги. Фактически мы остались с десятком кораблей и Дуайтом. А овцам на Дуайте понравилось, там нет ни привычных паразитов, ни болезней, а хищников отгоняют пастухи и собаки. И мы, во-первых, смогли вывозить людей на Дуайт, где их хотя бы было чем кормить, а во-вторых, стали снабжать продовольствием всех нуждающихся. И в первую очередь — Землю, где после Катастрофы разразился голод. Я видел рапорты — можно смело утверждать, что именно наши поставки спасли людей от голодной смерти. Разумеется, речи о деньгах не шло — откуда они у землян? Потом, когда положение стабилизировалось, нам дали освобождение от налогов на сто лет. И — герб. С тем самым белым китайским бараном, которым несколько месяцев питалась вся Земля.

Макс покрутил головой:

— Надо чаще встречаться. И больше разговаривать. Такие интересные вещи узнаешь... Значит, твои предки гор не видали, и своей грацией ты обязан не генам, а самому себе. Ты-то точно вырос в горах...

— В каких еще горах? — изумился Август. — Где ты в Пиблс горы нашел?

— Ну как же. Шотландия же горная страна.

— Только Хайленд. А Пиблс — почти на Границах, это Лоуленд.

— Погоди, я ж бывал в Эдинбурге. Есть там какие-то горы, да, низкие, но я сам видел!

— Макс, во-первых, Эдинбург — это не Пиблс...

— Да какая разница, там рукой подать!

— ...во-вторых, в десять лет — а тебе было именно столько — даже холм кажется горой. Там нет ни одной вершинки, дотягивающей хотя бы до тысячи. Брод-Лоу — восемьсот сорок метров, чуть меньше даже. Я уже в пять лет облазил ее сверху донизу.

— Всего восемьсот сорок? — не поверил Макс. — Черт, да я на Сонно такие вершины даже за холмы не считаю. У меня там есть десяток пиков выше восьми километров, вот это — горы. А шотландцы так гордятся, так гордятся... а там смотреть не на что, — он засмеялся.

— Ну не скажи, насчет смотреть не на что. Когда горушка даже в полкилометра стоит прямо над лохом — выглядит очень внушительно. Да и не все из них удобны для восхождения, на иных люди, бывает, гибнут.

— Ай, — Макс отмахнулся.

— А откуда тогда у тебя такая грация? — спросила я. — Что-то мне казалось, именно из-за ходьбы по горам выработалась.

— Танцы, — ответил Август. — Ты видела какие.

— О-о, — понимающе протянула я. — Да уж, это не танцы, это форменный балет.

Макс нехорошо заинтересовался, как будто поймал нас на укрывательстве важных военных сведений.

— Я бы показала тебе, у меня есть на браслете, — сказала я. — Но, к сожалению, браслет без чипа недоступен, а чип я верну не знаю когда.

— Уже можно, — кивнул Август.

— С чего ты взял?

— Даймон письмо прислал, — сказал Август. — Пока я приводил себя в порядок. Я просто не успел тебе сказать.

— А почему тебе, а не мне? — почти обиделась я.

— И как он пришлет тебе, если у тебя другой чип? — напомнил Август.

— Отлично, — пробормотала я. — Он только сообщение прислал или?..

— Или, — подтвердил Август. — Все, что обещал.

— Не понял, — Макс наконец уловил паузу. — Какая связь между твоим чипом и Даймоном? Я думал, ты его сняла, чтобы хоть на несколько суток скрыться от банды!

Я пожала плечами:

— Что мне эта банда... Даймон предложил взаимовыгодную сделку. Я согласилась, потому что возможности отказаться он мне не дал. По условиям, я должна была сутки-двое притворяться мертвой, а он взамен поделится кое-какими сведениями. Я свою часть выполнила, он тоже.

— Но почему ты сразу не сказала?! — взвился Макс.

— А я обязана?

— Да!

— Макс, утихни, — посоветовал Август. — В договоре, который ты подписал со мной, нет ни слова о том, что Делла должна тебе отчитываться.

— Да при чем тут этот долбанный договор! Ты как будто не понимаешь...

— Не понимаю, — согласился Август. — Решительно не понимаю, с какой стати ты требуешь, чтобы окружающие считались с твоими попытками контролировать Деллу. Ты ведешь себя вопреки здравому смыслу, но хочешь одобрения.

— И в чем ты углядел мятеж против здравого смысла?

— В том, что ни один человек на свете, будь то твой родственник, друг или посторонний, не обязан информировать тебя обо всех изменениях в своей жизни. Прилично сообщать о том, что касается тебя и твоих интересов, если они, в свою очередь, не связаны с ущемлением права другого человека на свободный выбор...

Это надолго, сообщила я. Вот и отлично. Пока они заняты друг другом, я займусь собой. Потихоньку. А то если меня на этом поймают, они ж мигом объединятся — и навалятся на меня со своими моральями. Я выскользнула в спальню, вытряхнула из сумочки футляр, в котором хранила свой чип, и маникюрный набор. Аккуратно, пинцетиком, вынула фальшивый чип. Выровняла дыхание. И без единой ошибки, словно тренировалась буквально вчера, поставила на место свой чип.

Жизнь сразу увиделась в радужных красках. По крайней мере, я это я и больше не обязана носить траурную одежду и чертову черную шляпу.

Я переоделась, застегнула на запястье повседневный браслет и вернулась в гостиную. Август мигом отметил перемену туалета, скользнул взглядом по моей руке.

— О, — сказал он, — я хотел помочь тебе, но ты уже справились сама.

И все. А я-то готовилась к взбучке! За что люблю Августа — он непредсказуемый. С ним не соскучишься.

— Послушай, Делла, — тон Августа был смущенным. — У меня случилась небольшая

неприятность. Я перепутал дорожные сумки и взял из дома не ту. Тед, наверное, с ремонтниками занят, мне не хочется беспокоить его и просить, чтобы он привез другую сумку.

— Хочешь, чтобы я заказала тебе сменную одежду?

— Да. А то я не знаю, где ты обычно заказываешь. А я позабочусь о завтраке, потому что наш гостеприимный хозяин, кажется, по утрам питается исключительно энергией ссор.

С этими словами Август удалился. Грациозно, но неприлично быстро. Макс проводил его взглядом и достаточно громко сообщил:

— Похмельный понос уже завтраком называется?

Вдали прозвучал легкий щелчок — закрылась дверь уборной. Мне стало так стыдно, словно в кишечном беспорядке уличили меня.

— Зато ты блевал, пока я душ принимала! Думаешь, я не слышала?

— А я отрицаю, что ли? — Макс посмеивался, чрезвычайно довольный собой. — Просто не понимаю, зачем это ханжество. Все с похмела driщут и блюют. Один Маккинби прикидывается, что не какает.

— Да! — я угрожающе сверкнула глазами. — Все. Только у кого-то хватает культуры не обсуждать нечистоты, а у кого-то — нет! Даром что этот кто-то — весь из себя принц.

Макс был просто счастлив. Довел меня до вспышки злости — и радуется. Решил, что победу одержал.

— Ладно, кто-то обещал мне танцы показать. Вполне себе культурная программа. Гони сюда.

Я скрипнула зубами и нашла ролик в своих залежах на браслете. Подключилась к общей системе в номере, вывела изображение на стену, а звук — на потолочные динамики, по моим наблюдениям у потолочных всегда качество воспроизведения выше. А может, дело в акустике.

Макс с интересом следил. Увидав первые кадры, откомментировал:

— А вот и наша Джил.

— Август уверяет, что ее все зовут Лэн.

— Я же не все, — возразил Макс. — Мне-то с какой стати подлаживаться под ее вкусы? А теперь, значит, она за Маккинби взялась... Я с ним поговорю. Конечно, иногда я терпеть его не могу, но не до такой же степени, чтобы позволить спутаться с этой пираньей!

Я резко подобрела. И под древний напев «Слуги Келума» полезла в каталог, где заказывала всякие необходимые детали одежды. Макс одобрительно кричал и фыркал, следя за танцем.

— От да, эт по-нашему... — бормотал он. — А нам чего, пусть все хоть в обморок попадают... Джил-то, Джил! От ведь сука хищная... Знаешь, когда ты на Эвересте расспрашивала, я сначала решил, что тебя ревность заела. Да я ничего такого в виду не имею, просто Маккинби — твоя собственность, ни с кем ты не будешь его делить. У тебя инстинкт «собаки на сене» развит хорошо, и между нами, — это правильный инстинкт, благородный... ты вообще уверена, что твоя бабушка не согрешила с Бергом? Ну не пастушка ты, и хоть тресни... Фигня, я не то хотел сказать. Я хотел сказать, что сначала решил — не стоит внимания. А теперь вижу — еще как стоит. Потому что Джил высосет его досуха. А нам самим Маккинби еще пригодится. Ну и что, что я терпеть его не могу? Ни фи́га не парадокс. Я привык, что он есть в моей жизни. И все тут. Короче, Дел, не паникуй — решим мы эту проблемку...

Я молчала. Если Макса с похмелья разбирает словесный понос, лучше не осаживать. Во-первых, меньше говорить он не станет, во-вторых, его утренние страхи могут принять куда более худшую форму.

Танец кончился, и Макс заинтересовался мной. Встал, походил вокруг. Я пожалела, что работала с ладони, а не в линзах, потому что он тут же сунул нос в мой монитор.

— Это твоя обязанность? — уточнил он.

— В определенном смысле, — пробормотала я, выбирая по стандартному списку. —

Август только кажется таким невозмутимым. На самом деле его выводит из себя малейшее несоответствие его запросам. Соответствовать умею только я...

— Погоди, и что, ты следишь, чтоб у него были чистые трусы с носками?

Я кивнула.

— Ничего себе, — опешил Макс. — Для меня ты такого не делала.

— С тобой мы развелись, когда мне даже девятнадцати еще не исполнилось. И не забывай, пожалуйста, что я работаю на Августа. За все это он мне платит. Так что не надо, насчет для кого и что я делала. Он мне не муж и не любовник, чтобы подобные поступки можно было расценивать как особенное расположение с моей стороны.

— Нет, Дел, погоди, это перебор. У тебя в контракте записано, что ты обязана покупать ему трусы?

— Нет, — ответила я. — Там много чего не записано. Там не записано, что я обязана готовить ему кашу и хаггис, сажать цветы в его саду, рассказывать смешные истории, когда ему грустно, приносить стакан воды ночью, если он приболел. Тем не менее, я все это делаю.

— Ну да, — процедил Макс. — То есть ты ему фактически жена.

Я расслышала знакомые ревнивые нотки.

— Не говори глупостей. Я фактически нянька.

— Потому что не спишь с ним? А почему, кстати? — Макс усмехнулся. Видимо, хотел ехидно ухмыльнуться, но получилось кривовато. — Боишься, что он на тебе наручники опробует?

— Ни капельки. А вдруг мне понравится? — не удержалась я от шпильки. — Макс, ты б похмелился, что ли. Ну, ей-богу, сцена ревности в таком состоянии выглядит пошло.

— Ладно, — с угрозой протянул Макс и принес бутылку виски. — Я с ним еще поговорю.

— Вот в тот день, когда ты с ним «поговоришь», увидишь меня в последний раз.

— Найду, — презрительно бросил Макс.

— Из могилы?

Макс застыл, медленно вскинул бровь. Подчеркнуто аккуратно налил себе медового цвета жидкости в бокал. Вспомнил, что я тоже просила, принес второй стакан, налил ровно столько же, подал мне. Маленькими глотками выпил.

— Это надо понимать так, что ты меня убьешь?

— Именно. Добью, чтоб не мучился. Из жалости.

— Ах, так тебе все-таки меня жалко. Хоть немного.

— До слез, — подтвердила я. — Смотреть не могу уже, как ты мучаешься... от ревности. Проще убить.

Вернулся Август — свежий и довольный. Макс недобро оглядел его, а Август мгновенно оценил ситуацию.

— Что, уже ссоритесь? С утра пораньше? Пьете и ссоритесь. Дошло до угрозы убийством, или мне послышалось?

— Август, мне вот что интересно, — позвал Макс. — Моя жена, как выяснилось, заботится о твоём нижнем белье и прочих интимных надобностях. Считаешь, для наемной служащей это нормально? Вот ты мне сам скажи — это нормально, все так делают?

Август сунул руки в карманы халата и два раза качнулся с пятки на мысок.

— Завидуешь? — осведомился он.

Макс не ожидал и заткнулся. Август принес третий стакан и налил себе.

— Раз вы пьете с утра, я тоже буду, — заявил он. — Все равно пока дом не восстановят, я работать не смогу. — Опрокинул виски в рот. — Макс, тебе мама не говорила, что завидовать — нехорошо и неприлично?

— Свою маму я увидел, когда мне было почти три года, — отрезал Макс. — И воспитывать меня было поздно.

— Ай-ай-ай. Сочувствую. И конечно, в том, что с тобой стряслась беда, виноват я. Еще Делла виновата. И вообще весь мир виноват, — с непередаваемой серьезностью сказал

Август. — Макс, ты взрослый человек. Тебе тридцать восемь лет. Ты на десять лет старше меня и на одиннадцать — Деллы. А держишься как катастрофически не уверенный в себе подросток. Если б я был таким ревнивым, как ты, давно застрелился бы от стыда.

— О, — Макс пижонски изломал бровь, — и сейчас ты будешь читать мне мораль. Маккинби, я ведь ответить могу. Не боишься?

— С чего бы?

— Ну, например, с того, что ты, при всех своих заслугах, как родословных, так и личных, все-таки по происхождению оказался сильно ниже меня. Перевожу: нос не дорос читать мораль принцу. У меня-то, как ни крути, доказанная история с восемнадцатого века.

— Кем доказанная? — усмехнулся Август. — Профессором Мартином? Который за разумные деньги доказывал что угодно? Эти доказательства он сам и изготавил. Нам тоже предлагал свои услуги. Резоны приводил: подумайте о детях, через сто лет никто уже концов не найдет, а у вас будет родословная хоть от короля Малькольма, хоть от японского императора. Мы решили, что как-нибудь перебьемся. А Курт ван ден Берг заплатил. Я точно знаю, потому что у нас сохранились его письма. Причем он не планировал никаких обманов, рассматривал такую поддельную родословную скорее как забавную игрушку. Шутка для своих. Вряд ли он ожидал, что кто-то из потомков всерьез поверит.

— И конечно, ты будешь утверждать, что перечисленных в моей родословной людей никогда не существовало.

— Почему? Макс, в те века фамилию Ванденберг и ее вариации в Голландии разве что дворовые собаки не носили. Я не шучу. Это очень распространенная фамилия. И не столько в Голландии, сколько в Штатах, да и вообще по всему миру. Мартин действительно специалист и родословные составлял мастерски. Упомянутые люди существовали, но вот были ли они твоими предками — большой вопрос. Что же касается их биографий, то тут даже вопросов нет — выдуманно все. Ваша история как княжеской династии начинается с трех Питеров. Обрати внимание на произношение имени — оно британское. Потому что Питер ван ден Берг Первый вообще-то был Питером Ванденбергом, урожденным американцем, который всю жизнь прожил в Шотландии. В вашем родословии он числится архитектором, тогда как единственные его архитектурные работы — это эскизы разных вариантов дворцового комплекса в Пиблс. Он был художником-пейзажистом, большим другом того самого Томаса Маккинби. Ни один из его эскизов в работу не пошел, но они сохранились. А то, что вам собрал профессор Мартин, к Питеру Ванденбергу отношения не имеет. Старший сын Питера, Питер Второй, обладал прекрасной деловой хваткой. Идея создать общий бизнес с детьми Томаса напрашивалась, и никто ей не сопротивлялся. Внук Томаса Маккинби, Себастьян, женился на Доротее, сестре Питера Третьего, который уже вернулся к старинному написанию фамилии в три слова и решил, что по национальности он голландец. Собственно, история что твоей, что моей семьи как кланов владетельных лордов начинается одновременно — с Себастьяна Маккинби и Питера ван ден Берга Третьего. С планет Дороти, Дуайт, Сонно и Клариион.

— Да не верю я тебе, — недостаточно твердым тоном заявил Макс.

— А будешь выделываться, я сейчас на пальцах докажу, что никакой ты не «ван ден Берг», а вовсе даже Гольденберг. С Гольденбергами это случается — оглянуться не успеешь, а он уже голландец.

— Ха, — фыркнул Макс, припертый к стенке, — так и ты в таком случае тоже. Прабабушка-то у нас общая.

— У нас общая прабабушка, но не прадедушка. И уж тем более не папа, — парировал Август, посмеиваясь. — Я тебе больше того скажу. Думаешь, ты белый?!

— Так, — не выдержал Макс и повертел головой, явно соображая, куда бы сбежать. — Хватит с меня. Заткнись, будь любезен. Этого моя психика уже не выдержит. Я с похмелья тревожный.

— Да чего тревожиться, — не унимался Август, — все уже случилось... Когда бриться будешь, обрати внимание на рисунок губ. Ты, кажется, им гордишься? Так вот, рисунок-то

характерненький.

— А ты? — Макс уставился на него с яростью.

— Что — я? Ты волосы мои видел? Ну и чего дурацкие вопросы задаешь?

— Та-ак, — процедил Макс. — И вот это, в отличие от Гольдбергов, или как их там, ты наверняка знаешь?

— Да я и про Гольденбергов наверняка знаю. Да ладно тебе, нашел из-за чего расстраиваться... Был, был у нас в предках негр. Уильям Мбабете, «знаменитый маг вуду» и семифутовый красавец. Черный как смола. Рост, я так понимаю, в потомстве закрепился.

— Секундочку, — я подобралась, — какой еще Мбабете?

— Тот самый, — утешил меня Август и пояснил для Макса: — Известный человек, между прочим. Правая табуретка ее легендарного предка Ивана Кузнецова.

Макс с изумлением уставился на меня. А я — на него.

— Интересный был человек, — с задумчивой лаской продолжал Август. — Но без тормозов. От жизни хотел только одного — летать. Пилот такой квалификации, каких сейчас уже не делают.

— Ха, — только и сказала я, — Макс, теперь я понимаю, откуда твои таланты. Тебе ж летать проще, чем ходить.

— Твой обожаемый Маккинби, между прочим, летает ничуть не хуже, — со злостью ответил Макс. — А что, гены-то те же.

— Где-то даже и получше, — согласился Август. — Я порасчетливей тебя буду. Хотя, конечно, это справедливо только для малотоннажных судов. С большим кораблем я не справлюсь. На большом корабле я хорош только в качестве пассажира.

— Или стрелка, — напомнил Макс.

— Стреляю я весьма посредственно.

— И это говорит кавалер Большой Звезды, полученной, между прочим, за меткую стрельбу? — Макс покачал головой. — Маккинби, на комплимент надо напрашиваться поизыщней.

— А я не напрашиваюсь. Звезду я получил не за стрельбу, а за мужество. Ну и за то, что оказался в нужном месте в нужный момент и при этом не растерялся. Стрелял я отвратительно. Я даже на прямой видимости не больше тридцати процентов попаданий выдал. С такими результатами даже допуск не получишь.

— Эт да, — признал Макс. — Тридцать процентов — даже не посредственно, а откровенно плохо. Хотя в той ситуации неважно было как. Главное, чтобы батарея работала.

— Между прочим, в детстве я мечтал стать джедаем. Отец отговорил. А Билли Мбабете в конце концов доигрался. Пропал без вести при загадочных обстоятельствах. Обстоятельства такие, что архивы не рассекречены до сих пор. А о чем это говорит? О том, что ответственным лицам по-прежнему нечего сказать. Им известно ровно столько же, сколько и пятьсот лет назад. Есть простор для фантазии, не правда ли? — Он помолчал. — Изучение истории располагает к мистицизму. Начинаешь верить в предопределение, в то, что случайностей не бывает. Вот смотрите. Пятьсот лет назад одна маленькая девочка случайно обнаружила Нечто. По официальной версии имел место обман зрения, по народной легенде — космический аппарат внеземного происхождения. Якобы эти пришельцы выстроили вокруг Земли осадное кольцо, не пуская нас дальше Юпитера. В ту эпоху Космос необратимо менял людей, большинство убивал, а выживших наделял сверхъестественными способностями. Среди этих счастливчиков были Иван Кузнецов и Уильям Мбабете. И в один прекрасный день они встретились — эти двое и маленькая девочка, опекавшая корабль пришельцев. Кузнецов и Мбабете помогли девочке улететь с Земли — она повезла пришельцев домой, у них погиб пилот, и девочка заменила его. Обещала вернуться через месяц. Не вернулась никогда. Однако ее мать не беспокоилась. Она считала, что с дочкой все в порядке. Вышла замуж за Кузнецова, родила ему двоих сыновей, прожила больше ста лет, прославилась как биофизик. Уильям Мбабете увез из того же города красавицу Клариссу Гордон. Однако спустя три года Кларисса вернулась домой с дочерью, а Уильям ушел в

Космос — и исчез бесследно. Прошла четверть века, случилась очередная техническая революция, человечество получило двигатели нового поколения и опять полезло в Космос. И никакой, заметьте, осады пришельцами, никакой мистики, никакой угрозы и никаких трансформаций. Люди летали с планеты на планету как на самолете из города в город. За века исследований мы обнаружили три гуманоидные расы, но — ни следа той цивилизации, с которой столкнулись Кузнецов и Мбабете. Загадка не разгадана. И вот со дня, когда маленькая девочка улетела на чужом корабле, минуло пятьсот лет. В комнате дорогого отеля на колонизированной планете встретились трое — потомок Кузнецова и два потомка Мбабете. Первокласный навигатор, первокласный разведчик и первокласный инквизитор. Вопрос: так ли случайно произошла наша встреча?

Мы с Максом молчали, придавленные грандиозностью замысла. Август лениво налил себе виски.

— А я вам отвечу. — Он отпил, потом еще. — Случайно. История не повторяется, это иллюзия. И загадки, на которые нет ответа при жизни загадавших, остаются неразгаданными навсегда. Если ответ и находится, то происходит это абсолютно случайно — не в том месте и не в то время, когда его ожидают. Да и находят его не те люди. Поверьте историку, хоть и недоделанному.

— Тьфу, — мрачно сказал Макс и протянул Августу бокал: — Налей мне тоже. Ты часто так с похмелья развлекаешься?

— Когда получается, — Август вернул ему наполненный бокал и отсалютовал своим. — Сам понимаешь, зависит от компании. А она отнюдь не всегда подходящая. Я бы даже сказал — редко когда подходящая.

— Ну, за компанию, — и Макс одним глотком опорожнил бокал.

Откуда-то донесся мелодичный звон. Макс удивился, а Август поднялся:

— Думаю, это наш завтрак.

Точно, сообразила я, это ж внутренняя пневмопочта.

— А что, официантов уже отменили? — возмутился Макс.

Август на мгновение застыл, а потом с искренним удивлением спросил:

— Ты в таком состоянии способен встречаться с незнакомыми людьми?! Я — нет! Лучше еда в пластиковых коробках, чем всякие сомнительные официанты!

Он ушел в кухню, а мы с Максом переглянулись.

— Офигеть, — пробормотал Макс, — он, сидя на унитазе, не забыл заказать завтрак... Но вот насчет официантов он прав. Я только сейчас понимаю, что прав. Коробки — да фиг с ними, все в армии служили, случалось и на сухпайке жить... Я, честно говоря, даже напрягался от мысли, что сейчас припрется чертов официант и начнет тут полтора часа расставлять приборы да наводить сервировку... При этом он будет смотреть на бухих аристократов как на дерьмо, а потом еще всем расскажет, что «эти принцы» не сумели даже снять двух баб, взяли одну на двоих... Этим даже в голову не приходит, что аристократ может, как обычный человек, взять и жениться, и брата пригласить, а что такого-то, но ты же понимаешь, им кажется, что у нас все не как у людей...

Август принес упаковочную корзину с тремя пакетами под номерами. Сверившись с описанием, выдал каждому паек. Макс вытряхнул свои коробки прямо на кровать, вскрыл первую, принялся. Красивое лицо исказилось от отвращения:

— Маккинби, ты с ума сошел?! Это же овсянка!

— А что ты ожидал увидеть? Лучшее диетическое средство против алкогольной интоксикации. Полезно для желудка.

Макс попытался убить его взглядом. Не вышло.

— Ешь давай, — посоветовал Август. — И думай: британцы пили всегда, и пили много. А вот умирали от алкогольных болезней редко. Все потому, что завтракали овсянкой.

— Я лучше брошу пить, — простонал Макс.

— Брось, — согласился Август. — Я почти не пью. Но овсянку все-таки съешь. А то я подумаю, что ты избалованный нежный мальчик, который армии не видал.

— Вот сволочь! — засмеялся Макс и выудил из кучи ложку. — Себе-то взял?
— Разумеется, — кивнул Август.
— Тебе хорошо, ты к ней привык.
— Да. В школе каждое утро на завтрак были овсянка и стакан кипяченого молока с пенкой.

— Тьфу! — воскликнул Макс. — Молчи, а то меня сейчас еще раз стошнит.
— Я сумел перебороть ненависть к овсянке, — невозмутимо продолжал Август, — но молоко с тех пор пить не могу. Никакое.

Я с интересом изучала содержимое своего пакета. Так, кусочек куриной грудки, салат из помидоров и перепелиных яиц, чай с травами-адаптогенами, пирожок из рисовой муки с яблоком. Отличный выбор. Положим, мне почему-то хотелось соленой рыбы или какого-нибудь моллюска в соусе, но это я смогу заказать и попозже.

Август невозмутимо поедая овсянку. Покончив с нею, достал коробку с тостами и джемом. Макс посмотрел на него голодными глазами.

— С овсянкой есть главное правило, — сказал Август. — Когда ее ешь, не думай о ней, думай о чем-нибудь другом. Это просто питательная масса. Не надо концентрироваться на ее вкусе и консистенции.

Макс хмыкнул и запустил ложку в кашу.

Несколько минут мы провели в молчании. Точно так же, как мои мальчики с овсянкой, я управилась с куриной грудкой — которую терпеть не могла, но никогда в этом не признавалась. Салат примирил меня с действительностью, и душу грел ненадкусанный пока пирожок. Макс затолкал в себя кашу и потянулся за бутылкой. Ну понятно, такое насилие над психикой надобно загладить. К моему удивлению, Август щелкнул ногтем по своему бокалу, мол, и мне тоже. Ну раз им, то и мне. Макс выполнил безмолвное требование и взвесил на руке вторую коробочку с едой. Взвесил и тревожно посмотрел на Августа.

— Тебе понравится, — заверил тот.

Макс открыл и издал довольное ворчанье: внутри был сэндвич с острым перцем, тонкими ломтиками копченого мяса и какими-то травами.

— С этого и надо было начинать, а то овсянка, овсянка... Да на таком фоне я и овсянку бы не заметил. — Макс отхватил здоровый кусок сэндвича, прожевал. — Ну вот это дело, оживаю. Ваше здоровье! — он поднял бокал. Сделав глоток, посидел, блаженно закрыв глаза, потом допил остаток. — Маккинби, ты чудовище. В одном ты прав: овсянка хоть и гадость, но в такое утро рулит. Меня даже тошнить перестало. Но вот что меня теперь волнует: этот, как ты его обозвал... Бабеме... Бабете...

— Мбабете, — поправила я.

— Мбабете, — согласился Макс. — Он действительно наш предок? Или есть пространство для фантазии?

— Только формально, — ответил Август, — потому что брак между ним и Клариссой Гордон не заключался, и ее дочь — юридически только ее дочь, без указания отца. По факту я из любопытства сдал кровь на генетический анализ. Сейчас, спустя столько поколений, следов осталось чрезвычайно мало. Но все-таки есть.

— Проклятье, — посетовал Макс и снова потянулся за бутылкой. — Вот так живешь и не знаешь...

Август пожал плечами:

— Не вижу повода расстраиваться. Человек был не абы какой. Те документы, которые мне удалось изучить, показывают: Уильям не имел в предках рабов, а по материнской линии даже было два вождя. Понятно, что африканский царек — не европейский король, но княжеские крови — это княжеские крови, как ни крути. А с отцовской стороны у него бабушка из племени масаи, что само по себе хорошо, даже без княжеских кровей. Известно, что в Америку переехали его родители, и сразу очень неплохо устроились. То есть Билли жаловался, мол, детство у него прошло на автозаправке, но скромно умалчивал, что заправка была, во-первых, семейная, а во-вторых, не единственная. Кларисса, его невенчанная жена,

алименты не получала, но образование ее дочери оплачивали родители Билли. Причем не только колледж, но и очень, очень престижную школу. Старший из внуков Клариссы развернул серьезный бизнес в Африке. Других негров в роду, сколько мне известно, не было, то есть все потомки Клариссы выбирали в партнеры строго белых. Думаю, что это вопрос личной эстетики, а не расизма, потому что расизм и ксенофобия этой линии не свойственны. Уже после Катастрофы Джессика Гордон, прямой потомок Уильяма Мбабете в шестом поколении, вышла замуж за Бэйзила ван ден Берга. Их внучка вышла замуж за Адриана ван ден Берга, твоего — и моего — непосредственного предка.

— Глубоко же ты копнул, — со смешанным удивлением и недоумением отметил Макс.

— Все дело в одной маленькой красной машинке, — с улыбкой ответил Август. — Я увлекся коллекционированием в раннем детстве. У меня было слишком мало карманных денег, чтобы купить все, что нравилось, поэтому я копил и искал самые лучшие, самые ценные экземпляры. В принципе, почти все модели выпускаются сериями — пусть даже небольшими. А я мечтал о такой, какая существует в единственном экземпляре. Их известно несколько, но красная — одна. Как назло, именно она оказалась самой недоступной и загадочной. Я видел только ее фотографии столетней давности. Она никогда не выставлялась и уж тем более не числилась в аукционных списках. Кроме того, она была символом семейной легенды. А мне было десять лет, и я почти бредил ею. Я собирал любые сведения, все исторические свидетельства, связанные с этой машинкой прямо или косвенно.

Я чуть приподняла бровь и покосилась на Августа. Он ответил улыбкой:

— Да-да. Твоя Мэри Энн. Когда я углубился в историю достаточно, то понял, что модель ценна не только уникальностью. За ней стоит Загадка. Я расширил поле поисков, интересуясь уже личностью Ивана Кузнецова: ведь я знал, что эта модель — точная копия его «тэ-пятой Эво». Но чем прославилась та машина, если ее рукодельную копию семейство хранит пять веков? Я уперся в стену: все материалы оказались засекречены. Зато я неожиданно узнал, что оригинал тоже сохранился! Эта машина стоит в бункере на глубине семьсот сорок метров под современной Москвой. Над бункером выстроен жилой квартал. Доступа в бункер нет. Это решаемая проблема. В конце концов, у меня достанет денег, чтобы выкупить тот участок земли, выстроить для людей новые дома, более комфортные, и отселить их туда, а бункер вскрыть. Но! Нет ясности, кто же собственник машины. Там все очень сложно: на «тэ-пятых Эво» летали спецкурьеры Объединенных Вооруженных Сил, но сама эта служба работала под прикрытием частной транспортной компании. ОВС вскоре были расформированы, кадры и имущество распределены по нескольким ведомствам, споры по имуществу начались сразу же, а последний удар нанесла Катастрофа. После восстановления документации выяснилось, что полными правами собственности на машину не обладает никто, а частичными — два федеральных агентства, наследники владельцев той самой частной транспортной компании плюс наследники Кузнецова, поскольку он успел выплатить около трети стоимости машины. Теоретически, если бы у кого-то в руках оказались права двух или более сторон, можно было бы подать в суд и выиграть. Права одной стороны я выкупил. Остальные не захотели даже разговаривать. Все, кроме потомков Ивана Кузнецова — нынешних Слоников. Я говорил с Алексом Слоником, он сказал, что никаких документов не сохранилось. Пропала и та моделька. Ничего, совсем ничего. И тогда я стал кропотливо просеивать всю историю семьи Слоник, чтобы понять, где именно могли потеряться документы — потому что они были, не уничтожены, но куда делись — непонятно. Я даже заподозрил, что Иван Кузнецов мог по каким-то причинам передать документацию на хранение в семью своего партнера, Уильяма Мбабете. И когда я стал искать его потомков, то с изумлением узнал — я и есть его потомок. Причем на сегодняшний день из всех его потомков остались только Маккинби и Берги.

— Бывает же, — хмыкнул Макс.

— Нет, это еще не «бывает». «Бывает» случилось много лет спустя. Я уже потерял надежду, почти забыл о детских увлечениях. Зашел как-то в управление полиции на Большом Йорке, хотел подобрать себе оперативника. Меня направили к девушке с очень

странным именем. Я увидел ее — и опешил. Макс, тебе сложно даже представить такое противоречие. Младший оперативник на канцелярской работе, в нелепых устаревших очках, с длинными волосами и тапочками хоббита на лацкане! А на столе перед нею стояла та самая, пропавшая без вести Мэри Энн... Господи, подумал я, как Делла оказалась здесь?! И надо же, ведь мы знакомы несколько лет, а я даже не подозревал, что Мэри Энн — у нее... Притом что я знал ее девичью фамилию. Я нисколько не мистичный человек, но в ту секунду подумал — наверное, Судьба посылает мне какой-то знак.

— Я не знаю, с каким именно Алексом Слоником ты разговаривал, — сказала я, — у нас их четверо. И никто из них, собственно, не осведомлен. Документы сохранились, лежат у деда на ранчо. Много чего сохранилось, даже талисман Кузнецова. Считается, что он просто кусок метеорита, не имеющий никаких особых свойств. Но Крис умеет с ним работать. То ли у Криса проснулись таланты пращура, то ли камушек совсем не простой.

Август заинтересованно уставился на меня.

— И про машину в бункере мы знаем. Крис даже сумел залезть туда — спускался по ремонтной шахте, бункер не охраняется. А смысл его охранять, если грабить там нечего? Человек протиснуться еще может, а вытащить что-то оттуда нереально, там же все хранится в здоровенных боксах. Все оборудование обесточено, боксы на автономном питании, там ядерные аккумуляторы, они еще тыщу лет работать будут. Но, Август, мне очень жаль: тебе не продадут ее. Это семейная реликвия. Крис сам мечтает поднять ее.

— У него не хватит денег, — цинично заявил Макс.

— Он имеет какое-то юридическое право требовать подъема? — прищурился Август. — То есть он собственник бумаг Кузнецова?

— Собственник — наш отец. Но ему наследство Кузнецова без надобности, он много раз говорил, что, если кому-то из нас интересен этот бумажный хлам, он отдаст. Как отдал мне машинку. Крис очень плотно интересовался темой, и, в общем, переписать документы на него — дело пяти минут.

— Ага, — Август прищурился, глаза заблестели.

Ничего добавить он не успел, потому что Макс надоело быть на периферии обсуждения. Он развалился в своем кресле и развязно пообещал:

— Маккинби, не заморачивайся. Когда мы с Деллой снова поженимся, получишь ты этот хлам. Я подарю его тебе. Крис, во-первых, не сможет конвертировать бумажки в нечто материальное, а во-вторых, всегда меня слушался.

У меня очень больно сжалось сердце. Август глядел на Макса почти с ужасом.

— Знаешь, Макс, по-моему, ты только что убил последние шансы воссоединиться с Деллой, — сказал он осторожно.

— С чего бы? — Макс засмеялся.

— С того, что Делле вряд ли по сердцу, как ты пытаешься распоряжаться ее наследием.

— Ой, да ладно. Я знаю Деллу, — хвастливо заявил Макс. — Она отлично понимает, что ее «наследство» гроша ломаного не стоит по сравнению с Бергами. К тому же я все равно не позволю ей тащить в дом арканзасское барахло. Еще не хватало, чтобы наши дети ассоциировали себя с какими-то Слониками. Нет уж. Мои дети могут быть только Бергами.

Я онемела. В наступившей тишине тоненько прозвенел сигнал пневмопочты.

— Наверное, это твой заказ пришел, — негромко сказала я Августу.

Он поднялся.

— Проверю. Постарайтесь тут без меня не ссориться.

Август ушел. Я вертела в пальцах бокал с виски, размышляя: смогу ли бросить его Макс в голову так, чтоб наверняка? Я ни капельки не злилась, нет. То, что я чувствовала, выходило далеко за рамки злости и даже ярости.

Пожалуй, это можно назвать ненавистью.

— А что, я разве неправ? — благодушно осведомился Макс.

— Неправ, — кротко ответила я.

Спокойно, он пьян, сказала я себе. Он просто с утра пораньше пьян. Его развезло — и

понесло. Потом ему будет стыдно... Нет, не будет.

Убила бы, честное слово. Именно за то, что ему не будет стыдно.

— И в чем же я неправ? — Макс искренне удивился. — В том, что мои дети обязаны быть Бергами? Или в том, что старые бумажки в руках твоей родни — мертвый груз? Дел, ты пойми: вы действительно не решите задачу. А если и решите — она вас разорит. Эти артефакты ценны только для коллекционеров. Ты и Крис — нормальные люди, вам это сумасшествие не свойственно. Думаешь, Крис машину поднять хочет, чтобы любоваться ею? Да он надеется сплавить ее какому-нибудь чокнутому коллекционеру. Так я просто облегчу ему задачу. Ну даже заплачу сколько-то. Крис получит пусть меньше, чем заплатил бы тот же Маккинби конкретно за машину, зато гарантированно и без рисков. А то ядерные аккумуляторы — штука хорошая, только дело-то не в них, а в боксе. Видал я, как вскрывали такой древний бокс. С виду — нормалек, и системы работают. Только внутри содержимое распалось в пыль. Вот чтобы у вас всех не случилось разочарования, я просто отдам Маккинби его вожделенные бумажки.

— Это наши вожделенные бумажки, — поправила я еще более мирно. — Не твои и не его.

— Ай, — Макс отмахнулся.

— И твоими они не станут никогда.

— Почему это?

— Долго объяснять.

— Мы куда-то торопимся?

Я вздохнула.

— Макс, ты, наверное, считаешь себя сокровищем. Думаешь, что любая женщина за счастье быть твоей женой пойдет на любые жертвы. Забудет свою семью, свои корни, отдаст тебе все, что попросишь. Особенно если она тебе не ровня. Ну как же, ты ведь принц, снизошел, женщина обязана быть благодарной тебе...

Макс выразительно закатил глаза:

— Я так и знал. Не понимаю, с чего Маккинби решил, будто ты проницательная. И как ты ухитрилась получить диплом с отличием, мне невдомек. Ты же два с двумя сложить не умеешь. Я не жду от тебя никаких жертв. И твоей семьей вовсе не пренебрегаю. Крис — отличный парень, умный. Вот увидишь, я еще сделаю его сенатором. Просто если я сейчас буду его поддерживать, кое-кто перевозбудится и начнет искать интригу. Интрига на самом деле есть, поэтому я и таюсь. А так — я никогда не говорил, что твоей родне в мой дом путь заказан. Но согласись, что нашим детям надо жить историей той семьи, которую они продолжают. Наш первенец будет князем Сонно. Бога ради, пусть он интересуется материнской историей, после моей, никто не говорит, что он вовсе не должен ее знать. Он должен понимать, что это — история другой семьи, родственной, но другой. Вон, история его любимого дяди Криса. И вообще я все это сказал не для тебя. Мне просто надоело, что Маккинби к тебе липнет.

— О, какой неожиданный поворот сюжета! — я не удержалась от насмешки.

Макс пожал плечами:

— Неожиданный он только для тебя. Я уже сказал — проницательности тебе не хватает. Дел, Маккинби — коллекционер. То есть заведомо чокнутый. Причем даже для коллекционера он, мягко говоря, не совсем нормален. У него единственное ограничение — закон. На криминал ради очередной машинки он не пойдет. Но на все до единого легальные меры — еще как пойдет. Побежит! Вприпрыжку! И пока мы тут болтали, он на полном серьезе размышлял, в каких выражениях предложить тебе выйти за него замуж. Потому что ты для него — выгодное приобретение. У тебя вожделенная моделька, и у тебя есть доступ к документам оригинала. Тебя возмущает, что я так вольно распоряжаюсь твоим имуществом? Да он то же самое планировал! Только меня-то интересуешь ты, а его — твоя машинка. Брак по расчету. Что расчет там шизофренический — никого не волнует, главное, что он есть. А ты, конечно, согласилась бы. Потому что, во-первых, Маккинби умеет убеждать. Во-вторых,

ты к нему привыкла, и брак — такое логичное продолжение дружбы. Никто, естественно, не думает, что будет потом. Маккинби понятно почему: он свое получит, а там хоть трава не расти. Ты не думаешь, потому что не умеешь. Ты же тактик, живешь одним днем. Тебе кажется, что его семья к тебе хорошо относится. Не спорю, хорошо. Пока ты — персонал. Стоит тебе посягнуть на святое, на постель наследника, — тебя сожрут. Потому что продолжить род Маккинби обязан только с достойной. Его в младенчестве обручили с Джоан Гамильтон. Он покочевряжился, даже на Кэрол Монро женился... обратила внимание, как быстро развелся? Это дедуля спохватился и применил власть. Мальчику можно бунтовать лишь в известных пределах. И если он вздумает привести тебя в дом — семья живо укажет место и ему, и тебе. В семье никого не волнует, что он любит красные машинки куда больше женщин. Люби, но будь любезен исполнить долг.

Я молчала, недоверчиво глядя на Макса. А он, видя мой скепсис, только распалялся:

— Дел, я и его, и его семейку знаю великолепно. Маккинби, конечно, с виду дадут Бергам сто очков вперед по части манер. Мы-то никем не притворяемся, какие есть, такие и есть. Только у Маккинби под лицемерной чопорной масочкой та-акие страсти прячутся! Там дедушка — алчная, жестокая акула, которая ради очередной планеты родного сына в жертву принесет и не поморщится. Я-то знаю.

Я покосилась на дверь спальни. Август получил заказ и удалился туда. Дверь была прикрыта, но неплотно. По крайней мере, я слышала, как Август шевелится. Надо полагать, что он тоже слышал монолог Макса.

Хорошо, что Августа таким не прошибешь.

Меня, впрочем, тоже.

— Да пусть слушает, — Макс совершенно верно истолковал мой взгляд. — Может, сделает выводы, не будет ставить и тебя, и себя в дурацкое положение. Я все это могу и в глаза ему повторить.

— Вот когда он придет, тогда и продолжишь, — сказала я.

Макс фыркнул пренебрежительно и закурил. Я машинально отметила, что тема для него болезненна — ишь, как глубоко затягивается. Ничем больше его нервозность не выражалась, и это уже само по себе было хреновым признаком: значит, сознательно прячет эмоции. Можно готовиться к взрыву. Я прикинула траекторию выхода — увы, Макс загораживал путь. Если я сейчас пересею, у него включится паранойя. Черт, сколько еще Август будет возиться? Мне уже неуютно без него. Особенно на фоне Макса, которого разносило прямо на глазах.

Август как мысли мои услышал, тут же появившись на пороге спальни. Был он полностью одет, даже причесан. Бодренько уселся напротив Макса, с любопытством заглянул в свой бокал.

— Подлить? — осведомился Макс, и уголки губ дернулись в намеке на презрительную усмешку.

— Лучше дай сигарету, — попросил Август.

Если б он сознался, что хочет Макса, эффект и то был бы слабее.

— Ты же не куришь, — нахмурился Макс.

— Все инквизиторы курят, — возразил Август. — Как и все хоббиты. Надо же чем-то стимулировать мозг. Кофе и сигареты. Все остальное слишком сильно действует, и не всегда в нужном направлении.

Ошарашенный Макс протянул ему сигареты. Август осмотрел пачку, нашел описание, одобрительно щелкнул языком:

— Отлично. Полная крепость. Курить — так уж настоящие сигареты, верно? И пепельницу, пожалуйста. Вон ту, керамическую. Мой размерчик.

Я с подозрением следила за ним. Август прикусил фильтр зубами — жест уверенного курильщика, не такого, который от случая к случаю. Красиво прикурил, с аппетитом затянулся. Макс не поленился, сам принес ему пепельницу и сунул под правую руку.

— Ты меня удивил, — признался Макс.

— Сегодня это мое ампула — удивлять. А ларчик просто открывался: такая чудовищная алкогольная интоксикация со мной приключилась впервые в жизни. Голова не работает совсем. Вот и приходится подстегивать мозг, а то он решил взять выходной.

— Может, тебе не стоит усугублять алкогольную интоксикацию никотиновой? — спросила я.

— Чепуха, — самонадеянно ответил Август. — Мне удовольствий хочется.

— Гляди-ка, ты, оказывается, можешь быть нормальным человеком, — пробормотал Макс.

Ну да, у кого какие критерии нормальности. У сына алкоголички и заядлого курильщика такими служат вредные привычки. И мне ли этому удивляться? Нам это еще на первом курсе разъяснили. Перед тем, как раздать сигареты. Потому что разведчик должен быть своим парнем для всех.

— Как ты и предположил, я слышал твоё выступление, — внезапно сказал Август. — Не все, я толком не прислушивался. Внесу кое-какие уточнения. Меня не обручали в младенчестве. Если ты забыл, Джоан сильно моложе меня, и, когда она родилась, я был уже чрезвычайно самостоятельным подростком со своим мнением по любому вопросу. Дедушка Скотт, конечно, очень хочет этого брака. Точно так же, как он хотел брака своей дочери с Виктором Гамильтоном. Причина — Таркс. Скотт до сих пор не может простить пращурам их беспечности, из-за которой Таркс оказался у Гамильтонов. Маккинби ведь первые высадились на той планете. Но она показалась некрасивой, и они уступили её Гамильтонам. Позже выяснилось, что Таркс — сокровище, но кусать локти было поздно. Ровно та же история приключилась с Калипсо, титульной планетой Энстона. А Скотт не акула, нет. Он своеобразный коллекционер. Предмет его страсти — планеты. Но идея заполучить Таркс через брак не встречает одобрения ни у кого из нашей семьи. Точно так же Скотт не вмешивался в мои отношения с Кэрол. У него не было возможности. К тому же, когда я собрался разводиться, он как раз созрел принять Кэрол в семью.

— Хочешь сказать, он и Деллу принял бы?

Август даже не поморщился.

— Макс, ты застрял в рамках своей парадигмы, а она узка и тесна. Я не скрываю, что хочу заполучить кое-что в собственность. Но путей для решения задачи много больше, чем тебе кажется. Самый простой из них — совладение. У меня есть кое-какие права, у Криса тоже. Цели у нас одинаковые, противоречий и жизненных конфликтов нет. Мы можем позволить себе договор о совместном управлении собственностью. В этом случае у нас двоих повышаются шансы на исполнение мечты. У меня достаточно средств, чтобы поднять машину, но маловато моральных прав ею владеть. Думаю, что спустя несколько лет Крис поймет, насколько обременительно владеть подобным экспонатом, и уступит мне свою долю. Но за такую сделку меня не осудит уже никто. Я не отобрал у Слоников их реликвию, не вынудил продать свою историю ради покровительства. Более того, возможен и такой вариант, при котором после моей смерти машина вернется к Слоникам — я сомневаюсь, что у меня будут потомки, а если и будут, то вряд ли они разделят мои увлечения. Им не понадобится машина.

— Но на мой вопрос ты так и не ответил.

— Не обязан, — парировал Август.

— О, конечно! — Макс нехорошо засмеялся. — Ничуть не сомневался, что ты ответишь именно так. Становишься предсказуемым, Маккинби!

— Очень легко предсказать реакцию, когда она — единственно адекватная. Ты напоминаешь мне того студента, который пришел на экзамен неподготовленным и сказал товарищу: вот увидишь, этот проф меня завалит. А когда профессор так и поступил, студент заметил: вы предсказуемы, я товарищам еще час назад пообещал, что вы поступите именно так.

Август потушил окурок и тут же закурил следующую сигарету. Я следила за ним с тревогой. Макс поверил, что Август регулярно покуливает, но я-то знала, что нет!

— Слушай, — зашипел Макс, подавшись вперед, — я же тебя насквозь вижу. Все, что ты там себе думаешь, для меня — открытая книга. Ты мечтаешь приковать Деллу к кровати и оторваться по полной программе. И те наручники ты нарочно оставил на виду, чтобы возбудить!

Я разрывалась между двумя желаниями: закрыть лицо ладонями и прибить Макса. Не насмерть, а чтобы заткнулся хотя бы на время.

— Какие наручники? — не понял Август.

Я рассказала, как утром поддела Макса. Август посмотрел с упреком — сначала на меня, потом на него.

— Макс, Делла пошутила.

— А-а, и ты на самом деле трахаешься в пижаме?

— Нет. Просто давно не использую наручники. Грубое удовольствие, хорошо только в подростковом возрасте. Для взрослых людей существуют куда более утонченные радости. Тот же бандаж. Правда, если наручники доступны даже неумелым подросткам, то связывать женщину все-таки надо уметь.

Макс застыл с раскрытым ртом.

— Что? — спросил Август. — Макс, я же учился в классической школе. А потом — на гуманитарном факультете. Я ведь не с военного, где только мечтаешь посмотреть на женщин по выходным, о большем никто не загадывает. Я с историко-архивного. И всем тем, о чем ты с замиранием сердца только думаешь в свои тридцать восемь, я в восемнадцать уже пресытился. А ты до сих пор ведешься на детские шутки! Я подозреваю, что ты не только поступал девственником — ты и закончил университет, ни разу не попробовав женщину.

Макс побагровел. Я забеспокоилась: Август явно перегибал палку, как бы чего не вышло.

— Вот что, Маккинби, убирайся, — приказал Макс. — Чтоб духу твоего через минуту тут не было!

В горле у него клокотало, он побледнел, и эта его бледность заставила меня подобраться: такая метаморфоза случалась с ним раньше, в период нашего брака. За бледностью обычно следовала вспышка неуправляемой ярости. Потом, после операции, когда Максудалили опухоль, вспышки прекратились. И вот этой зеленоватой волны, мгновенно заливавшей его лицо, я уже давно не видела.

Опять? Рецидив?

— Не вопрос, — спокойно и даже удовлетворенно ответил Август. — Нам и в самом деле пора. Делла, мы уходим.

— Один!!! — прорычал Макс.

Ага, уйдет Август один, держи карман шире. Да и у меня не было ни малейшего желания задерживаться. Я встала, одновременно со мной вскочил Макс. Глаза у него стали бешеными, руки сжались в кулаки.

— Ты куда не пойдешь!

— Макс! — вдруг рявкнул Август, да так, что я застыла.

Макс дернулся, обернулся. Август по-прежнему сидел, а на правой его ладони покоилась пепельница. Та самая, тяжеленная керамическая пепельница.

— Замри, — велел Август Максуду. — Двинешься — эта штука прилетит тебе в голову.

Макс опешил. Но возмущаться не спешил. Покосился на меня, снова перевел взгляд на Августа. Август не шутил.

У него никогда не было чувства юмора.

— Делла, — сказал Август, — решай сама, пойдешь или останешься. Я посоветовал бы уйти. Думаю, Бергу нужно несколько часов, чтобы снова сделаться вменяемым. Сейчас он опасен.

Как будто я сама не понимаю! Я молча сходила в спальню, принесла наши с Августом сумки. В гостиной ничего не переменилось: Макс стоял на том же месте, Август сидел с пепельницей. Я проверила, не забыли ли мы чего, и вышла из номера.

Август догнал меня у лифтов. Выглядел он плохо, и резкий табачный запах определенно портил его. В лифте он рванул застёжку на горле, как будто ему стало душно, и закашлялся. Ну вот, я же говорила — не надо было ему курить.

Мы взяли автоматическое такси с парковки отеля. Август тяжело плюхнулся в салон, страдальчески прикрыл глаза. Лоб его увлажнился, а щеки посерели.

— Худо? — сочувственно уточнила я.

Он кивнул. Помолчал и добавил:

— Делла, я же не курю. Совсем. За всю жизнь я выкурил три сигареты. Одну в выпускном классе школы, на пари, и две — сегодня.

— А выглядел как заядлый курильщик.

— Я много наблюдал за курильщиками. Знаю, что надо делать.

— Может быть, тебе заглянуть в клинику? Никотиновое отравление — неприятная вещь. Тебе нужен врач.

— Нет, — отказался Август. — Я не хочу в клинику. Я хочу домой. Я полежу немного, и меня отпустит.

— Зачем ты вообще попросил сигарету?!

— Затем, что без сигареты я не получил бы ту замечательную пепельницу. Я осмотрелся и понял, что другого, столь же убедительного и удобного предмета в гостиной нет. А без него мне пришлось бы драться. Я не в состоянии драться.

— Если б ты сам не завел Макса...

— Было бы то же самое. Он завелся сам, еще вчера. Удивительно, до какой степени человек может потакать своим капризам и выдавать такое поведение за культурное. У него всему есть объяснение, но сдерживать эгоистичные порывы и в голову не приходит!

— Ты о чем?

— Вчера он сказал мне — пока ты не слышала, — что перепугался за тебя. Я ответил прямо — не за тебя он перепугался, а за то, что у него больше не будет того секса, какой ему нравится. О тебе, твоём комфорте он не думает вообще. Ну, если только в той степени, какая нужна, чтобы расположить тебя к сексу.

Я пожала плечами.

— Все мужчины такие.

— Не все, — буркнул Август. — Я не такой.

— Август, ты мой работодатель, а не потенциальный кавалер. Не приводи в пример себя, пожалуйста.

— Хорошо, не буду. — Он помолчал. — Вчера мне пришлось пить с ним, пока он не уснул в кресле. Для меня это было пыткой, но иначе Берг полез бы к тебе и не дал бы выспаться. Разумеется, он понял мой замысел, но я сыграл на его самолюбии. Поэтому с утра он хотел реванша. Любого, лишь бы получить повод выгнать меня и остаться наедине с тобой.

— Но злить его было незачем.

— Тогда он не отлип бы сегодня целый день. А я устал от него. Мне нужен отдых. Тебе отдых нужен еще больше, чем мне. Поэтому я разозлил его. Пусть. Пусть бесится, строит планы мести. К вечеру успокоится. Может быть, даже переосмыслит кое-что в своём поведении, хотя на такое счастье я не надеюсь. Он...

Август внезапно замолчал. Кожа его приобрела свинцовый оттенок. Может, в этом было виновато освещение, но я испугалась. Август чертовски упрям, и к врачу его не загонишь, если он в сознании и сам идти не хочет.

— Делла, у тебя с собой таблетки?

— Которые ты позаимствовал у Алистера? Ты не отдал их мне.

— Да, я помню, они в гробу. А старых у тебя совсем не осталось? — с надеждой спросил он. — Ты же запасливая, я знаю.

Я покачала головой и полезла в сумочку:

— Последняя. Правда, они же от алкогольных токсикозов, не уверена, что помогут при

передозе никотина... — Вынула блистер с единственной таблеткой детоксиканта, искала в мини-баре, к счастью, там была бутылочка простой воды. — Но, в конце концов, похмелье у тебя тоже есть.

— У меня нет похмелья, — Август бросил в рот таблетку, жадно запил ее. — Похмелье — это симптом, характерный для алкоголизма. У редко выпивающего человека может быть только интоксикация.

Я даже обрадовалась, что привычное занудство не изменило Августу. Потому что его самочувствие меня пугало. Да, я понимаю, это просто сигареты, вчерашний портвейн да сегодняшний виски. Но даже самый крепкий организм иной раз ломается от чепухи.

Августа отчетливо тошнило, но он терпел. Я неодобрительно вздохнула и позвонила Теду, спросила, как обстановка. Тед ответил, что в доме жить нельзя. Центральная часть разрушена и восстановлению не подлежит, флигели, где были наши комнаты, пострадали несильно, но там ужасный запах от пожара. Тогда я попросила наскоро привести в порядок двухкомнатную бытовку в дальнем углу парка. Год назад там жила бригада, расчищавшая парк, и с тех пор домик пустовал. Минимальный набор удобств там есть, и я решила, что мы с Августом перекантуемся, пока не отремонтируют большой дом.

Разумеется, нормальные люди сняли бы номер в отеле или даже коттедж где-нибудь поблизости. Но я уже неплохо изучила Августа: он лучше в своем гараже спать станет, чем поедет в отель. Одну ночь он кое-как выдержал. Но если ему не дать комнату на его территории сегодня, он поселится на яхте. Что угодно, лишь бы свое.

Затем я позвонила Крюгеру и объяснила, что от нас он сегодня показаний не дожидается — по состоянию здоровья. Крюгер не обиделся нисколько, вошел в положение и проговорился, что полиции есть чем заняться: ночью поймали арбалетчика. Ничего пока не ясно, но похоже, что случайный участник. Вроде моего Шона Ти. Кстати, его показания Крюгер изучил, нашел ценнейшими, желает побеседовать лично. Я ответила, что Шон Ти попросил убежища, я такое ему организовала, но он вполне доступен для звонков из полиции. И оставила координаты моего папочки. Крюгер заверил, что на данном этапе этого вполне достаточно. Кто бы мог подумать, что неотесанный Крюгер способен быть таким приторно-дипломатичным...

Автоматические такси имеют один существенный недостаток: их нипочем не заставишь заехать на частную территорию. Если на картах участок помечен как «личная собственность», машина остановится строго у ворот и не сдвинется вглубь ни на метр. Август выбрался из салона; на ярком свету его землистая бледность стала еще заметней. Его шатало, и свежий воздух не принес даже мнимого облегчения.

— Хочешь, подгоню машину из гаража? — предложила я.

— Да пройду я этот километр, — буркнул Август и чуть не упал.

Я почти тащила его на себе и мысленно ругалась. Чертово мужское самолюбие! Август обвис, опираясь на мои плечи, опустил голову и с видимым усилием переставлял ноги. Львиная доля этого самого усилия приходилась на меня. Интересно, что бы он стал делать, не будь я тактическим разведчиком? У меня, конечно, физическая подготовка будь здоров. Даже в самом уставшем состоянии я сильнее подавляющего большинства женщин, независимо от их сложения. А будь я обычной девчонкой, с ее слабой спиной и ногами, которые из-за диеты еле-еле волокут хотя бы себя?

Но самое паршивое, что я внезапно припомнила: на первом курсе Кид Тернер сказал, что бывает индивидуальная непереносимость табака. Да, непривычный человек, выкурив две сигареты подряд, неминуемо получит сильное отравление. А человек с непереносимостью рискует отдать концы. Август упоминал, что в школе выкурил сигарету и ничего с ним не случилось. Однако я уже неплохо его знала: мог и соврать. Мог умолчать, что это «ничего не случилось» произошло благодаря своевременной медицинской помощи. Даже если не соврал, в первый раз доза могла оказаться недостаточной для летального исхода. Проклятье, я не помнила ни одного симптома, который позволял бы судить с уверенностью о тяжести заболевания. А если Август с его чертовым упрямством сдохнет у меня на руках? Вот прямо

сейчас?

О нет. Лучше бы мне было не вспоминать. Один раз он ведь уже пытался умереть. Именно что у меня на руках.

К нам подбежал Тед, подставил плечо Августу, сняв с меня часть нагрузки.

— Делла, в ваших комнатах все готово, — сказал он. — Может быть, тебе вызвать врача для босса?

— Не нужен мне врач, — осадил Август, — и хватит разговаривать через мою голову, я пока еще жив и в сознании.

Я ругалась сквозь зубы, не особенно стесняясь. Зайдя в бытовку, Август уперся на пороге.

— Что? — уже со злостью выдохнула я. — Ну вот что тебе опять не так?

— Делла, оставь меня одного, пожалуйста, — смиренно попросил Август.

— Перебьешься.

— Но... — он запнулся, лицо исказилось волной мгновенной дурноты. — Мне нужно в уборную.

— Отлично, — весело сказала я и потащила его в сторону сортира. — Я работала волонтером в госпитале, ты не сможешь меня удивить. Ничем. Представь, что ты в клинике, а я санитарка.

— Вот за это... За это я и не люблю больницы.

Собравшись с силами, Август внезапно оттолкнул меня, сделал два быстрых шага и успел захлопнуть за собой дверь уборной прямо перед моим носом. Еще и заперся изнутри, засранец.

Сзади тихонько хохотнул Тед. Я обернулась:

— И что с ним делать, а? Ну вот что?!

— Делла, мне кажется, если у мужчины еще сохраняется стеснительность, ему отнюдь не так худо, как он старается показать, — тактично ответил Тед.

— Ага, а если он там сознание потеряет?

— Думаю, нет. В крайнем случае, тут потолок разбирается буквально руками. Вытащим.

— Ну спасибо, ты меня утешил.

— Рад служить. Не беспокойся. Мне кажется, боссу сейчас нужно немного внимания и заботы, но не медицинская помощь. Пожалуй, я принесу ваши вещи.

Я осталась наедине с запертой дверью уборной. Села на цветочную тумбу, к счастью пустую, уронила руки на колени. Трудно быть женщиной. Считается, что женщина вся сплошь состоит из капризов, но сдается мне, наши капризы заметны по правилу исключения — люди видят то, что нехарактерно, выбивается из общего ряда. А на мужские капризы, заметьте, никто внимания не обращает. Почему? Да потому, что это норма вещей! У мужчин это называется «требовательность», «разборчивость» и «чувство собственного достоинства». Если бы я оказалась на месте Августа (хотя не представляю, зачем бы мне так издеваться над собой) и отказалась ехать в госпиталь, он первый бы сказал — что за дурацкие капризы? А у него, значит, не капризы. У него это требовательность к качеству обслуживания, наверное. Или разборчивость в общении, не знаю. И разумеется, гордость. А как же? И этот человек еще попрекал Макса в эгоистичности. Можно подумать, сам лучше.

А что, хотелось бы знать, в коридоре бытовки делает цветочная тумба? Я приподнялась, осмотрела. Ну да, тумба. Пустая. Местами даже упаковочная пленка не снята. Надо будет спросить у нашего садовника, за каким хреном всякий инвентарь хранится в жилом домике, а не на складе.

Из уборной наконец выполз Август. Еще бледнее, чем был, осунувшийся, с красными глазами и мокрым, в капельках воды, лицом.

— Все еще уверен, что врач не нужен? — с оттенком ехидства уточнила я.

— Да, мне уже лучше, — прошептал Август. — Голова только болит. Я немного полежу, хорошо? Совершенно не выспался... Где моя комната?

Нормально. Принц в своем доме спрашивает у персонала, где ему лечь. Но я показала — разумеется, ближайшую к уборной спальню. Август благодарно кивнул и удалился. А я пошла проверять вторую комнату.

В чем-то Август прав: лучше провести несколько ночей в этой бытовке, чем в отеле. Несмотря на скромность обстановки, здесь было все необходимое плюс чувство защищенности — никто лишний не придет, не побеспокоит. Я разобрала сумки, которые принес Тед, переоделась. В соседней комнате было подозрительно тихо, а здесь ведь не такая замечательная шумоизоляция, как в основном доме. Я скрипнула зубами и пошла проверять.

Как я и думала, Август не спал, хотя и лежал с закрытыми глазами. Его колотил озноб, он улегся поверх одеяла прямо в одежде, на бок, сжался в комочек. Ко лбу и вискам прилипли мокрые волосы.

— Август, — тихонько позвала я от двери.

— Все хорошо, — едва слышно ответил он.

Ну понятно. Я решительно подошла, начала раздевать его. Он не сопротивлялся, даже когда я взялась за застежку на брюках. Раздев босса до трусов, я засунула его под одеяло. Подумала — и укрыла еще пледом, лежавшим на кресле. Приоткрыла окно, впуская свежий воздух, опустила черные, «ночные» жалюзи. В комнате воцарился густой полумрак, и я включила маленький светильник над кроватью.

— Спасибо, — благодарно прошептал Август. — Посидишь со мной немного?

— Страшно? — поддела я, но тут же устыдилась, села на кровать и взяла его за руку. Холодную, влажную руку. Да, ребята, это уже не притворство. Можно побледнеть по своей воле, но нельзя покрыться больной испариной.

Будем надеяться, это просто нервное истощение. Затянувшееся перенапряжение, на которое очень не к месту легли алкоголь и никотин.

Август не шевелился. Черты лица заострились, сделав его старше на вид. Стало понятно, как он может выглядеть в глубокой старости. Ничего, очень даже благородно. Кстати, на деда он похож не будет.

...Я видела его таким.

Мы оба учились на третьем курсе. В Мадриде отцветали последние краски осени, но было еще тепло. Целую неделю шли дожди, холодные и сильные. В воскресенье мы с Сэнди ходили на футбол. Нам пришлось прятаться от воды под его старенькой плащ-палаткой. Несмотря на то что мы вынужденно прижимались друг к дружке, очень плотно прижимались, сохраняя тепло и иллюзию сухости, Сэнди не позволил себе ни одного сомнительного жеста или слова. А я чувствовала, как отчаянно быстро бьется его сердце — нет, ребята, не от футбола. Чувствовала и молчала. У меня есть принцип — не встречаюсь с принцами. Принцам нужны принцессы, с прочими девушками они заводят романы без обязательств, не более того. Я не хотела легких отношений. Хватит уже притворяться, что мне это интересно, или хотя бы я умею «не впечатляться», или люблю секс сам по себе, без культурной нагрузки, как все любят еду — и какая разница, где поесть? Не обязательно ж делать из еды культ, нагружая ее массой ритуалов, как того требует традиция в отношении секса. Не умею я так. А потому лучше и не начинать.

Кстати, я никогда не считала принцев какими-то особенными людьми, в любом смысле. Просто они не могут, не имеют права предложить мне те отношения, каких я хотела бы. Макс исключение, и я была душой, что поверила: исключительность объясняется демократизмом его натуры. Нет. Он был опасно болен, семья это скрывала. Брак с девушкой их круга исключался по определению: тайна вылезла бы наружу. А вот простолудинка, как все рассчитывали, будет молчать и терпеть. Я промолчала, это правда. Но терпеть не стала, чем всех удивила и оскорбила.

Сэнди Маккинби был чокнутым, но при этом психически здоровым, иначе бы его не приняли на факультет криминалистики. Его чокнутость была самым заурядным чудачеством, чертой не только прощительной, но и желательной для принца британского происхождения. Я не знала, чего он хотел от наших отношений и хотел ли хоть чего-то. На втором курсе,

когда мы познакомились, он назначил мне свидание, а я отказалась. Наверное, получилось очень грубо. Он и виду не подал, что задет. Даже не стал притворяться, будто мы незнакомы. При случайных встречах мы держались как добрые приятели, хотя я чувствовала внутреннее напряжение. Наверное, свое, потому что Сэнди как будто все устраивало. Он не понимал, зачем я иронирую, почему стараюсь поддеть, он ведь ничего плохого или даже сомнительного не делал. И я убедила себя, что дура, парню просто интересно поболтать, для секса-то он себе всегда найдет. Поболтать — это тонкая материя, никогда не угадаешь, кто тебе нужен. У него такое образование, что я рядом с ним просто безграмотная деревенщина, но, возможно, ему больше нравится удивлять, чем спорить с равными себе. Все было очень сложно, очень зыбко между нами, но я уже отчетливо понимала — второй раз оттолкнуть его не смогу. Я решила, что буду дружить с ним, дружба ведь допустима даже между принцем и нищим. А потом уйду служить в армию, наверное, первое время мы будем переписываться, пока жизнь окончательно не разведет нас. После того футбольного матча мы стояли и болтали на проходной нашего кампуса, нас разделяла перегородка, и я совершенно уверилась, что мы понимаем друг друга — да, просто нам интересно вместе. Есть о чем поговорить. Макс наших чистых отношений не понял, учинил некрасивую и опасную сцену, и я ни капельки не удивилась, что Сэнди тогда захотел помочь мне. Друг и должен так поступать, разве я ошибаюсь?

На следующий день, я четко это помнила, дожди прекратились, выглянуло не по-осеннему жаркое солнце, высушило землю и заставило многих из нас, в том числе и меня, снять теплую куртку. Во вторник, ровно через три минуты после окончания занятий позвонил Сэнди. Тон его был необычно беспечным, веселым. Сказал, что на геофак привезли отличный документальный фильм о дальних колониях. В общий доступ лента не попадет никогда, на ней гриф «для специалистов» — понятно, о чем речь? Нет ли у меня желания сходить в четверг? Я со смехом напомнила, что вообще-то учусь на режимном факультете и в будние дни не имею права самовольно покидать кампус. А увольнительную мне никто не даст, потому что на текущий месяц я свой резерв исчерпала. Сэнди ответил — это не проблема, было бы мое желание. Желание у меня было, еще какое. Во-первых, про эту ленту давно ходили слухи, и посмотреть ее хотелось просто до зуда в ладонях. Во-вторых, Сэнди притягивал меня. Я твердила себе, что это нормально для дружбы, что он безумно интересный человек и, конечно, меня влечет к нему только поэтому.

Через час меня вызвал Кид Тернер, наш декан. «Делла, — сказал он, когда я закрыла дверь, — мне звонил Август Маккинби». Помню, я не сразу сообразила, о ком речь. «Сэнди, — пояснил Кид. — Это очередной его каприз, звучать попроще. Вообще-то он Август. Август-Александр и еще черт знает сколько имен, четырнадцать, по-моему. Для очень старых друзей — Зандер». Меня это известие слегка придавило, я сразу припомнила социальную разницу между нами. «Просит отпустить тебя с ним на фильм. Нет проблем, получишь увольнительную в четверг до трех ночи — показ начинается в десять вечера, ну и пара часов тебе потребуется на обсуждение. Август парень умный, в тех местах бывал, и было бы хорошо, если бы ты выслушала его мнение. Только в „Ладью“ не ходите, там в четверг атмосферники чей-то день рождения празднуют. Я хочу, чтобы ты сказала по результатам, стоит ли мне заказывать фильм на факультет, будет ли он полезен для первого и второго курсов, или мне проще сводить третий курс на закрытый показ». Я приняла это как задание. «Я кое-что тебе расскажу, для сведения, — продолжал Кид. — У Августа есть двоюродный дед, генерал Лайон Маккинби. Ты о нем слышала». Еще бы я не слышала! Бог Военного университета! И мой любимый брат Крис служил под его началом, из его рук получил рекомендацию на факультет штурмовой пехоты. «Мы с Лайоном выпускались в одном году. Дружили в университете, служить пошли вместе. Я разведчиком, он штурмовиком. Через три года я получил ранение и вернулся сюда, стал преподавателем...» И не только преподавателем, могла бы сказать я. Потому что полковника Кид получил отнюдь не в армии. «Мы дружим по сей день. Я хорошо знаю семью Маккинби. Конкретно Августа — лет с двенадцати. Он тогда мечтал стать джедаем, семья была против и привлекла меня

для разубеждения. Ты, наверное, думаешь, что он не служил в армии. Так вот — служил. Полгода. Парень он необычно скромный, поэтому вряд ли рассказывал тебе об этом эпизоде».

Для меня это было открытием. Сэнди действительно ни словом не заикнулся о службе. Воинский чин у него был — полковник внешней обороны, самый обычный чин для звездного принца, и по факту это была должность, а не звание. И должность-то условная — командующий силами обороны планеты в случае вторжения. Никто среди кадровых военных не относился к таким чинам всерьез. Среди отслуживших принцев — тоже. Макс, к слову, был полковником внешней обороны Сонно, но никогда о том не упоминал и на военные сборища надевал мундир командера военно-космических сил.

Кид вывел на стену фотографию. Линейка из молодых мужчин, все в парадной форме, стоят навтыжку. Рядовые. В самом высоком я с изумлением опознала Сэнди. Ужасно смешной он был — сильно моложе, коротко остриженный, лицо еще детски припухлое у губ и под глазами. Брови красивые какие... На следующем фото он был один.

С Большой Звездой на груди.

Ничего себе...

«Самый юный кавалер Большой Звезды, — пояснил Кид. — Ему было шестнадцать лет. С четырнадцати ходил волонтером на тварском конвое. Два раза на транспорте, а на третий его взяли юнгой на крейсер „Крылатый“, прикрывавший караван с правого фланга».

Я знала, о чем пойдет речь. Наша разведка иногда давала чудовищные проколы. В то лето наши проморгали очень опасную вылазку диссиды. Мощная группа прошла нам в тыл, обошла тварский караван и ударила во фланг. Группа была слишком слаба для захвата Твари, но ее сил хватало, чтобы вдребезги разнести караван и оборонные кольца базы. Учитывая расстояния, это было равнозначно потере Твари, и оккупация ее силами противника была излишней для решения задачи.

Первую атаку принял на себя крейсер «Крылатый». И он же фактически сорвал планы диссиды. Его сопротивление подавили, сочли мертвым, и в тот момент, когда диссида подошла вплотную, крейсер вдруг ожил и открыл огонь. Сорок две минуты он держал оборону, притом что действовала одна только шестая батарея. Он оттянул на себя внимание, нанес заметный урон противнику, заставил его отойти для перестроения, а тем временем перегруппировался наш конвой.

«Стрелка на шестой батарее убили сразу. Пробоина, батарея замолчала первой, — рассказывал Кид. — Капитан отправил волонтера проверить, что случилось. И доложить. Разумеется, в скафандре. Волонтер Маккинби обнаружил мертвого стрелка и пробойну, но сама батарея была исправна. Тогда он занял место стрелка и открыл огонь по противнику. Дети принцев в этом плане — то, что надо. Их папам закон разрешает ставить боевое вооружение на личные яхты. Папы частенько берут подросших сыновей и отправляются куда-нибудь в хорошо замусоренную систему, где учат мальчиков стрелять. Тебе Макс рассказывал, как его учили. И Августа учили точно так же. Стрелять его обучили, а вот бояться — нет. И сорок две минуты, пока не подошли наши, он стрелял. За эти сорок две минуты диссида превратила крейсер в груды металлолома, покинуть башню Август не мог, и снимали его снаружи, через пробойну. Подойти вплотную спасатель не сумел. Выдвинули манипулятор — его заклинило. Спасатель тоже успел поймать несколько попаданий и был здорово побит. Выстрелили магнитную „кошку“, чтобы парень мог добраться по тросу, — она улетела вместе с пушкой. Ну что делать, объяснили, как двигаться в открытом космосе без страховки. Ближе всего к пробойне была лапа манипулятора: надо прыгнуть из пробойны на лапу и по ней уже доползти до корабля. На словах это легко, а в реальности — если с первого раза не попадешь, второго не будет. Нельзя оттолкнуться ни сильнее, ни слабее, надо рассчитать очень точно. И шестнадцатилетний мальчик, ни разу не тренировавшийся на такого рода перемещения, преодолел двадцать девять метров в открытом космосе и еще утащил с собой труп стрелка. У него бзик, такой, чисто аристократический, — тело погибшего надо отдать семье, для приличных похорон. Двадцать девять метров без намека

на страховку — абсолютный рекорд на сегодняшний день. По совокупности заслуг он получил Большую Звезду».

Я вспоминала Сэнди и качала головой. Да, этот парень мог. То, что рассказал Кид, отлично дополняло и объясняло мое впечатление. Я интуитивно чувствовала в Сэнди мужчину, способного на подвиг. Подвиг без истерики. Совершил, потому что надо было, никого рядом не оказалось, взял и сделал.

«Теперь ты понимаешь, что он за человек, — мягко сказал Кид. — Я не знаю, что у вас за отношения, но, ты ведь понимаешь, мне докладывают — тебя видели с ним там, сям, на вахте вы болтаете часы напролет...»

Я покраснела и пробормотала, что нет никаких отношений, просто дружим. Наверное. Я сама не знаю, не спрашивала, мне кажется, что это дружба, а с его точки зрения, может, просто делать было нечего, вот и почесал языком с кем подвернулось. Кид пресек мой лепет взглядом. Очень добрым, понимающим взглядом. И я заткнулась.

Нам с Кидом было что вспомнить. Я не считала себя его любимицей, и те мелкие поблажки по режиму, которые он позволял, в действительности были доступны любому третьекурснику. А та история, которая определила наши роли, с учебой была связана косвенно. И если бы она выплыла наружу, Кид вряд ли отделался бы увольнением. За такие поступки наше гуманное государство судит и дает реальный срок. Но история не выплывает, я об этом позабочусь.

Кид очень сдержанно отнесся к известию, что я выскочила замуж за Макса ван ден Берга. Позже я поняла, что он испугался. Он-то знал, чего стоит Макс. Но понадеялся на лучшее. Лучшего не случилось, и через несколько месяцев я прибежала в его кабинет в больничной пижаме и без чипа — в том виде, в каком сумела удрать с Сонно, из-под бдительной опеки любящего мужа.

Когда меня спрашивают, почему я развелась с Максом, обычно отвечаю: не сошлись характерами, мне карьера была дороже семьи, не прижилась среди аристократии. Но какая причина была на самом деле, я не знаю. Забыла. Забыла в том самом кабинете Кида Тернера, после того, как, захлебываясь рыданиями, рассказала ему правду. Что было потом, я тоже не помню. Помню только результат. Кид сказал: «Делла, ты должна понимать — это не навсегда. Рано или поздно ты вспомнишь. Может быть, пройдет десять лет. Может быть, год. Будь готова, потому что правда всплывает в самый неподходящий момент, уж таково ее свойство. Если ты вспомнишь во время миссии — ты провалилась. Учитывай это».

Разведчиков иногда учат не только запоминать, но и забывать. Накрепко. Есть психотехники вытеснения и даже замены реальности. Одну из них Кид применил ко мне. По моей же просьбе. Потому что можно прожить и изжить любую психотравму, если суметь о ней рассказать. В моем случае излечение стоило бы мне карьеры. В моем учебном досье появился бы штамп «профессионально непригодна», а в личной истории — долгий и мучительный бракоразводно-судебный процесс, из которого я вышла бы пустой, как брошенный кокон бабочки. Только бабочкой бы не стала. И я выбрала — забыть. Забыть, а память заполнить ложными воспоминаниями. То, что я помню сейчас, сочинили мы с Кидом. Потом Кид побеседовал с Максом. Убедительно побеседовал. Я получила развод, наверстала пропущенное время в учебе и благополучно перешла на второй курс. Но с тех пор Кид мягко контролировал мою личную жизнь. Я прислушивалась к нему.

«Делла, Август — славный парень. Но в чем-то он сложнее Макса. Он серьезный и памятливей». Я рассмеялась, сказала, что никаких таких планов у меня нет и в помине, довольно с меня всяких принцев. Какими бы славными ребятами они ни были, у них есть семья. А семья не позволит им совершать необдуманные поступки. То бишь такие, какие не одобрит родня.

«Семья, — фыркнул Кид. — Август не очень-то с ней считается. Я не зря рассказал тебе о его армейских приключениях. После награждения он и не подумал возвращаться домой. Он этнический шотландец, у них с шестнадцати человек имеет множество прав взрослого. Поэтому он, никого не спросив, завербовался волонтером в тварский гарнизон. И

полгода там жил. Бросил школу, ютился в бараке и ни на что не жаловался. Чтоб уговорить его вернуться домой, туда ездил Лайон. Уговорил. Август вернулся, наверстал школьную программу. Дед хотел, чтобы Август получил юридическое образование, — этот выбрал гуманитарное. Здесь, в Мадриде. На первом курсе женился — примерно так же внезапно, как женился Берг. Семья в ужасе. Развелся — не сошлись характерами. Действительно не сошлись. Его жена — светская женщина, а Август дорожит уединением. Поскольку у обоих эти желания доходили до крайностей и абсурда, совместная жизнь превратилась в сплошные ссоры. Тем не менее прожили несколько месяцев. Семья была в шоке. Когда Август с историко-архивного перевелся на криминалистику, то первый год жил строго на то, что заработал сам. Год был официантом в „Завтраке на траве“. Принц, на минуточку. Положим, он еще кое-где работал, иначе бы ему банально не хватило денег оплачивать учебу, он ведь за свой счет, а не на стипендии. Так или иначе, в течение года он сам превосходно обеспечивал все свои нужды. Я очень сильно сомневаюсь, что у семьи есть рычаги, чтобы принудить его к чему бы то ни было. Тем более что все родственники, мнением которых он дорожит, сами весьма уважают свободу воли и выбора. Он не один такой самостоятельный среди Маккинби. Нет, Делла, этот парень всегда будет делать лишь то, что считает нужным. Никак иначе».

«Кид, — насторожилась я, — а он что-нибудь говорил на этот предмет?»

«Ничего, — засмеялся Кид, — конечно, ничего. С чего бы он стал изливать мне душу? Сказал ровно то, что ты слышала: хочет пригласить тебя на фильм, потому что ему кажется, тебе это будет интересно. Но не хочет устраивать твой побег в самоволку, хотя ему раз плюнуть, у него подъемник есть, чтоб через забор тебя перетащить, но у тебя могут быть неприятности по режиму. Поэтому и позвонил мне с вопросом: нельзя ли решить все цивилизованно? Фильм действительно хорош и может рассматриваться как дополнительное учебное пособие. И все, что я тебе сказал о его жизни и характере, — это сведения исключительно на всякий случай».

Тот злополучный фильм я так и не увидела. Никогда.

Потому что в среду, прямо во время лекции, моей подруге Мелви позвонила Алиша. У инквизиторов в тот день проводился тест на психическую устойчивость, с гормональной провокацией. Алиша смеялась, как слегка выпившая женщина. Рассказала, что Сэнди тут планирует свои похороны, требует, чтобы на них непременно присутствовала я. Мелви, которая скрывала ревность под депрессией — то, что она влюблена в Сэнди, влюблена давно и прочно, знали буквально все, а тут он решил дружить со мной, — раздраженно перекинула канал на меня, не предупредив Алишу. Мол, раз речь о тебе, ты и трать силы, слушая ее бредовую болтовню. Я слушала вполуха, полагая, что для меня это тоже неплохое испытание на концентрацию и выдержку. И вдруг Алиша страшно закричала — Делла, он умирает!.. Я так и не вспомнила потом, что еще она успела сказать. Почему-то сразу поняла, что никаких шуток, это правда. Что именно заставило меня сорваться с места, выйти на улицу через окно и побежать к лабораторному корпусу инквизы — не знаю. Какой-то инстинкт, требующий, чтобы женщина была подле мужчины в минуты его агонии. Не оставлять умирать одного... И почему за мной ломанулась вся группа, я тоже не понимаю. Сработали коллективные связи — куда один, туда и все. Мелви вела нас с крыши: у нас не было даже доли секунды, чтобы определить самый короткий маршрут. А Кид Тернер в это время был у себя в кабинете, вправлял мозги Максу, и окна этого кабинета выходили на нашу аудиторию. Когда Кид увидел, что третий курс сигает в окна и куда-то несется, сломя голову, он тоже не стал тратить время зря: схватил Макса, который прилетел на вертолете, и понесся к инквизе.

Совпадения, случайности, дурацкие, нелогичные решения. Каждый наш шаг противоречил рассудку, здравому смыслу и тому, чему нас обучали. И именно комплекс наших глупостей спас жизнь Сэнди.

Я прибежала в корпус, там столпился весь его курс — девять человек, — руководитель потока, кто-то еще. Сэнди на полу бился в судорогах. Его не рвало, на губах не выступила пена. Алиша сказала, он вскочил, хотел выйти, упал — и вот... Я села рядом, взяла его

голову на колени, чтобы не побился, он вцепился мне в руку. «Делла» — это единственное, что можно было разобрать из его слов. Он узнал меня. Другие слова лились быстро, потоком, неотделимые друг от друга, как будто в слипшемся комке. Сразу вокруг стало тесно, потому что набежали хоббиты. Кто-то стал искать медбригаду, сопровождавшую тест, медики как сквозь землю провалились, кто-то сказал, что врача вызвали, но... Мы с однокурсниками подхватили Сэнди и потащили к выходу, чтобы он хоть воздухом мог подышать. И в дверях столкнулись с Кидом и Максом. Кид Тернер мигом навел порядок: «Делла, в вертолет его, летишь со мной». Потом отвел в сторону Макса и сказал тихо: «Макс, найти убийцу быстро здесь могут только двое — ты и я. Потому что инквиза будет пользоваться законными методами. Они не дадут быстрого эффекта. Меня за эффективный допрос вышвырнут с работы. А ты принц». Макс чуть скосил глаза, оценивая обстановку, и равнодушно вскинул бровь. «Хоббиты тебе в помощь», — добавил Кид Тернер.

Я никогда не забуду тех минут в вертолете, казавшихся часами. Тяжелую голову Сэнди на своих коленях. Его бред, его горький и веселый смех — не-а, не выживу. И бесконечные часы ожидания в комнате для посетителей клиники Святого Марка. Нас ничего не держало, мы с Кидом просто сидели и тупо ждали, когда придет врач и скажет, что Сэнди умер. Я плакала. Кид отечески обнимал меня за плечи и молчал. Я не хочу вспоминать все, что тогда лепетала. Это была истерика. Обычная женская истерика.

А потом приехал Скотт Маккинби Старший. Высоченный, тонкий, эмоционально высушенный. Но именно его сдержанность наконец успокоила меня: в присутствии такого человека не могло произойти ничего плохого. Пришел врач, сказал, что есть надежда, но слабая. Нужен близкий человек, друг или подруга, который будет сидеть рядом. Минимум двенадцать часов сидеть и держать за руку умирающего. Сэнди без чувств, но все слышит. Ему нужна моральная поддержка, ощущение, что он не один.

Я не была ему близким другом, но Кид решил — иди. Я подчинилась. Двенадцать часов я читала вслух шотландские сказки, которые нашла в сети. Дурацкие сказки, попсовые, но разве в сети легко найти настоящие? Иногда я обтирала ему лицо и плечи влажной салфеткой. Врач сказал — нужно присутствие живого человека, вот я это присутствие и отрабатывала. Наутро врач сказал, что Сэнди выкарабкается. Точно выкарабкается. Я свободна, спасибо за помощь.

На уик-энд я отправилась в Шотландию. Все было прекрасно, пока я не решила блеснуть остроумием где не надо. Скотт Старший прочитал мне выговор за неприличное поведение на встрече ветеранов, куда я сопровождала его родственника Лайона Маккинби. Черт побери, в этой семье ни у кого не было чувства юмора. А Крис, мой брат, с которым я поехала, сказал, что это были смотрины. Я вспомнила выговор — и поняла, что семья Маккинби сочла меня вульгарной. Недостойной даже дружбы с их наследником. И уж семья примет меры, чтобы все отношения между нами прекратились. Так и вышло. Сэнди, выписавшись из клиники, до конца учебы не удостоил меня и взглядом. Сначала мне было обидно, а потом я подумала: это хорошо. А то я, со своей манерой увлекаться, уже почти было решила, что влюблена в него. Отлично. Равнодушие — лучше холодной воды, чтобы остудить горячую голову. Я возобновила отношения с Максом и была совершенно довольна тем, как со второй попытки развивался наш роман.

И кто бы мог предположить, что спустя несколько лет я окажусь на роли ассистента Сэнди? Пардон, уже не Сэнди — уже Августа-Александера Пола Николаса «и еще двенадцать имен» Маккинби, инквизитора первого класса. И что тот парень, который после выздоровления глядел сквозь меня, устроит мне сеанс душевыворачивательной психотерапии, чтобы убедить работать с ним? Кто мог знать, что Сэнди, старательно строивший высокомерную морду, окажется самым осведомленным о моей жизни человеком? И что его надменная семья будет рада меня видеть, пусть и в качестве доверенного помощника Августа?

Как причудлива жизнь. И как повторяема.

Снова мы друзья. И снова Август оказался на моих руках с тяжелым отравлением. И

снова мне остается только плакать, потому что я опять ничего не могу сделать. Только утешать. Быть рядом. Держать за руку. Правда, шотландские сказки я читать больше не стану. Глупо это, читать осовремененный детский лепет человеку, который, небось, способен рассказать оригинал на оригинальном же языке.

...Август наконец согрелся. Я думала, он заснет, но его снова начало тошнить. Он попытался дойти до уборной, чуть не рухнул. Я рассердилась, затолкала обратно в постель и принесла тазик. Тазик довел Августа едва не до слез. Потом я подала ему воды, но сам вид стакана привел к новому приступу. Я стала бояться, что так и до обезвоживания дойдет, но от медицинской помощи Август по-прежнему отказывался. Тед нашел туристическую портативную кухню, я сварила рис и напоила Августа отваром. Вроде рвота прекратилась. Подремав с часик, Август попросил сладкого чая. Ну, уже что-то. После чая его снова вырвало. Тед вызвал меня в коридор и шепотом сказал, что на свой страх и риск проконсультировался с врачом, тот настаивает на госпитализации, потому что симптоматика странная, надо обследовать пациента. Если будет отказываться — тогда ничем не кормить и не поить минимум двенадцать часов. Если в рвотных массах появится кровь — госпитализировать немедленно, невзирая на вопли.

Я ломала голову, чем он мог так отравиться. Потому что это ни на алкогольное, ни на никотиновое отравление уже не было похоже. Моим детоксикантом? Тоже нехарактерно. «Нервное», — в сердцах сказал Тед. «Доработался». И ушел. А я осталась.

До самого вечера Август вынимал мне душу. Я понимала, что он действительно страдает, но злилась, что он отказывается от помощи.

— Делла, это не помощь, — слабым голосом объяснил Август. — Однажды я очнулся в больнице и увидел вокруг себя чужие лица. Мне подумалось даже, что лучше бы я умер.

В груди больно кольнуло. Я поняла, о какой больнице речь.

— Это... тогда?

— Да, — ответил Август и отвел глаза. — Разумеется, я сам виноват. Надо быть более социальным, если хочешь, чтобы тебя не бросали в одиночестве.

— Разве тебя не навещали? — сухо вато удивилась я. — К тебе и однокурсники приходили, и Алистер. И дед приезжал.

— Да. Но тех людей, которых я хотел бы видеть, не было. Тех, ради кого я и боролся за жизнь. Мне казалось, что те люди огорчатся, если я умру. Я не хотел огорчать. Надеялся, что, может быть, им нужно от меня нечто большее, чем просто продолжение жизни, может быть, я сам небезразличен...

— И много таких людей было?

— Один.

— Значит, те, кто намекал, будто ты намеренно проворонил покушение, потому что хотел покончить с собой чужими руками, были правы? Личная трагедия?

Август покачал головой:

— Нет, нет, Делла. Не было никаких трагедий. Мои отношения с тем человеком — это вообще не то, что все думают. Но какое мне дело до того, что «все» думают обо мне? Я никогда не хотел жить так остро, как перед тем покушением. В личном у меня все складывалось весьма неплохо, по крайней мере, мне так казалось, но что было в действительности, не важно, — ведь на настроение влияет не действительность, а то, как ты ее видишь, как трактуешь, то, в чем ты убежден... Мне было к чему стремиться, и мне нравились перспективы. А в клинике я понял, что жить мне незачем. У меня есть долг перед семьей, родителями. Есть интересная работа и связанный с нею долг перед человечеством. Есть еще один долг перед Землей — Кларион. Но нет того, ради чего я все свои обязанности выполнял бы с радостью. И стремиться мне не к чему. Это не желание умереть, нет. Это равнодушие к жизни. Ничего особенного, если разобраться, так живут многие. От бесповоротного решения их удерживает лишь страх смерти, который трансформируется в жажду сиюминутных удовольствий — еда, алкоголь, наркотики, секс.

Я отвернулась и посмотрела в окно. В черные жалюзи, которые отгораживали меня от

буйства танирского солнца. Да, я тоже такая. Наверное, тоже боюсь смерти. Только у меня этот страх трансформировался в жажду кипучей деятельности. Поэтому, едва оправившись после издевательств Энстона, я стала искать работу в полиции, а не устроилась секретаршей в крупную корпорацию.

— Работа, — беззвучно напомнила я. — Работа, карьера — все это тоже сиюминутное.

— Да, — согласился Август. — Это мой «напиток забвения».

«И мой», — подумала я.

— Но я не хочу, чтобы ты считала меня трусом, который собственному страху в глаза посмотреть не способен. Я просто очень ответственный. Я не имею права взять и умереть. Я слишком много должен сделать. Поэтому борюсь не со страхом, а с равнодушием. А смерти я не боюсь. — Подумал и добавил убежденно: — Да. Совершенно не боюсь. Мне было четырнадцать, когда дед привел меня в наш семейный склеп, показал место и сказал: «Оно твое. Когда умрешь, тебя положат сюда». Он показал и свое место, и место для моих родителей. Они хотели бы быть похороненными в Бостоне, но дед и слышать о том не желает. Для них все готово в Шотландии. Я долго рассматривал плиту, на которой уже выбиты мое имя и дата рождения. Потом спросил деда: а что будет, если я не совсем умру и очнусь в гробу? Дед не засмеялся. Он ответил: «Хорошо. Тогда мы проведем в гроб датчики движения, освещение и тревожную кнопку, а рядом поставим робота, который в случае чего сдвинет крышку и плиту надгробия. Если ты очнешься, то сможешь выйти». Через год он показал мне эту систему и предложил проверить. Мне понравилось. Я даже некоторое время играл в вампира, тайком от деда, конечно. Но три ночи я в гробу проспал. С тех пор я ни капельки не боюсь умереть. Смерть страшна своей безвыходностью, а когда у тебя уже приготовлен выход — чего же тут бояться?

Я поняла, что по щекам льются слезы. Стараясь только не выдать себя голосом, скомканно извинилась и вышла. Я больше не могла слушать Августа.

Значит, я права. За его неустроенностью, жизненной неприспособленностью стоит одно — тяжелое, безнадежное чувство. К какой-то неизвестной вертихвостке, которая даже не почесалась позвонить в госпиталь, узнать, выжил ли он. Я заранее ненавидела ее. На таком фоне даже Джиллиан Фергюсон казалась достойной дамой. Ей хоть что-то нужно, хоть что-то она дает взамен. А той, которая сломала замечательного парня, я пожелала бы только сотню бед в жизни. Пусть поймет, что можно отвергнуть — нельзя не замечать.

Когда я, успокоившись, заглянула к Августу, он наконец-то спал. Тихо, как дитя. Ночник оставил. Я улыбнулась и пошла к себе — ужинать пиццей, которую Тед благоразумно заказал на всех. Перед сном я снова провела Августа, он приоткрыл один глаз, попросил воды. Я напомнила, что от воды может быть рвота, но все-таки принесла. Август сделал несколько небольших глотков и снова уснул — едва ли не раньше, чем вернул мне стакан.

Я легла в соседней комнате, но уснуть не смогла. Стоило мне задремать, как казалось, будто Август за стенкой хрипит в агонии. Я проверяла его, разумеется, он спал. Зайдя в полночь, я случайно разбудила его, уронив на пол тот самый стакан с водой. Счастье, что он был пластиковый и не разбился.

— Делла, — сонно позвал Август, — ты чего не спишь?

— Зашла посмотреть, как у тебя дела.

— Ты каждый час проверяешь. Тебе тоже нужно отдохнуть.

— Не волнуйся.

— Нет-нет, это неправильно. Ты действительно беспокоишься? Может быть, тебе лучше лечь здесь? Тогда не придется ходить, ты и сквозь сон услышишь, тем более что слышать нечего, я уже почти здоров...

На мне был только халат на голое тело. Я помнила, что с некоторых пор женская нагота лишает Августа душевного равновесия. Впрочем, и сам он был раздет. Он чуть подвинулся на широкой постели, освобождая место для меня. Да, он хочет, чтобы я легла рядом... под одно одеяло с ним. А чему удивляться? Люди, выздоравливая после тяжелой болезни,

обычно испытывают бешеную жажду жизни — и всего, что эту жизнь утверждает. Августу нужно мое тепло, и наготы он сейчас не боится, наоборот. Но как мы будем смотреть в глаза друг другу с утра?!

— Делла?

У меня внезапно ослабели ноги. Я видела его взгляд — уже совершенно ясный, хотя еще усталый. Легкое одеяло сползло, обнажая широкую грудь... и я попятилась к двери.

— Нет-нет, я пойду к себе, — с глупым нервным смешком, который едва удалось задавить, произнесла я. — Вижу, что ты уже почти в порядке, надо только выспаться. Наверное, у тебя была не серьезная болезнь, а следствие переутомления, да, это бывает... Пойду к себе, не стану мешать.

— Спокойной ночи, — пожелал мне Август.

Я плотно закрыла за собой дверь и почти вбежала в свою комнату. Сердце колотилось как сумасшедшее. Это все дурацкие воспоминания, твердила я себе. Разволновалась, расчувствовалась и расклеилась, как дура. А теперь я возьму себя в руки и лягу спать. Просплю до самого утра и буду свеженькой и с ясной головой.

Так и сделала.

Снилось мне такое, что я даже психотерапевту не стала бы пересказывать.

А чего удивляться? Я тоже переутомилась.

* * *

Раз все считают, что женщина по природе своей существо, сотканное из капризов и алогичных поступков, надо капризничать и выкидывать фортели. Потому что женщина нуждается в социуме куда сильнее мужчины, то есть зависима от мнения общества. Из этого следует вывод: женщина должна оправдывать ожидания окружающих. Если, черт возьми, меня считают непоследовательной, я такой и буду. Получайте, кушайте-не-обляпайтесь.

Конечно, будь у меня от той самой природы хоть малейшая склонность к капризам, я обошлась бы без таких мозговых вывертов для самооправдания. И вообще, это был нисколько не каприз, а что было, я сама себе признаваться не хотела. Строго говоря, меня утомили все мои мужчины, вечно попадающие в дурацкие переделки по собственной вине, и я жаждала мести. Козлом отпущения назначила Августа. Во-первых, минувшие сутки меня доконали. И не надо объяснять, что вот это отравление он заработал исключительно ради моей безопасности. Пусть так, но какая связь между заботой и отказом ехать в клинику?! А во-вторых, Август банально был ближе всех остальных.

Месье была чисто женской — то есть глупой и бессмысленной. Я сбежала в дом, благо мои комнаты пострадали если только от вони пожара, нашла в запасах комплект из юбки и майки. Комплект я приобрела из-за безумного зеленого цвета — в жизни бы не стала такое носить, но взгляд как приклеился, что делать, пришлось купить... — и твердила себе, что когда-нибудь использую для оперативной работы. Ну вот мало ли, придется мне вырядиться проституткой. А что? Был у меня в Эльдорадо эпизод, когда я неделю танцевала шестовой стриптиз. Что характерно — не умея танцевать в принципе. Ничего, никто и не заподозрил подвоха... Миссия, главное дело, простая — всего-то передать сообщение. Но за клиентом плотно следили, вот мне и пришлось устроиться стриптизершей. Спасибо, клуб хоть приличный был, не какой-то публичный дом.

Короче говоря, я этот комплект даже не примерила, и год он пролежал в коробке нераспечатанный. А сегодня я его надела и офонарела. Ей-богу, с таким же успехом я могла бы ходить голышом. Но за «голышом» Август мне устраивает выволочки — пусть только попробует придраться, потому что формально я полностью одета. И никого не волнует, что подол юбки заканчивается там, где начинаются ноги, а майка-минималка мне мала. Добавив к костюмчику туфельки на бесконечном каблуке, подобрав волосы в небрежный узел на макушке, я похихикала и пошла готовить завтрак.

Походную кухоньку я оборудовала под навесом у входа в бытовку. Тут же стоял и

столик для еды. Я жарила яичницу и напевала под нос, когда из бытовки на запах выполз Август. Шагнул под навес и застыл, глядя мне куда-то явно ниже лица. Я вызывающе подбоченилась, предвкушая его растерянность и даже, чем черт не шутит, гнев, а Август жестом попросил меня повернуться, чтобы рассмотреть со спины. Спина у меня была, считай, голая — пусть смотрит.

— А что, — изрек Август, — курортненько так. Забавный имидж. Я бы посоветовал изменить прическу — заплети волосы в две косы. Тогда образ будет законченным. Кого это ты работать собралась?

— Ты у меня спрашиваешь? Кого скажешь, того и буду, — недовольно фыркнула я.

— Ах да, — спохватился Август и с удрученным видом слегка потер лоб. — Наверное, я еще не проснулся. Совсем забыл, что это я должен поставить тебе задачу.

Я не удержалась и ехидно хохотнула. Август удивленно возрился на меня, но не стал уточнять, что именно вызвало мой смех.

— Теоретически оперативной работы на сегодня нет, — признался он. — Тебе надо зайти в управление полиции и вернуть липовый чип. Делал его тот самый федерал, на которого жаловался Крюгер. Зовут его Сайрус Вит, думаю, тебе будет несложно отыскать его. Советую наведаться в полицию именно в таком виде, — Август глазами показал на мою грудь. — Это простой способ узнать, чего стоит человек. Если он так плох, как уверяет Крюгер, не вмешивайся в его отношения с полицией. Если же, по твоему мнению, он достойный человек, то добейся от Крюгера, чтобы он передал на экспертизу и второй чип, полученный от Даймона.

— Принято, — кивнула я. — Ну и заодно, полагаю, тебе понадобятся материалы по арбалетчику?

— Зачем? — Август плотно уселся за столик, оглядел еду и подвинул к себе тарелку. — Арбалетчик может рассказать только про своего заказчика, а был им, вероятнее всего, Грант.

— А Грант тебе уже не интересен? — Я тоже села.

— Нисколько. Делла, он исполнитель.

— Но если его поймают, он выведет на главаря, — меня раздражало, что Август внезапно поглупел.

— Да. Но нам совершенно ни к чему ждать поимки Гранта, чтобы снять голову банды. Делла, банда парализована. Обе действительно опасные боевые единицы нейтрализованы — Марио Лоретта убит, Даймон ведет свою игру. Бейкер заперт в клинике — его партия с полицией завершилась патом. Его не могут арестовать, пока он симулирует психическое расстройство, а он не может «выздороветь», потому что тогда его арестуют. Таким образом, банда в целом лишилась транспорта. Но для нас важнее, что из-за Бейкера временно бездействует Простолюдин — у него на Танире было всего два агента, Бейкер и Даймон. Таким образом, Аристократ приобрел неожиданную свободу действий. В его распоряжении остался Гранте орками, в его окружении нет арестов. Будь он капельку умнее, он залег бы на дно. Но, судя по его нападению на меня, особым интеллектом он похвастаться не может. Поэтому он будет действовать. Его наконец-то не сдерживает необходимость согласовывать свои поступки с Простолюдином, возможно, при этом он в стрессе — дело ведь вот-вот сорвется.

— Ну понятно, — кивнула я, — он считает, что самое время ему выйти на сцену и исполнить соло во всю глотку. А мы давно уже жаждали его.

— Именно. Поэтому нам не интересен Грант — в ближайшие дни мы увидим Аристократа.

— А ты, конечно, уже знаешь, кто это.

— Делла, мои знания на сегодняшний день — не более чем обоснованные подозрения. — Август помолчал. — От нас не требуется никаких действий.

— Почему?

— Я тебе уже говорил — за нас и полицию эту работу сделает Даймон. Мы можем посуетиться, а можем затаиться — и тогда разгадка придет к нам сама, подгоняемая

Даймоном.

— Считаешь этичным принять его помощь?

— У нас нет выхода. Я не думаю, что обстоятельства следует рассматривать именно как сотрудничество — мы воспользуемся результатами внутреннего конфликта в банде.

— Август, послушай, меня все-таки беспокоит судьба Даймона. Я понимаю, что он преступник. Но мне его жалко. Может, я все-таки попробую его взять? Ну ей-богу, тот случай, когда тюрьма — вполне себе шанс на спасение.

— Жалость к убийце?

— Почему бы и нет?

— Спроси у детей Греты Шульц, что они думают по этому поводу, — сухо вато предложил Август. — Делла, я понимаю, ты увидела коллегу, к тому же очевидно ставшего преступником не по своей воле. У вас общий враг, вам пытался сломать жизнь один и тот же человек. Он пощадил тебя, хотя мог убить...

Я очень зло рассмеялась.

— Август, не говори чепухи, ладно? Если разведчик отказывается от миссии — и неважно, государственный заказ был или частный, методы-то одинаковые, — то означает это всегда одно: он не может ее выполнить. Даймон убил бы меня, если бы мог. То, что я жива, объясняется не жалостью и тем паче не общими врагами — а исключительно тем, что он по каким-то причинам не мог меня убить.

— Жалость — недостаточная причина?

— Я тебя умоляю. Какая, на фиг, жалость? Из хоббитов ее выбивают в первые две недели учебы.

— Но ты же его жалеешь?

Я пожала плечами:

— Да. В данном случае милосердие — это правосудие. Только оно позволит ему выжить. Альтернатива — смерть. А у нас смертная казнь запрещена по закону. Август, ситуация ровно та же, что у Даймона со мной: жалость выгоднее жестокости. Ему было выгодно пожалеть меня, а мне выгодно поступить с ним по закону.

— В таком случае я тоже имею право на получение выгоды. Я запрещаю тебе даже думать о том, чтобы взять Даймона живым. При следующей встрече с ним ты будешь стрелять на поражение. Это приказ, и он не обсуждается. Мне выгоднее иметь живого ассистента, а не устраивать пышные похороны в синем гробу с последующей кровной местью.

— Местью синему гробу? — поддела я.

— Назовем это местью синего гроба.

Я оскорбленно замолчала. Совершенно не понимаю, почему мужчины такие дураки. Все до единого.

— Постарайся не задерживаться в полиции, — сказал Август. — Вернешь чип — и домой. Пока ты была на Эвересте, накопилась тонна кларионской почты, я боюсь даже заглядывать в нее.

Я наконец доела яичницу.

— Август, а тебе не кажется, что пора бы нам обсудить продление моего контракта? Или его завершение.

— Завтра, — отрезал он. — Завтра я буду уже совершенно готов сформулировать дополнительные условия.

— А сегодня никак?

— Никак. У меня есть планы на вечер, и многое зависит от того, как и в какой форме они реализуются. Благодарю, — он аккуратно сложил столовые приборы, бросил на них салфетку и встал из-за стола, — было чрезвычайно вкусно.

Я только скрипнула зубами, почти с ненавистью глядя ему в спину. Доедать свой завтрак желания не было, поэтому я взяла легкий льняной жакетик — не с голой же спиной ехать в полицию! — и отправилась работать.

И уж конечно, я не собиралась ограничиваться тем «заданием», какое получила от Августа.

* * *

Крюгер обрадовался мне, как ребенок. Окинул восторженным взором мой наряд и сообщил:

— Делла, вы прекрасно выглядите. Как будто только что с пляжа.

— Собираюсь поехать на море сразу от вас, — скромно ответила я.

— Да, да. Это замечательно. У вас были тяжелые дни, надо выкроить хотя бы несколько часов на бездумный отдых. Море, пляж великолепно способствуют восстановлению нервной системы. А у нас с вами такая работа, что надо компенсировать стрессы, иначе быстро наступит психоэмоциональное выгорание. Не знаю, как у вас, разведчиков, с этим боролись, а я очень внимательно слежу за своими подчиненными. Потому что эмоционально выгоревший полицейский совершенно бесполезен для общества. Он просто не может работать.

Я ощутила нечто вроде признательности.

— Вы удивитесь, но у нас никак с этим не боролись.

— Что, вообще? — Крюгер, кажется, мне не поверил. — Но как же... Это ведь достаточно просто. Даже я это знаю. Уставшего человека надо направить к косметологу, массажисту, маникюрщику, на пляж или в сауну, потом денек на природу, предложить пройтись по магазинам, ну, вы знаете — что-то такое, что обычно считается дурацким и обывательским времяпровождением... Моя жена превосходно снимает стресс, покупая ненужную, но яркую косметику и бродя по китайскому рынку. Тут ведь главное — переключиться. И несколько дней побыть в обстановке, которая вообще никак не ассоциируется с угрозой для жизни.

— Кстати, вы мне подсказали замечательную идею. Надо будет провести Ли Бэя — помните, тот китаец, тесть убитого эльфа? У него парикмахерская, мне понравилась обстановка.

— А попробуйте. Если поедете в ту сторону, рекомендую заглянуть в отель «Голубой папоротник». Да, туда ветер доносит запахи с рынка, рыба, знаете ли, не всем нравится. Но какой пляж у этого отеля! Какой там песок! И замечательная кухня. Цены демократичные — вы понимаете, из-за запаха. Моя жена отдыхает только там.

— Спасибо, загляну непременно.

Секретарша, которую Крюгер делил с комиссаром, принесла два кофе. Крюгер машинальным жестом достал из сейфа коробку конфет, пододвинул ее ко мне.

— Как у вас продвигается расследование? — спросил он.

— С позавчерашнего дня ничего нового, — заверила я.

— Ну да, я понимаю, понимаю. Значит, интересуетесь, что у нас? Да тоже немного... Арбалетчик раскололся. Раскололся, потребовал адвоката... Сейчас под домашним арестом. Ох, какую истерику закатил. Я привыкший, но и то удивился. Причем истерить начал уже после того, как его из камеры выпустили, а не во время допроса.

— Сказал что-нибудь интересное?

— Да не, — Крюгер поморщился. — Левый он. Жил на Кабане, состоял в клубе спортивной стрельбы. Сюда прилетел на соревнования и отдыхать, на десять дней. Увидел объявление, что нужен стрелок из лука или арбалета, на один вечер. Встретился с подателем объявления. Какой-то Экрюс Самини. По описанию — в точности Грант. Тот предложил неплохо заплатить за единственный выстрел. Задача левая, вся трудность — расстояние. Дистанция предельная. Заказчик объяснил, что в том доме проживает его зазноба, вот он и придумал романтический способ послать ей письмецо. Содержания записки стрелок не знал. Задачу выполнил и, уже отъезжая от места, услышал взрыв. Тут-то он и понял, как его использовали. Испугался, забился в щель, ночью его арестовали. В архиве указанное

объявление есть, я наткнулся быстро. Экрюс Самини — не вымышленное лицо, я с ним уже созвонился, предупредил, что самое время заблокировать счета и позаботиться о сохранении важной информации.

Я покачала головой. Крюгер сбросил мне на чип полную запись допроса — на всякий случай — и перешел ко второй новости. Криминалисты исследовали остатки ракеты, влетевшей в наш дом, и дали однозначный ответ: ручной ракетный комплекс «Сокол». Разработка старая, надежная, стоит на вооружении наземных армейских частей неспецифического назначения. У нас ее называли просто «ракетница». Гражданской версии не существует, потому что незачем. В свободную продажу не поступает, частным лицам не продается ни под каким видом. «Соколы» не поставляют даже принцам для охраны их планет. Значит, комплекс банально украден с армейского склада. Поскольку ни один идиот, забравшись на склад, не ограничится только одной единицей оружия, нам стоит готовиться к тому, что банда обладает весьма серьезным арсеналом.

— Делла, это по вашей части, — сказал Крюгер и с надеждой поглядел на меня. — Вы ведь разведчик.

Как будто я сама не знала, что это по моей части. Крюгер выдал мне все материалы, касающиеся «ракетницы», и явно повеселел.

— Не подскажите, где сейчас можно разыскать вашего приглашенного специалиста по чипам? — спросила я на прощание. — Сайруса Вита, если не ошибаюсь.

— А что случилось? — уточнил Крюгер.

— Личный вопрос, эксперт.

Крюгер едва не поморщился, тут же сообразил, что будет неправильно понято, и извинился:

— Прошу прощения, спросил потому, что человек больно неприятный. Он не станет с вами разговаривать. Если на ваш вопрос хотя бы теоретически могу ответить я — с удовольствием отвечу.

— Какая жалость, Отто, — ответила я встречной любезностью, — мне самой приятней иметь дело с вами, но увы — надо вернуть ему одну вещь. К несчастью, передать через вас тоже нельзя.

— Да, понимаю. Загляните в инженерный, может быть, он там. По правде говоря, я понятия не имею, где этот фанфарон. Может, его вовсе нет в управлении. Он мне не докладывается.

— Хорошо, я поищу.

— И вот что, Делла. Послезавтра прилетает мать Бейкера. Ужасная особа, потребовала, чтобы перелет ей оплатила танирская полиция, равно как и проживание здесь.

— Но это справедливо — она ведь не по своей воле прилетает.

— О чем и речь. У нее один сын убит, второй на грани самоубийства — по крайней мере, уверяет в этом врачей, — а она считает, что в ее присутствии нуждается только полиция. И это мать!.. Так или иначе, я встречаю ее на космодроме. Ваше присутствие для меня желательно.

— О, конечно. Можете на меня рассчитывать.

Наградив Крюгера ослепительной улыбкой, я спустилась этажом ниже, во владения полицейских инженеров. Где располагалась лаборатория «технических устройств личного пользования», я знала. Заглянула — в помещении царил пустота, тишина и девственная чистота. Ла-адно, можно подумать, я не работала в полиции и не знаю, где торчат инженерные девочки, когда им нечего делать. Мальчики обычно торчат там же.

И точно: в закутке, оборудованном под чайную комнату, я нашла двух инженеров, трех лаборанток и незнакомого мужчину в штатском без бейджа. Ишь ты, выделяется, бейдж снял, вроде как он тут не гость, а хозяин. Он что-то с покровительственной улыбкой рассказывал девочкам, те восхищенно внимали, мальчики слушали, тщательно скрывая то ли скепсис, то ли недовольство. Ситуация банальна до пошлости: девочки сладко глядят на столичную птичку, птичка мнит себя соколом, выделяясь перед провинциальными

курочками, а мальчики, у которых то ли не хватает образования уесть федерала, то ли хватает воспитания этого не делать, молча копят злость. Один обернулся, кивнул мне:

— О, Делла, давно не виделись.

— Привет, Курт. В отъезде была. Привет, привет... — я поздоровалась со всеми, благо была знакома. Потом посмотрела на столичного гостя: — Агент Сайрус Вит, не ошибаюсь? Офелия ван ден Берг.

Он не встал. Только чуть переменял позу, мол, готов уделить внимание. Окинул меня взглядом с головы до ног. Да пусть смотрит, мне не жалко. Я ни капельки не сомневалась, что федерал мигом разглядел все, что я хотела показать, и даже угадал то, что скрывалось под жакетом. Решил небось, для него так разделась. Ну-ну.

— О, миз ван ден Берг, — отозвался он, явно не понимая, чего мне нужно. — Рад видеть, рад видеть.

— Мисс Берг, пожалуйста, — поправила я. — Вам говорил обо мне мистер Торн, Алистер Торн.

Федерал переменялся в лице. Тут же вскочил, засуетился, но опомнился, вернул себе солидный вид. Ага, поняла я, Алистер — фигура дико серьезная и влиятельная.

— Я искала вас на рабочем месте, в лаборатории, — на всякий случай добила я. — Собиралась уже уходить...

— Пойдемте, пойдемте, — федерал насупился и пошел в коридор. — Очень тяжелый день, к тому же я никак не могу привыкнуть к этим танирским суткам... Вы сами отсюда?

— Нет. Я родилась на Арканзасе, в нашем родовом поместье... наша семья, разумеется, и рядом не стоит со звездными принцами, но кое-какими владениями похвастаться может...

— Арканзас, да, — энергично перебил меня федерал. — Бывал там. Чудесный климат. Прекрасные люди. С достоинством, знаете ли.

— Этого у нас всегда хватало. Известно ли вам, что разрешение на постоянное проживание в колонии можно получить лишь через общественный совет?

— О как? Не в мэрии и не в канцелярии губернатора?

— Разумеется, сначала соискателю надо обратиться туда, потому что без соблюдения формальностей тоже никак. Затем испытательный срок, три года, после которого общественный совет выносит вердикт: нужен в колонии такой человек или нет. Нам, видите ли, дорог наш образ жизни.

— Да, да. А купить землю там, верно, и вовсе невозможно, только для старожилов?

— Ну что вы. Хотя, разумеется, смотря о каких площадях речь. Если для дома — без проволочек и в хорошем месте. На Арканзасе есть земля, выделенная конкретно под застройку.

— А если к дому хочется садик там, может быть, лужайку?..

— Ну разумеется. Как же без садика? До пяти квадратных километров — это считается «владение, не приносящее дохода».

— А-а, пять километров... И что, никто действительно не извлекает доход? Земли ведь достаточно, можно и скотину какую-никакую держать, да и поле...

— Для себя — пожалуйста. На продажу запрещено законодательно. Если вы торгуете сельскохозяйственной продукцией как производитель, владея землей категории «для личного пользования», вас оштрафуют. После второго штрафа может пойти речь о конфискации той части земли, которая используется для бизнеса.

— Сурово.

— Ну что вы. Деловой земли на Арканзасе тоже много. И на ней разрешена застройка. Поэтому бизнесмены обычно не берут землю для личного пользования — они покупают деловую, строят на ней дом и все, что хотят. Да, она немного дороже, зато никаких ограничений. Правда, для такой покупки у вас должна быть рекомендация от местного старожила либо вы должны прожить на Арканзасе не менее десяти лет и не иметь правонарушений.

— А ваша семья?..

— Что вы имеете в виду?

— Ваша семья тоже соблюдала эти унижительные требования?

О как. Уже унижительные.

— Нет. Нам рекомендовали эту покупку трое друзей моего деда — мэр, губернатор и сенатор от Арканзаса.

— Ах вот оно что...

Мы уже стояли перед дверью лаборатории.

— Вы не хотите впустить меня? — осведомилась я.

— Да-да, — спохватился федерал, — у вас же нет беджа.

Беджа — нет, правда. Зато есть постоянный пропуск, выданный Крюгером, о чем федерал и не подозревал. Федерал распахнул передо мною дверь, явно изо всех сил подражая где-то увиденным галантным манерам. Получилось у него вульгарно и некрасиво. Я промолчала, хотя на заметку взяла.

Если честно, мне глубоко безразлично, что мужчина думает о разнице полов и как корректирует свое поведение. Хочется ему каждым жестом подчеркивать, что он считает себя сильным, а меня слабой, — пусть. Но вообще-то приятно, когда мужчина следует обычаю, понимая, откуда он взялся. Большинство мужских услуг растут из тех времен, когда женщины носили длинные платья с турнюрами или юбками на обручах. В таком платье действительно трудно без опоры сойти по лестнице или распахнуть себе дверь. Тем не менее если мужчина продолжает «помогать» женщине, которая носит брюки или короткую юбку, он должен сам держать такую дистанцию, словно она в наряде восемнадцатого века. А когда он дверь открывает, но сам остается на проходе, это не галантность, а плебейская подделка.

В лаборатории я положила на стол свой временный чип. Федерал убрал его в карман, даже не проверив. Уставился на меня...

— Благодарю, — сказала я. — Надеюсь, вас не очень утомила эта дружеская услуга.

— Да ну что вы, — он покровительственно засмеялся. — Пустяк. Рад быть полезным. Постарайтесь больше не терять свой чип, а то ведь я скоро уеду...

— Терять? — я удивилась. — Это вы от мистера Торна услышали?

— Мм... ну, если честно, он ничего такого не говорил, да я и не спрашивал. И так понятно. Да ничего, ничего. Я понимаю, вам неловко, но я не из тех, кто выболтает ваши секретики. Ваша оплошность останется нашей тайной, не беспокойтесь.

— О, — только и сказала я. Подумала и светски улыбнулась. — Конечно.

— Передавайте привет мистеру Торну.

— Обязательно.

Он все стоял и глядел на меня. Взор был отчетливо масляным. Я сделала шаг к двери.

— Мисс Берг, а чем вы занимаетесь вечером? Мой рабочий день заканчивается в пять, и я вчера разведал тут в окрестностях неплохой клуб... Не желаете составить компанию?

— Нет, спасибо. У меня рабочий день ненормированный, я хожу на свидания только по выходным.

— Ненормированный? Впервые слышу, чтобы секретарша работала больше положенного. Тем более вы ведь секретарша не комиссара, а инквизитора. Неужели босс будет так жесток, что не отпустит вас на вечерок-другой? Думаю, ему самому пригодится дружба с федеральными агентами. А если вы опасаетесь за свою честь — заверяю, я получил отличное воспитание, с женщинами исключительно вежлив. Даже на курорте.

— Я не секретарь, а ассистент инквизитора, — проверку я закончила, все было ясно, и меня начал раздражать этот столичный хлыщ.

— Да неважно, как это называется... — федерал засмеялся. — Право, в любом случае у вас не может быть много работы. Танира спокойное место, ну какая работа тут может быть для инквизитора... небось, в лучшем случае слежка за неверным мужем. Мисс Берг, ну что вы кокетничаете, честное слово. Сами, небось, хотите провести вечер в приятном обществе. Просто цену себе набиваете.

— Если мне захочется приятного общества, к моим услугам всегда мой бывший муж —

Максимиллиан ван ден Берг, князь Сонно, — резко сказала я. — Агент Вит, если бы я ходила на свидания со всеми зазнайками, мне не хватало бы времени даже на еду, не говоря уж про сон. Каждый, кто мнит себя значительной фигурой, отчего-то пялится на мои колени и пытается осчастливить своим вниманием. При этом никто не задумывается, каков мой обычный круг общения и как любой заносчивый мужлан смотрится на этом фоне.

— Ах вот как вы заговорили.

— Любезность за любезность. Агент Вит, всего хорошего.

Я ушла, мысленно хихикая и строя предположения, в каких выражениях федерал постарается меня очернить перед сотрудниками инженерного отдела — а с кем еще ему тут болтать? Однако Крюгер точно прав: человек он гниловатый. Трудно сказать, какой специалист, но как работник плох. Нашел о чем думать на рабочем месте. Ей-богу, Бейкер и то воспитанней.

От Крюгера я отправилась в госпиталь, провести нашего повара. Он шел на поправку и мечтал поскорей вернуться к работе. Мне пришлось дать слово, что в его отсутствие я прослежу, как бы Август не слопап какую химическую бяку. Меня душил смех, потому что Август лучше поголодает трое суток, чем станет есть концентраты.

Выйдя на улицу, я задумалась. Совершенно не хотелось домой. Вчерашние прыжки вокруг Августа окончательно выбили меня из колеи. Меня тянуло в парк, я бы даже на аттракционе каком-нибудь покаталась. Да что там аттракцион, я бы с удовольствием провела остаток дня на пляже, в гордом одиночестве, подставив кожу ласковому солнцу. Крюгер прав, я остро нуждалась в бездумном отдыхе.

Мысль о пляже затейливым образом ассоциировалась с фоновыми размышлениями о банде, и меня осенило: знаю, как погулять с пользой для дела. Идея показалась мне столь блестящей, что я даже не стала уведомлять Августа. Ничего страшного, вечером отчитаюсь. Если я ему понадоблюсь раньше — позвонит, не маленький, чипом пользоваться умеет.

Я тут же вызвала живое такси и назвала адрес: поместье «Белая гора».

* * *

Наземная дорога вилась между живописными холмами. Узкая лента покрытия была первозданно гладкой, навстречу не попадалось машин, да и с попутчиками не повезло. Казалось, эта часть планеты совершенно безлюдна.

Я любовалась зелеными, испещренными белыми прожилками стволами местных сосен. Здесь деревья были старые, лет по семьдесят, нижние ветви давно отпали, и лишь на головокружительной высоте ровные колонны увенчивались перистой шапкой молодой хвои. Солнечные лучи пронизывали лес, порхали крупные осенние бабочки, собирая дань с цветов. Несмотря на ровный климат в этой зоне, смена времен года все-таки давала о себе знать, и цветы виднелись лишь на южных склонах. Скоро пройдет и их жизнь, и до самой весны глаз будет радовать темно-зеленая трава.

На горизонте уже показалась вершина, рядом с холмами казавшаяся горой. Она надвигалась, заслоняя небосвод.

— Белая гора? — спросила я у водителя-индейца.

Садясь в машину, я придирчиво осмотрела таксиста и даже попросила его выйти и сделать несколько шагов. Выходка Даймона, переодевшегося индейцем, задела мое самолюбие — теперь я проявляла параноидальную бдительность. Индеец, к счастью, был неподдельным и к моей просьбе отнесся философски.

— Нет, это Заячий холм. Гора за ним.

Дорога резко ушла в сторону, затем вильнула еще раз, огибая Заячий холм. И да, едва машина миновала его, я увидела гору.

В лучах солнца она почти блестела. Растительность скрывала ее неравномерно, тут и там зеленая ткань рвалась, выпуская наружу белые раны — похоже, выходы известняка. Или кварца. На западном склоне, над обрывом прилепилось причудливое строение. Никаких

признаков жизни я не заметила.

Еще пять минут — и дорога уперлась в сплошной забор. Рядом с воротами я увидела окошко, вышла из машины и поискала звоночек. Ничего не было. Я постаралась сквозь окно заглянуть внутрь — но глубокая тьма говорила, что окно изнутри завешено шторой. Ладно. Я вернулась на дорогу и осмотрела забор. Всего-то три метра. Я такое перелезу, даже не заметив. Но меня беспокоило, что не видно камер наблюдения. Не исключено, что вместо обычной системы тут стоит автоматическая, которая без вмешательства оператора избавляется от нежеланных гостей. Скорее всего, бьет их током.

— Эй, что тебе надо?! — послышался за спиной недовольный мужской голос.

Я обернулась. Окошко бесшумно открылось, и из него по пояс высовывался недовольный мужик. Именно что мужик — небритый, в мятой одежде, с ремнями кобуры на плечах.

— Добрый день, — вежливо сказала я. — Скажите, а это чудесное поместье доступно для осмотра туристами? Мне ужасно нравится эта горюшка. Я немного рисую и хотела бы написать пейзаж.

— Вали отсюда, пока цела, — посоветовал мужик и убрался обратно за окно. Створка поднялась, отсекая его от меня.

Понятно, чего ж не понять. Хотя и подозрительно. Все поместья открыты для гуляющих. Многие владельцы даже устраивают специальные туристические маршруты. Кто-то пускает любопытных бесплатно, кто-то берет плату — это личное дело. Но чтоб вот так хамски отшивать посетителей — это неспроста.

Разумеется, я не собиралась уезжать несолоно хлебавши. Надо было только договориться с таксистом, чтобы он отъехал за Заячий холм и подождал меня. Я вернулась к машине и села в салон.

— Назад, не спеша, — попросила я водителя. — Присмотрите место для комфортной стоянки.

— Хотите забраться? — внезапно спросил таксист. — Не стоит.

Я удивилась. Это было нарушение служебной этики, ведь таксистам нельзя обсуждать мотивы пассажиров.

— Почему вы так думаете?

— Здесь нет удобных мест. Раньше поместье было открыто для всех, даже экскурсии сюда возили. А в доме на горе был маленький отель. За горой озеро, хорошее, теплое. За озером цепь холмов, за нею — фермы, поля, сады. Фабрика концентратов. Лес растили на продажу. Вот эти сосны — они растут быстро, пять лет, и можно рубить. Потом два года на вырубке скот попасешь, и можно снова сажать. Скот хороший был. Большое хозяйство, очень. Пять тысяч работников. Я работал тут полгода. Десять лет назад. Платили немного, но зато без вычетов за еду и комнату.

— То есть поместье приносит доход?

— Тогда да. Я говорил с управляющим. Землю купили, потому что дешевая была. Хотели устроить тут бизнес — растить продукты. Здесь климат подходящий, выгодно на земле работать. Я даже видел стартовый стол — хозяева хотели возить еду на другие планеты.

У меня щелкнуло в голове.

— Стол... а корабли были?

— Этого не знаю. Все забросили, когда нормы экологические ввели. Поместье тогда продали задешево, по бросовой цене. А новый хозяин взял и занялся тем, чем хотел старый. Как раз тут стали отели строить, и он туда поставлял хорошую еду, натуральную древесину, ткани, все, что надо. А остатки на концентраты перерабатывал. Тогда здесь дороги строили, рабочих было много, хозяин взял подряд на снабжение. Говорили, хорошо заработал на этом. Я застал его. Умный был человек. Хваткий. Потом умер, а его вдова все испортила. Вот она поместье и заперла. Эта дорога — она для рабочих в поместье строилась, и для туристов. Всегда много машин было. Даже трасса для пролета была оборудована. И забора вообще не

было. Новая хозяйка гостей не любит и людей тоже. Правильно, гости шумят, а люди хотят, чтобы им платили по закону. Год назад уволила всех, кто работал на фермах. Люди по двадцать лет работали — она взяла и выгнала. Вместо них отребье какое-то наняла. Орков у нее много, они дешевые, а кормить можно концентратами, не нормальной едой, орки непривередливые.

— Но они не пользуются этой дорогой?

— Не-ет. Они там живут. В бараках. Там даже электричества нет. Зачем? На Танире тепло и светло, а орки все равно глупые, не умеют пользоваться энергией. И канализация им ни к чему, они в кусты ходят, а потом говорят, что гусениц там ели. Удобные работники. — Таксист помолчал. — В мое время сюда обращались за работой все индейцы, которые только приехали. Руки нужны были всегда. Кого хотите спросите — здесь каждый второй из танирских индейцев заработал первые деньги. Старый хозяин индейцев очень уважал. А если индеец после армии — брал, не думая. Потому что индейцы из армии — это точно грамотные и умеют обращаться с техникой. Здесь такое место было, про какое все наши знали. Мы старого хозяина уважали. Однажды новый работник, не индеец, обокрасть его пытался, так мы сами воришку изловили и наказали. Теперь там орки. Орки все испортят. Жаль, что из-за глупой и злой женщины хорошее дело погибнет.

— Как тебя зовут? — спросила я мягко.

— Кус, — ответил индеец охотно. — А вас я узнал. Вы мисс Делла Берг. Вы одному нашему квартерону помогли. Да, конечно, он орк, но все-таки бабушка у него из наших. И сам он парень что надо.

— О. А все уже знают?

— Да. Индейская почта, — объяснил Кус. — Мы всегда обмениваемся сведениями о людях. Важно знать, кто живет с тобой рядом.

Я уважительно подняла бровь.

— Кус, тебе не доводилось слышать, что в поместье возят много бытовой техники? Возможно, кто-то из твоих коллег возил... Большие такие коробки, тяжелые, из офиса в Сити, — и сюда. Не слыхал?

— Я не возил, нет. У меня две машины для работы, эта и полугрузовик. А мой друг возил. Только не сюда, а в городскую часть. Поместье большое, сюда выходит один край, а другой — в городе. Там господский дом, сады красивые, парк. Туда возили многие. Всегда ночью. По две, три коробки. Еще в один дом в городе возили, из того же офиса. Я даже думал — зачем в доме столько холодильников? В поместье еще понятно, может, это новое оборудование для фабрики. Ночью — потому что ночью дешевле.

— Кус, ты мог бы выполнить одну мою просьбу? Спроси у своих коллег, кто возил, сколько, когда. Кто заказывал машину, кто грузил коробки, кто принимал груз на месте. Если кто-то согласится дать показания — не в полиции, а инквизитору, — было бы хорошо.

— Спрошу, — кивнул тот. — А что, эти коробки — они с преступлением связаны или как?

— Трудно сказать, — уклончиво ответила я. — Надо знать, что в них было. Может, действительно оборудование.

— А я могу сказать, что это преступление? — оживился индеец. — Если так скажу, наши захотят к вам прийти. Точно захотят.

— Такая жажда справедливости?

— Нет. Мы новую хозяйку поместья не уважаем. Плохая женщина. И злая. Парень у нас был, Сал, культурный, и водитель высшей квалификации. Его всегда посылали на заказ, если детей возить надо было. Или болеющих людей, или беременных женщин. Год назад он вез с космодрома четверых — старика, двух женщин и ребенка. Заехал в тоннель, встал на автопилот. И его вплитирку обогнала машина, которая шла на ручном с превышением скорости, прыгала из ряда в ряд. Есть такие любители, драть их некому... Сал от столкновения ушел, опытный ведь водитель, а та машина подрезала впереди идущую, там неумеха за рулем был. И еще одну. Началось цепное торможение на автомате, а в потоке

лишняя машина на ручном скачет, и радары ее оценивают как внезапное препятствие. Скорость потока двести пятьдесят — и когда автопилоты программировали, никто не думал, что в тоннелях будут идиоты вышивать и радары на машинах сводить с ума. В общем, все схватились за ручное и заметались туда-сюда. Сал вывернул, а сзади машина не успела и врезалась в него. Всего шесть машин столкнулось. Сала выбросило в стену. Сам стал инвалидом, старик тот погиб, и одна женщина еще долго выздоравливала. Ребенка-то спас, и вторая женщина только ударилась немного. На том участке камеры не работали, профилактику им делали. Две машины, что впереди были, подрезанные, уехали, а задние не видели, что Сал не виноват. Его хотели судить. Нашлась одна женщина, из Оаквилля, которая пришла в полицию и сказала: я видела, его спровоцировали, не он виновник. Строгая женщина, ее в Оаквилле уважали все. И законы знала. Она запомнила ту машину, ее нашли. Это машина — миссис Ахири. И за рулем она была. Она всегда так ездит, как будто одна на дороге и ей все можно. На суде всех оскорбляла, а ее только к штрафу приговорили, к очень большому, потому что она ведь не сама врезалась, она никого сама не задела. Заставили и лечение оплатить для пострадавших, и компенсацию выплатить. Сал теперь работать не может, пособие получает. Разве это хорошо? И если миссис Ахири в преступлении замешана, наши все помогут наказать ее.

Я достала свою визитку, протянула Кусу:

— Возьми. И можешь говорить, что замешана. Но возьми со своих слово, что они никому этого не разболтают, а то в новостях сплетни пойдут. И вот что, Кус: давай-ка к управлению полиции.

...Наверное, Крюгер очень удивился, когда я влетела в его кабинет, не постучавшись.

— Отто, — быстро сказала я, — мне нужны материалы по аварии годичной давности. В тоннеле столкнулось шесть машин, были трупы. Виновница — миссис Хента Ахири.

Крюгер задумался.

— Деталей не помню, но сам случай, конечно, знаю. Сейчас. — Он позвонил секретарше и попросил найти дело в архиве. — Делла, — он чуть нахмурился, — это важно?

— Кажется, да. Но не уверена. И вот что еще, эксперт: можете дать мне для ознакомления полное досье Хенты Ахири?

— Гм, — Крюгер аж крикнул. — Вообще-то не могу. То есть я могу дать вам справку или выдержку из ее досье, если будет запрос... Но...

— Эксперт, — я улыбнулась, — вы же понимаете, я не из праздного любопытства.

— Да все я понимаю. Тут... — Крюгер покрутил пальцами. — Вам срочно?

— Желательно.

— Погодите, Йен вернется. Ему всяко за самостоятельность выговор будет, терять нечего.

— О, — я улыбнулась еще шире. — Я подожду.

Секретарша прислала дело, и я буквально сразу увидела то, что меня интересовало: свидетельницу из Оаквилля звали Гретой Шульц.

* * *

Дома кипела жизнь. Завалы после взрыва разобрали еще вчера, а сегодня бригада строителей уже возводила новые стены. Я немного полюбовалась тем, как спорится работа, помечтала — а вдруг уже через два-три дня я смогу вернуться в свою спальню? — и отправилась на поиски босса.

Босс, как и я предполагала, без работы не мог. Он оборудовал себе временный кабинет напротив спальни и уже вел прием посетителей. В коридоре стойко воняло пожаром, я подозревала, что выветривать запах придется дольше, чем восстанавливать здание. Распахнув дверь, я застыла на пороге: посетителем Августа был Максимилиан ван ден Берг собственной персоной.

Август и Макс выглядели как два банкира, только что заключившие выгоднейшую

сделку, а вовсе не как люди, при последней встрече едва не подравшиеся. Я осторожно обошла Макса, села в резервное кресло — поставить рабочий стол для меня Августу и в голову не пришло.

— Добрый день, — нейтрально сказала я Макс.

— Уже почти вечер, — лаконично отозвался он. — Дорогая, твой наряд сногшибателен. Мне уже позвонили из полиции и в красках расписали, как ты забила под плинтус наглого федерала.

Я скосила глаза на Августа.

— Это нерабочая встреча, — он слегка повел рукой в сторону Макса. — И что, этот федерал так плох?

— Еще хуже, чем думалось Крюгеру.

— Нам же проще, — сделал вывод Август. — Макс, я надеюсь, мы друг друга поняли.

— Как нельзя лучше, — согласился Макс. — Должен отметить, мне нравится твоя идея. Я никогда еще не получал таких соблазнительных предложений.

Я следила за ними с растущим беспокойством.

— Тебе Делла еще нужна сегодня? — спросил Макс весьма дружески. — Я бы хотел предложить ей свое общество на вечер, ночь и раннее утро. Думаю, что спать в моем номере ей точно будет комфортнее, чем в разгромленном доме. Обещаю вернуть к началу рабочего дня. Кстати, поскольку номер у меня шестикомнатный, ты тоже можешь присоединиться. Портвейн все равно кончился. А то вы оба выглядите так, как будто год не спали и с рождения не ели.

— Макс, ценю твое великодушие, — ответил Август. — И с радостью бы воспользовался твоим приглашением. К сожалению, у меня распланирован сегодняшний вечер, и Делла мне понадобится. Однако я готов дать Делле два выходных, скажем, послезавтра. Буду признателен, если ты свозишь ее на море.

— Два выходных, — фыркнула я. — А банду кто ловить будет? Нет уж. Поймаем и отдохнем с чистой совестью.

— Ну, если бы ты получила отпуск на пару недель — и нормальный, а не то издевательство, какое было до Эвереста, — я бы подождал. Могу даже забронировать коттедж на Кларине, — предложил Макс. — Чтобы отдохнуть по-человечески.

— Вот еще, бронировать, — скривился Август. — Так поедете. Надеюсь, в моем доме вам тесно не покажется. Меня все равно не будет, я на Фонтэн хочу слетать, одно интересное мероприятие намечается.

Я слушала и не верила своим ушам. Что за чертов спектакль?! Кого они вообще пытаются обдурить? Меня, что ли?

— Очень жаль, — Макс поднялся, прощаясь, — что сегодня ничего не выйдет. Тем не менее других планов у меня нет, поэтому если вдруг получится — буду рад видеть вас обоих.

Он ушел. Я дернулась было проводить, но Август взглядом удержал меня.

— Что происходит? — возмутилась я.

— То, что ты видела. Я пригласил Берга и сделал ему привлекательное деловое предложение. Он удивился, но принял его. К банде и к прочим нашим делам оно не имеет отношения.

— Это ты сказал, чтобы я не расспрашивала? Я могу у Макса спросить.

— Он не скажет тем более.

— А если...

— Тогда я действительно попрошу тебя не задавать никаких вопросов, — отрезал Август таким тоном, что я чуть не обиделась.

— Ты даже рабочий стол для меня не поставил! — выпалила я.

— Тебе не придется работать в этой комнате, — парировал Август. — Если выдастся свободное время, лучше отдохни. Кстати, я тоже не хочу тут работать. Пошли к бытовке, там можно работать и пить кофе, не отвлекаясь.

По дороге я коротко отчиталась о поездке. Федерал Августа не заинтересовал, как и арбалетчик; а вот тема вооружения банды вызвала минутное оживление. Казалось, Август даже обрадовался, что у банды «на балансе» столь серьезные аргументы.

— Август, насколько я понимаю, у них есть сообщник среди военных, — предположила я. — Ну, не сообщник, но человек, который продает им ворованное оружие. Не сами же они грабили склады! На такое никаких орков не хватит, даже самых диких.

— Безусловно, — подтвердил Август. — Тем более что о таком ограблении немедленно раструбили бы в новостях.

— У меня есть идеи, конечно, как поступить... — протянула я.

— Надеюсь, ты не считаешь, что на этого оружейного посредника банду вывел Даймон?

— Исключено. Слишком дорогая услуга. При этом, заметь, сам Даймон ни капельки не побоялся объявить банде войну. Будь у них действительно серьезное оружие, он работал бы на порядок осторожнее.

— Вот именно. Делла, этим направлением я займусь сам. Что еще? Тебя не было почти целый день, вряд ли ты ограничилась только теми распоряжениями, какие я дал.

— Я наведалься в «Белую гору».

Я обстоятельно поведала все, что узнала. Август слушал вполуха и мыслями витал в облаках. Однако, когда я замолчала, он энергично кивнул:

— Прекрасно. Значит, ты предполагаешь, что Грету Шульц убили из личной мести?

— По крайней мере, это хоть какой-то мотив.

— Пожалуй, соглашусь. Я тоже пришел к выводу, что ее заказали по поводам, никак не связанным с бандой. Три жертвы банда выбрала весьма рационально, а вот самую первую убили по капризу.

— Но тогда получается, что наш искомый Аристократ — это Хента Ахири. Потому что понятно ее желание убить Грету Шульц, но непонятно, как она убедила Аристократа выполнить ее мечту.

— Любовники, — предположил Август.

— Ага, и она в паре играет подчиненную роль. Ты вспомни, он ведь прислал ее к нам выведывать насчет оркушки. И она побежала!

— Ничего не значит. Разумеется, я не предполагаю, что он уступил ее просьбе из любви. Думаю, секс в их отношениях присутствует, но вот любовь там невзаимная — Аристократ пользуется милостями Ахири, однако сам к ней не привязан. Возможно, ему требовалось заручиться расположением Ахири. Видишь ли, такие отношения складываются в ситуации, когда один партнер зависит от другого материально. Тогда зависимый пытается стать властелином эмоциональным — чтобы просто не быть рабом.

— Вариант, — признала я. — Единственное, что меня смущает, — в досье Шульц нет никаких упоминаний о ее участии в процессе, хотя она была ключевой свидетельницей. И ее родственники ничего не сказали.

— Ты устала, — внезапно догадался Август. — Делла, Грета Шульц покидала Оаквилль крайне редко. Каким образом она оказалась в тоннеле? — и продолжал рассуждать: — У нее был отпуск. Отпуск она традиционно проводила на Круглом озере. Ее внезапно вызвали на работу. Где была авария? Правильно, в тоннеле под Лесным. Как раз по пути от Круглого озера в Оаквилль. Особой болтливостью Грета Шульц не отличалась. Сослуживцам ничего не сказала, потому что нечего отвлекаться от работы, а мужу — чтобы не портить отпуск. Что касается личного досье, то убрать из него какой-то факт — куда проще, чем подделать чип. Поэтому данные в архиве дорожной полиции сохранились, а из досье их вычистили, чтобы не давать указаний на убийцу. Почему Крюгер проглядел этот момент — спроси его сама. А ведь достаточно было дать расширенный запрос вместо стандартного.

— Ты прав, — сдавленно признала я, — могла бы сама догадаться. Уже тупею от усталости.

— Ничего. Сегодня выпишься как следует — и все пройдет. Надеюсь, ты не думаешь, что я вправду отпущу тебя на отдых с Бергом?

Я кашлянула.

— Нет. Я думаю, что у тебя был тайный план.

— Я хотел усыпить бдительность Берга. На самом деле я подумал: ты ведь давно не навещала своих родителей...

— О! — рассмеялась я. — Ты мечтаешь собственными глазами взглянуть на бумаги Кузнецова?

Август смутился:

— Только посмотреть. Ты можешь попросить их у брата на время?

— Они у отца. Конечно.

— Чудесно. Заодно отдохнешь. На Арканзасе тебе точно ничего не угрожает.

До бытовки мы так и не дошли. Августу позвонил Тед и сообщил, что явилась посетительница. Мы вздохнули и пошли назад.

* * *

Она приехала на живом такси. Машина стояла буквально у самого фундамента разрушенной части здания, мешая рабочим. Но женщине и в голову не пришло подвинуться. Она застыла подле машины, зачарованно озирая развалины. Высокая, с густой гривой каштановых волос, постриженных точно так же, как у меня. Макияж, стиль одежды — как будто моя безумная поклонница, слепо копирующая каждый шаг в надежде стать частицей кумира. К груди она прижимала коробку с яркой картинкой — красная машинка.

Джиллиан Фергюсон собственной персоной.

Вот какие планы были у Августа на вечер.

— Вы не очень-то спешите, — бросила она мне. — Персоналу следует быть расторопней, если он желает сохранить место. Я устала вас ждать. Проводите меня к лорду Маккинби и позаботьтесь о моем багаже.

Я молча рассматривала ее. Да, Алиша права. Эта гадюка действительно подделывается под меня. Даже волосы в мой цвет перекрасила и машинкой обзавелась.

— Я ассистент инквизитора, а не прислуга, — ответила я спокойно. — Если вы желаете попасть на прием, не мешало бы сначала представиться.

Она окинула меня презрительным взглядом:

— Милочка, вы кто такая? В моем доме прислуга раскрывает рот, если я ей это позволяю, и никак иначе. Не дорожите работой? Нет проблем. В мире полно смазливых дурочек, которые с радостью вас заменят.

— Мое имя — Офелия Гвиневера ван ден Берг, — со спокойным торжеством, памятуя о ее незадавшемся романе с Максом, ответила я. — Думаю, вам оно знакомо.

— В таком случае, вам известно и мое. Не умничайте, а то попадете впросак.

Неизвестно, чем кончился бы наш разговор, поскольку мне было весело, я даже и подраťся бы не отказалась, но тут по временной лестнице спустился из своего флигеля Август. Спустился — и замер, глядя на гостью.

— Лэн? — удивился он. — Какими судьбами?

Гадюку мигом как подменили. Она вся превратилась в сплошной поток симпатии и восторженности. Ручонки прижали коробку к груди так крепко, словно это было детское сокровище, глазки доверчиво распахнулись, на губах заиграла робкая улыбка. С таким видом, словно я испарилась, она просеменила к Августу, став даже ниже ростом, поднялась на цыпочки и чмокнула его в щеку.

— Зандер, — проворковала она, — мне нужен твой совет. Без тебя никак, ты главный специалист в этой теме... Вот, — она протянула ему коробку. — Мне предлагают ее купить, но я боюсь ошибиться. Ты ведь разбираешься, можешь сказать, насколько эта модель ценная и редкая? Мне объяснили, что она уникальная.

Мне стало больно: гадюка догадалась, какой ключик подходит к его сердцу. Однако Август даже не заглянул в коробку.

— Где ты остановилась? — спросил он.

— О, пока нигде...

У тебя она остановилась, могла бы сказать я. Вон, уже распоряжается о багаже ее позаботиться.

— Я надеялась, что ты приютишь меня у себя, мы ведь родственники и давние друзья, — лепетала Джиллиан. — Мне так неуютно в отелях... знаешь, я побаиваюсь одиночества, мне постоянно угрожают... ты ведь мне поможешь?

Август коротко кивнул. По его лицу нельзя было сказать, рад он или нет. Обычный чем-то озабоченный Август.

— Делла, — позвал он, — скажи Теду, чтобы приготовил одну из комнат в бытовке. Лэн, пойдем, расскажешь мне подробно обо всем. Прости, что у меня такой разгром...

Он увел ее во временный кабинет. Я не подавала виду, что взбешена. Какую, простите, комнату ей приготовить?! Он что, забыл, — в бытовке только две комнаты, в одной живет он, в другой я! И какую из них прикажете уступить гостье? Оно конечно, им двоим одной комнаты более чем достаточно, только Август велел поселить даму отдельно. Ну да, конечно, он же джентльмен. Дама должна иметь возможность выспаться после любви. А я могу ночевать хоть в собачьей будке, до моих трудностей ему дела никакого.

Ну ничего, ничего. Война придет, все всплывет. Зато теперь не нужно гадать, будет контракт продлен или нет. Да я сама не хочу его продлевать!

Я почти добежала до бытовки. Быстро собрала все личные вещи, вызвала такси. Как хорошо, что формально мой рабочий день закончился. Я позвонила Теду и попросила убраться в бывшей моей комнате, здесь будет жить гостья. А я со всеми удобствами поживу в городе. Благо Макс меня не променяет ни на что и ни на кого. Ни на красную машинку, ни на Джиллиан Фергюсон.

А Август Маккинби пусть катится к черту.

* * *

Макс открыл мне дверь и забрал две сумки с вещами.

— Неожиданно, — только и сказал он. — Тебе точно хватит этого количества барахла на одну ночь?

Я засмеялась:

— А завтра будет еще. Это не на одну ночь. К Августу приехала гостья, и для меня места не осталось. Физически.

— Интересно.

— Джиллиан Фергюсон.

— О! — Макс застонал. — Этот кретин все-таки связался с ней!

— Ну, зато я хоть поглядела на нее. И вот что скажу: если у человека патологическая страсть купаться в отходах жизнедеятельности — я ему не доктор.

Макс покивал.

— Что тебе нужно прямо сейчас? И какие планы на вечер?

— Мне нужны ванна и чай. Планов никаких, сам придумай. Если что, у меня с собой то серебряное платье, которое тебе так понравилось.

Я сбросила туфли и босиком прошлепала в ванную комнату, по дороге снимая одежду и кидая ее на пол. Пустила теплую воду в огромную, под габариты Макса, ванну, со стоном залезла в нее и вытянула ноги. Пришел Макс, настроил для меня подставку под затылок, потом принес чашку свежесваренного чая — с листком мяты, кусочком лимона и тремя ягодками земляники. Помнил ведь, что я люблю...

У меня остро сжалось сердце. Это был наш обычай. Возвращаясь после миссии, я сдавала рапорт, а потом ехала к Максиму. Я забиралась в ванну, он приносил мне чай, потом

массировал ступни, плечи, затылок... Удивительно, но Макс прекрасно готовил. Мы ужинали его стряпней, потом спали, занимались любовью, снова спали, утром шли в парк или на озеро... Неужели все еще можно исправить?

Я сама не заметила, как по щеке скатилась слезинка. К счастью, Макс отвлекся на мои щиколотки, а я тут же плеснула воды себе в лицо.

Все. Сегодня я отдыхаю. Завтра я обговорю с Августом формальности и через несколько дней буду совершенно свободна. А убедить Макса жить на Земле, в его мадридском доме, а не на Сонно — проще простого.

— Я заказал столик в «Венеции», — сообщил Макс. — К десяти вечера. Но если тебе хочется тишины, можем поужинать здесь.

— Ну вот еще. С удовольствием пойду.

Макс неуверенно и трогательно улыбнулся. В этот миг я поняла, как сильно он тревожился — что я настроена враждебно, что не приму его раскаяние... Да, он действительно раскаивался за сцену, устроенную два дня назад. Макс, когда чувствовал себя виноватым, никогда о том не говорил, не рассыпался в сладких речах, а вину заглаживал делом. И поэтому я тоже не стала напоминать, как безобразно он себя вел, а вместо того ответила ему улыбкой.

Мы собирались в ресторан, обмениваясь шутками, как влюбленные. Макс то и дело прикасался к моей руке, плечу, волосам — словно убеждался, что я тут, не приснилась ему. И мне было чертовски приятно. Мы ехали в салоне живого такси, Макс перебирал мои пальцы — ласково, так осторожно, будто они из цветочных лепестков были. Мы прошли сквозь переполненный главный зал «Венеции», собрав десятки восхищенных и завистливых взглядов, и я могла бы поклясться: другой пары, способной соперничать с нами в красоте и элегантности, в ресторане не нашлось бы. Да что в ресторане! Мы лучшие, лучшие на всей планете, а может быть, и во всем мире.

Наш столик был на одноместном балконе. С боков его скрывали гирлянды вьющихся растений, а внизу мерцал декоративный бассейн.

— Самое тихое место, — пояснил Макс. — Если захочется блеснуть — пойдем танцевать. Я к твоим услугам.

— Ты уже научился танцевать? — мягко поддела я.

Макс с усмешкой вскинул бровь:

— Представь себе, и неплохо.

Я засмеялась, вспомнив наш диалог на вечеринке у Тэгги. Теперь мы поменялись ролями.

— Ты не бойся осаживать меня, — говорил Макс. — Я за собой знаю, что самонадеян. При этом, естественно, как все самонадеянные люди, считаю, что мастерство не пропьешь. Хотя мне столь же хорошо известно, что квалификация теряется очень быстро — когда за год, когда за три. Я слишком давно не танцевал с приличными партнершами. Сам не понимал, насколько топорно выглядят мои движения. Ну, что... — он пожал плечами. — Записался в клуб, взял несколько уроков, вроде бы восстановился. Впрочем, чуть позже ты сможешь оценить, насколько адекватно я отношусь к своим достижениям.

Вечер был чудесен. Макс обволакивал меня своей харизмой, я ослепительно улыбалась ему и не видела вокруг ничего. Бесшумно сновал официант-человек, меняя блюда, я наслаждалась происходящим. Мне портил настроение единственный факт: я понимала, что пришло время для серьезного разговора.

Когда-нибудь я должна сказать об этом. Иначе наши отношения, и без того подточенные недомолвками, испортятся окончательно, потому что в них войдет ложь.

— Макс, — я отодвинула тарелку и поставила локти на стол. — Что бы ты сказал, если бы узнал, что у меня есть недостаток или даже порок, о котором тебе доселе ничего не было известно? Смог бы принять меня?

— Гм, — он посерьезнел, но взгляд остался лучистым. — Честно говоря, я даже выдумать не могу, чем ты могла бы отпугнуть меня. Ты решила обзавестись порочной

страстью?

— Но все-таки?

— Делла, не наговаривай на себя. Что бы ты ни выдумала, меня оттолкнуть не сможешь. Даже если я внезапно узнаю, что ты подарила девственность родному отцу, из-за чего и боишься бывать дома.

Я рассмеялась.

— Считаешь, это единственный порок, который может быть свойственен женщинам?

— Послушай, я тоже не ангел, — примиряюще сказал Макс. — Одна эта моя опухоль чего стоила... Начистоту? Я даже не знаю, чем кончались мои вспышки. Я ничего не помню после приступа. Насчет пары случаев есть сомнения. Но дело было на Сонно, мать сказала, что я кого-то поцарапал, но пострадавшему заплатили, он уехал и дал слово никогда не показываться мне на глаза. У меня нет гарантий, что это правда. По крайней мере, я не удивлюсь, если когда-нибудь нарисуетя шантажист с доказательствами, что я кого-то убил. И опять — недавняя моя вспышка напугала меня самого. Маккинби молодец, вовремя сообразил, что меня надо гасить. Я уже записался к врачу, надо убедиться, что это просто дурной характер и пьяный кураж, а не рецидив опухоли. Ну или наоборот — убедиться, что это рецидив, быстренько прооперироваться и вернуться к нормальной жизни. И как ты думаешь, зная за собой такой порок, могу ли я в чем-то упрекать тебя?

— А если за мной водится нечто такое, из-за чего не сможет сбыться твоя мечта?

Макс пожал плечами:

— Делла, у меня есть только одна настоящая мечта — чтобы ты была со мной. Мне нужна ты. Только ты. От любой другой мечты я откажусь с легкостью — если встанет выбор, мечта или ты. Ты, наверное, думаешь, я дорожу тем, что имею. Но я отброшу что угодно, лишь бы ты была со мной. Мне ничего не нужно, если в моей жизни не будет тебя. Просто когда тебя нет, я не живу, а существую.

Я моргнула, смахивая невольные слезы. Макс протянул руку и накрыл мою ладонь:

— Делла, я люблю тебя. Я всегда буду с тобой. Что бы ни случилось.

— Спасибо.

— Ты поэтому старалась оттолкнуть меня? Знала за собой что-то и думала, что я не приму тебя?

— Честно говоря, да.

— Забудь. Даже если выяснится, что ты киборг или вообще андроид, — этим меня не испугаешь.

Он тихо гладил мою кисть, улыбался, а я глотала слезы. Как же все-таки сильно я недооценивала его. Или наоборот — оценивала по достоинству, просто считала, что он заслужил лучшего, чем житье калеккой.

— Делла, — негромко и проникновенно позвал Макс. — Если я могу тебе помочь... Если ты боишься, что выскочит какой-то некрасивый факт биографии, — я заткну рот любому шантажисту. Кем бы он ни был. Хоть моим родным отцом. За себя биться не стал бы, а за тебя — буду. Если же ты страдаешь от какой-то болезни... я знаю, это ужасно, когда чувствуешь себя неполноценным, сам через это прошел, характер от этого портится дальше некуда, смотришь на людей и злишься оттого, что не можешь жить так же свободно, а они, идиоты бесчувственные, не видят, как тебе больно... Когда бесит, что любому дураку доступно то, о чем ты, такой хороший, не вправе и мечтать... Делла, если так — мне помогли, и тебе помогут. Не бывает безвыходных положений.

Я молчала. Макс оправдал мои надежды. Он был именно тем человеком, который мне нужен, который способен понять меня и принять такой, какая я есть.

Он попросил официанта принести шампанское. Я смотрела на угасающий закат сквозь бокал, в котором играли радужные пузырьки, а Макс любовался мной. Черт возьми, как же мне все-таки повезло с ним. Когда мы поженились, я была слишком молода, да чего там, почти ребенок. Поэтому и не справилась с бедой. Я не умела еще ценить чужую любовь. Не верила в нее. Родители меня любили, но всерьез не воспринимали — хорошенькая девочка в

солдатской семье, ну кто будет связывать с ней какие-то фамильные надежды? Я всю жизнь доказывала семье и миру, что чего-то стою. И Макс тоже доказывала. У меня в голове не укладывалось, что он мог полюбить меня сразу и глубоко, полюбить с уважением, а не как симпатичную куклу, слишком невинную, чтобы считать ее равной. Я пыталась доказать ему, что я не вещь, — а он не понимал, отчего я бунтую, потому что именно вещью никогда не считал.

— Ты никогда не говорила, что любишь меня, — сказал он внезапно, и тон его был просительным.

— Не умею, — объяснила я честно. — Никогда и никому этого не говорила. Даже родителям. Но я научусь. Научусь говорить это — тебе.

— Спасибо, — прошептал он, поднялся, подошел и поцеловал меня.

Мы спустились вниз, на танцпол, и я по достоинству оценила его старания — двигался он уже очень ловко, и мы как-то сразу поймали общую волну, не пришлось подстраиваться друг под друга. Потом мы сидели у бассейна — того, декоративного, что располагался под нашим балконом. В ресторане их было два, в большом разрешалось купаться, а в этом, маленьком, нет. В прозрачной воде, словно в воздухе, парили рыбки, больше похожие на орхидеи, в нежном свете донной иллюминации чешуя горела золотом и рубинами.

— Может быть, пойдем доедим? — предложила я. — А то у меня разыгрался аппетит.

— Если хочешь, нам принесут все сюда.

— Нет, мне больше нравится на балконе. Там уютно.

Мы поднялись, нам подали горячее. Я не успела проглотить ни кусочка.

На чип пришел вызов с незнакомого номера.

* * *

В первую секунду я хотела включить режим «отложить звонок». В конце концов, я имею право провести этот чудесный вечер только с Максом, не впуская в наш мирок никого другого. Потом все-таки посмотрела на ярлычок. Миссис Лиана Серви. Я моргнула, потом вспомнила ее — хозяйка игрового салона в Третьем квартале. Того салона, в котором эльф Джон Смит опознал Адама Бейкера и тем самым приговорил себя к смерти.

— Отвечу? — спросила я у Макса. — Может, она скажет что-то по банде. Я понимаю, что вечер, но...

— Никаких проблем. Нельзя бросать дело незаконченным. Обещаю не вмешиваться.

Я развернула наладонник и приняла вызов. Монитор вспыхнул, показав молодую взволнованную женщину.

— Мисс Берг, простите, что отвлекаю... — она оценила мой наряд, все поняла. — Простите еще раз, кажется, я не вовремя, но случилось нечто экстраординарное. Может быть, я ошибаюсь, но мне показалось так подозрительно, к тому же... Мисс Берг, я прошу вас встретиться. Как можно быстрее. Я объясню, непременно объясню, но...

Я вопросительно посмотрела на Макса. Он кивнул.

— Подъезжайте в ресторан «Венеция», — сказала я. — Скажите метрдотелю, чтобы проводил вас на балкон, мы будем вас ждать. Я не одна, но, если у вас какой-то очень интимный разговор, можно будет выкроить десять-пятнадцать минут.

— Нет-нет, не очень интимный. Просто я действительно беспокоюсь. Видите ли, я хорошо знаю, что собой представляет эта женщина... Я подъеду через двадцать минут.

Она отключилась.

— Надеюсь, «эта женщина» — не Джиллиан Фергюсон, — только и сказала я.

— Мало ли на свете стерв, которых остальные называют «эта женщина», — парировал Макс. — Но если это связано с твоей работой — обещаю не задавать глупых вопросов и не заниматься самодеятельностью.

Я усилием воли заставила себя вернуться в наш вечер. Мы поели, хотя уже без прежнего чувства, будто мы — одни во всем мире и Вселенная принадлежит нам.

Через двадцать две минуты метрдотель провел к нам аккуратно, но не празднично одетую женщину, с гладкой прической, встревоженную.

— Мисс Берг, еще раз простите, — торопливо проговорила она и уставилась на Макса как завороченная.

— Максимилиан ван ден Берг, — лениво представился он и протянул руку. Лиана Серви недоверчиво ответила на рукопожатие. — Я не помешаю вам?

— Н-нет, — выдавила она и осторожно села, все еще поглядывая на него. — Мисс Берг, и вы, сэр, простите, что мой вопрос бестактный, но он очень, очень важный... Мисс Берг, вы давно знаете вашего спутника?

Я удивилась.

— Чуть больше семи лет. Мы были женаты.

— Ах, — она выдохнула, улыбнулась. — Конечно, тогда вы знаете и его семью, и друзей...

— Разумеется, — вместо меня ответил Макс. — И моих преподавателей, поскольку учились мы в одном университете.

— Тогда простите, простите. Я все объясню. Вот, — она положила на стол карточку. — Здесь — фрагмент записи с камер в моем салоне. И с рамок.

Я разом поняла, о чем пойдет речь. Всякое веселье с меня как рукой сняло, подобрался даже Макс.

— Сегодня в салон зашла миссис Хента Ахири. Вам ее имя, наверное, ничего не скажет...

— Владелица поместья «Белая гора», — отозвалась я.

— Ну, она не владелица, — поправила Лиана Серви. — Она всем старается показать, что вся из себя деловая женщина с имуществом, но на самом деле поместье унаследовал сын ее мужа. А Хента просто живет тут, что-то делает, ей не мешают, потому что себе дороже. В самом деле, что подумают люди, если пасынок выгонит мачеху на улицу? Притом что она давно заслужила это. Но все, конечно, осудят ее пасынка. Я должна вас предупредить: у этой женщины очень дурная слава. Очень. Я не встречала пока никого, кто отзывался бы о ней хорошо.

Да уж, я тоже. Танира как сговорилась. Ну или тетка была на редкость сволочной особой.

— Два года назад я судилась с ней.

— Надеюсь, не из-за автомобильной аварии?

— О нет. Хотя я знаю, у нее бывали неприятности из-за ее манеры ездить. Нет, из-за куска земли. Этот участок — тот, на котором мой дед построил дом. Я сейчас живу в городе, но туда езжу на уик-энд. А рядом — запущенный парк. На него у Хенты Ахири права столетней аренды. У нее была какая-то бредовая мечта устроить там заповедную зону, разводить диких животных, а для этого надо было перекрыть подъездную дорогу. Но пока там стоит мой дом, она не имеет права. Она пыталась выжить меня угрозами, потом подала в суд. Суд я выиграла, и Хента потом целый год мстила мне. Даже попытку поджога устроила. Понимаете теперь, как я к ней отношусь? Я не жду от нее ничего хорошего. И сегодня она заходит в мой салон! Конечно, я подумала... всякое. Я решила, что она не уgomонилась и затевает очередной подкуп. Потом я сообразила: она ведь может и не знать, кому принадлежит салон. Когда мы судились, я была не замужем и носила другую фамилию. Но что она сама делает в Третьем квартале? Это ведь очень далеко от ее городского дома.

— И что же она делала?

— Вы знаете, она приехала не одна. С мужчиной. Довольно высокий, стройный такой, тонкий. Волосы красивые, золотистые. Лицо такое, как яйцо — с высоким и широким лбом, но не чрезмерно, и довольно острым подбородком. Но приятное лицо. Губы выразительные. Больше ничего сказать не могу, на мужчине были темные очки, и в салоне он их не снял. Ни к чему руками не прикасался. А Хента к нему прямо как кошка льнула. В глаза — в очки, в смысле, — заглядывала, улыбки расточала. Знаете, прямо смотреть противно было. Ужасно,

когда женщина так ведет себя прилюдно. И она купила игрушку. Точнее, не игрушку — а вполне рабочий тренажер-симулятор. Вы не поверите: тот же самый, какой приобрел тогда мистер Бейкер и какой потом заказали вы. За покупку заплатила сама. Когда они ушли, я проверила рамки. Вы ведь понимаете, мне стало интересно, кого она подцепила. Нашелся же идиот... Этот молодой человек — Максимилиан ван ден Берг, князь Сонно.

Она замолчала. Я переглянулась с Максом. Ну вот, началось предсказанное. Странно, что нигде еще не засветилась Делла Берг, хотя, казалось бы, подделываться под меня выгоднее всего.

— И тут я вспомнила, что ваша фамилия — тоже ван ден Берг, — продолжала Лиана Серви. — Конечно, я подумала: надо вам сказать, ведь это наверняка ваш родственник, надо же предупредить, вдруг он не знает, с кем связался? Я поискала в сети, хотела узнать побольше. И вдруг увидела вашу фотографию с... — она покосилась на Макса, — с другим человеком, носившим то же самое имя. Тогда я и позвонила вам. Вы-то должны знать, что происходит.

Макс невозмутимо раскрыл наладонник и уставился в монитор.

— Пока никаких лишних транзакций не было, — сообщил он.

Лиана Серви следила за ним с недоверием и восторгом.

— Вы ни капельки не удивлены.

— Нисколько, — подтвердил Макс. — Наслышан уже о таких фокусах.

— Это... — Лиана Серви запнулась. — Кто-то из ваших родственников?

— Теоретически — может быть, — сказал Макс. — У нас очень большая и разветвленная семья. И, как в любой семье, есть разные люди. Правда, на такое хамство, как представиться моим именем, вряд ли кто мог решиться. Если только Ник, мой двоюродный брат, но он слишком доволен собой, чтобы прикидываться мной.

— Этот человек не представлялся, — уточнила Лиана Серви. — В том-то и дело. Он не разговаривал с консультантами и ничего не покупал. Его имя записали только рамки. Вот, — она схватила карточку, протянула Макс. — Посмотрите запись. Может быть, вы знаете этого человека.

Макс передал карточку мне:

— Делла, если в происшествии есть криминал, то это по твоей части.

Ну надо же. Какая деликатность. Я считала карточку и вывела изображение на настенный монитор. Да, все, как и описывала Лиана Серви. Даже удивительно, что при ее горячности словесный портрет оказался идеально точным.

Макс отрицательно покачал головой и добавил словами:

— Я впервые вижу этих людей. И женщину, и мужчину. Мне ничего не говорит имя Хента Ахири. Кем мог бы оказаться сей нахальный юноша, не возьмусь и угадывать. Но он не из моей семьи. Делла, пожалуйста, при случае сообщи эксперту Крюгеру, что по городу бродит мошенник, представляющийся моим именем.

— Обязательно.

Лиана Серви, естественно, не ужинала, и Макс позволил себе щедрый жест — угостить женщину. Я оформила ее рассказ как показания и приняла записи с карточки в качестве улики. Серви расслабилась, повеселела, Макс еще развел ее на болтовню — он умеет нравиться людям.

В отель мы вернулись лишь к полуночи. Я опасалась, что Макс захочет обсудить неприятные новости, но он снова удивил меня:

— Делла, если мы до утра будем строить версии и бегать по потолку, мы только потеряем время и не выспимся. Предлагаю волевым решением не думать об этом. Вообще. Утро вечера мудренее.

— Но тебе надо принять какие-то меры безопасности.

— Уже, — Макс ухмыльнулся, — пока вы болтали. Я бы даже заплатил за то, чтобы увидеть физиономию того хлыща в момент, когда он попытается обокрасть меня.

Я села на диван в гостиной.

— Макс, о чем вы договорились с Августом?

— Я знал, что ты спросишь. Потому что Маккинби тебе не ответил, а меня, как тебе кажется, развести проще. Делла, тебе не стоит об этом знать. Ты все равно ничего не понимаешь в моем бизнесе.

— О-о. Не говори только, что Август захотел поиграть на бирже, а ты вызвался консультировать его.

— Близко. Но у Маккинби достаточно мозгов, чтобы понимать: даже с моими консультациями он разорится мгновенно. Мало знаний — нужен талант, нужно чутье. Поэтому все проще: играть буду я. А он — финансировать операцию.

— И что за операция?

Макс заговорщически подмигнул мне и ушел на кухню. Оттуда донеслись шорох и шелест, потом бульканье воды. Апартаменты наполнились чистым ароматом дорогого чая и свежей мяты.

Я могла бы разговорить Макса. Но смысл? Я услышала достаточно. Августу зачем-то потребовалась значительная сумма денег. Поскольку его доход как герцога Кларийского делал игру на бирже развлечением, вывод один: он запланировал траты и не хочет, чтобы о них кто-то узнал. Не исключено, что это связано с Джиллиан. Я вдруг осознала, что не желаю сегодня вечером говорить о ней. Эта стерва выжила меня из дома. Да, пусть я живу под одной крышей с Августом, лишь пока действует контракт. Но ведь он еще действует?

Готовясь ко сну, я зашла в ванную комнату. На полочке под зеркалом лежали наручники. Чистенькие, блестящие, скромно прикрытые носовым платком. Я проглотила смешок. Какой прозрачный намек, ага. Ну ладно, Максимилиан ван ден Берг. Хочешь железа — будет тебе железо. Не обессудь, если не так, как ты мечтал. Но это правила игры — от тебя ничего не зависит. Иначе какой смысл тебя приковывать?

Я выскользнула из ванной совершенно бесшумно, Август бы позавидовал. Макс разбирал постель, насвистывая себе под нос. Я прыгнула ему на спину, взяла на захват, свалила на пол, и буквально через секунду он валялся на ковре с руками, прикованными к ножке кровати.

— Делла... — растерянно пробормотал он.

Я ехидно, соответственно обстоятельствам, рассмеялась.

— Ты попал, Макс ван ден Берг, — сообщила я. — Теперь не ты диктуешь условия. Все будет, как хочу я, и никак иначе.

С этими словами я содрала с него штаны.

Макс оправдал мои ожидания.

...Поздно ночью, когда я уже засыпала в его объятиях, Макс счастливо пробормотал:

— Делла, как я кончил, как я кончил... Как у тебя сперма из ушей не полилась, не понимаю.

— Да ладно, тоже мне загадка. Если б она полилась из ушей у тебя — вот что было бы непонятно.

Макс хохотнул. Я потерлась носом о его плечо и повернулась, укладываясь поудобней. Мне не хотелось ни о чем говорить. Я была легкой, словно нарисованной, дунь — взлечу. Удивительно все же, насколько мы подходим друг другу. И как часто у нас бывает словно в первый раз, только лучше. Лучше потому, что есть доверие, есть то самое ощущение перманентной близости. Впрочем, так было с самого начала.

Наверное, самое время произнести те слова, которые так хотел услышать Макс. Я собрала волю в кулак, отругала себя — ну что за чертова фобия, в конце концов? — и приподняла голову.

Увы, Макс крепко спал.

* * *

Утром Макс попросился проводить меня, а я несколько не возражала. Во-первых, Макс

может понадобиться, когда пойдет речь об информации, полученной от Лианы Серви. А во-вторых, мне не хотелось беседовать с глазу на глаз ни с Августом, ни с его Джиллиан. Ужасно все-таки оскорбительно, когда человек подделывается под тебя. Словно кукушонок, который притворяется таким же птенчиком, как и его сводные братья-сестры, а потом убивает их всех.

В нашем тихом углу кипела жизнь. Сновала техника, гуляли зеваки. Еще с площади я заметила, что дом почти восстановлен — строители монтировали крышу. Надо полагать, ночью работа не прекращалась ни на миг. Ох и шумно же было... Впрочем, Августу было не до сна, а шум, небось, удачно заглушал счастливые вопли Джиллиан.

Макс уверенно завел арендованную машину на подъездную аллею, обогнул дом, чтобы не мешать работам, и припарковался у веранды. Я быстро огляделась: похоже, Август все-таки успел внести кое-какие изменения в проект, потому что новая веранда была шире и удобнее старой. И кажется, Август хочет остеклить ее полностью. Было бы здорово, потому что старая веранда, несмотря на крышу с козырьком, совершенно не защищала от ливня — порывы ветра забрасывали влагу внутрь до самых дверей.

Не успела я выйти из машины, как двери распахнулись, и на веранду решительно вышел Август. Без пиджака, рукава рубашки закатаны до локтей (ах, какие предплечья...), явно не то что не спавший, а даже и не ложившийся. Дошел до верхней ступеньки и застыл в картинной позе — ноги расставлены, руки скрещены на широченной груди, голова угрожающе наклонена. Интересно, в какой момент к нам присоединится Джиллиан?

Макс помог мне выйти из машины. Август не удостоил его вниманием, он сверлил взглядом меня.

— Где ты шлялась? — спросил он.

Я остолбенела.

— Где. Ты. Шлялась? — повторил Август, и в голосе появился намек на рычание.

— Секунду, — я опомнилась, — Август, ты, кажется, забыл, что вчера было? К тебе явилась гостья, ты велел разместить ее в моей комнате, а где мне, по-твоему, ночевать?

— Делла, не вздумай оправдываться, — немедленно встрял Макс. — Ты имеешь полное право проводить нерабочее время так, как тебе заблагорассудится.

— У тебя ненормированный рабочий день, — напомнил Август. — Я не давал тебе разрешения уйти. И я запретил тебе ночевать вне дома иначе, чем по моему распоряжению. Я отлично помню, что было вчера. Я попросил тебя приготовить комнату для гостьи. Их у нас две. Тебе что, мало двух комнат, чтобы разместить в них себя и гостью?

— Ничего, что вторая — твоя? А ты где ночевал бы?

Макс отчетливо фыркнул.

— Не твое дело, — отрезал Август. — Еще раз повторяю: где ты шлялась?

— Эй, Маккинби, — не выдержал Макс, — ревнивый муж — это мое амплуа. Ты, часом, роли не перепутал?

— А ты, — Август ткнул пальцем в его сторону, — убирайся. Еще раз появишься на моей территории без приглашения — застрелю как нарушителя. Делла, твой рабочий день начинается через три минуты сорок секунд. Кабинет на прежнем месте.

Он развернулся на каблучках и ушел в дом. Макс собрался было метнуться за ним — ага, испугаешь его пулей, как же, — но я удержала. Меня душил смех.

— Не понимаю, что ты нашла забавного, — процедил Макс. — Он спятил и остро нуждается в профилактическом мордобое.

— Макс, угомонись. Знаешь, езжай пока в отель.

— Оставить тебя с этим чокнутым?! Ни за что!

— Я успокою его.

— Делла...

— Макс, все намного проще. Повар-то в госпитале.

— И?..

— Август готовить не умеет. Тед, сколько я понимаю, контролировал бригаду, которая

восстанавливала дом. С садовником Август не разговаривает. Можно заказать еду, можно сходить в ресторан, только у Августа бзик — ему иногда невозможно с кем-то общаться. Вчера я работала весь день, потом явилась Джиллиан Фергюсон. Сомневаюсь, что она хотя бы раз в жизни Держала в руках сковородку. Август просто голодный, вот и злится.

— И ты будешь готовить ему жратву?

— Почему нет?

Макс обреченно pokrutil головой.

— Это какой-то бред. Делла, у тебя нет гордости. Тебя только что оскорбили, а ты...

— А я, разумеется, и не подумаю уходить, как побитая собака. Завтрак — отличный повод высказать все, что я думаю. Кроме того, я должна отчитаться о проделанной работе, получить расчет по закрытому контракту и упаковать личные вещи. Не забывай — у меня есть чрезвычайно ценное имущество, которое я совсем не хочу дарить Августу.

— Машинка, что ли?

— Именно.

— Черт, — Макс погрузился. — Совсем забыл. Проклятье, а ведь Маккинби сейчас начнет уговаривать тебя остаться. Под предлогом, что надо завершить дело, что он не нашел, кого взять тебе на смену, будет предлагать поработать временно... Дел, я очень тебя прошу: не соглашайся.

— Можешь быть уверен: я не останусь в доме, где хозяйничает Джиллиан Фергюсон. Она пытается поддаться под меня? Вот пусть вместо меня поработает.

— Дел, — Макс отчетливо испугался, — послушай, я понял. Это все подстроено. И Джиллиан тоже. Я знаю зачем. Умоляю тебя — уйдем сейчас. Я знаю, что он уговорит тебя. И ты, дурочка, согласишься. Ты просто не представляешь, к чему он клонит. Попадешься как миленькая. Потом пожалеешь, очень сильно пожалеешь, а менять уже поздно будет... Плюнь ты на них, уйдем. Потом сквитаемся. Точно тебе говорю: если ты будешь со мной, Джиллиан просто на дерьмо изойдет, ей же Маккинби только из-за денег нужен, а я ее унизил, она никогда этого не забудет, и сам факт, что мы с тобой счастливы... Дел, честное слово. Послушай меня, так будет умнее. Ты хочешь отомстить? Поверь мне, если ты уйдешь не попрощавшись, это будет лучшей мстостью. Маккинби нарочно так обставил, это провокация, чтобы ты ни за какие коврижки не ушла, а там он уже свой дар убеждения использует, и ловушка захлопнется. Машинку твою я потом выцарапаю, не волнуйся, она еще будет стоять на самом почетном месте в музее хоть Сонно, хоть где захочешь. В конце концов, Маккинби не вор, не украдет он ее.

— Макс, я тебя не понимаю. Ты трясешься так, как будто Август посадит меня в подвал и устроит фирменные пытки инквизиции — водой, огнем и еще чем-то, забыла. Да что он мне сделает? Мало ли что у него дар... а у меня есть принятое решение.

Макс скрипнул зубами и смирился.

— Сколько времени тебе понадобится?

— Как обычно — стандартный рабочий день. Я из принципа отработаю контракт до звонка. Думаю, мне хватит времени, чтобы наградить и Августа, и Джиллиан незаживающей психотравмой. Я это умею. И в конце концов, добить банду — действительно важно, раз уж тот хлыщ твоим именем представился.

— Да черт с ним, я просто заеду в «Белую гору» и вытрясу из него душу... Впрочем, ладно. Не запрет же тебя Маккинби, действительно... — Макс проверил, который час. — Мне нужно будет кое-куда съездить, но это днем, и я на связи. А вечером я за тобой приеду. На запреты Маккинби мне плевать, так ему и передай, если тебе понадобится помощь — я хоть с боем прорвусь...

Я проследила, чтобы Макс уехал, а не устроил засаду в кустарнике возле дома. Потом сосчитала до двадцати и пошла в кабинет. У меня было выверенно каменное лицо — на случай, если встречу Джиллиан. Сомнительно, чтобы девушка изволила проснуться так рано, но мало ли, вдруг она еще не ложилась.

Кабинет действительно обнаружился на прежнем месте — почти на прежнем, дверь,

как мне показалось, была на полметра левее старой. А вот из обстановки сохранились только наши с Августом рабочие столы. Голые стены блистали девственной белизной, сложенные стеллажи отдыхали в углу, рядом с ними в упаковочной ткани теснились клиентские кресла и диванчик. Я не увидела ни сейфа, ни своей этажерки с бумажной документацией. Зато посреди стола сиял стеклом прозрачный куб.

Не сказав ни слова, я положила перед Августом две карточки — полученную от Лианы Серви и мою, на которую я записала ее показания. Август даже не посмотрел на меня, как будто не заметил, что в кабинете появилось живое существо. Отлично. Я тихо вышла и отправилась на поиски кухни.

Новая кухня обосновалась во флигеле Августа. По-прежнему ее размеры позволяли использовать помещение и в качестве столовой для своих, но выхода на веранду уже не было, и вообще стало потеснее. Я проверила запасы продуктов. Не удивилась бы, обнаружив пустоту на полках, однако же кое-что нашлось. Похоже, Тед не терял времени даром. Самое главное, он догадался купить гречку, лук, свежую сметану и минимальный набор специй.

Август не заставил себя долго ждать. Он влетел в кухню, держа в руке мои карточки, и раздраженно спросил:

— Что это такое?

Я вытряхнула в хорошо распаренную гречку поджаренный лук и, не оборачиваясь, ответила самым кротким тоном, на какой была способна:

— Ответ на вопрос, где я шляется.

— Ты опять позволила Бергу совать нос в расследование?!

— Что поделать, если расследование застигло меня за ужином. Что я должна была — отказаться от ужина или от расследования?

— Отказаться от Берга тебе, конечно, и в голову не пришло.

— В моем контракте нет такого пункта, что я обязана ужинать непременно в одиночестве. Списка персон, общество которых мне дозволено, тоже нет.

— Будет, — грозно пообещал Август.

— Сколько угодно. Там не будет моей подписи.

Август замолчал. Я на глазок отмерила сметаны и тщательно перемешала ее с гречкой. Теперь чуть-чуть специй, один аромат которых вызывает лютое слюноотделение — ах, как вовремя явился Август, а гречка будет готова только через двадцать минут... — и поставить на пять минут на медленный огонь.

— Надбавка двадцать пять процентов.

Щедро. Обычное ежегодное повышение — десять.

— У Берга денег больше.

— Но они не твои. Ты же очень щепетильно относишься к чужим деньгам.

— Будут мои по брачному договору. В конце концов, быть княгиней Сонно — это тоже работа, и еще какая. Кое-какой стартовый опыт я благодаря тебе приобрела, думаю, справлюсь.

Август молчал с минуту, если не больше.

— Ты твердо решила?

— Ага, — ответила я беспечным тоном.

Я приготовила толстое полотенце — укутать кастрюльку, чтобы каша дотомилась до готовности.

— Дел, а там на двоих хватит? — спросил Август осторожно.

Я подавила смехок. Все-таки не выдержал!

— О, конечно. Я же помню, что у тебя гостя. Наверное, она тоже голодна.

— Лэн уехала. Вчера вечером.

Я изо всех сил притворилась, что мне ни капельки не интересно.

— Мне показалось, она хотела погостить у тебя. Тем более вы не просто родственники, вы хорошие друзья...

— У нее нашлись срочные дела, пришлось спешно возвращаться на Землю.

— Какая жалость, она не испробует моей каши. Тебе придется съесть ее одному.

— А ты?

— Разумеется, я завтракала. Неужели ты думаешь, что Берг отпустит меня на работу голодной? Он заботливый. И к тому же превосходный кулинар. Впрочем, он хорош не только у плиты.

Я еще раз тщательно перемешала кашу, по привычке облизнула ложку и бросила ее в мойку. Укутала кастрюльку и отставила ее в угол.

— Каша будет готова ровно через двадцать минут. Пожалуйста, перед тем как устраивать мне очередную выволочку, поешь. Голодный ты невыносим. Ей-богу, как будто в армии не служил и в кампусе не жил, сам себе еды добыть не в состоянии.

Август не ответил. Я обогнула его, выходя из кухни, и пошла искать Теда. Мне же надо узнать, что вчера было? Иначе меня любопытство заест.

Теда я нашла там, где и ожидала, — перед домом. Выглядел он бодро, улыбался.

— О, Делла! — воскликнул он. — Я уже и не надеялся тебя увидеть.

— Ну щаз. Контракт-то у меня не закрыт.

— Слушай, из-за чего вы поругались-то? — Тед прищурился. — Вроде нормально все было. Или у босса период такой — со всеми ругаться?

— А с кем еще?

— Да с гостьей своей, — Тед отвернулся, скрывая ухмылку. — Честно говоря, не мое дело, но не люблю таких. Такое ощущение, что она вчера еще улицы убирала, а сегодня в лотерею выиграла и всеми силами скрывает прошлое. Типа всегда в роскоши жила.

— Ты удивишься, но такой типаж весьма распространен среди знатных, но бедных. Дамочка, сколько мне известно, от роду-то почти нищая, на мужьях разбогатела. — Я помолчала. — Тебе ничего не будет за обсуждение дамы? Я-то уволюсь, а ты останешься.

— Не, — Тед смешливо поморщился. — Если я хоть что-то понимаю в людях, ноги ее здесь больше не будет. И вообще нигде, где появится босс. Ссора была такая, что дамочкины вопли на той стороне площади слышны были. Прямо при посторонних, не то что при мне — при рабочих, при таксисте... Никакой культуры.

Я скосила глаза в сторону дома. Август, сто процентов, бродит в окрестностях кухни, как медведь-шатун. Ему ж сказали, когда надо приступать к еде. Можно не опасаться, что он со своей грацией подкрадется сзади и подслушает разговор.

— Даже не буду притворяться, что огорчена, — понизив голос, заверила я.

— Кто б сомневался, — фыркнул Тед.

Я вопросительно поглядела на него, он хохотнул:

— Очень уж она хотела внимания от босса. А он злой был как черт. Вот и поссорились. Босс еще рассвирепел, когда узнал, что ты в город до утра уехала. Рвал и метал. Всю ночь не спал, ходил и ко всем придирался. Дел, а тебе точно надо увольняться?

— Видимо, — я вздохнула. — Сам знаешь, у женщин карьера и семья плохо сочетаются. Особенно если муж статусный.

— Жаль.

Я успела вернуться в кабинет, обсесться — свет здесь падал несколько иначе, чем в прежнем, — и даже заглянуть в накопившуюся кларийскую почту. Пришел Август, который всеми силами сохранял суровый вид, но черты лица уже разгладились — поел и успокоился. Разговаривать со мной счел излишним, убрался в свой угол и затих там, напряженно глядя сразу в четыре монитора.

Через полчаса к нам прибыл курьер. Август встрепнулся, уставился в мониторы еще крепче, под нос пробормотал:

— Иди принимай, это к тебе.

— С чего ты взял?

Август отмалчивался. Я спустилась на веранду, на подъездной аллее стояла машина федеральной почтовой службы. Действительно, посылка была для меня. Я в первую минуту подумала, что Даймон достал уже своими шутками и знаками внимания. Мне вручили две

коробки — одну плоскую и длинную, вторую почти кубической формы, большую, с ремнями для переноски. На этикетке плоской коробки в качестве отправителя указывался некий Август Маккинби. Вторая коробка была стандартной федеральной, имя отправителя мне ничего не сказало, зато сказал его адрес — Кларион.

Я притащила обе посылки в кабинет, водрузила на стол и потянулась за канцелярским ножом.

— Надеюсь, что ты прислал мне не бомбу, — пробормотала я.

Август упорно молчал и старательно отводил взгляд.

Я вскрыла плоскую — в ней оказались цветы. Свежие розы, самое малое две дюжины.

— Как мило, — только и сказала я.

— Прости, — буркнул Август, — я позволил себе лишнее.

Несколько секунд я внимательно глядела на него, но Август прикинулся, что целиком поглощен работой. В этот момент вторая коробка издала приглушенный жалобный звук. Я вздрогнула, открыла — внутри была плетеная корзинка с крышкой. Я сняла ее и обнаружила очаровательного трехцветного щенка. Живого. Щенок был похож на кусок густого меха, из которого торчали ушки и длинная узкая мордочка. И лапки. Я протянула руку, щенок лизнул меня в ладонь. Нос и язык у него были теплые.

— Нравится? — с надеждой спросил Август. — Это настоящая шотландская овчарка. Ты ведь арканзасская пастушка...

У меня в глазах побелело от обиды. Я схватила корзинку с щенком и молча вылетела из кабинета.

Август догнал меня через десять минут. Я сидела на лужайке у веранды, где только что положили свежий газон взамен испорченного взрывом и пожаром. В двух метрах от меня щенок осторожно обнюхивал траву. Он не понимал, как очутился здесь, на всякий случай поджимал хвост и опасливо оглядывался. От Августа чуть попятился, но потом полез знакомиться. Август без колебаний плюхнулся на траву неподалеку от меня.

— Ты забыл, что на тебе светлые брюки? — осведомилась я.

— И что?

— А то, что ткань натуральная. И трава тут — живая, а не искусственная. У живой травы есть такое свойство: если ее раздавить, она выделяет зеленый сок, который с натуральных тканей отстирывается очень плохо.

— Не ты ж стирать будешь.

— А кто? Ты, что ли?

— Вообще никто. Можно подумать, у меня других брюк нет.

Мы оба замолчали. Щенок изучил мужчину, потом вернулся ко мне. Я уже знала, что он кобелек, а кобелькам девушки больше нравятся. Хвостик вильнул, собачка подумала — и упала на спину, подставив мне пузо.

— Что, ну что я опять сделал не так?! — неожиданно с мукой в голосе спросил Август.

— Что? Вот я тебе на Рождество колокольчик на шею подарю, — прошипела я. — То, что надо для шотландского барана. Могу даже позолоченный. Может, тогда поймешь.

Август удивился и обрадовался:

— Подари. Я его на стену повешу, как украшение.

— Тьфу, — только и сказала я. — Август, когда ты поймешь, что меня бесит это унижительное прозвище?! Тебе нравится быть бараном — ну и ладно. Но это не значит, что остальным нравится быть черт знает кем! Я, может, и дура непроницательная, может, сама во всех своих бедах виновата, но я вам всем не пастушка, ясно?!

Август осторожно покосился на меня:

— Я думал, ты понимаешь. Делла, тебя прозвали пастушкой именно потому, что на деревенщину ты похожа в последнюю очередь. Пастушка — это вообще один из классических образов сентиментальной литературы...

— Спасибо, милый, я знаю. Уж что нам в школе давали хорошо, так это литературу и историю. Хочешь знать мое мнение? Этот образ привлекателен строго для тех мужчин,

которым нравятся хорошенькие дурочки, доверчивые и доступные, и строго для тех женщин, которые любят вызывать жалость к себе. Пастушка — это только в книжке хорошо. А в жизни это неграмотная девка с руками по локоть в навозе, готовая отдаться первому встречному «городскому» за букетик цветов. Вот это ее качество мужчинам ну о-чень нравится. Они это считают бескорыстной любовью. А ей просто трахаться не с кем, местные-то считают ее ни на что не годной дурой.

— Делла, никто не считает тебя дурой. И неграмотной девкой тоже. Ты выглядишь и держишься как девушка моего круга. Это удивительно. Ты совершенно из другой семьи, но в общении этого не чувствуется. Совсем. Многие мои родственницы на твоем фоне выглядели бы простушками. Да, у меня нет чувства юмора, но даже я вижу добрую шутку в твоём прозвище.

— Я не вижу, и мне не нравится, — отрезала я.

— Хорошо, — согласился Август. — Больше не буду. — Помолчал еще. — Тебе собака совсем не по душе?

Я мысленно выругалась.

— Август, собака замечательная. Но если я назову этого парня Августом, ты решишь, что это добрая шутка?

— Почему нет? Но вообще-то его зовут Брюсом.

Щенок наострил уши и обернулся, услышав кличку.

— Это правда очень хорошая собака, — уговаривал Август. — Десять лет назад я привез на Кларион его прадеда и прабабку. Он очень похож на прадеда. Ему совершенно не обязательно кого-то пасти, он может вместе с тобой заниматься спортом, долго гулять. Это умные собаки, может, самые умные в мире.

Я вспомнила наших, арканзасских пастушьих собак. У деда на ранчо была скотина — коровы, козы, овцы. Лошади были. И для охраны животных дед привез настоящих сибирских овчарок. Мощных, злобных, способных в одиночку задушить арканзасского шакала, который в полтора раза больше земного. Милый песик Брюс по сравнению с ними выглядел несерьезно. Вряд ли такой справится хотя бы с волчонком. Но как компаньон для утреннего бега и зарядки — отличный выбор.

— Я хотел сделать тебе подарок на память, — совсем уж убито признался Август.

На память... острой тоской схватило сердце. Нет, Макс ошибся. Август не хочет продлевать контракт. Может, он надеется помириться с Джиллиан. Может, они и поссорились из-за меня, из-за того, что она увидела в доме другую девушку, приревновала. А со мной он собирался расстаться навсегда. И не вчера он принял это решение, не под давлением Джиллиан. Ведь ему нужно было время, чтобы привезти щенка с Клариона.

— Ты говорила Алише, что на Эвересте Макс спас тебе жизнь, — неожиданно сказал Август. — Алиша тут же пересказала мне. Я все понял. Такие поступки всегда пленяют женщину. Даже столь независимую, как ты. Макс не просто случайно заступился. Он сознательно вызвал огонь на себя. Он смелый человек. При всех его недостатках — очень смелый. И действительно любит тебя. Как умеет, но что искренне — этого не отнять. Он это доказал. Я понял, что ты не захочешь продлевать контракт. Зачем тебе эта работа, когда ты получила неоспоримое доказательство любви? К тому же, мне кажется, тебе начала приедаться моя рутина. Я ужасный зануда, у меня нет чувства юмора, чокнутый коллекционер... ну и вообще дурак по жизни. Все, буквально все делаю неправильно и оскорбительно.

Я смотрела на него с недоумением. Как-то в голове не укладывалось, что у безупречного и исполненного достоинства Августа Маккинби может случиться припадок самоуничижения.

— Я приготовился к тому, что ты уйдешь и мы будем видеться если только на каких-то крупных раутах, может быть, раз в несколько лет. Я подумал, что надо сделать тебе подарок. На память о том, как здорово мы работали вместе. И такой подарок, чтобы даже Берг не сумел придраться и отобрать его на том основании, будто вещь для его жены непрестижная.

Я попросил отца выбрать лучшего щенка, какой есть у нас, и прислать его сюда. Этот кобель, Брюс, — одна из самых породистых собак в мире. У него родословная длиннее, чем у меня. И порода считается аристократической. Взрослые собаки имеют очень утонченную внешность, хороши и на природе, и в доме.

— Только не в таком доме, как поместье Бергов. Я ж не услежу, кто-нибудь обязательно нальет собаке чертова портвейна...

— Но можно ведь выдрессировать собаку так, чтобы она отказывалась брать еду или угощение у кого угодно, кроме тебя. Это легко. Я покажу. Всего несколько занятий. Зато у тебя будет верный друг.

— Август, разговоры о прекращении работы начались с тебя. И с чего ты решил, будто уйти собираюсь я, — непонятно. Алиша говорила мне об этом еще до того, как я рассказала ей о наших приключениях на Эвересте.

Август смутился и отвернулся, словно я застукала его за мастурбацией.

— Делла, я ведь знал, как будут разворачиваться события. Сейчас я добился отставки Нотторпа. Энстон тоже не уйдет от возмездия. Все несправедливые решения и приговоры будут пересмотрены. В том числе и твое дело. Тебя восстановят в звании, снимут дисквалификацию. Я не знаю, как ты поступишь. Ты ведь никогда не хотела работать в криминалистике и ко мне пришла, потому что другого выхода не осталось. Что ты сделаешь, если элемент вынужденности пропадет? Возможно, ты захочешь вернуться в армию — но уже после магистратуры. А возможно, ты устроишься к федералам.

— Пф. К федералам я пойду, только если директором агентства станешь ты. Сомневаюсь, что такое возможно в ближайшие двадцать лет. Учиться — хорошая идея, но я еще не заработала на учебу.

— Но у тебя ведь была стипендия. Делла, тебе вернут все. И стипендию тоже.

— Мм... Не знаю. Пока идея не вызывает у меня никакого энтузиазма. Но ты, мне кажется, упустил еще один фактор. Значимый. Джиллиан Фергюсон.

— Делла, я тебе уже говорил — Лэн решительно ни при чем.

— Ну да. Уже верю. Ты ради нее совершил такой подвиг, свалил Нотторпа, и она ни при чем?

К моему изумлению, Август не стал возражать.

— Делла, ты ведь знаешь, что такое пресса, особенно любительская. Люди не могут поверить, что я способен разоблачить изменника потому, что он преступник, а не личным мотивам. К несчастью, такой видимый личный мотив у меня есть — ты. Ты не была причиной, нет. Хотя именно ты дала мне стартовый толчок. Я знал, что Энстон подонок, но имел весьма слабое представление о том, что происходит в его округе. Узнал, фактически, только благодаря тебе. Если бы на твоём месте оказался кто-то другой, кто угодно, было бы то же самое. Но здесь сложилась деликатная ситуация: мой ассистент — одна из жертв. Поэтому я не привлекал тебя к этому расследованию вообще.

— Август, дураку понятно, что ты попросту не имел права этого делать.

— Дураку, может быть, и понятно. Но мне пришлось бы иметь дело с людьми умными и проницательными, которые привыкли повсюду видеть интриги. Стоило один раз упомянуть твое имя в связи с тем процессом — и твоя ужасная история оказалась бы в прессе. Я не мог этого допустить. Поэтому и попросил Лэн о помощи. Она имела мелкий конфликт с Энстоном и охотно притворилась, будто страшно задета той историей. Мы постоянно появлялись на публике вместе по моей инициативе. То, что ты видела в прессе, — это сплошная игра на публику.

— А она знала, зачем это тебе?

— Да, но без имен и деталей. Я сказал, что хочу защитить таким образом репутацию другой женщины. Неважно какой. Просто отвлечь внимание, кинуть прессе наживку. Она согласилась сразу.

Я ехидно хмыкнула:

— Еще бы. Твое предложение — это постоянные встречи и возможность окрутить едва

ли не самого завидного жениха мира.

— Считаешь меня завидным?

— Это объективная реальность. Август, уж не знаю, как и что ты ей говорил, только она отлично все знает. И вчера не преминула поставить меня на место.

— Вот как? Я не знал.

— А ты вообще парень наивный. И на ее ужимки повелся. Небось, сейчас уже придумываешь сто вариантов примирения.

Август упрямо промолчал.

— Ты влюблен в нее, — добила я.

— Да не влюблен я в нее! Делла, мы друзья детства. Родственники.

— И для тебя характерно называть других девушек именами родственников? Особенно в минуты интима?

— Что?

— Ты на Эвересте назвал меня Джиллиан.

Август порозовел.

— Нет. Во-первых, я вообще никогда не называю ее так. Во-вторых... Делла, я ведь уже извинился, ты помнишь? Я сказал не «Джиллиан», а «Деллиэнн». Да, — быстро и горячо заговорил он, — я не хотел спать, но все-таки задремал. Накануне был тяжелый день, полный слишком яркими впечатлениями... Я видел тебя, именно тебя. И почему-то решил, что ты не станешь возражать, если я... Словом, не станешь. Это же мой сон. Да, я думал, что сплю. Обычно я неплохо понимаю, сон это или явь. Иногда мне удается управлять своими снами. Я сначала хотел назвать тебя Деллой, но мне вспомнилось, что ты не любишь какое-то из своих имен, а какое именно, я забыл. И решил, что ты не любишь как раз Деллу. Быстренько попытался исправить на Офелию, но тут сообразил, что тебя ведь зовут Мэри Энн. Конечно, Мэри Энн, как же иначе, у вас с машинкой одно имя. У меня все смешалось в голове, и эту мешанину ты и услышала. Конечно, получилось некрасиво. Особенно неприлично выглядел этот дурацкий выговор на кухне. Разумеется, я не вправе как-то регулировать твою интимную жизнь. Я... я сам от себя не ожидал подобной слабости. Впервые в жизни случилось. Мне, конечно, нравятся обнаженные девушки... — он запнулся. — Хватит об этом. Поверь, мне стыдно.

Я сорвала травинку и закусила ее.

— Ты спал с Джиллиан?

Как и ожидалось, Август возмутился.

— Делла, это неприличный вопрос.

— Я в курсе. И все-таки?

— Я не раскрываю интимных тайн женщины.

— Так я не про нее спрашиваю, а про тебя.

— Но это ведь касается и ее?

— У нее, поверь, интимных тайн нет, одни сплошные интимные подвиги.

— Делла, этот допрос омерзителен.

— Знаю.

— Ты можешь объяснить, зачем тебе это знать? Я был с сотней женщин, а то и больше, тебя никогда это не волновало!

— Потому что с того момента, как ты привел меня в дом, каждая твоя новая любовница первым делом сообщает мне, что ты — ее мужчина. Еще и расписывает в красках, каков ты. Не было нужды спрашивать.

— О господи... — пробормотал Август. — Что за жизнь...

— И?..

— Спал. Довольна?

— Довольна. По крайней мере, теперь я понимаю, на чем основаны ее претензии ко мне.

— Делла, мне было восемнадцать лет! Она сбежала из дома, приехала в Пиблс, мне

пришлось добыть бутылку вина. Мы вдвоем заперлись в моих комнатах и безобразно напились. Это все было игрой. Никакого плотского влечения, ни у нее, ни у меня. Просто азарт. Утром решили, что лучше останемся друзьями, потому что мы совершенно не подходим друг другу.

— А к свадьбе твоей сестры она передумала? Решила попробовать уже всерьез?

Август крутился как уж на сковородке. А я твердо настроилась вытянуть из него все.

— Делла, это ревность. Самая настоящая.

— Я спорю? Как утверждает Макс, я типичная собака на сене. Сама не ам и другим не дам. Считаю тебя своей собственностью. Злюсь, когда на тебя посягают хищницы. Что тебя удивляет, инквизитор хренов?

Август только зубами скрипнул. И — рассмеялся.

— Все время, какое я провел на Земле, она приходила ко мне. Поговорить. Потом мы ложились в постель. Нам обоим хотелось секса. Но меня постоянно что-то отвлекало. Я загружен работой. Я просто не мог отрешиться. Меня беспокоила банда, а еще больше — Нотторп. Я-то ведь знал, что до развязки считанные дни.

— Не очень-то ты ее хотел, в таком случае.

— Я не говорил, что хотел ее. Я хотел просто секса. Думал, что и ей надо того же самого — удовольствия без обязательств. Впрочем, если честно, я не задумывался, что ей нужно, зачем она пришла. Вообще. Ужасно. Я очень удивился, когда она приехала вчера. Мы не ссорились, нет. Просто выяснили отношения. Я узнал, чего от меня хотела бы она, она узнала, как наши отношения вижу я.

— И как?

— Никак. У нас нет ничего общего.

— Но она же привезла тебе машинку?

— Серийную штамповку. Она даже не потрудилась узнать, что у меня есть оригинал и две самые ценные копии. Ты удовлетворена? Тогда моя очередь задавать вопросы. Несколько дней назад ты и не помышляла оставить работу. Насколько я понимаю, решение ты приняла вчера. Что произошло?

Я сцепила пальцы, расцепила.

— Наверное, мы с Максом расставили точки над i, только и всего. Вряд ли кто-нибудь будет меня любить так, как он.

— Тебя любят десятки мужчин. Большинство любят так сильно, что даже не способны объяснить.

— Извини, но такая любовь мне тоже не нужна. Если мужчина не способен бороться за свое счастье, то кто за него это сделает? Я? Все эти нежные сердца на самом деле сидят на попе и ждут, что я приду, сама пойму, какое они сокровище, и сама выстрою отношения. Потому что они ведь этого достойны, и их любовь — так никто не умеет. Макс, в отличие от всех мечтателей, за меня боролся. Несколько лет.

— Делла, неужели такое случается впервые? Объяснение, после которого вы решаете начать заново... и все повторяется.

— Сейчас не повторится. Август, ты просто боишься, что опять придется привыкать к новому ассистенту. А ты этого не хочешь. Ты мне сейчас чего угодно наговоришь, лишь бы я передумала.

— О! — Август поднял палец. — Что и требовалось доказать. Значит, в действительности ты ни капельки не сомневаешься, кто именно из нас двоих расторгает отношения.

— У нас нет отношений, у нас есть непродленный контракт.

Август вздохнул и терпеливо сказал:

— Делла, я прошу тебя об одном. И понимать мои слова следует именно так, как они сказаны. Никакой подоплеки нет. Ты совершаешь ошибку. Возможно. А возможно, чудеса все-таки бывают, и на пороге сорокалетия Берг взялся за ум. Я не вижу ни одного аргумента в пользу чуда. Я вижу Берга, который наговорит чего угодно, лишь бы ты доверилась ему —

а там он уже переиграет ситуацию так, как ему надо. Ну вспомни хотя бы, как он отзывался о твоей семье, о твоём брате! Это было всего-то два дня назад.

Я молчала и старалась не слушать.

— Делла, не торопись. Если ты права и между вами настоящая любовь, — ничего не случится, если ты дашь Бергу два-три месяца на испытание. Вы не виделись два года, а ведь ты за это время сильно переменилась. И он еще не осознал, насколько сильно. Вам нужно заново узнать друг друга. Ты можешь принять любое решение, но отложи исполнение. В конце концов, испытание-то несерьезное — никто не запрещает вам видеться. Черт с ним, я пойду даже на то, что разрешу Бергу таскаться за тобой по рабочим вопросам. Сама его осадишь, когда надоест.

— Не верю, что подоплеки нет, — процедила я. — Есть.

Щенок, изучивший уже всю лужайку, подошел к Августу, вильнул хвостом, твякнул и дернул его за штанину.

— Это еще что такое?! — возмутился Август и отпихнул щенка. — Освоился, ишь ты... Делла, не позволяй ему прыгать на тебя лапами и хватать пастью. Укусить серьезно не сможет, у этой породы челюсти так устроены, но будет неприятно.

— Так что насчет подоплеки?

— Ее нет, — упрямо повторил Август. — Какая подоплека, если ты в любую секунду можешь сказать «нет»?

— А если бы я сказала «да»?

— Я предложил бы тебе контракт на три месяца. Фактически на два дела. Во-первых, мы спокойно закончили бы банду, а во-вторых...

Я заинтересованно приподняла бровь.

— Меня приглашают на Сибирь. Мой клиент — влиятельный человек в правительстве. Попал в переплет. Надо управиться до православного Рождества.

— А хоть что примерно за переплет? Казнокрадство, темные пятна в биографии?

— Делла, — укоризненно сказал Август.

— Но ты точно без меня не обойдешься?

— Исключено. Я подозреваю, что человек с опытом нелегальной работы в Эльдorado будет там как нельзя кстати.

Я уважительно присвистнула.

— То есть как минимум высший генералитет... Черт, а ты ж действительно без меня не справишься.

Август молча почесал щенка за ухом. Щенок плюхнулся на спину и подставил брюшко — мол, и там тоже почеси.

Я разрывалась надвое. С одной стороны, я уже Максусе сказала, что ухожу. Он ждет, надеется. С другой — он же знает, как я люблю эту работу. Ну не могу я упустить такой шанс. Тем более он сказал, что принимает меня как есть, со всеми недостатками, и с этой страстью к работе — тоже... Всего-то три месяца. Даже чуточку поменьше. Поворчит и простит. А эти три месяца он может потратить на подготовку к нашей совместной жизни.

— Черт с тобой, — выпалила я. — Давай. Кто там упоминал про двадцатипятипроцентную надбавку?

— Только при условии, что до окончания контракта ты не выйдешь замуж. Ночевки вне дома — с моего ведома и разрешения.

— В таком случае я буду водить Макса сюда. У меня ж должна быть интимная жизнь, верно? А то я с недотраха работаю хуже.

— Что за выражения... — Август поморщился. — Бергу здесь делать нечего. Будешь отпрашиваться. Я же не говорил, что не буду отпускать тебя. Но — когда это не мешает делу.

— Ты тиран. Деспот и диктатор. А еще самодур. Если б прибавка к зарплате не выглядела так соблазнительно, я отказалась бы.

— А ты вымогательница. Шантажируешь меня увольнением, чтобы выпросить

прибавку побольше.

— С каким неподдельным уважением мы относимся друг к другу!

Август зевнул.

— Делла, все документы — в кабинете. Исправь в тексте «год» на «три месяца» и подпиши. А я, с твоего разрешения, посплю пару часов. Я ночь не спал, у меня уже в глазах от усталости двоится. Постарайся организовать дела так, чтобы меня не будили.

Он с трудом поднялся, отряхнул мятые и испачканные травой брюки и направился к бытовке. Я проводила его взглядом, свистнула щенку:

— Эй, Брюс! Пошли в дом, буду искать, чем тебя кормить.

Брюс радостно пошлепал за мной.

Вошел в дом и прямо на пороге надул здоровенную лужу.

Вот они, мужики.

* * *

— Кушай, Брюсик, это вкусно, — уговаривала я.

Будущий колли вилял хвостом, с восторгом смотрел на меня и с отвращением — на миску. В миске лежали кусочки мясного концентрата высшего качества, размоченные и присыпанные собачьими витаминами. Я никогда не растила щенков, поэтому прочитала в сети инструкцию, заказала в зоодоставке несколько порций корма для маленьких собак и вообразила, что проблема решена. Реклама уверяла, что собак за уши не оттащишь от этого корма. Честно говоря, в армии и я бы не побрезговала. А Брюс отказался.

Пришел Тед, попытался накормить щенка силой. Вдвоем мы усадили щенка, открыли ему пасть и стали вкладывать по чайной ложечке на корень языка. Ага. Весь корм немедленно оказался у наших ног, сдобренный желтоватой пеной.

— Черт, рвота, — озабоченно сказал Тед. — Это совсем плохо. Я собак не держал, дорогое удовольствие, но слышал, что тяжелые болезни начинаются с потери аппетита, потом собаку рвет, потом она ложится и больше не встает. И еще у здоровой собаки нос должен быть холодным.

Я потрогала — теплый. И мокрый.

— Плохо, — решил Тед. — Надо срочно отвезти его к ветеринару, может быть, удастся спасти.

И тут же полез в сеть — искать контакты ближайшего собачьего доктора. Мне было ужасно жалко красивого щенка. Когда я представила, что он умирает, лежа на матрасике в моей комнате, чуть не расплакалась. Взяла песика на колени, прижала к себе, согревая, Брюс облизал мой нос.

— Вот, нашел, — объявил Тед. — У него расписание вывешено, есть свободное окошко через два часа. Записывать тебя?

— А если он умрет за эти два часа?!

— Кто умрет? — слышалось с порога, и к нам быстрым шагом подошел Август. — Делла, срочно езжай к Крюгеру... Что, черт побери, происходит?!

— Брюс! Он не ест, совсем, и его рвет! — объяснила я. — И нос теплый! Он заболел!

— Отставить панику, — велел Август. Заглянул в миску, потом бесцеремонно взял щенка за шкурку и поднес к лицу. Пощупал лапы, живот — и поставил на пол. Брюс тут же устремился к бачку для пищевых отходов. А Август извлек из холодильника кастрюльку с гречневой кашей, выбросил собачий корм, вместо него положил каши. — Не будет он жрать химию...

— Август, ему же нельзя, это человеческая еда, он отравиться может! — возмутилась я. — Мне в зоомагазине объяснили! А вот то, что ты выбросил, — это самый лучший собачий корм!

Брюс сунул голову в миску и зачавкал. Я подумала, что теперь без ветеринара точно не обойдешься.

— Ну, — удивился Август, — и где он не ест? Где его рвет?
— Сейчас будет! И нос теплый — это, по-твоему, нормально?!
— Совершенно нормально, он от переезда еще не отошел... Почему его должно рвать от каши? Меня же не рвет.

Щенок вылизал миску и вопросительно поглядел на кастрюльку. Август нахмурился, тогда щенок соорудил умильную мордочку. Август пофыркал, но каши не дал, убрав остатки в холодильник.

— Делла, я вечером объясню, как его кормить. Я думал, ты знаешь, ты же на ранчо выросла... Все, все потом. Сейчас — к Крюгеру. Возьми машину, пойдем в гараж, я по дороге тебе объясню. Только я тебя умоляю — нигде ни секунды не теряй! Да ничего с ним за два часа не случится! — рявкнул он в конце концов, видя, что я не решаюсь оставить щенка. — Присмотрю я за ним!

— Ты спать собирался...

— Какой тут, к дьяволу, сон... Делла, да шевелись же ты!

Я успела переглянуться с Тедом, мол, не пускай на самотек, а то Август нашрует, и пошла в гараж. Август почти бежал.

— Делла, убеди Крюгера, как хочешь, провести обыск в квартире Адама Бейкера. И обязательно — на половине его отца.

— Так Крюгер уже был там.

— Еще раз. Делла, вот, — он сунул мне в ладонь карточку, — это показания Лианы Серви. Делла, что делали Ахири и ее кавалер в Третьем квартале? Тебе не показалось странным, что эта напыщенная цаца пошла ножками в какой-то заурядный игровой салон?

— Да, и купила там тот же самый тренажер...

— Тренажер оставь, это другая тема. Делла, почему в этом салоне оказался сам Бейкер? Да потому, что он живет на соседней улице! Почему там оказались его сообщники? Потому что они возвращались с его квартиры.

— И что они там делали, они же знают, что хозяин в клинике...

— Именно. Ты обратила внимание на отчет Крюгера об обыске? У Адама его страсть к экономии принимала уже маньячные формы. Он закупал оптом долгохранящиеся продукты. У него все подвалы забиты едой. В его коттедже можно жить два месяца, не выходя наружу. Идеальная берлога, потому что полиция в ней уже побывала, криминала не обнаружила и второй раз не поедет. Делла, в этом коттедже — преемник Князева.

— Почему преемник? Князев наверняка заготовил чипы впрок...

— Даймон. Имя Джон Смит, на которое у него был чип, — месседж. Этот месседж не мог появиться до гибели эльфа, а эльф погиб сильно позже Князева. Кто-то делает чипы уже после убийства Князева. А мастерская у этого человека — в берлоге Бейкера. Ахири с кавалером ездили именно к нему. И чип на имя Берга наверняка получили только вчера, иначе он уже где-нибудь засветился бы. В салон они пошли, чтобы иметь объяснение для поездки. Видимо, кто-то глазастый заметил машину Ахири. Или они предположили, что мог заметить. Вот на вопрос — что вы там делали? — они и заготовили ответ.

Я завела двигатель в маленькой, рабочей машине. Август проверил, застегнула ли я страховку, ободряюще хлопнул по крыше и вернулся в дом.

С Крюгером я созвонилась еще в пути. Сути дела не раскрывала, сказала, что есть новости, и было бы хорошо, если б он держал под рукой бригаду на выезд. Похоже, я выбрала верный тон, потому что Крюгер ждал меня аж на парковке. В лесу медведь сдох — Крюгер впервые в жизни пришел раньше, а не позже.

— Эксперт, по нашим данным, в квартире Адама Бейкера банда оборудовала мастерскую по изготовлению чипов, — коротко сказала я.

Крюгер аж охнул. Тут же вызвал подкрепление, сунул меня в свою машину, и кортеж понесся в Третий квартал. За те двадцать минут, которые заняла дорога, я успела поделиться с ним догадками моего босса. Крюгер отчего-то сегодня думал раза в два быстрее меня, потому что суть ухватил на лету, по первым словам буквально.

Мне нравится, как работает полиция. На месте Крюгер выставил оцепление, снайперов на точки, потребовал сдаваться... Ответом ему было молчание. Я переключила линзы на максимум, ощупала взглядом окна, стены, дверь.

— Эксперт, там никого нет, — сказала я.

— Но вы же говорите...

— Похоже, мы опоздали. Дверь не заперта.

Потом нам пришлось ждать. Прошло десять минут, пока криминалисты раскатали по дорожке защитное покрытие, сохраняющее возможные следы, и мы с Крюгером вошли в дом.

Я не ошиблась. Но очень о том пожалела.

Начиная с прихожей все было перевернуто вверх дном. Сломанная мебель, сорванные жалюзи, темные потеки на полу. Не надо быть криминалистом, чтобы увидеть «признаки борьбы».

Никакой лаборатории в коттедже не было. И не было даже намека на то, что ее хоть когда-то тут разворачивали. Здесь просто кто-то жил — не поднимая жалюзи, не подходя к окнам, не выходя наружу. Запасы Бейкера заметно поуменьшились в объемах — его гость обладал отменным аппетитом. Бачки для бытового мусора и отходов заполнены наполовину. В одной из спален — разобранная и смятая постель. В гараже — синий «Флеминг» Бейкера, со свеженькими царапинами, но колеса чистые — похоже, в гараже побывала вторая машина, и ее водитель не особенно-то уважал аккуратную парковку. На веранде, выходящей в сад, — два опрокинутых шезлонга, полосатый и чисто голубой. На спинке голубого в солнечных лучах блестел длинный и толстый волос. Довольно светлый. Осколки на полу. Судя по всему, от двух стаканов. Я вернулась в дом, осмотрела ванную комнату и вторую спальню. Никаких следов женщины. Значит, загадочный жилец Бейкера принимал гостей, когда в дом вломились.

— Эксперт, ищите труп.

Труп нашли. В подвале. Молодая женщина, с длинными густыми волосами, распущенными, одета в джемпер, юбку до пят и ботинки. Без косметики и украшений. Юбка порвана и задрана практически на грудь, живот распорот, руки связаны за спиной. Ни сопряженного браслета, ни чипа.

— Ну что, пошли говорить с соседями? — спросила я у Крюгера.

— Я уже послал, — хмуро отозвался он. — Хотите, можете присоединиться. Семья слева — перспективная.

— Благодарю, — кивнула я и пошла в коттедж справа от дома Бейкера.

На крыльце топтался молодой полицейский и сквозь щель в двери уговаривал хозяйку ответить на несколько вопросов. Хозяйка сварливо отказывалась. Я подошла, самым учтивым тоном произнесла:

— Здравствуйте, я Делла Берг, ассистент инквизитора Маккинби...

— Ишь ты, — послышалось за дверью, — а чего с копами?

— Так вышло. Простите, вы, случайно, никогда не видели на этой улице девушку — лет тридцати, прямые светлые волосы, в бежевом джемпере и серой юбке? Юбка приметная очень — с греческим орнаментом по подолу.

— Это ж Нэми Фогарт, — и дверь распахнулась.

За дверью стояла сухая боевая старушка, с тростью, в кухонном переднике и гладко зачесанными в узел рыжевато-седыми волосами.

— Я миссис Дью, — представилась она, — вы проходите, проходите... Коп с вами, небось? Да черт с ним, пусть идет, молчит только. Я на дух не выношу дурацкие полицейские расспросы, саму их речь канцелярскую, тошнит меня... И чего ж Нэми натворила? Мисс Берг, вы только поймите правильно: она славная девушка. Но слегка не в себе. Самую чуточку. То она прямо в доме приют для диких животных создавала, то сирот мечтала воспитывать... Что сейчас, я и не скажу. Но она натура увлекающаяся.

Я вывела на наладонник фото убитой. Скадрировала так, чтобы в видимое поле не

попала рана на животе.

— Она?

— Да она, кто ж еще... Странно выглядит как-то.

— Она убита. Мы только что нашли тело.

— Батюшки, — охнула старушка. — А я говорила! Говорила ей! Этот-то, малахольный из соседнего дома, он странный! Он ее и убил, верно говорю. Нет, ну а чего нормальному человеку бояться днем на улицу выйти? Если он и вправду родственник Бейкеров, чего ему соседей чураться-то, верно? Мы здесь и старшего Бейкера хорошо знали. Сын-то его нелюдимым был, но тоже видели. И брата его видели. Который чокнулся и повеситься в саду пытался. Одно слово — художник.

— Давно он приехал?

— Да вот... Братца Адамова как в больничку увезли, дня через два он приехал. Я его и не видела, мне Нэми сказала. У него ключи, все как надо, в доме хозяйничает нормально, ну, как родственник — где что лежит, знает, чистоту за собой наводит, но, понятно, по-мужски, кое-как. Однако ж к аккуратности приучен, явно.

— Он поддерживал общение только с Нэми Фогарт?

— По всему, так. Я его ни разу не видела. Соседи с той стороны, Хубены, которые Адамова братца из петли вынимали, зашли как-то — не открыл, через дверь сказал, что не одет, глупость какая-то. Хубены обиделись. А Нэми — я ж говорю, у нее не все дома. Такие люди всегда проходят там, где другие в стену упираются, да еще и дивятся — там разве стена была? Каждый день к нему ходила. Цветочков принесет или печенья. Влюбилась, бедняжка. И то сказать, здесь-то над ней все мальчишки в детстве смеялись, она запуганная была. А этот, говорила, хороший. Серьезный. Не пьет, не курит. Речь красивая. Много беседовали о Боге. Руки не распускал, нет. Вежливый. Сейчас... как же она сказала, звали-то его... Соломон. Хорошее имя, древнее.

— Не говорила, чем он занимается, как выглядит?

— Вроде математик он. Или что-то в таком роде. Сейчас без работы, но это он сам себе отпуск устроил. Говорил, что от людей устал, хочет в тишине пожить, совсем один, вроде как у него с Бейкером договоренность была. Как выглядел — а что там со слов Нэми поймешь? Худющий как смерть. Глаза выразительные. Ну и все.

— Вы говорите, он необщительный. А между тем вчера он принимал гостей.

— Да уж, — старушка скривилась. — Шумно было. Музыка громко играла, я уж думала: точно зайду, скажу, негоже так. Потом приехали двое, с виду — влюбленные. Красивая пара. Богачи. Машину я все хотела их посмотреть, а они пешком пришли. Но на даме такие туфельки — явно не издали топала. В таких километра не пройдешь, развалятся. Где-то, значит, машину припарковали. У нас тут в конце улицы дорогая парковка есть, может, и там. Хотя, как по мне, для дамы и такое расстояние слишком велико. Тонкая она, как стебелек. Бывают такие девушки — и не худая, не голенастая, а высокая и тонкая. Кожа аж просвечивает. И в дом вошли не с парадной двери, а с веранды. Тут есть узкая тропинка, аккуратно между моим и бейкеровским участком, вот по ней прошли, а там через дырку в живой изгороди — на веранду. И вышли так же. Долго они там пробыли, минут сорок.

— Вы могли бы дать подробное описание этих людей? Обоих?

Словесный портрет мужчины полностью совпал с тем, что говорила Лиана Серви. Дополнительно старушка упомянула, что у него слабые ноги — коленками самую малость внутрь, бывает такое, когда малыш слишком рано начинает ходить, суставы еще слабые, проседают. Хотя, конечно, у детей с хорошей наследственностью такого не бывает, да. Ну да где ее по нынешним временам взять-то, эту хорошую наследственность... Сейчас медицина такая, что даже явного мертвечика поднимет. А он вырастет и детей слабых оставит, и их тоже вылечат. Так цивилизация и вырождается.

Я смотрела на старушку, явно севшую на любимого конька, и помалкивала. Мой невольный партнер, молодой полицейский, уже нервничал и ерзал, а я молчала и улыбалась одобрительно. Никогда не перебиваю людей, которых понесло, — они столько интересного

могут выболтать!

Старушка, впрочем, на кладезь информации не тянула, поэтому я, почувствовав, что она выдыхается, перевела разговор в продуктивное русло. Мы оформили ее рассказ как свидетельские показания, затем я оставила ее на растерзание полицейскому и вернулась к Крюгеру.

— Смотрю, вы пошли не туда, куда я советовал, — мрачно отметил он.

— Зачем я пойду к людям, которые и сами рвутся пообщаться с вашими ребятами? Хубены — я права? — превосходно все расскажут. Поэтому я пошла туда, где вашему парню пришлось туго. Копию показаний хотите?

— А, так вы вытрясли из старой стервы что-то? — Крюгер оживился. — Хочу, конечно.

Мы поменялись сведениями. Моя вылазка прилась как нельзя более кстати, потому что Хубены видели совсем другое. Они заметили, что к коттеджу Бейкера подкатила большая машина, полугрузовик «Экорни» черного цвета, грязный. С пассажирского места вышел невысокий, но очень широкоплечий мужчина, открыл дверь своим ключом, вошел внутрь. Вроде бы с той стороны донеслись какие-то крики, кто его знает, радостные или не очень. Громко заиграла музыка. Прямо неприлично громко. Здесь тихая улица, нельзя так шуметь, это оскорбительно для соседей. Открылась дверь гаража, и туда заехала машина гостей. К сожалению, людей, приехавших с невысоким гостем, разглядеть не удалось, хотя и хотелось: можно было пари заключать, что выглядят они вызывающе. Праздник продолжался долго, часа два. Потом музыка выключилась, из гаража выехала машина гостей. И наступила тишина. Больше ничего не случилось.

Осмотр дома показал следующее. Таинственный родственник Бейкеров — для себя я прозвала его Математиком — коротал досуг на веранде в компании Нэми Фогарт. Пили лимонад, сделанный из концентрата, закусывали домашним печеньем, которое принесла девушка. Креслица, в которых они сидели, стояли в паре метров друг от друга, вполоборота. Возможно, Математик и Нэми вели приятную для обоих беседу, о Боге или устройстве Вселенной. В этот момент я вился невысокий Громила. Его появление стало полным сюрпризом. Громила схватил девушку, Математик не оказал физического сопротивления. Затем Громила запер обоих в подвале, открыл дверь гаража своим подручным. Даже беглый, поверхностный обыск гаража подтвердил мою интуитивную догадку: с Громилой приехали орки. Все вместе они спустились в подвал.

Что произошло дальше, установит экспертиза, а я выдвинула версию: Громила привез не только пару орков-подручных, но и мобильный комплекс аппаратуры. Затем приехали Ахири с кавалером, и Математик изготовил новый чип. Заодно он уничтожил в домашней системе все следы пребывания гостей, да и свои тоже. После чего девушка-свидетель была зверски убита, а все живые покинули коттедж.

Крюгер стоял за то, что Математик уехал с Громилой. А мне казалось, в этой схеме что-то не клеится. Если банда подыскала ему берлогу, то зачем он стал водить гостей? Почему впустил в дом Нэми, зная, что должны приехать подельники?

По всему выходило так, что банда ничего ему не подыскивала. Он сам нашел — и прятался тут от банды. Затем произошло неминуемое: банда вышла на его след. Нельзя исключать, что Математик отказался от дальнейшего сотрудничества и скрылся. Соответственно, его гостя стала заложницей — Громила пригрозил убить ее, если Математик откажется помочь «в небольшом дельце». Судя по тому, что тем же вечером Ахири гуляла с новоявленным князем Сонно, Математик испугался угроз и сдался. Девушку все равно убили, а его увезли насильно — ценный кадр, пригодится. А может, его нельзя было убивать прямо тут, слишком подозрительно. Но на месте бандитов я бы приберегла парня на будущее.

Мы с Крюгером стояли на веранде, когда вернулся криминалист, осматривавший участок, с неожиданными новостями. В истории появился новый виток сюжета: чуть дальше, в саду, нашлись свежие следы, а еще дальше — сломанный кустарник и отчетливо смятая трава на крутом склоне оврага, там, где человек будто бы скатился кубарем. Похоже, человек

любой ценой стремился убежать от банды. Полоса уводила за овраг, к проулку, по которому можно было срезать угол и выйти на трассу местного значения. Никаких телесных следов — крови, волос — пока не обнаружено, но поиски продолжаются. Хотя особой надежды нет: ночью метеостанция промывала квартал дождем средней интенсивности.

— Попутку поймал, — заметил Крюгер. — Ладно, займемся. Делла, не смею задерживать. Результаты всех экспертиз будут готовы завтра, да и попутку ту мы найдем быстро.

— Надеюсь.

— Не забудьте, пожалуйста, вы обещали вместе со мной поехать на космодром, встречать эту Бейкер. Могу прислать за вами машину. Без опознавательных знаков.

— Ну почему же без знаков? Вы забыли, я работала в полиции и питаю некоторую ностальгию по тем временам.

— Странно, я бы быстрее предположил, что вам нравится все военное.

— Ну что вы.

...Август, которому я отчиталась, помрачнел.

— Плохо, — только и сказал он.

Вот вам и все комментарии.

...А вечером Макс еще и скандал закатил.

* * *

На космодроме было холодно и солнечно — идеальный осенний день. Прозрачный воздух, ветер стих, казалось, вот-вот разогреет и начнет припекать. Мне даже не хотелось заходить в здание космопорта, так было прекрасно.

Земной лайнер пришел с опозданием на четыре минуты. Ну, это еще куда ни шло. Обычно дальние рейсы, даже федеральные, запаздывали минут на десять-пятнадцать. Что поделать, космос — это вам не автобан, всех случайностей не предусмотреть. Народу на Таниру прибыло много, туристы с любопытством глазели на нас с Крюгером — и на двоих рослых полицейских, маячивших за нашими спинами. Бог знает, зачем Крюгер прихватил их с собой. Не исключено, что решение ему подсказала паранойя — ведь важная свидетельница прибывает, надо уберечь от жестокой банды.

Миссис Бейкер оказалась жирной старухой в ярком платье с цветочным принтом. Перемещалась она в инвалидной коляске, которую неотлучно сопровождала юная усталая девушка. По документам миссис Бейкер было не так много — пятьдесят четыре, — но выглядела она на все восемьдесят.

Я чего-то подобного и ожидала. А Крюгер опешил и на несколько секунд потерял дар речи. Его никто не предупредил, что наша свидетельница — глубокий инвалид. Сама она тоже не заикнулась, что ей нужен спецтранспорт. Теперь Крюгер напряженно думал, как выйти из неловкой ситуации: коляска явно не войдет в патрульную машину, а перенести в салон тушу весом под центнер — позвоночник треснет. Решение, естественно, было единственным: Крюгер побагровел и вызвал медицинский фургон. Старуха злорадно за ним наблюдала. Похоже, она нарочно не сообщила о своих ограничениях.

Фургон мы ждали снаружи. Сотрудник космопорта принес накидки с подогревом, старуха долго возилась со своей, роняла, девушка, прилетевшая с ней, суежилась вокруг, никак не могла приладить одежду так, чтобы клиентка была довольна. Сама замерзла до синевы, а старуха не собиралась даже уgomониться.

Я молчала.

Прибыл фургон, вредную бабу наконец погрузили. Крюгер пригласил меня в свою машину.

— Что скажете? — спросил он, когда мы тронулись в путь таким кортежем.

Мне было слишком много, чего сказать. Миссис производила настолько отталкивающее впечатление, что я не знала, с какой стороны начать. Я могла бы поспорить:

ей нравится раздражать и злить людей, вызывать ненависть и отвращение. Толстые люди бывают необыкновенно приятными, и инвалиды бывают обаятельными, ее физическое состояние не имело никакого отношения к восприятию.

— Какая омерзительная... Даже не хочется называть ее женщиной, — сказал Крюгер. Помолчал и внезапно добавил: — Грета Шульц была, по мнению многих, не самой приятной в общении дамой. И не самой красивой. Я не знал ее лично, хотя она из немецкой диаспоры. Но она — женщина, это бесспорно. И ведь постарше этой...

Я неспешно ковырялась в сети, отыскивая публичные данные на миссис Бейкер. Как ни странно, дамой она слыла светской, только в последний год никуда не показывалась. Я посмотрела фото, где она была моложе и стройнее. А ведь довольно красивая женщина. Ага, вот. Странно, рассеянный склероз лечится, почему же она предпочитает ездить на коляске? Трудный случай? С головой у нее трудный случай, не иначе.

Нам не пришлось ехать в управление. Крюгер, поглядев на инвалидную коляску, сразу направил кортеж к клинике, где обретался Бейкер. Его мамаша, судя по всему, была разочарована — она рассчитывала поскандальить где-нибудь. Разумеется, всех вместе нас в палату к «больному» не пустили. Поначалу врач требовал, чтобы все, кроме Крюгера и матери, ждали в гостиной для посетителей, но мамаша заявила, что без помощницы не управится, а Крюгер отстоял меня.

Честно говоря, я плохо понимала, зачем мамаше Бейкер помощница. Коляска у нее вполне современная, дорогая, управляется движением мизинца, а если его нет — можно рулить напрямую с чипа. Тем более что миссис Крюгер не была парализована, я уверена, она до сих пор могла ходить, пусть кое-как, но могла. Не та у нее стадия заболевания, чтобы вовсе ничем не шевелить. Слишком бодрая она для серьезного поражения.

В палату я вошла последней, прикинулась мебелью и вся ушла в наблюдение. Страдающий сын со слезами на глазах кинулся к матери, та принялась подбадривать его, мол, ты же мужчина, крепись, все будет в порядке... Крюгер тихо ждал. А я перехватила взгляд девушки-помощницы. Она обернулась, глаза широко раскрыты и подозрительно блестят, а на лице — отчаяние...

— А, Кони, — Бейкер обратил внимание на девушку, — все цветешь... Мне кажется, или ты поправилась? Мама, как же я скучал без тебя...

Крюгер преодолел восторги семейной встречи, строгим тоном предложив миссис Бейкер ответить, кто перед ней.

— Это мой сын Бернارد Эллиот Бейкер, — заявила старуха.

— Вы уверены?

— Естественно, уверена! — возмутилась старуха.

— Ваши сыновья — близнецы, даже на взгляд экспертов чрезвычайно похожие. Вы не видели Адама много лет. Вы уверены, что это Бернارد, а не Адам?

— У него на спине шрам от падения с качелей, это произошло, когда ему было четыре года. У Адама такого шрама не было. Можете проверить.

Я снова перехватила взгляд девушки. Короткий, но уже осмысленный — и адресованный мне. Я не двинула и волоском в брови. Понятно.

Бейкер покорно стянул с себя больничную блузу и повернулся спиной. Да уж. Рубец короткий, но широкий.

— В его медицинском досье нет упоминания о ранах.

— Да, ну и что?! Врача не вызывали, его отец сказал, что на мужчине само заживать должно! Он такой был! Потому и помер от какой-то ссаной заразы!..

Я отметила очень грубое слово. И еще — что Бейкер, якобы художник, натура тонкая и ранимая, даже не вздрогнул.

— Ну и зажило! Вам мало слова матери? Этот шрам отлично знают все наши знакомые! Мой врач, моя прислуга, моя приятельница, которая приходит играть в карты по вечерам!.. Мы играем возле бассейна, в купальных костюмах, и этот шрам заметен! Вон, у Кони спросите! Кони!

Девушка вздрогнула, часто закивала — да, мол, видела.

— В таком случае осталась чистая формальность — анализ крови на ДНК, — сказал Крюгер торжествующе.

Старуха гневно фыркнула:

— В моем присутствии! Берни, пусть делают что хотят, лишь бы отстали! Пусть! Я устала, мне надо забрать тебя и отдохнуть наконец! Когда тебя выпишут?

— Мама, если бы ты не приехала, меня продержали бы еще месяц. Но тебе, надеюсь, отдадут. Почему ты так долго не приезжала?..

Ну, понеслось. Я меланхолично писала на чип их беседу — мамаша то сюсюкала, объясняя, что ей надо было пройти обследование у врача, а вдруг что в пути стрясется, то прикрикивала... Сомневаюсь я, что она говорила таким тоном с Бернардом. Не общаются так с сыном, который пятнадцать лет с тобой неразлучен и в котором ты души не чаешь.

Бейкеров повели в лабораторию. Улучив момент, я написала Крюгеру: «Отто, изыщите способ арестовать девушку. За что угодно». Крюгер сильно удивился, но тут же несколько отдалился — ответить на «важный звонок, это комиссар». Вскоре я получила от него сообщение на чип: «Сделаем».

Я внимательно следила за Бейкерами, пока брали кровь. Никто из них не вспотел, не взволновался. С соблюдением всех положенных ритуалов — два свидетеля, в роли которых выступила девушка Кони и одна из местных сестер, письменное согласие проверяемого, — кровяной мазок загрузили в аппарат. Время пошло.

Шестьдесят секунд. Компьютер тренькнул, сообщая, что результат готов.

Кровь, взятая на анализ, принадлежала Бернаду Эллиоту Бейкеру.

Генные карты совпали.

Надо отдать должное Крюгеру: он не устоял на меня в изумлении и вообще никак не выдал разочарования. Напротив, казалось, он весьма доволен.

— Прекрасно, мистер Бейкер, — сказал он. — Теперь, когда ваша личность подтверждена, я задерживаю вас как важного свидетеля по делу об убийстве Нэми Фогарт.

— Да что за чушь?! — взвилась миссис Бейкер. — Я вызову нашего адвоката, он живого места на вас не оставит! У меня приличные дети! Наплевать, кто грохнул эту вашу потаскушку, при чем тут мой сын!

Ее сын ошарашенно моргал. Этого он не ждал.

— Мама, — попросил он, — погоди. Погоди. Кажется, я помню, о ком речь. Это ведь одна из соседок Адама? — спросил он у Крюгера. — Вроде бы он говорил о ней, да, точно говорил. Он иногда давал ей денег на ее благотворительность. Я удивился тогда, потому что мой несчастный брат и благотворительность — это вещи несовместимые. Но он объяснил. Эта девушка — немного сумасшедшая. Верно? В старину таких называли юродивыми. Чудачка. Но она добрая. Адам сказал, что никогда не верил во все эти фонды, считал мошенничеством. Но Нэми не воровка. Она ни гроша себе не возьмет из тех денег, что ей дали на сирот или беспризорных животных. Он рассказывал, как однажды помог ей дотащить огромный мешок корма до приюта для кошек. Я не видел ее, но думал, что... Я мало знал брата. Но то, что он делал постоянно, я тоже буду делать. Это как бы духовное завещание, понимаете? И я думал, что тоже буду давать деньги Нэми, пусть даже она затеет очевидную глупость. И... боже мой, я не ослышался, вы сказали, она убита? Нэми?! Б-быть того не может... Господи...

Н-да. Актерские способности хорошие, а вот актерских мозгов нет совсем.

— Да, убита, — бесстрастно подтвердил Крюгер. — В подвале вашего дома. Ее изнасиловали трое — человек и два орка, затем ей вспороли живот.

Интересно, зачем Крюгер выкладывает такие подробности? Это ведь тайна следствия. Не иначе тоже почуял слабинку и теперь страшает.

Бейкера передернуло. Его мамаша молчала.

— Нэми Фогарт приходила в гости к вашему родственнику, Соломону, которому вы позволили пожить, пока сами в клинике.

— Соломон? — Бейкер пару раз моргнул. — Ах да, Зили! Эксперт, это не родственник, не пугайте мою маму. Это старый приятель Адама.

— Но вы дали ему ключи?

— Нет. Ключи ему дал Адам, давно, и он же разрешал по несколько дней жить на отцовской половине. Я... я не знаю этого парня. Но раз Адам разрешал... Адам очень хорошо разбирался в людях. И... уж не хотите ли вы сказать...

— Я хочу сказать, что у убийцы тоже были ключи. Убийца на свободе. Исходя из вашей ценности как свидетеля, я принимаю решение задержать вас как свидетеля. В конце концов, в камере я могу гарантировать, что вас не убьют точно так же, как вашего брата и Нэми Фогарт. Крепко ж кому-то насолил ваш братец.

— А моя мама? Мама ведь будет в опасности!

Крюгер пожал плечами:

— Вашу маму мне решительно не за что задерживать. Ее тут не было.

— Берни, — скомандовала мама, — подчинись. Не отвечай ни на какие вопросы, пока я не вызову адвоката. Обо мне не беспокойся. Подчинись, потому что это законное требование представителя полиции.

Мы с Крюгером равнодушно следили за спектаклем. Мамаша наставляла сынка, но за ее заботой проглядывал страх.

Еще через двадцать минут Бейкера наконец-то засунули в патрульную машину.

— Я поеду с вами! — заявила мамаша тем тоном, который, как ожидается, душит сопротивление в зародыше.

Не тут-то было. С Крюгером такие номера не проходят. Его можно обвести вокруг пальца, но тупой силой и напором пережать нереально. Он поглядел на старуху сверху вниз и отрезал:

— Миссис Бейкер, когда понадобятся ваши показания, вас пригласят. Будьте любезны сообщить мне, где вы остановились на Танире, чтобы я мог вас вызвать. Да, и вы упоминали про адвоката? Вот и займитесь — подберите лучшего, подумайте, что ему сказать, и так далее. Мои приемные дни — четверг, пятница. Лучше всего, если вы воспользуетесь предварительной записью, тогда я смогу подготовить ответы на ваши вероятные вопросы. Не забывайте, что это у вас сын единственный. У меня таких сыновей по камерам сидит много.

Он вещал и потихонечку, буквально по полшажочка, смещался в сторону девушки Кони. Та слушала как замороженная, и мамаша Бейкер тоже поддавалась магии истинно канцелярского тона. Кажется, только я успела заметить, как рука Крюгера, вроде бы случайно, от излишне активной жестикуляции, коснулась сумочки Кони. Оп-па, подумала я, Крюгер и это умеет? А ведь приемчик-то злой, из числа запрещенных. Я нисколько не сомневаюсь, что все опытные копы им владеют в совершенстве, но не слишком ли рискованно?

— Надеюсь, вы поняли, — закончил Крюгер. — Всего хорошего, дамы, желаю спокойного вечера... Мисс Берг, а вас я попрошу пройти со мной в управление, мне необходимо уточнить...

К стыду своему, я отвлеклась на Крюгера и не успела увидеть, что именно послужило стартовым толчком. Я услышала только хриплый от ненависти шепот Бейкерши, неразборчивый, потом — истерический вскрик Кони. А в следующую секунду девушка кинулась наутек.

— А! Держи ее! Воровка! — завопила Бейкерша.

Оба копа, сопровождавшие Крюгера, помчались вслед, как призовые рысаки — высоко вскидывая бедра и далеко выбрасывая голени. Одно удовольствие глядеть на таких бегунов.

— Что она украла? — поинтересовался Крюгер.

Бейкерша поморщилась:

— Эксперт, вы как маленький. Если хочешь, чтобы тебе помогли, всегда надо кричать «Вор». Или «пожар».

Кони затравленно металась, пытаясь увернуться от копов. Чуть не попала под машину.

В конце концов ее схватили. Девушка не в себе, отметила я, глядя, как она бешено вырывается, кусается и бьет ногами. Ее приволокли силой, держа почти что на весу, крепко прижали лицом к патрульной машине и наскоро обыскали. Во время осмотра сумочки на свет божий явился красочный прозрачный конвертик в половину ладони. В такие паковали кокаин драгдилеры на Большом Йорке.

— И что это такое? — спросил Крюгер у девушки.

Ответила она ровно то же самое, что отвечают все, виновные и невиноватые:

— Не знаю! Это не мое! Мне подбросили!

— Разберемся, — кивнул Крюгер.

Бейкерша ошалело следила за происходящим. Когда девушку заперли в машине, она спросила:

— И что это?

— Кокаин, полагаю, — благодушно ответил Крюгер. — Вряд ли соль. Зачем бы ей носить соль в цветном пакетике?

— Ох ты. Еще и наркоманка. Нет, я сразу поняла, что она редкая дрянь. Еще когда нанимала ее на работу. Но что она еще и наркоманка...

— А вы замечали за ней странное поведение?

— Ну еще бы! Конечно, сколько раз!

— В таком случае жду вас завтра к десяти утра. Если вы не знаете, хранение даже однократной дозы кокаина на Танире — уголовное преступление.

— Почему бы не сейчас? — предложила Бейкерша. — Заодно и...

— А сейчас у меня обеденный перерыв, — заявил Крюгер.

— Но как, черт бы вас побрал, я теперь буду добираться до отеля?!

— Как хотите. Я не извозчик.

Крюгер втолкнул меня в машину и захлопнул дверцу. На улице ругалась миссис Бейкер, оставшаяся в одиночестве.

* * *

Кони уже не плакала.

Она сидела напротив Крюгера, сбоку от меня. Перед ней стыла уже третья чашка кофе. Глаза девушки были красными и сухими. Узкие плечи изредка содрогались от рыданий, но слез, наверное, не осталось.

— Это не мое, не мое, — твердила она. — Обследуйте меня у врача, у меня в крови ничего нет. Вообще.

— А вы, однако, подкованная, — заметил Крюгер.

Она бросила на него дикий взгляд:

— Бьярни — художник. Известный. Вы серьезно думаете, что мы никогда ничего такого не пробовали?! Да вы как будто даже слова такого — «богема» — не слышали!

— У меня племянник — актер, — ответил Крюгер. — Представьте себе, у них такое не принято.

— Ну-у, актер. У них все по-другому. Вы бы еще с музыкантами сравнили. Или с писателями.

Она судорожно глотнула воздуха и осеклась.

— Бьярни — это Бернард Бейкер? — участливо спросила я.

Кони только сжала губы.

— Кони, если вы поможете нам, то мы поможем вам, — начал Крюгер.

Она метнула в него злобный взгляд и процедила:

— Ага, федеральная программа защиты свидетелей. Полная. Что, слабо?

— Запросто, — хладнокровно ответил Крюгер. — Но вы ж понимаете, не за просто так.

— Гарантии, — выплюнула Кони. — Гарантии — и я ваша.

— Вы и так наша, — сказала я негромко. — Потому что Бернард вам не безразличен.

Кони одарила меня долгим внимательным взглядом. Из-за припухших красных век впечатление смазлось, девушка казалась обиженным ребенком, который решил больше никому не верить.

— Гарантии до показаний не даются, — напомнил Крюгер. — Вот если бы мы сами на вас вышли — другое дело. Так что придется вам рискнуть.

Она еще раз поглядела на меня. И решилась. Естественно. У нее не было другого выхода.

— Мы познакомились пять лет назад. Мамаша не знает, — выплюнула она. — Мне было шестнадцать. На вернисаже его персоналки в Каире. Поймите, Бьярни — он же лучший из сегодняшних живописцев. Я копила на его картину. На оригинал. Хотя бы малюсенький. Вот на самый малюсенький мне денег и хватило. Я подошла за автографом. А потом мы встретились в баре тем же вечером. Случайно. Кажется, мы были единственными трезвыми в том кабаке. И пошли к нему, потому что для нас все было ясно. Так бывает, хотя вы мне не поверите. У меня никого до него не было, а Бьярни потом говорил, что впервые влюбился. Послушайте, у него нет и никогда не было шрамов на спине. И отец у него был нормальный. Усталый, взгляд немного виноватый, — но он нормальный. В жизни не поверю, чтобы тот человек, которого я знала, мог такое сказать — пусть само заживает. На четырехлетием ребенке! Да я уверена, что Мамаша врет. Она всегда врет. Существо, которое без лжи жить не может. Не соврешь — день пропал.

— Значит, Бернард виделся с отцом?

— И с отцом, и с братом. С братом редко. А с отцом — всякий раз, когда тот на Землю прилетал. Бьярни мне однажды признался, как жалеет, что при разводе остался с матерью. Только однажды. Получилось глупо: он застукал отца с любовницей. Обиделся. Встал в позу, хоть ему и было всего ничего. А отец предложил ему остаться с ним. Бьярни ссорился с Адамом, всегда, но отец обещал, что приструнит старшего. В общем, Бьярни остался на Земле, а Адам поехал с отцом на Таниру. Я никогда не видела Адама до сегодняшнего Дня. Знаете, они совсем не похожи. У них мимика, пластика совершенно разная. Да ну чего там, голос-то тоже другой.

— Зачем он познакомил вас со своим отцом?

— Почему нет? Он же не стеснялся ни отца, ни меня. Я... — она содрогнулась. — Я так рада, что его отец успел... — Кони крепко зажмурилась. — У меня сын от Бьярни. Полтора года. Ален. Он болел, я не хотела его показывать — весь в соплях, некрасивый, так-то он очаровательный ребенок, но не когда болеет, — а потом подумала: деду все равно, что у внука нос красный, это же внук. И показала. А через месяц Бьярни приходит, аж белый. Говорит: «Папа умер. Тонсийский лямблиоз». Господи, как он переживал. Адам — дерьмец, я уверена, даже слезинки не проронил. Мне про него рассказывали, отец Бьярни рассказывал. Адам — его величайшее разочарование. Лицемер, двуличный человек. Весь в Мамашу.

— Если у вас с Бернардом был общий ребенок, отчего вы не оформили отношения? — спросил Крюгер. — Или у художников такое не принято?

— Да бросьте. Такие же люди. Если б я разовой подружкой была — это одно. Собственно, с этого оформления все и началось, будь оно неладно. Бьярни очень не хотел знакомить меня с Мамашей. Вообще не хотел, чтобы та знала. Он из-за этого и Алена не признал официально. А отцу он сказал как есть. И отец ему ответил, что надо решать, нельзя так жить. Отец у него тоже очень практичный был. И не хотел, чтобы Адам знал, сколько у него денег на самом деле. Короче говоря, отец Бьярни купил островок на Авроре. И оформил, что называется, на предъявителя. То есть приходит человек, дает пароль, и тогда оформляется в собственность. Если такой человек за пять лет не появится, тогда по умолчанию оформляется на имя Бьярни. Понимаете, мы жили в атмосфере паранойи. Это жутко. Потому что Бьярни не выдерживал, когда Мамаша начинала скандалить. У него руки-ноги слабели, хоть врача вызывай. Он реально этого боялся.

— Надо полагать, она все-таки узнала? — уточнил Крюгер.

— Не полностью. У нее нашли рассеянный склероз. Она бегала как лошадь, да и сейчас

тоже, не верьте, что она ходить не может. Еще как может. Но это же повод заставить сына почувствовать себя виноватым! Бьярни впал в депрессию. Я сказала — без вариантов, заплатим мы за ее лечение, а сами уедем на Аврору. И Бьярни сказал матери — мол, я продаю обе свои квартиры, на лечение этого хватит, а потом уезжаю. Хочу, чтобы у меня была своя семья и так далее. Мамаша от лечения отказалась, сослалась на страхи, у нее крыша поплыла, руки на себя наложить пыталась... Бьярни вообще на себя перестал быть похож. И тогда же она уселась в эту коляску инвалидную, жрать стала в три горла. Наверное, хороший врач нашел бы к ней подход, но проблема в том, что она ведь не хочет! У нее и так все замечательно! Сын пляшет вокруг, у него рушится жизнь и карьера, конечно, она довольна. Знали бы вы, как она его ненавидела. Дикая семейка. Мамаша совершенно намеренно издевалась над Бьярни. Я тогда придумала, что наймусь в сиделки к ней. Потому что из-за ее капризов мы с Бьярни почти не виделись, ну и я разгрузила бы его хоть немного, чтобы он не круглые сутки был прикован к маменьке. Боже, как я об этом пожалела. Мне надо было любой ценой уводить Бьярни, а я пыталась решить дело миром.

Кони всхлипнула и одним глотком выпила кофе из чашки. Крюгер заказал еще.

— Мамаша странными делами занималась. Я все расскажу. Только я ничего не понимала. Сказала Бьярни — он ответил, чтоб я не лезла. И еще Мамаша постоянно общалась с Адамом. Не напрямую, через кого-то. Ну вот я одного не понимаю: чего скрывать-то? Ты мать, чего тебе стесняться, что с сыном общаешься, а?! Как будто преступление какое, честное слово... А в августе вдруг наехала на Бьярни, чтобы тот слетал на Таниру. Мол, брат там совсем один, у тебя совести нет, только о себе вечно думаешь... Бьярни взял одну свою картину и полетел. Я просила его не летать. Очень. А он — семейный долг, семейный долг, как я буду смотреть в глаза нашему сыну... Ну и все. Я в новостях прочитала про убийство Адама, ужаснулась. Мамаша как ни в чем не бывало — да, мол, знаю, поэтому Бьярни и задерживается. Он вообще решил там осесть, он ведь давно собирался зажить своим домом. Теперь он наконец бросит свою дурацкую малеванщину и займется нормальным делом — грузоперевозками. Будет уважаемым человеком, женится на девушке из приличной семьи, Мамаша уже кого-то выбрала. Я была в таком шоке, что даже звонить ему побоялась. Понимаете, я мнительный человек. Мне показалось, что раз Бьярни сам не звонит и не пишет, — он меня бросил. А тут Мамаша сказала, что надо будет слетать, только она не знает когда. Мол, ей позвонят и скажут, когда можно. И вышло, что мы собирались наспех, потому что ей позвонили, а рейс уже буквально завтра, еле успели. В пути она мне открытым текстом сказала — потребуется, подтвердишь любые мои слова. Я, дура, еще на что-то надеялась. А увидела совершенно чужого человека. Тогда я и поняла, что убили-то не Адама. Простите, что я побежала, просто я сначала от шока не прочувствовала, а на улице до меня дошло, что эта сука и ее сыночек убили моего Бьярни и они ни перед чем не остановятся. Я поняла, что сейчас останусь один на один с Мамашей... а она ведь знает, что я догадалась, и если уж она родного сына убила, то что ей?..

Кони снова заплакала. Потом она разрыдалась. Потом она зачем-то принялась рассказывать в подробностях, как познакомилась с Бернардом, откуда взялось имя Бьярни, во что они были одеты на ежегодном художественном съезде в Париже... Ее душили слезы, но ей было чертовски важно проговорить какие-то ценные, интимные воспоминания. Она расставалась со своим Бьярни навсегда. Она летела на Таниру, уже предчувствуя беду и надеясь на чудо. Чуда не случилось, надежда умерла. Бьярни больше нет.

Я отошла к окну. Положила ладонь на стекло, оно было прохладное. С той стороны улицы пробилась особо ядовитая метка, сверкнула мне в глаза, я отвернулась.

Пластиковые двери кабинета разъехались в стороны неприлично быстро, и в помещении сделалось тесно, потому что явился Август-Александр Маккинби и заполнил своей аурой весь доступный объем.

— Крюгер, — Август даже не поздоровался, не спросил, уместен ли его визит, — я почему-то думал, что вы сделали экспертизу ДНК всем жертвам после того, как обнаружили, что Бейкер у нас поддельный.

Крюгер издал нечленораздельный звук и принялся оправдываться:

— Ну у остальных же не было братьев-близнецов! Да мы и по Бейкеру официально не делали, частным порядком, официально только сегодня, чертовщина какая-то происходит...

— Крюгер, — ледяным тоном перебил Август, — кто опознавал тело Князева?

— Мм... Никто. То есть мы предложили жене, а она ж беременна, сказала, что боится трупов. И вообще на нем был чип...

— В морг, — приказал Август.

— Вы не видите, что я занят?!

— Можете и дальше заниматься ерундой. Вы могли взять банду еще неделю назад. Делла, ты готова? Крюгер, жду вас на парковке ровно одну минуту.

* * *

Доктор Моррис ни капельки не удивился, увидав столь представительную компанию. Предложил нам обождать в его гостиной — поскольку никакой надобности в нашем присутствии не было, ведь данные требовались в рабочем порядке, не для отчета. Экономка церемонно подала нам чай. Стоило ей уйти, как в гостиной появился Йен Йоханссон — усталый, в теплом плаще.

— Я только что прилетел с Эвереста, — сказал он, здороваясь со всеми. — В управлении мне сказали, что все здесь, ну я и...

Вернулась экономка с вазой печенья. Растерялась, потому что гостей стало на одного больше, засуетилась. Я вспомнила, что про нее сплетничали в управлении, — якобы аутистка, Моррис потому и взял ее, что она идеально поддерживала порядок, не выносила никаких перемен и почти все время молчала. Ну, аутистка не аутистка, но чудачка — это точно. С другой стороны, с чего бы у Морриса работала обывательски нормальная экономка? Ему с ней сделалось бы скучно на второй день.

Йен коротко сказал нам, что на Эвересте тема закрыта полностью, он даже добился, чтобы на Таниру перевезли раненого Зелинского. Тот шел на поправку, пока не говорил, но уже горел желанием дать письменные показания. Надо же, какой прогресс! А всего-то одна точно выпущенная пуля. Правда, хитрый засранец отказался сотрудничать со следствием, заявив (письменно), что показания даст только на суде. Я уже жалела, что Даймон стрелял так метко. А то ведь благодаря ему Зелинский потерял чувствительность ниже челюсти, и вторая пуля — в задницу — ничему хорошему его уже не научит.

— Была бы проблема, — разумеется, сказал на это Август. Помолчал и добавил совсем не то, чего стоило ждать, — мол, и не таких ломал. А он сказал: — Не хочет сотрудничать — пусть идет как соучастник. А дело мы и без него раскроем. Он не ключевая фигура.

— Интересно, кого вы считаете ключевой, — с некоторым вызовом сказал Крюгер.

— Думаю, на этот вопрос можно дать определенный и единственный ответ. Это инженер. Человек, который изготавливает чипы. Помимо этого он подделывает еще массу документов — и они, пожалуй, поважнее чипов. Он подделывает бортовые журналы на кораблях Бейкера — что позволяет полностью замаскировать работорговлю. Без него банда рассыплется, просто потому, что тут же наследит в сети и попадет в поле зрения полиции нескольких колоний, федералов и контрразведки...

— Это-то с какой стати? — удивился Йен. Он не знал еще о событиях на Танире.

— С такой, что покупка ворованного оружия всегда интересует контрразведку. При этом, — продолжал Август, — от этого человека не зависят никакие решения в банде. Он чистый исполнитель. Для расследования он ключевая фигура уже потому, что знает членов обеих частей банды — он ведь делал чипы для всех.

Йена просветили относительно новостей. Он выслушал, на секунду задумался, потом посмотрел на Августа:

— А, ну понятно, в честь какого праздника мы собрались в морге.

Крюгер поглядел на него с уважением.

— Соображаешь, — сказал он. — А я долго не мог понять, в чем дело. Впрочем, я и не обязан быть гениальным сыщиком. Да-да. Я вообще администратор. Моя задача — создать гениям условия для работы. Я участвую только потому, что у тебя, Йен, первое дело. И будь ты трижды гений — у меня больше опыта, а тебе его не хватает.

Ответить Йен не успел: вошел доктор Моррис. Уже переодевшийся и принявший душ. Присел к столику, отпил чайку.

— Это не Князев. Соломон Герхард, — сказал он. — Сирота, двадцать девять лет, родился на Люктоне, без гражданства и постоянных доходов.

Я вспомнила: Нэми Фогарт считала, что загадочного жильца Бейкер-коттеджа зовут Соломоном.

Все подумали об одном и том же, переглянулись и сразу дружно помотали головой.

— Если Князев такой рукастый, то поиски по чипу ничего не дадут, — озвучил общее мнение Крюгер. — Давно переписал, небось, на вовсе вымышленное лицо. Дурак он, что ли, столько времени ходить с чипом жертвы? Тем более что банда тоже знает, кого искать.

— Это если у него есть доступ к оборудованию, — скромно напомнил Август. — Впрочем, доступ-то получить несложно. Достаточно убедительно наврать коллегам по ремеслу, настройщикам чипов.

— Жена? — Йен прищурился. — Жена может знать.

— Семь месяцев беременности, — осадила его я. — Тебя линчуют, если вздумаешь задержать беременную без веских оснований. Ты ж не ее в убийстве подозреваешь? А за недонесение ей ничего не будет — жена.

— Да нет, я думал приставить к ней хвост. Если он поддерживает контакты с женой, то она выведет нас на его логово.

— Это если он идиот. А он может быть трижды идиотом, только он не один в банде. Не-не, к жене он не подойдет, даже чтоб издали полюбоваться. И она с ним никаких контактов не поддерживает. Чтобы не могла выдать при всем желании.

— Но он должен быть на Танире, — пробормотал Йен. — Если он не скрылся до сих пор, то его что-то удерживает здесь. Он не улетит. — Йен потерял виски. — Голова после перелета не варит совсем.

— Самое безопасное для него — втереться в толпу туристов, — обронил Август.

— Отто, — позвала я, — может быть, раз уж мы здесь и доктор Моррис так любезен, сразу проверить и остальных жертв? Просто чтобы знать: других сюрпризов не будет.

— Не беспокойтесь, — внезапно сказал доктор Моррис. — Не будет. Разумеется, после того, как мы с вами определили, какой из братьев Бейкеров убит, я проверил остальных.

Наступило молчание.

— Секундочку, — нахмурился Крюгер. — То есть вы знали, что Князев жив?!

— Конечно, — с полным самообладанием ответил доктор Моррис.

— А почему не доложили?! — взорвался Крюгер. — Я тут как последний кретин пытаюсь разобраться...

Моррис внезапно обиделся:

— Эксперт, вы очень неприятный человек. Я не хочу с вами разговаривать.

И немедленно ушел. Крюгер беспомощно посмотрел ему вслед:

— Ну вот как, как с ним работать, а? Вот скажите мне — как?

Август ушел вслед за доктором, не проронив ни звука и не попрощавшись.

— И этот такой же, — обреченно подытожил Крюгер. — А я со всеми должен ладить. Уволюсь к чертовой матери, не могу я больше.

И тоже ушел.

* * *

— Не-ту! — раздельно повторил федерал, глядя на меня пустыми надменными глазами. Ну что может понимать в чипах какая-то баба, которую Маккинби взял явно за внешние

данные, потому что других нет и быть не может? — Никаких следов, понимаете? Это не подделка. И незачем сочинять тут фантастические романы, когда все ясно как день. Джон Смит с Венеры — сообщник. Он дал свой чип поделщику, а тот сглупил и засветился.

Н-да. Главное, совершенно бесполезно объяснять, что Даймон не мог так сглупить. Федерал считал себя крутым. Он понятия не имел, чему учат диверсантов, особенно в Военном университете в Мадриде. Он вообще хорошо если хотя бы слышал про этот университет. Я намеренно пришла с меховыми тапочками на лацкане — по-моему, он счел этот аксессуар модной бижутерией.

Ненавижу тупиц.

Особенно — облеченных федеральными полномочиями.

Федерал тем временем сообщил «куда следует» свое драгоценное мнение. С рекомендацией арестовать Джона Смита с Венеры.

Я молчала. Зачем подставлять людей? Был ведь еще некий Джейкоб Бирма. Я уж молчу про Максимилиана ван ден Берга.

Федерал решил, что его миссия завершена, и собрался уходить. Так, чтобы он слышал, я сказала Йену:

— Идея, — я говорила негромко и деловито, чтобы надутый федерал осознал: его тщеславие тут никто даже не замечает. — Князев ведь у кого-то учился профессии.

— Так, — Йен прищурился, — этот старый мастер, который его выгнал...

— Китаец, — подтвердила я. — Давай я съезжу? Поговорю с ним. Вдруг разберет, что его ученик наворотил?

Федерал обернулся и хотел что-то сказать. Йен опередил:

— А съезди. Я не поеду, там безопасно. Пока тебя не будет, проштудирую биографию Хенты Ахири. Потом обменяемся сведениями.

* * *

— Вам нужно расслабить тело, — категорично заявил старый китайский парикмахер Ли Бэй, тесть эльфа Джона Смита.

Собственно, я приехала к нему, чтобы узнать, у кого учился Князев. Едва вошла, поздороваться не успела — а мне такая встреча.

— Возможно, — уклончиво ответила я.

Он поднял палец.

— У вас усталый вид, вы неправильно живете и думаете: вот все кончится, отдохну. Это плохое решение. Надо отдыхать тогда, когда выдается минутка, чтобы всегда были силы.

— Вы правы, — согласилась я. — Стараюсь.

— Я знаю, что вам нужно прямо сейчас, — сказал он, открыл внутреннюю дверь в дом и поманил меня: — Идите сюда.

Оказалось, кроме двух крохотных комнат-залов, из которых состояла публичная парикмахерская, в доме еще был салон для особо приятных клиентов. И меня пригласили в эту святая святых. Я с долей суеверного восторга наблюдала, как Ли Бэй подбирает свежесрезанные травы, пробует воду из разных кувшинов, смешивает глину...

Да, я потеряла два часа, которые могла бы поработать. Эти два часа я пробыла в состоянии Галатеи, над которой трудился китайский Пигмалион. И лишь потом, по окончании сеанса, когда жена Ли Бэя подала натуральный чай, старик разрешил мне говорить о деле.

— Я ищу мастера, у которого учился Князев.

— Мастер Вэнь, — кивнул Ли Бэй. — У него дом за рынком. Идите на рынок, там возьмите рикшу, скажите — за пристань. На рынке надо ехать по рыбному ряду, до конца, до пристани. Там сверните налево. Будет роща, а за ней — дом Вэня. Он хороший человек, но чудак. Мы уважаем его.

— Спасибо, мастер Бэй.

— Приходите ко мне послезавтра, к вечеру, в эту комнату. Моя жена встретит вас. Если вы будете ходить раз в два дня, через месяц будете красавицей, каких нигде нет.

Потом он назвал стоимость сегодняшних косметических процедур, и я поняла, что очень даже хочу быть красавицей. Не, ну за такие деньги — я всегда рада. В принципе я и без особого ухода хороша собой, но где вы видели женщину, которая не хочет стать еще привлекательнее?

Подумав хорошенько, я решила, что обойдусь без рикши. Подумаешь, придется обогнуть весь громадный рынок. Я ж не ногами его огигать буду — на машине.

Дорога заняла минут тридцать, но больше из-за плотного движения по узким улочкам, прилежавшим к рынку. Машины тут едва ползли — потому что пешеходы двигались иной раз и по середине проезжей части. Мне показалось, что за покупками сюда явилась вся Танира за вычетом части туристов, и удивительно лишь, как все остальные точки, где торгуют продуктами, ухитряются получать прибыль. Если вся Танира закупается здесь?

Указанный мне дом я нашла легко. Строго говоря, заблудиться было невозможно: налево от пристани вела узкая дорожка, и за рощей упиралась в единственное здание. С виду оно было абсолютно стандартным и по-военному безликим. В обе стороны от фасада тянулась изгородь, за которой рос сад. Я припарковалась на удобной площадке справа от входа — кажется, я не ошиблась, это место предназначено именно для стоянки, хотя никаких указаний нет.

Двери при моем приближении распахнулись сами, и я шагнула через порог под мелодичный звон колокольчиков. Огляделась; ого, хозяин знает толк в настоящей китайщине. В отличие от большинства своих соседей по кварталу. Я рассматривала многочисленные безделушки в классическом стиле, грамотно развешанные гравюры, старалась прочитать символы — нам в общем курсе культуры давали «китайскую грамоту», ведь кого-то из нас могли направить в Шанхай.

Позади чуть колыхнулся воздух.

— Мастер Вэнь? — я обернулась.

Да, старик. Глубокий. Обычный фольклорный китайский старик. Того типа, от которого только и жди подвигов. Тебе кажется, он такой хилый, а он вдруг применяет искусство — и ты понимаешь, что его старенький пулемет куда круче твоего новенького кунфу.

Я очень вежливо поклонилась. Старик окинул меня пытливым взглядом темных глаз:

— Тебя на Шанхай готовили, что ли?

— Я ассистент инквизитора Маккинби, — ответила я, загнав внутрь изумление. — Пришла к вам за помощью.

Старик коротким, резким жестом показал на скамейку. Я присела. Он помолчал.

— Не пойму: на кой черт тебя готовили на Шанхай? Ну белая же. Резидентом в посольство — да, именно белую и надо. И женщину. Но хоббитов резидентами не ставят. Так зачем?

— Я не проходила специальную подготовку.

— То есть сейчас это в общем курсе? — удивился старик. — А-абалдеть. В мое время всякой китайщине учили только косоглазых. А где служила?

Я не пошевелилась. Старик усмехнулся одними губами и поднял правую руку, пальцами показав — «Шанхай». Я точно так же, пальцами, показала, куда ходила я — Эльдорадо.

— Крутая, — восхитился старик. — С такими чертами лица — и в Эльдорадо? Причем раз жива, то сходила успешно. Впрочем, ты же была лучшей на курсе. Помню, помню. Я мало с кем общаюсь, но за новостями слежу, а как же. Так чего надо?

— Чипы. Знаю, что подделаны. Федерал утверждает, что нет. Подделывал Князев. Приехала за вами — вы-то должны знать приемы Князева.

Старик чуть повернул голову и позвал:

— Хуан Антонио!

Из-за занавески выскочил чернявый плюгавый парень, совсем молодой, физиономия в юношеском пуху, ноги кривые, глаза масляно-карие...

— Поедешь с Деллой Берг, — сказал ему старик. — Сделаешь все, что она прикажет. Расскажешь про Ваську. А потом покажешь этим сраным федералам все, чему я тебя научил.

— Да у них фантазии не хватит придумать мне столько занятий, чтоб я показал реально все, что умею, — фыркнул парень.

Старик влепил ему звонкую затрещину, от которой парень споткнулся и чуть не упал.

— Не зазнавайся, — назидательно сказал старик.

— Это все из-за Васьки, — сказал мне парень, проходя к дверям. — Раньше нам тут лафа была. А теперь чуть что — подзатыльник. Это еще счастье, что Вэнь состарился, а то мог бы и пинками гонять.

У старика в углах глаз блеснули смешинки.

— Бери его, Делла Берг. Потом зайди ко мне, чайку попьем, поболтаем. И забудь ты эту этикетную китайщину, а то мне потом опять кошмары сниться будут.

Я выразительно оглядела комнату, оформленную в откровенно старокитайском стиле. Старик внезапно заулыбался:

— Да. Это подарок. Я не очень-то силен в дизайне, а мои воспитанники обычно украшают только свои комнаты. Год назад я выдал замуж одну девушку. Славную девочку, которой не повезло с родителями. До замужества она рукодельничала, а перед самой свадьбой притащила все свои сокровища ко мне и сама украсила дом. Это все она сделала, — старик обвел рукой полукруг, — сказала — на счастье. Ей повезло с мужем, она и поделилась удачей. Вдруг еще кому из ее друзей повезет?

— Как скажешь, мастер Вэнь, — улыбнулась я и критически оглядела выданного мне ученика. Выглядел он неказисто, мягко говоря. Впрочем, Сивка-Бурка, да и его литературный потомок Конек-Горбунок тоже особой красотой и выставочным экстерьером не блистали. — Поехали, Хуан Антонио.

Во дворе парень обежал мою машину кругом и тоном знатока заявил:

— Ну, бывают аппараты и покруче.

— Хуан Антонио, — очень ласково сказала я, — меня не заламает дать подзатыльник. И пинка — тоже.

— Еще б я сомневался! — воскликнул парень и протянул левую руку: — Типа, познакомиться надо, а то если там в натуре федералы, сюрприз выйдет.

Я ответила на рукопожатие. Считала информацию, усмехнулась: да уж, сюрприз был бы качественный. Хуана Антонио на самом деле звали Андреем Некрасовым.

— Классное имя, — вздохнул Хуан Антонио мечтательно. — Офелия ван ден Берг...

— В лоб хочешь? — осведомилась я и села в машину. — Пристегнуться не забудь.

— А что, ты погонять любишь? — парень нащупал замки страховочной схемы и ловко застегнул их.

— Нет. Штрафы платить не люблю.

— Погонять точно никак? Я из практических соображений. Я жуть как люблю, но вожу пока еще плохо. А штурманю качественно.

— Учту.

— Слушай, а «ван ден Берг» — звучит аристократично.

— А почему именно «Хуан Антонио»?

— Да вот хер его разберет... Ой, слушай, ничего, что я так грубо? А то вдруг ты леди?

— Хуан Антонио, леди видно за километр, и таких вопросов не возникает.

— Да я потому и спросил, что ваще-то видно. Но вроде как если леди прикидывается ассистенткой инквизитора, то надо ж ей подыграть, пусть думает, что я в натуре считаю ее простой.

— Леди никем не прикидывается. Леди такая и есть. Леди происходит из династии профессиональных солдат и сержантов, но самые крутые ругательства узнала от бывшего

мужа, который князь в двадцать седьмом поколении.

— А-а, ну это как водится! А почему Хуан Антонио — сам не знаю. Просто все говорят — ну надо же, как похож. А кто такой этот Хуан Антонио — знать не знаю. Но смотрю на себя в зеркало и думаю: правда ведь, Хуан Антонио. Как живой.

— Тебе сколько лет?

— Восемнадцать. Сразу уж скажу: даже школу не закончил. Четыре класса. Потом надо было деньги зарабатывать. Да фигня, Вэнь лучше учит. Когда, конечно, учит. Я ваше-то могу в любую секунду на аттестат сдать. Без подготовки, вот скажи мне: Хуан Антонио, через тридцать секунд экзамен. Пойду и сдам. Но на фига? Самоучкой быть круче. Двадцать один будет, я сдам сразу квалификацию на настройщика чипов, и все. Так-то я ряды на рынке подметаю, ну и сумки покупателям до машины отношу, когда повезет. Я ж подкидыш. Меня нашли у рыночных ворот, в одной пеленке, на которой маркером было написано «Андрей Некрасов» и дата рождения. Я орал так, что разбудил весь квартал. Жить хотел очень. Меня из жалости накормили, вызвали всяких социальщиков, те докопались, мол, чипа нет, пока волюнку тянули, меня в одной лавке вроде как усыновили. Ну то есть опекунов взяли. Потом я стал к Вэню бегать, ну и не то чтобы научился, просто, понимаешь, там посмотрю, тут увижу, а где и подслушаю. Так и насобачился чему-то. Вырасту, зашибу бабла, стану крутым — и даже не буду родителей своих искать. Пусть сдохнут от сожаления, что бросили меня, такого талантливого. А мне будет по фигу.

Я слушала и посмеивалась:

— Какая романтическая история. И что, социальщики генную экспертизу даже не провели? И твоих родителей найти не сумели? Как это вообще вышло?

— Ну как, как обычно вышло, если добавить капельку фантазии и тонну иронии, — ответил Хуан Антонио. — Я подумал — так звучит лучше. Ну кому какое дело, откуда на самом деле взялся подметальщик из Китайского квартала, верно? Имею право выдумать вообще что хочу. Я еще и поскромничал, ты не находишь?

— Нахожу, что недостоверно. А так — покатит. С пивком. Но тебе пивка нельзя, ты несовершеннолетний.

— Зато я из Китайского квартала. Тут не смотрят, сколько тебе лет. Были бы деньги. Но я, честно скажу, ко всему этому — ни-ни. От спасибо, у нас всех Васькин пример перед глазами.

— У кого — всех?

— Да у Вэня, кроме меня, еще человек двадцать учатся. Он мужик щедрый, даже денег не берет. Я у него живу, он меня кормит и учит, а я только дом убираю, и то не в службу, а в рамках обучения по китайской системе. Вообще Вэнь люто ненавидит весь этот фольклор, но должен же кто-то убираться в доме, верно? Кто-то убирается, кто-то жратву готовит, кто-то стирает... А он зарабатывает не так уж и дофига. Ну, пенсия у него, федеральная, и еще он что-то за настройку чипов получает, но клиентура у него — сама понимаешь, китайский квартал. И при этом он еще содержит детский сад из детишек вроде меня. Поэтому у нас что-то вроде общины.

— А Князев? Он тоже подкидыш?

— Ха, Васька, — Хуан Антонио даже обиделся. — Знаешь, я всегда мечтал морду ему набить. Ему все в жизни досталось даром. Вообще. Он ничем не дорожит. Он же, сукин сын, из хорошей семьи. Не из квартала вообще. У него мать черная, а папаша белый. Люди такие, обеспеченные. Папаша чокнутый на восточной романтике, никто не сказал придурку, что Старого Китая уж лет шестьсот как нет, и настоящую китайщину если только в Шанхае можно найти, и то если знать, где искать, и тебя не прирежут по дороге — а чего, когда прирезали, это и есть настоящая китайщина... Короче, Васькин папа вообразил, что у нас тут Шаолинь, и отдал сына типа в обучение. Вэнь на самом деле, если ему вожжа под хвост попадет, он тебе не только Шаолинь в лучшем виде покажет, он тебе и вуду устроит, и империю инков воссоздаст, и вообще все, что закажешь. За Ваську платили, и Вэнь решил — а что, на эти деньги можно чуть почаще всей кодле мясо покупать. Сам он чуть не на одном

рисе с концентратами живет, а нам старается пусть овощи, но натуральные покупать. Но на самом деле к нему весь рынок с пониманием. Знаешь, как бывает? Товар начал портиться, купить его не купят, для себя вроде есть, можно на фабрику сдать, а можно отдать Вэню, у него мальчишки подгнившее вырежут, а прочее в котел пойдет. Ты на меня не гляди, я генетически такой шелудивый, а остальные ребята у нас нормальные, в армию когда идут — ни одной придирки на медкомиссии.

— А Вэнь вас в армию готовит?

— Ну, во-первых, армия — это вполне себе способ уехать из Китайского квартала. Это, конечно, Танира, климат-курорт и все дела, только парню с помойки тут не подняться, так и пролежишь всю жизнь под пальмой, вроде бы неплохо, но скучно. А во-вторых, Вэнь — офицер. Майор. Он не понимает, как это парень может не служить срочную. Мне только прощает, потому что я единственный из всех его ребят — круглый сирота.

— Майор — это круто, — сказала я, вспомнив трудности с получением нашивок выше капитанских для людей без аристократической родни.

— Он не рассказывает. Но какой-то подвиг совершил. Он весь в шрамах, даже таблетки не помогают. Как будто его до кишок резали, фигурненько так.

— И что Васька?

— Васька, — согласился Хуан Антонио. — Знаешь, такие привилегированные мальчишки — они всегда в бедных общинах парии. Это не про Ваську. Настолько талантлив, сукин сын, что ему прощали все. Я про себя не скажу, что дурак. Но я над задачей бьюсь сутки — а Васька через три минуты ответ дает. Он все левой задней ногой делал. Походя. Ну просто, понимаешь, такие мозги, что замираешь. Нечеловеческие. А он их не ценил совершенно. Он вообще ничего не ценил. Жил как растение. Все как должное принимал. Я за каждый шанс зубами хватался, а он даже внимания не обращал. У него всегда все было зашибись. Даже когда его родители в автокатастрофе разбились, для Васьки ничего не изменилось. У него уже был полностью оплаченный курс в колледже на Эвересте, математический, он там федеральный, ему от родителей достались хорошие деньги, дом, кусок земли, еще что-то из недвижимости, но уже не на Танире. Живи не хочу. Девчонку встретил — мы просто помирали все. Женился, родил дочку, бросил.

— Это было до того, как Вэнь его выгнал, или после?

— После, конечно. Уже после того, как он колледж бросил. Ему было семнадцать, когда родители умерли, и Васька пустился во все тяжкие. У нас же на рынке пара притонов есть, и он оттуда не вылезал. Вэнь его иногда за шкурку вытаскивал. Наркота, карты... Васька решил, что раз он математик от Бога, то и в карты сможет выиграть. Ну да. Особенно под наркотой. Вэнь его как-то вразумил, заставил школу закончить, выпроводил в колледж. Васька и там нашел. Через полгода его выгнали. С таким офигенным скандалом, что даже вернули предоплату за обучение, лишь бы ушел. Васька приехал сюда и завис на рынке. Вэнь надавал ему по шее, Васька на полгода пришел в себя. Тогда он женился как раз. Потом — опять за старое. Короче, он за четыре года спустил все, что было, и еще в долги влез. Как он перебивался, я не в курсе, нам всем Вэнь тогда сказал — держитесь от него подальше. Потом у Васьки внезапно в мозгах коротнуло и наступило просветление: он крестился в православие, бросил все пороки — карты, наркоту, выпивку и даже мясо, — снова женился. Жена у него, между нами, та еще стерва, да и фиг с ней, не мне ж с ней жить.

— Интересно, почему у него в досье даже намек на колледж нет.

— Так он все стер. Вот после этого Вэнь нам и сказал — держитесь подальше. Потому что, если человек стирает данные так, что их не видят даже федералы с контрразведкой, и при этом у него нет тормозов, — рано или поздно кончит суровым криминалом. Достигается до пожизненного одной левой.

— А где он стирать научился?

— По ходу, в колледже. Потому что, сама понимаешь, нас этому Вэнь не учил. То есть после того, как Васька оборзел, конкретно меня Вэнь научил, но Васька нахватался сам.

— Но ты сможешь разобрать его творения?

— Да смогу, конечно. Не, я знаю, что ты думаешь: Васька наслушался от Вэня чисто теоретических заходов и сообразил, как применить их на практике. А я так скажу: у ваших федералов не только теоретические заходы, но и практика, и все равно они так не смогут. Хотя заходы все те же самые, нет там других, математика-то одна на всех.

— Я не судья и даже не прокурор, — обронила я.

— А я и не оправдываюсь. Просто предлагаю договориться. У федералов мозги понятно как повернуты: раз ученик преступник, то мастер обучил криминалу. Давай мы скажем, что меня научил не Вэнь, а Васька? Я на самом деле у него много чему нахватался, и не приведи господи Вэнь узнает, чему...

— Хуан Антонио, ты почти ребенок...

— А я к чему? — обрадовался тот. — Я несовершеннолетний. К тому же сиротка, жалко-жалко. Меня ни один суд не посадит за криминальные навыки.

Я покачала головой:

— Какая у вас с Князевым разница?

— Восемь лет.

— И ты хочешь сказать, что...

— А что? Если так оно по факту и было? — возмутился Хуан Антонио. — Ты пойми: я маленький, юркий, под ногами мельтешу, а они все большие и важные. И каждому в какой-то момент хочется покровительствовать. Ну так вот он я — покровительствуй! И Васька мне хвастался, ой как хвастался. Потому что я смотрел восторженно и не ругал его за наркоту. А у меня, понимаешь, память хорошая.

— Ну посмотрим.

— Слушай, а когда я уделаю этого вашего федерала, мы в кафе посидим? В смысле, ты и я? — с надеждой спросил Хуан Антонио.

Я хмыкнула, но промолчала. Так оригинально за мной еще не ухаживали. И так простонародно-трогательно.

— Не, ты послушай, — заволновался Хуан Антонио. — Про тебя вообще-то все наши знают. И вообще все нормальные парни. Делла Берг, хо-хо! Тебя никто вообще никогда телкой не называет, даже промеж себя. Делла Берг — это, парни, такая знаменитость, к какой вы даже подойти не посмеете! Вы можете снять любую светскую львицу, главное — подпоить ее грамотно, но Делла Берг через вас перешагнет в любом состоянии. Потому что это Делла Берг. И вот, понимаешь, — Хуан Антонио увлекся, жестикуляция стала страстной, — я просто вижу: вечернее кафе, и мы с тобой за столиком. Все чинно, пафосно, и все мужики на меня оглядываются — это кто такой? Кто этот парень, которому улыбается Делла Берг?! Ну герой! Ну ты понимаешь, что они подумают. И я это знаю. И вот я сижу, гляжу на тебя, знаю, о чем все думают... и говорю с тобой о МАТЕМАТИКЕ!!! АААА!!!

Я расхохоталась.

— Ну? Ты понимаешь, да? — веселился Хуан Антонио. — Вот серьезно, пять лет жизни готов отдать за такую сцену. Слушай, а можно я буду в тебя влюбленным? Мне вообще это нужно. Потому что когда-нибудь мне подвернется шанс, я по привычке вцеплюсь в него зубами и стану крутым. Ну там богатым, или знаменитым, или все вместе. И вот я, уже такой пожилой и солидный, даю интервью. И говорю: знаете, была в моей жизни одна знаменательная встреча. Это была женщина. Равных ей я не встречал. Ее звали Делла Берг. Да-да, та самая, легендарная Делла Берг. Конечно, я влюбился сразу. Я готов был землю целовать под ее ногами, на брюхе за ней ползти. Я был никем, так, червяк какой-то, и вы представляете, эта женщина мне сказала: Хуан Антонио, ты прославишься. И я воодушевился, поверил в себя, за каких-то пять лет заработал на колледж, потом нашел работу, заработал на второй — уже федеральный... И так поднялся. Благодаря тому, что женщина, которую я боготворил, заставила меня поверить в себя.

— Таких слов ты от меня не дождешься. Не мой стиль.

— А каких дождусь?

— Твоя судьба в твоих руках, Хуан Антонио.

Что уж думал себе этот мальчик, я не знаю. Но он зажмурился, стиснул зубы, сжал кулаки и сказал:

— Я справлюсь. Не беспокойся. Я не подведу тебя. Я — справлюсь.

* * *

Я вошла первой. Федерал еще не уехал, ждал появления нашего компьютерного гения. Йен сохранял невозмутимую маску.

Увидев тщедушного Хуана Антонио, федерал показал все, что думает, даже без слов. Хуан Антонио оправдал мои надежды, тоже показав все — он просто не заметил федерала.

— Господа, это Хуан Антонио, — сказала я, — мне рекомендовали его как специалиста по нашей проблеме.

Хуан Антонио протянул левую руку Йену. Йен поздоровался, считал информацию с ярлычка и удивился:

— Ты ведь не Хуан Антонио.

— Делла Берг сказала, как меня зовут, а не что у меня в чипе написано, — парировал Хуан Антонио. — В Конституции нет такой статьи, чтоб человеку в обществе зваться непременно так, как написано в чипе.

— Да, конечно, — согласился Йен. — Но почему Хуан Антонио?!

— Да потому что все говорят — ты же вылитый Хуан Антонио! Ладно, давайте к делу, у меня времени — не вечность.

— Пошли, — скомандовал Йен.

По дороге в лабораторию повстречали Крюгера, который тоже познакомился с нашим юным гением и в точности повторил реплики Йена. Пока мы дошли до заветной комнаты, встретили еще четверых сотрудников, и каждый удивился — почему Хуан Антонио и почему тебя зовут не так, как надо.

Когда мы вошли, явился Август. Оглядел заморыша Хуана Антонио, протянул руку. Тот уже изготовился повторить диалог. Август еще раз оглядел его и сказал:

— Хорошо как тебе прозвище подходит. Даже не верится, что сам придумал.

Хуан Антонио потерял дар речи. Август повернулся спиной и пошел к Йену, едва сдерживавшему смех.

— Гений, да? — с мальчишеской угрозой спросил Хуан Антонио.

— Да, — через плечо ответил Август.

Хуан Антонио соорудил было жалобную мордашку «все-сиротку-обижают», но перехватил мой насмешливый взгляд и развернул тощие плечики. Кашлянул:

— Ну что, давайте работать, — потер ладони и запел: — Работать, работать, я так люблю работать...

Йен включил аппаратуру, Хуан Антонио плюхнулся в операторское кресло, надел сбрую. Федерал встал напротив, скрестив руки на груди, всячески морально подавляя Хуана Антонио. Я его замысел поняла, поэтому взяла табурет, под села сбоку и подмигнула парню. Он меня уже почти и не видел. Лицо стало холодным, сосредоточенным, как у первых космонавтов перед стартом. Йен передал пакет с карточками, которые Хуан Антонио по одной загрузил в приемник. Прибежал Крюгер, поманил меня в угол.

— Делла, а что за парень? — очень тихо спросил он. — Я пробил по базе — он же...

— Не все, что происходит в жизни, попадает в базу, — так же тихо ответила я. — Это лучший ученик мастера Вэня, учителя Князева. Если я хоть что-то понимаю в людях, этот мастер Вэнь...

К нам подошел Август.

— Это какой еще «мастер Вэнь»? — удивился он. — Из Китайского квартала, что ли?

Август говорил громко, и меня аж перекосило, когда я увидела, что у федерала усмешка стала злорадной. Он тоже подошел.

— Что за Китайский квартал? — уточнил он. — Вы приобрели своего «специалиста» на

китайском рынке, леди?

Август равнодушно покосился на него и сказал Крюгеру:

— Не ищите его в базе. Мастер такой же «Вэнь», как этот, — он показал большим пальцем за спину, — Хуан Антонио. Его зовут Иван Ким. Он не китаец, а кореец, и тот наполовину. Майор разведки, работал в Шанхае, провалился, его пытали, сумел бежать из тюрьмы, выбраться через Куашнару и Саттанг, здесь его комиссовали. Что интересно, даже убегая, он ухитрился прихватить данные колоссальной важности. Собственно, за это ему майора и дали — перед тем, как проводить на пенсию. Он слегка повредился в уме, стал чудачком. Живет в Китайском квартале, волонтерским порядком заботится о ребятишках из самых бедных семей. Что он знает и чему способен научить — я не возьмусь даже предположить. Знаю одно: если Ким кого-то рекомендовал — то либо его человек решит проблему, либо проблемы и не было. Как бы его человек ни выглядел. Насчет внешнего вида вообще не надо забывать, что Ким — типичный спецразведчик, а у них своеобразные представления о том, как важная фигура должна выглядеть.

— Да уж, — ответил федерал снисходительно. — Впрочем, если вы говорите, что чудак, то многое становится понятней...

— Иной раз глядишь на человека — и ничего особенного не ждешь, — тем же тоном продолжал Август. — Например, хорошенькая девушка. Умеет работать с прессой, находчива, ей бы пресс-секретарем в том же управлении полиции быть, а она почему-то — ассистент инквизитора...

Федерал застыл, а Крюгер аж крикнул, отвернулся, потом передернул плечами и обвиняюще ткнул пальцем в Августа:

— Вот я — я, между прочим, никогда не считал ее пустоголовой красоткой! Мы да, мы не ладили, потому что я такой человек, люблю ясность, а тут я просто не понимал — ну явное же несоответствие. То есть уровень-то виден, но почему его не озвучивают? Но когда все узнал, конечно, все наладилось. Конечно. Конечно! Потому что раньше я не понимал. У меня есть ваш оперативник, которому, по моим представлениям, нужна очень мощная поддержка, но этот оперативник не ищет вообще никакого сотрудничества, и вообще, я же отвечаю тут за всех, и за вас с нею в том числе, а она рискует собой так, что я бы на вашем месте устыдился, да-да, устыдился! Но теперь я знаю, какая поддержка ей нужна. А что? Есть у меня два молодых опера, ха-ароших опера, они, конечно, дубоваты, зато исполнительны, ими только командовать правильно нужно, но так ведь она же умеет! Ну и все, буду отправлять их для поддержки, и все замечательно...

— Вы о чем? — переспросил федерал.

— Не о чем, а о ком, — поправил Август. — Хотя и о чем, конечно. О странных предпочтениях разведки и о том, как могут выглядеть сами офицеры-разведчики. Могут казаться старыми бедными китайцами, например. А могут и иначе. Взять хоть моего ассистента... — Август положил руку мне на плечо. — Именно та девушка, о которой только что говорил старший эксперт Крюгер.

У федерала вытянулось лицо.

— Кстати, Крюгер, я рад, что вы подружились, — обронил Август. — И мне нравится ваша идея насчет пары оперов. Непременно воспользуюсь. Тем более что Делла действительно умеет командовать. Да и после работы с ней они уже не будут дубоватыми — она их обучит. И обучит так, как в полицейской академии не смогут.

— Ну я думаю! — согласился Крюгер. — Август, значит, мы договорились? Ну ей-богу, я же живой человек, меня совесть мучает, что... Я рассудком понимаю, что она все умеет. Но я же не могу этого допустить! Вот пусть она пальчиком указывает ребятам, а ребята сделают всю грязную работу — тогда я согласен. Пусть они, а не она по голове получают. Я вообще загодя согласен на полное сотрудничество, и на будущее тоже, мне вообще это очень нравится, потому что в процессе мои сотрудники обучаются, перенимают опыт, но я же хочу, чтобы вы были в безопасности! Оба! Август, вас это тоже касается!

— А вам, — Август весьма дружелюбно, но недвусмысленно навис над федералом, —

на будущее. На тот гипотетический случай, если вам еще раз захочется сказать в якобы приватной обстановке — но, конечно, в расчете, что ваше бесценное мнение доведут до моего высокородного слуха, — что мой ассистент имеет сугубо представительскую ценность, никакой иной, и всякий умный человек это понимает. Мой ассистент — капитан тактической разведки. С двумя наградами за мужество, проявленное в бою. В настоящем бою. В котором она работала под шквальным огнем. Вы таких наград ничем не заработаете, просто потому, что их получают за боевой подвиг. Почему этой важной информации нет в ее досье — не ваше собачье дело, у всей федеральной безопасности нос не дорос получить допуск такой степени секретности. Но в следующий раз, когда вам захочется поделиться своим бесценным мнением, — имейте в виду, что мое высокородное мнение о вашей ценности для государства доведут до сведения самых неожиданных по вашему мнению людей. И доведут самые неожиданные для вас люди.

Федерал еще пыжился. Еще старался сохранить лицо. Но едва он собрался с духом что-нибудь ответить — разумеется, с легкой иронией, как и подобает говорить людям самодостаточным с людьми высокородными, — как Хуан Антонио с отчетливым злорадством и уверенным торжеством произнес:

— Есть.

Мы тут же выстроились полукругом за его спиной, и лучше всех устроился, как обычно, Август — за правым плечом, сунув руки в карманы.

— Есть, — повторил Хуан Антонио. — Ай да Васька, ай да сукин сын, все-таки напортачил, — сказал он восхищенно. — Ну не мог ты не напортачить.

— Вот это? — Август перегнулся вперед и ткнул пальцем в кусок кода на главном мониторе.

— Оно самое.

— Я не силен в математике, я вообще-то гуманитарий, но мне казалось, что...

Август излагал свое представление о методах подделки, а Хуан Антонио смотрел на него сначала удивленно, потом с ужасом, наконец — с восторгом. Едва Август вопросительно замолчал, Хуан Антонио со своего чипа демонстративно вызвал представительскую информацию об Августе.

— Скажите, а в каком именно из гуманитарных колледжей учат математике такого уровня? — льстиво-ехидно спросил он. — В криминалистике? Или, может быть, в историко-архивном?

— Наверное, ты не поверишь, — меланхолично заметил Август, — но вообще-то этими знаниями я обязан своему школьному учителю математики. Эдинбургская классическая школа для мальчиков. В принципе она гуманитарная. Но в частности, я немного знаю и математику тоже.

Хуан Антонио удрученно вздохнул:

— Я понял. Все-все понял. Осознал. Мне надо пахать-пахать-пахать. Зарабатывать-копить-зарабатывать. Потом учиться-учиться-учиться. Лет через десять я переделаю свою биографию — все законно, не так, как Васька, — и впишу в нее романтическую историю. Что я учился в одной хорошей школе, просто хорошая федеральная школа, у нас там тренером был отставной майор специальной разведки Иван Ким, я по части спорта надежд не подавал — да вы на меня только гляньте, какие на фиг надежды! — поэтому сидел на скамейке и болтал с тренером. Потом стал ходить домой на чай к нему. Он жил с женой, детей у них не было, его жена угощала меня вареньем, а мастер Ким загадывал мне математические загадки. В один прекрасный день он спросил, а не хочу ли я заниматься у него дополнительно. Он обучил меня высшей математике, потом я поступил в колледж, да какой-нибудь гуманитарный, или правовой, или даже военный. Но я тоже хочу этак небрежно ввернуть — не силен я в математике, вот разве что школьные знания... И уделать на хрен всех спецов в радиусе парсека. Просто на хрен.

Август похлопал его по плечу:

— Отличная идея — насчет учебы. Так и поступи.

В дальнем углу федерал штамповал мозги Крюгеру.

Занятие абсолютно бессмысленное, непродуктивное и с непредсказуемыми результатами. Я подошла ближе. Федерал негромко втолковывал Крюгеру, что он, специалист с подтвержденной квалификацией, ничего крамольного не увидел. А тут какой-то мальчишка, явно из той же банды, пытается опорочить...

— Да в том-то и дело, что мальчишка, — Крюгер аж зажмурился от горя. Открыл глаза, увидел меня: — Делла, что делать? У меня облажался федерал, а мальчишка с китайского рынка раскрыл аферу! Ну вот как мне это оформлять, а? Я ведь не могу привлечь этого мальчика даже как внештатного консультанта, как независимого эксперта...

Федерал опешил. Ну я ж говорю — результаты непредсказуемы. У Крюгера на самом деле очень понятная личная этика, другое дело, что она совершенно не вяжется с его внешним обликом. И при том, что Крюгер не блещет ни фантазией, ни изяществом, он ухитряется регулярно ставить в тупик самых неожиданных людей.

— Если дело только в том, как это оформить, то способов просто миллион. Самый лучший — вы приписываете математический подвиг любому из инженерного отдела. Для вящей солидности вы даете мне готовое заключение, и я перепроверяю его у действительно независимых экспертов. Скажем, военная контрразведка. Они часто берутся за такие экспертизы. Тогда у нас для суда получается полное обоснование.

Крюгер устало посмотрел на меня:

— Делла, мне ведь еще нужно заплатить этому мальчику. Он сделал работу.

— А вот насчет этого у меня есть замечательная идея. Вам понравится, — пообещала я, взяла Крюгера под локоть и повела в коридор, за дверь, подальше от чутких ушей всех присутствующих.

Крюгеру идея действительно понравилась.

* * *

Неделя. Никаких успехов. В разных округах задержано несколько мулатов, но никто из них не был Князевым. Пальба из зенитной пушки по воробьям.

— Черт, нам надо хоть как-то уточнить, где его искать, — страдал Йен. — Потому что прочесывать толпы по всей Танире — на это армии не хватит.

Мы сидели в кафе — вдвоем, потому что с утра на мне повис Макс. Йен к нему уже привык и не обращал внимания.

— А куда он любил ходить при жизни? — спросил Макс.

— Туда он не пойдет, — ответила я. — Макс, ну забудь, что человек — дурак. Он умный. Раньше был беспечным, а теперь он еще и пуганный. Причем качественно пуганный.

— И что? Если умный, так у него нет никаких старых привычек?

— Семья отпадает, — сказал Йен. — Семью я на всякий случай отслеживаю. И первую — тоже. Другой родни нет. Клиентуру всю пробил.

— Ладно, — Макс облокотился о стол. — Какие-нибудь его бытовые привычки известны? Машины какой марки предпочитал? Выпивка, курево, предпочтения в еде? Где брал таблетки и какие?

Йен отрицательно покачал головой:

— Машины было две, подержанные, выбирал по доступности, а не марке. Вегетарианец, брал овощи у соседки, таблетки и концентраты — во всех попутных супермаркетах. На себе экономил, а жене покупал только натуральное. Но сейчас жена живет одна и покупает сама. Пил и курил, пока не крестился. Стал ходить в церковь и дурные привычки оставил. В церкви я тоже был, там его с момента «гибели» не видели, ни с кем из общины близких контактов не поддерживал. Ничего нет.

— Йен, а он вообще как прихожанин — какой был? — насторожилась я.

— Истовый, — сказал Йен. — Пламенный верующий.

Я даже привстала на стуле:

— А сколько на Танире православных церквей?
У Йена загорелись глаза.

* * *

— Ни черта из этой затеи не выйдет, — уверенно сказал Макс.
— Выйдет, — спокойно сказала я.
Макс покачал головой. Отрезал кусочек мяса, протянул мне на вилке:
— Ты хоть попробуй.
— Я никогда не пробовала мяса, по-твоему?
— Тогда я не понимаю, зачем ты ешь этих креветок. Ни вкуса ни запаха.
— Если у креветок появляется запах, есть их уже не рекомендуется.
— А зачем есть то, что... Дел, это ж вата. Просто питательная вата.
— Макс, — я отложила вилку, — не учи меня работать, а? Это протеин. Он переваривается почти на сто процентов. Мне плевать на вкус, но с этой пищей я хотя бы уверена, что кишечник не отвлечет меня от работы. Ты прикинь, сколько я хожу. И какие от ходьбы после еды бывают спецэффекты.

Макс фыркнул:

— Ты б еще таблетками питалась.
— А вот это лишнее. Я зря, по-твоему, несколько месяцев была княгиней Сонно?
— Ну наконец-то, хоть какой-то бонус обнаружила.
— К тому же таблетки и концентраты не так уж плохи, — заметила я. — По крайней мере, они не протухают.

— Да, только проживешь ты на них в полтора раза меньше, чем могла бы.

— Макс, — я подалась вперед, — когда мне будет сто двадцать, мне будет ну абсолютно все равно, проживу я сто тридцать или сто пятьдесят. Потому что в сто двадцать я в любом случае, при любой схеме питания, при любой медицине и месте проживания буду старухой.

— Что? — Макс аж взвился. — Какой старухой? Ты что, разницы совсем не видишь?

— Не вижу. И никакая женщина не видит. Потому что у женщин и мужчин разный механизм старения. Мужчина до смерти может иметь детей — ему только здоровье нужно, а так у него от природы все есть. Вот у мужчины лишние двадцать лет могут принести о-го-го сколько. А самая здоровая женщина, хоть на таблетках, хоть на чем, в семьдесят теряет фертильность. И наплевать, как она выглядит, — она уже не женщина.

Я не стала говорить, что вопрос с моей персональной фертильностью решился несколько лет назад и не в мою пользу. Это частный случай. Незачем ставить его в принципиальную схему.

— Это ты до старости будешь прыгать и зажигать, — добавила я. — Потому что у тебя не потеряется ни одна возможность. Кое-что будет получаться помедленней и пореже, чем в юности, но ведь будет получаться? А у меня, извини, уже все будет впустую. Так что не надо мне тут рассказывать о пользе натурального питания. Тот период, который меня интересует, я одинаково хорошо проживу и на таблетках, и на креветках. А все, что дальше, меня мало волнует.

— Учишь тебя, учишь, — тяжело вздохнул Макс, — и все без толку. Твой арканзасские замашки вылезают всюду. Да черт с тобой, ешь что хочешь. Только, пожалуйста, в моем присутствии — без синтетики. Если не хочешь, чтоб я эту синтетику тебе за шиворот засунул.

— Макс, — холодно сказала я, — ты зачем за мной увязался? Другую игру придумать не сумел, решил, что детективный фон сойдет за медовый месяц? Я работаю. А вот что тут делаешь ты, я не понимаю. Заткнись или убирайся.

— Да заткнулся, заткнулся. Работай, я не против. Только напрягаться не стоит, — ядовито заметил он. — Все равно он тут не появится. Если мужик даже на беременную жену

не приходит поглядеть издали, если он не интересуется тем, что у него вот-вот родится сын, то в церковь он не пойдет точно.

— У кого какие ценности.

— И ты хочешь сказать, есть мужчины, которым церковь важнее семьи?

— Ты считаешь, их нет?

— Я считаю, что это не мужчины.

— Но-но, — сказала я, — у меня родственник — католический епископ. Язык прикуси, а то это будет последняя наша встреча.

— Я не имел в виду твоего родственника. Он с семьей не порывал. У него как была родня, так и осталась. А своей семьи он и не заводил. И вот это — правильно. Точно так же, как младший братец твоего Маккинби. Знаешь, если парень с детства решил быть аскетом, это его дело. Он никого не предаст этим. Но если он бросил одну жену с ребенком, потом вторую — беременную...

— Мы не знаем, — оборвала его я.

— Чего мы не знаем?

— Того, что он бросил. Представь себя на его месте. Он украл кучу бабла и собирается удрать с ним. Он понимает, что искать его у жены будут первым делом. Он нарочно туда даже близко не подходит, чтобы копы отстали от его жены. Потом она родит, все окончательно утихнет, тут-то ей и предложат переехать в хорошее место. Где ее будет ждать муж.

— Вариант, — согласился Макс. — Но не верю.

— Потому что ты всегда считал верующих чокнутыми.

— Считал, ну и что?

— А верующие считают чокнутым тебя. Кто прав? Их больше.

— Зато я выше.

— Верующих принцев тоже хватает.

— Дел, сколько церквей мы уже обошли? Шесть? Эта — седьмая. И я бы, будь я верующим, ее не выбрал. В ней ни соборного пафоса, ни провинциального аскетизма. Это ж не храм, а архитектурный кич. Ноль харизмы и толпы скучающих туристов вокруг. Здесь толком не помолишься.

— Зато и внимания на тебя не обратит никто.

— Ладно, ешь свои креветки. Потом пойдем в эту твою церковь. Могу даже взнос в церковную кассу сделать, чтоб поп поразговорчивей был.

— Твое великодушие не знает границ, — язвительно заметила я.

В чем-то Макс прав, креветки были ужасны. Я решила, что немного соли и перца им не повредят. Поискала глазами солонку. На нашем столике ее почему-то не было. Я оглянулась в поисках официанта.

Мимо двух оживленно болтавших толстухек пытался протиснуться молодой парень. Парень как парень. Широкая футболка на костлявых плечах, джинсы, кеды. На футболке — яркая пляжная картинка и две рекламные метки, из отеля и фирмы, поставляющей лодки напрокат. Типичный небогатый турист. В руке — вегетарианский сэндвич, в другой — стакан с каким-то напитком. Парень продирался к окну, где были свободные стоячие места. От окна открывался замечательный вид на церковь. Самую аляповатую церковь Таниры, тут Макс в самую точку угодил.

Мулат.

Крестика на выпирающих ключицах не было.

Подчеркнуто грубый, из толстой натуральной кожи сопряженный браслет на левом запястье, линзы и клипсы.

— Секунду, — сказала я Макс и встала.

Макс проследил за моим взглядом и вскочил:

— Сиди, я сам...

Я отпихнула его и моментально просочилась сквозь толпу, оказавшись в метре от

мулата. Он меня заметил, и на миг в темных глазах блеснул ужас, сменившийся отчаянной надеждой: вдруг его перепутали?

— Ой, простите, а можно вас спросить? — тем дурацким, глуповато-радостным тоном, который отличает туристов, начала я и повела рукой в сторону церкви за окном, словно бы показывая, что вопрос на эту тему.

Мулат машинально посмотрел на мою руку, потом — на церковные купола... Сделав один шаг в сторону, я оказалась за его спиной и коротко ударила ребром ладони по шее.

Мулат упал. Сэндвич отлетел под чей-то столик, из стакана выплеснулось молоко.

Я присела рядом и быстро хлопала его. Как я и думала, оружия при себе он не имел. На рукопожатие чип отозвался, но не сообщил ничего о своем владельце. На меня, присевшую возле мулата, налетел Макс.

— Ты...

— Полицию вызывай, — перебила я.

— Послушай, ты же могла ошибиться...

— Не могла. Он узнал меня. А мы никогда не виделись. Узнал и испугался.

Вокруг нас собралась толпа. Вперед пробился средних лет мужчина.

— Я хозяин, — он протянул левую руку для рукопожатия, Макс ответил. Похоже, хозяин, получив от своего чипа информацию о собеседнике, малость офонарел. Настоящий принц, мать вашу, и совсем как живой. — Могу я чем-нибудь помочь?

— Спасибо, — меланхолично ответил Макс, — я уже вызвал полицию.

— Пожалуй, если есть пластырь лентой, пригодился бы, — уточнила я. — Или длинное полотенце — руки связать.

Полотенце мне выдали мигом. Я обмотала запястья мулата.

— А что случилось-то? — крикнула какая-то девушка из толпы.

— Сказано же — полицию вызвали! — ответил ей хозяин. — Вот приедут копы и все объяснят.

Толпа погрузилась. Потому что копы никогда ничего не говорят.

Я набрала код Крюгера.

— Крюгер, я в Шестнадцатом, мы с Максом сейчас поедem в местный участок. С нами еще один человек. Немедленно пришлите бригаду, чтобы забрать нас.

— А чего не сразу сюда? — спросил у меня Макс. — Зачем нам в участок ехать?

— Крюгер приедет не раньше чем через час. Нам что, караулить этого прикажешь?

— Да на фиг, у меня есть наручники — в машину и к чему-нибудь прикуем. Сами и довезем.

— Вместе с готовым иском о покушении на похищение и незаконном лишении свободы частным лицом, — кивнула я. — Лучше встретить копов на парковке.

— Не много чести?

— Им? Или мне?

— Ты тут при чем, я же не тебя встречать иду.

— При том, что я не хочу, чтобы этого парня регистрировали в участке. Поэтому ты пойдешь и задавишь харизмой, или авторитетом, да хоть ногой, мне по фигу. Мне важно, чтоб меня вместе с этим парнем отвезли в участок, ничего ни в одном документе не написали, а потом отдали бригаде Крюгера. Чтоб ни одна собака вообще не знала, кого взяли и почему. После этого ты поедешь за нами на своей машине, держа под рукой свою любимую пушку, и глаз с нас не спустишь.

— Ты тут без меня справишься? — спросил Макс. — Впрочем, о чем это я. Чтоб хоббит не справился?!

И ушел, поразив местных девиц до глубины души своей хищной грацией и пиратским блеском в глазах.

* * *

Максимиллиан ван ден Берг, если его правильно применять, бывает незаменим. Я даже и не интересовалась, кого именно и с какой силой он задавил харизмой, только от Шестнадцатого квартала до самого управления я ехала как королева.

Князеву при аресте не дали произнести ни слова. У него вообще ничего не спросили. Его спеленали, прочитали «миранду», потом сняли чип и в конвертике отдали Йоханссону, который не поленился примчаться с бригадой. Князева сковали по рукам и ногам, сунули в зарешеченное отделение спецмашины и до управления везли под конвоем. То есть помимо местной бригады и бригады Йоханссона нас сопровождало еще два броневика. Ну и Макс, конечно. А на парковке у управления я заметила автомобиль Августа.

Кортеж проследовал на подземную парковку, там нас встретили шлемонавты, Князева чуть не на руках отнесли наверх. Передо мной просто очень вежливо распахивали двери.

В кабинете Крюгера было двое — он сам и Август, коротавший ожидание с чашечкой кофе. Князев увидел его, отчетливо посерел, в глазах поселилось отчаяние, словно Август был палачом, а не инквизитором, причем палачом при исполнении служебных обязанностей. За нами в кабинет протиснулся Макс.

Крюгер поднялся мне навстречу, широко и дружелюбно разводя руки:

— Делла... Ну... Я потрясен. Вам не стоило так рисковать собой. Вы имеете право задержания, но, честное слово...

— Крюгер, — устало перебила я, — никакого риска не было.

— Но это же опасный бандит! А если бы он стрельбу открыл?

— Из чего? Он безоружный был.

— Но вы ведь не могли знать этого наверняка! А если бы...

— Без «если бы». Крюгер, он собирался зайти в церковь. А в храм с оружием не ходят.

— Нет, я все равно не могу одобрять вашу беспечность.

Я закатила глаза.

— Хорошо. Даю честное слово, что самого опасного в этой банде будете задерживать вы. Даже близко не подойду, чтобы не травмировать вашу психику. Обещаю не рисковать.

— Да, конечно, вот это правильно! — обрадовался Крюгер. — Вы...

— Господин старший эксперт, — перебил Август, — полагаю, что начать лучше мне. Я управлюсь быстрее. Разумеется, вы можете воспользоваться записями допроса.

Крюгер подавился испуганным смешком. Ну еще бы. Август предложил сделать за него всю работу. После инквизиторского допроса последственного можно лепить как пластилин, он никакой и не способен к сопротивлению.

— О... да, конечно. Вам нужно помещение? Какое?

— Да любое. Комната и два стула.

— И все?!

— Да, все.

— Но я думал... у вас же особые методы.

— Мои особые методы у меня всегда с собой. И им совершенно не нужно особое оборудование, — Август поднялся, навис над Князовым. — Уверяю вас, мои методы потому и особые, что ровным счетом ни в чем дополнительном не нуждаются.

Пришли двое патрульных, подхватили обомлевшего Князева под локти и повели. За ним неспешно шагал Август. Крюгер поглядел на меня, на Макса, нервно хихикнул. Я уловила некое движение со стороны Макса и решительно взяла его под руку:

— Всего хорошего, эксперт, нам пора.

И потащила Макса наружу. Макс недоумевал, но слушался. Внизу, на парковке, он уточнил:

— А нам точно не нужно там присутствовать?

— Зачем? — я лучезарно улыбнулась. — Думаешь, ты знаешь о банде больше Князева? А все, что знает Князев, он сейчас выложит Августу.

— Но...

— Макс, без «но». Есть регламент проведения допроса. Посторонние не допускаются.

Я понимаю, ты способен уговорить Крюгера на должностное преступление. Но ты только представь, что будет на суде, если отыщется свидетель этого преступления. Любой адвокат добьется признания Князева невиновным.

— Из-за того, что я послушаю?

— Из-за того, что на Князева оказывалось недопустимое давление. Зная, что при допросе присутствуют посторонние, он возвел на себя напраслину, так как боялся, что в ином случае посторонний, не связанный должностной инструкцией и лицензией, отыграется на его беременной жене.

— Круто. Да фиг с ним, завтра у Маккинби спрошу...

Так он тебе и ответит, держи карман шире.

— И что нам делать теперь?

Я кокетливо прижалась плечом:

— Есть идея, — сообщила я заговорщически. — Тебе понравится. Давай найдем кабак, где меня накормят вкусным натуральным мясом?

Макс поглядел на меня, хохотнул, спустился к машине и распахнул дверцу:

— Прошу, княгиня!

И мы поехали заканчивать обед.

* * *

Доктор Моррис позвонил мне в семь утра. По степени вероятности это событие приближалось к капиталистической революции в Шанхае.

— Делла, я прошу прощения... — Доктор Моррис на дух не выносил телефонные разговоры. Он явно испытывал лютую неловкость, потому что говорил отрывисто, заканчивая фразы с несвойственной для них интонацией. — Ко мне обратился родственник... жертв, да. Не всех, конечно, да. Ну, вы... да.

— Просит чего-нибудь необычного?

— Да... нет. Обычное. Тело просит. Вот, и поговорить хочет. С вами и со следователем.

— Так и сказал?

— Делла, я не помню, как он сказал, я спал, а вы же знаете, как я ненавижу все эти разговоры, да еще с незнакомыми людьми... Вы скажете Йоханссону? Я не могу больше.

— Да, конечно, — очень мягко сказала я. — Во сколько он придет?

— В десять. А то Крюгер опять будет орать на меня, почему ничего не сказал. Не выношу громких звуков.

— Спасибо, доктор Моррис. Не беспокойтесь.

Он отключился, не попрощавшись. Да уж, ночной звонок для чудака Морриса хуже пытки. Хуже, чем лишние гости для его экономки.

Без четверти десять мы с Йеном уже были в морге. Нас встретил ассистент Морриса: извините, доктор болен, лежит у себя в квартире, просит передать всяческие извинения, но оказать должный прием гостям не способен.

Ничего другого мы с Йеном и не ждали.

Без двух минут десять тяжелые дверные створки откатились, и в зал въехал немолодой мужчина на инвалидном кресле. Он был хорошо, но немодно одет, лицо обвисло, глаза тусклые.

— Простите, — тихим голосом он обратился к Йоханссону, — я в новостях слышал, просят визуально опознать жертв маньяка.

— Насчет маньяка пресса поторопилась, — сказал Йен. — Банда.

— Мне уже не важно.

— Прошу, — Йен кивнул ассистенту.

Я ожидала, что он подъедет к телу Греты Шульц. Почему-то. У них было нечто неувлимо общее во внешности. Брат или дальний родственник? Но мужчина равнодушно проехал мимо немки. И остановился подле стола, где лежало тело оркушки Дирги Та.

В этот момент я все поняла. И оживилась: кажется, день обещал быть интересным и насыщенным разного рода событиями.

Мужчина подъехал вплотную к Дирге Та, остановился, закрыл лицо ладонями. Через несколько минут он опустил руки. Он смотрел на оркушку с беспомощной лаской. Поправил ее волосы, погладил по кисти. И откатился.

— Мое имя — Келвин Костелло, — сказал он Йену. — Вот, — он протянул левую руку, поддернув рукав, чтобы обнажить запястье, предлагая тем самым удостовериться в его личности. — Эта девушка — Дирга Та, я знаю ее около пяти лет. Моя... — он запнулся, — невеста.

— Сочувствую, — серьезно сказал Йен.

У мужчины дернулись углы рта.

— Правда, что ли? Большинство моих знакомых сказали: забудь, мало ли оркушек, мечтающих выйти замуж за обеспеченного человека, только свистни — утешат.

— Многие скажут то же самое и про человеческих девушек, — сказала я, подходя сзади. — Это ж не значит, что нет любви.

Мужчина тяжело и мрачно оглядел меня. Я обошла его и присела напротив.

— Я Делла Берг, ассистент инквизитора Маккинби.

А что, играть так играть. В конце концов, мы тут не одни, и окружающим совершенно незачем знать наши маленькие тайны.

— А-а, наша местная знаменитость.

— Могу я задать вам несколько вопросов?

— Любые, — мужчина повел рукой. — Лишь бы мои ответы помогли вам.

Я ни капельки не сомневалась, что именно его ответы действительно помогут. Проблема в том, что использовать их как показания не получится.

— Люди, — у мужчины дернулась верхняя губа, обнажая зубы. — Те люди, которые убили Диргу Та, — звери. Я хочу, чтобы их нашли. И покарали по всей строгости закона. Я ненавижу их. Мог бы ходить — убил бы сам, и наплевать, что остаток жизни я провел бы в тюрьме. Дирга Та не причинила зла ни одному живому существу. Она могла бы жить. Я уговорил ее учиться, она хотела стать медсестрой. И мы решили усыновить троих сирот. Через два месяца нас ждут в комитете по усыновлению. Но эти трое детей останутся без семьи. Я взял бы их в память о Дирге Та, но я инвалид. Мне не дадут. Вы хотите поговорить прямо здесь? Лучше не надо. Я достаточно хладнокровен, но при виде Дирги Та меня разбирает ярость. Скажите, мне дадут ее похоронить? Мы ведь не успели пожениться.

— Я Йен Йоханссон, следователь. Веду это дело, — сказал Йен. — Если у вас найдутся свидетели, что вы состояли с Диргой Та в близких отношениях, проблем с похоронами не возникнет.

— Состояли, — мужчина фыркнул. — Да мы жили вместе. Вот эти пять лет. Все соседи ее знают. Весь квартал. Из-за этого она ходила на работу окольными путями. Я обеспечен, но она хотела гражданство, из-за этого надо было ублажать ту дурную бабу, на которую Дирга Та работала. Дирга Та стеснялась своей работы. И я бы стеснялся. Мы никогда не говорили соседям, где Дирга Та работает.

— Если хотите, мы можем пройти в комнату для посетителей, — предложил Йен. — Там удобно говорить.

Со своим инвалидным креслом Келвин Костелло справлялся привычно и уверенно. Я шла рядом, гадая, к чему бы это совпадение? Миссис Бейкер на коляске, и наш визитер, доведший Морриса до недомогания, — тоже.

И тут я увидела его зубы — мелкие и полупрозрачные, с острыми краями, сменились как минимум четыре раза. Ничего себе, на каких дозах регенерантов он сидит...

В комнате для посетителей мужчина едва дождался, пока мы с Йеном усядемся и включим аппаратуру. Точней, включил Йен — я свою «сбрую» и не выключала.

— Одиннадцать лет назад врачи приговорили меня, — сказал Келвин Костелло. — Неважно, в чем дело. Я получил прекрасную пенсию и льготы для проживания на Танире.

Через год у меня полностью восстановилась власть над руками. Поначалу я жил на Радужном берегу, собственно, туда поселяют всех инвалидов, которые получили танирские льготы. Там прекрасный уход, отличное общество. Но когда я стал шевелиться, то захотел жить среди обычных людей. Я никогда не смогу ходить, но я чувствую ноги, они не атрофируются. И я остался мужчиной. Я нанимал помощника по дому, потому что не мог даже перебраться с кресла в постель. Сначала были мужчины. Они раздражали меня. А потом на мое объявление откликнулась девушка. Я не видел ее, только слышал голос. И она не сказала сразу, что орк. Голос мне понравился, я назначил встречу. Поначалу я расстроился, увидев ее. Но моя легкая ксенофобия быстро прошла, еще во время собеседования. Через месяц мы стали любовниками. Когда она нашла эту миссис Ахири, я возражал. Мы почти даже поссорились. Я говорил — да сдалось тебе это гражданство, не нужны никакие равные права на детей, я и так тебя не оставлю. Но она была упрямая. И... вот, — он повел рукой в сторону двери. — Поверить не могу. Когда она не пришла домой с работы, я испугался. Дирга Та иногда задерживалась, да что иногда — эта дрянная миссис Ахири постоянно задерживала ее на два-три часа. Но Дирга Та всегда предупреждала меня. Этим летом я перегрелся, был тепловой удар, и мое состояние ухудшилось. На Танире нет врачей, которые предлагали бы достаточно эффективные методики при моей травме, поэтому я договорился с родственниками, что они помогут мне добраться до одной хорошей клиники. К тому моменту я почти дождал Диргу Та до увольнения. Была мысль взять ее с собой, в конце концов, она опытная сиделка. Но буквально за пару недель до моего отлета она пришла домой сияющая — нашла другую работу, хорошую. В Китайском квартале. Я слышал про человека, предложившего ей место, и слышал только хорошее. Подумал: моя родня — ксенофоб на ксенофобе, Дирге Та будет тяжело. А здесь она дома, и наконец ей подвернулось приличное место, с которого она точно соберет рекомендации для гражданства. Пусть, наконец, она получит его и успокоится. Я улетел, но мы, конечно, постоянно поддерживали связь. Потом она долго не звонила, и я не мог дозвониться. Тогда я позвонил ее хозяйке и спросил, где моя невеста. Та ответила — мол, делать мне нечего, как следить за всеми орочьими шлюхами. Представляете? Я себе места не находил. А потом увидел в новостях.

Он замолчал, глядя в окно. Пальцы лежали на подлокотниках кресла.

— Мистер Костелло, — сказала я, — вы считаете себя обеспеченным человеком. Я говорила со многими свидетелями, знавшими Диргу Та. Они утверждали, что Дирга Та жила с сильно пьющим человеком, хорошим и добрым, но нисколько не зарабатывающим. И Дирга Та с любовником жили только на ее заработок. Из-за этого ей приходилось ходить на китайский рынок, чтобы покупать там еду подешевле. Это противоречие имеет какое-то объяснение?

Костелло устало поднял руку:

— Нет никакого противоречия. Да, я действительно многовато пью. Это правда. Последние месяцы уже намного меньше, думал вовсе бросить. Поймите, для меня инвалидность стала ужасным стрессом. Но потом я привык, я нашел себе другое будущее, оно мне нравилось. Я не алкоголик, но на взгляд обывателя — действительно пьяница, что есть, то есть. Теперь про деньги. Я прошу вас, — он посмотрел на Йена, — снять всю информацию с моего чипа. Уделите, пожалуйста, особое внимание резервному счету на мое имя. Вы можете проверить его с помощью налоговиков, с помощью кого угодно. Это не мои деньги. Счет я открыл, когда Дирга Та нанялась на службу. Дирга Та приносила все свои деньги мне, она считала, что я, несмотря на пьянство, более бережлив. Когда она шла за покупками, я переводил ей на чип определенную сумму, и остатки она возвращала. Нет, я не просил. Она считала, что так будет лучше. Но дело в том, что это были не ее деньги. Ее заработок, целиком, я клал на тот резервный счет. До гроша. Все, что я выдавал Дирге Та, — были мои деньги. Я не лгу, говоря, что я обеспеченный. Потому что дом, в котором мы жили, — он не арендованный. Я рассчитывал к свадьбе выплатить остатки кредита. Я купил его. А вы знаете, сколько стоит недвижимость на Танире. И купил я его, когда Дирга Та

вошла в мою жизнь. Мы жили не на ее заработок, а на то, что оставалось от моих доходов после выплат по кредиту. Ее заработанные деньги я собирался отдать ей в день, когда она получит гражданство. Чтобы у нее были свои накопления. Орки не умеют копить. Я считал, что ей нужно иметь какие-то сбережения, мало ли что случится со мной. А китайский рынок — замечательное решение. До знакомства со мной Дирга Та питалась синтетикой. Я запретил ей. На китайском рынке можно купить натуральные продукты, и сносного качества, причем дешевле, чем в супермаркете. Я вообще не понимаю весь этот снобизм по отношению к рынку. Граница проходит не между рынком и супермаркетом, а между натуральным и синтетикой. Натуральное по определению лучше, где бы его ни покупали. Кроме того, в супермаркете у Дирги Та вряд ли была бы возможность общения. А на рынке у нее были приятельницы-китаянки, она болтала с ними, и я одобрял. Потому что ей нужно общение с людьми. Китайцы не ксенофобы, и для Дирги Та это было нечто вроде социальной школы. Потому что после свадьбы, после гражданства, после усыновления сирот у нее изменился бы статус. И она должна была подготовиться к этой перемене. Китайский рынок был отличным полигоном.

Я покивала. Йен педантично снял информацию с чипа Костелло.

— Я не поверил сразу, что это маньяк. Я подумал: что-то с этим поместьем нечисто.

А, ну вот мы и к делу перешли. Сейчас он скажет то, ради чего пришел.

— С каким поместьем? — спросил Йен.

— Где она работала. Поместье миссис Ахири. Там странные вещи происходят. Дирга Та — плохая рассказчица. Сами понимаете, оркушка. Она и слов-то не так много знала. Я как мог повышал ее культуру — читал вслух, ставил учебные фильмы. Добился, чтобы она строила фразы правильно. Она прекрасно пела, и так, пением, мы исправили ей произношение. Но описать то, чему я не учил ее, она не могла. Только в самых общих чертах. Я даже не могу сказать, сколько в том поместье было орков, потому что Дирга Та умела считать только до ста. В пределах ста она и арифметику знала, и даже дроби освоила, но вот дальше ста — увы. Ну не ее стихия. Я пытался научить ее по принципу «сто и сто», но она теряла количество этих сотен. Ее раздражали уроки арифметики, и я оставил эту затею.

— Что она говорила про поместье? — спросил Йен.

— Слишком много орков. Больше ста. Вы из полиции, знаете, что бывает в городе, если появляется хотя бы двадцать орков. Они сразу сбиваются в банду. Дирга Та говорила, что в поместье школа для них и для эльфов, их там учат языку, а все выпускники получают чип с гражданством. Но я задумался: если они не знают язык, что же, они свежеперемещенные? Но сейчас же с этим жуткие трудности. Их вывезти с планет проблема. Это не индейцы, которые сами приезжают. Когда Дирга Та сказала, что там учат стрелять, я удивился еще сильнее. Ну ладно эльфы, может, их на охоту натаскивают. А орки? Если их готовят в армию, то почему в частном поместье? Еще там было какое-то сооружение, куда мало кого пускали. Большое здание, похожее на ангар. Ничего особенного вроде бы, но Дирга Та говорила, что там большая тайна. А еще она однажды сказала, будто ей муж миссис Ахири признался, что он великий принц и скоро все «эти» увидят. Вот не знаю, зачем он это сказал оркушке, может, пьян был. Или хотел странного.

— Муж? — удивился Йен. — Она же вдова.

— Я знаю. Но для оркушки нет разницы между постоянным любовником и мужем. Миссис Ахири еще молодая, почему бы ей не завести любовника?

— Скажите, мистер Костелло, Дирга Та когда-нибудь встречалась с другими жертвами? Или вы не слышали от нее этих имен?

— Она совершенно точно знала Адама Бейкера. Ее частенько посылали с поручениями в его офис. Понимаете, я не то чтобы подозрительный человек, просто действительно непорядок: ее нанимали как садовницу. Но при этом... знаете, я умею ухаживать за женскими руками и ногами. Нет, это не профессия, скорее хобби. Может быть, странное, но не преступное точно. И я видел, что у нее руки разъедены каким-то моющим средством. Я спросил, в чем дело. Она ответила, что ее посылали к Бейкеру, там надо было готовить много

орочьей еды и стирать орочьи шмотки. Я был в ярости — моя невеста голыми руками стирает вонючие тряпки каких-то мужиков! Ведь там не то что техники, простой бытовой техники, там даже перчаток ей не дали! И я не понимал, что делают орки в офисе пусть мелкой, но все-таки достаточно уважаемой транспортной компании. И еще ее посылали в частный дом, в Девятом квартале, на углу Шестнадцать-Два, номер она не запомнила. Там тоже приходилось готовить еду и обстирывать орков — их привозили из офиса Бейкера. Часть отвозили в тот дом, часть — в поместье. Про тот дом она рассказала мне однажды, что там было страшно, орки сплошь дикие — горные. Но один был приличный, и даже нечистокровный — с индейской четвертушкой. У орков на такое глаз наметанный. Дирга Та сказала, что имени не знает, они не говорили между собой, — что само по себе свидетельствует в пользу парня. Воспитанный орк не заговорит с девушкой, если у нее на пальце колечко. Я подарил его Дирге Та, когда мы стали жить вместе. Орки чрезвычайно чувствительны к символике, ей нужно было показывать сородичам, что у нее есть муж. Кстати, сейчас я не вижу на ней этого кольца. А потом тот орк сбежал. Хозяином дома был человек, по имени Грант, и Дирга Та рассказывала со смехом, что Грант ужасно рассердился. Еще в доме жил эльф-пьяница.

Черт, подумала я, он как будто подслушивал, что мне рассказывал на Эвересте орк Шон Ти.

— Вы не видели того мужа или любовника миссис Ахири? — спросил Йен.

— Нет. По словам Дирги Та — молодой, одного роста с ней, слабый. То есть на взгляд оркушки у него было не самое мужественное сложение. Зовут вроде бы Николасом. Больше ничего не знаю.

Йен закруглил опрос положенными формальностями — условился о дополнительных показаниях, снял базовые анкетные данные и проводил нашего добровольного информатора к выходу.

Когда он вернулся, я искала, куда же доктор Моррис припрятал канистру с питьевой водой. Нашла, налила в чайник. Йен выглядел недовольным.

— Ты ему веришь? — спросила я через плечо.

— Ни капельки. Он не тот, за кого себя выдает. Зуб даю, он из той же банды, и чип у него поддельный.

— Нет, Йен. — Я покатала слова на языке. — Банда думает, что он один из них. А он... — я отрицательно покачала головой. — Мститель.

— За оркушку?

Я постояла еще секунду. Потом решила.

— Сейчас приду, — сказала я Йену.

И неприлично быстро выскочила из комнаты.

* * *

Он не торопился. Я выходила на парковку, а он только подкатывал к своей машине. Заслышав шаги, обернулся. Потом развернул коляску, чтобы быть лицом ко мне. Я молча обошла его по широкой дуге и встала чуть позади, за правым плечом.

Боишься меня, Делла Берг? Если сзади встаешь? — спросил Даймон. Конечно, — с полным присутствием духа ответила я. — Дураки — народ непредсказуемый. Особенно дураки с такой профессией, как у тебя.

Даймон засмеялся.

— Считаешь глупостью, что я сегодня приехал? А я, может, еще разок хотел полюбоваться тобой. Перед тем, как навсегда исчезнуть из твоей жизни. Знаешь, ты дивно хороша. Я часто вспоминал тебя после нашей встречи на Эвересте. Ты мне даже приснилась.

— Сколько угодно.

— Не возражаешь, значит?

— Пф. Мало ли на свете придурков, которым я снюсь. Даймон, ты рискуешь исчезнуть

не из моей, а из своей жизни.

— О. И сейчас ты рискнешь меня арестовать. Разумеется, из чистого милосердия.

— Предложу сдаться добровольно. Должны же у тебя сохраниться хотя бы остатки мозгов.

— Какая досада. То ли у меня мозгов не осталось, то ли я вижу вариант получше.

— Застрелиться? — уточнила я.

— Почти.

Я не спешила. Даймон молчал, глядя на меня вполоборота. Как же его портили эти линзы — мастерски выделанные, против правды не попрешь, но убивавшие всю природную живость его глаз.

— Ладно, — сказал он. — Обмен остротами — всегда приятно, но я выманил тебя не для этого. Я хочу, чтобы ты передала Алистеру Торну кое-какую информацию. Сама или через босса — неважно. Информация секретная.

— Зашибись. Уже верю, что ты будешь что-то передавать мне посреди парковки.

— Запросто.

— Даймон, у тебя же банда на хвосте. Думаешь, там никого нет, кто придумает, кому продать твою инфу?

— Еще как есть. — Он помолчал. — Только ее еще добыть надо. Камеры здесь по периметру я заглушил временно, — он обвел рукой вялый круг, и я увидела зажатый в ладони тонкий цилиндр. — Остальное нам с тобой не страшно.

Я иронично приподняла бровь.

— У меня есть планы, — сказал Даймон. — Хорошие.

— Ты о них уже говорил.

— Э-э, то, что я говорил, был план-минимум. А вот сейчас есть шанс на максимум. Пока Энстон был в силе, а Нотторп сидел в правительстве, о нем и мечтать было нечего. Твой босс свалил Нотторпа. Энстон, конечно, все еще опасен, только и ему недолго осталось. Пора подумать о себе, верно? Само собой, за то, чтобы меня оставили в покое навсегда, придется заплатить. Мне есть чем. И есть кому — Алистеру Торну. Передай ему, чтобы связался с моим отцом. Родным, — он подчеркнул голосом.

— Тебе отца не жалко в заложники оставлять?

— А что ему будет? Ничего. Он-то никаких законов не нарушал. И даже я в общении с ним не нарушал ни законов, ни служебных инструкций. Алистер не Энстон, ну и я блефовать не собираюсь — кончилось время блефа, пора карты на стол класть. Передашь?

— Тебе важно, чтобы я согласилась?

— Ну раз прошу, значит, важно.

— А чего сам не поговоришь с Алистером? Он ведь не засекречен.

— Исключительно чтобы получить запас времени для закрытия пары-тройки личных дел. Видишь ли, покупая свободу, становишься некоторым образом зависимым от того, кто тебе ее продает. Я понимаю, не мальчик. Вот чтобы мою свободу не ограничили в неподходящий момент, я и выбрал кружной путь.

— Логично, но неправда, — фыркнула я.

— Ну а с какой стати я буду тебе правду говорить? — парировал Даймон.

— Я подумаю.

— Отлично. Будет чем заняться вечером. Подумать уж точно полезней, чем тратить время на Берга.

Я приподняла бровь еще выше.

— Не люблю, когда умные женщины связываются с мужиками, которые способны любоваться только собой. А может, просто слегка ревную, — объяснил Даймон. — Бывай здорова, Делла Берг. Обещаю, что в следующий раз ты увидишь Пола Даймона только мертвым. На могилу ходить не обязательно, я не суеверен.

Я проследила, как он ловко, ни на йоту не выбиваясь из роли инвалида, вскарабкался в машину, одной рукой сложил коляску и убрал ее за сиденье. Он помахал мне рукой и уехал.

Вернувшись в комнату для посетителей, я застала Йена медитирующим над чашкой чаю. На меня он даже не глянул.

— Ты, конечно, слова не скажешь о том, что произошло между тобой и этим человеком.

— Конечно.

— Я так и думал, — мрачно сказал Йен и к этой теме больше не возвращался.

* * *

Обедать я поехала домой, благо нашего повара наконец-то выпустили из госпиталя и он обещал по такому поводу устроить пиршество. Пиршество не пиршество, но жареные гусята были чертовски хороши.

— У тебя неплохое настроение, — заметил Август после обеда.

— Скорей боевое. Наш сегодняшний свидетель оказался поддельным. Полу Даймону сделалось скучно.

— О. И почему я так и думал?

— Чуть не в любви мне объяснился.

— Представляю, какое ты получила удовольствие. Пол Даймон весьма остроумен, что большая редкость для наемного убийцы.

Ответила я ослепительной улыбкой. Август умел заглянуть в самую суть вещей.

— Судя по твоему замечательному настроению, ты опять нарушила приказ.

Я удивилась. Неподдельно.

— Я приказал тебе застрелить его при встрече, — напомнил Август.

— Если ты вздумаешь оштрафовать меня за такое, я подам на тебя в суд — за принуждение к убийству.

— Вперед, — сказал Август, — особенно эффектно твое выступление прозвучит после того, как я предъявлю запись его разговора с Энстоном. Того самого, где Энстон нанимает Даймона для убийства тебя. Таким образом, я принуждаю тебя к самозащите.

— И что, действительно оштрафуешь меня?

— Конечно, — согласился Август. — Дисциплина разболталась, надо же с чего-то начинать ее подтягивать. Почему бы не с формального нарушения?

— Небось, на ту самую двадцатипятипроцентную надбавку?

— Вот еще. На пятнадцать лишних процентов.

— Лишних?

— Лишних против того гонорара, который я собирался тебе заплатить. Давай отчет.

Рассказав о событиях и сдав запись с чипа для подробного изучения, я перешла к вопросам:

— Интересно, почему он все-таки липнет ко мне?

— Коллега, — пояснил Август. — Это первое. Второе — красивая женщина. Он владеет ценной информацией и считает, что вправе выбирать, кому именно ее отдать. Выбрал того, кто ему приятнее. А третье, конечно, — я. Даймона удерживали в профессии шантажом. Я свалил шантажистов, и так, что им крайне невыгодно вскрывать Даймона. Считаю, его игры с бандой — это форма признательности.

— О, я тронута.

— Правда, что ли?

Я не выдержала и рассмеялась:

— Слушай, у тебя чувство юмора только на голодный желудок прорезается? У нормальных людей наоборот!

— Гений и норма — понятия несовместимые. Норма как общественно приемлемое и одобряемое поведение — это примерно равные умственные способности собеседников и сравнимое же смутное ощущение недостаточности этих способностей. Из чего возникает потребность в общении и обмене коммуникационными сигналами. Человеку важно

убедиться, что он не урод, что другие такие же, значит, с ним все в порядке. Если у человека действительно нет сомнений в своем уме, у него нет и потребности этот ум сравнивать с другими, через самоутверждение получая доказательство его наличия. Соответственно, у него другие потребности в общении. Ему не нужна коммуникация как таковая. А значит, его поведение выходит за рамки нормы.

— Ну ты и зануда, — восхищенно сказала я.

— По-моему, тебе как раз это мое качество по душе.

— Ну разумеется! Слушай, а как быть с тем, что человек — животное общественное? И вот эта страсть сбиваться в кучку — она обусловлена...

— Делла, — перебил Август, — я же сказал — все дело в недостатке ума. Поговорка «один ум хорошо, а два лучше» не зря появилась. Человеку недостаточно его умственных способностей для решения всех жизненных задач в одиночку. Поэтому человек привлекает единомышленников — по принципу общности интересов.

— Отлично. Интересно, для решения какой задачи у Даймона не хватает умственных способностей, если он решил привлечь меня?

Август пожал плечами:

— Нам не все равно? Мы не обязаны делиться с ним нашими ресурсами, в том числе и интеллектуальными. У нас свои задачи есть.

— То есть ты не будешь ничего передавать Алистеру?

— Почему? Передам. Даймон его очень интересуется.

— А если это ловушка?

— Делла, у Алистера такая работа.

— Ну хорошо. А чего Даймон добивался, намекая на странные дела в поместье Ахири?

— Полагаю, хочет, чтобы мы всерьез занялись поместьем. Обстановка там действительно странная.

— А у нас есть повод?

— В том-то и дело, что ни малейшего. Как не было, так и нет. Даймон питает какие-то иллюзии на мой счет, ему кажется, что мне закон не писан, куда хочу, туда иду.

Я выжидательно посмотрела на Августа и улыбнулась ну очень умильно. Он поморгал, потом сообразил:

— А-а, это ты пытаешься коварно вывести у меня, что сказал Князев.

— Догадливый.

— Ничего. То есть довольно много, но ничего, что позволило бы нам изменить тактику. Он на удивление плохо осведомлен. Непосредственно он общался только с Бейкером, два раза встречался с Луисом Алонсо. Ахири с ее кавалером и Грантом видел лишь однажды — и понятия не имеет, кто такие. С его слов, история выглядела так. Он задолжал Бейкеру крупную сумму. Отдать быстро не мог физически. Тогда Бейкер предложил ему взаимозачет: Князев подделывает транспортные документы, а Бейкер списывает часть долга. Собственно, вся успешная контрабанда Бейкера держалась на Князеве. Потом на Князева напрямую вышел Луис Алонсо. Попросил о встрече без свидетелей. У Князева дома беременная жена, поэтому он взял у Бейкера ключи от его коттеджа. Сказал, что деловая встреча, если выгорит, то он сможет выплатить долг раньше. Бейкер ключи дал и неожиданно приехал сам. Князев даже не стал слушать, что за идея, потому что Луис Алонсо явился на встречу в одежде с сатанинской символикой. Бейкер разнял уже начавшуюся драку, отвел Луиса Алонсо к себе и участливо расспросил. Потом они вернулись вдвоем и заставили Князева выслушать идею. Как ни странно, поначалу отрицательный ответ дали они оба. Князев потому что не желал иметь ничего общего с сатанистом, а Бейкер просто прикинул, сколько лет тюрьмы можно схлопотать в случае провала, и решил, что овчинка выделки не стоит. Не всякую идею, какой бы заманчивой она ни была, можно реализовать с его ресурсами. Но потом Бейкер передумал. Он настоял на второй встрече с Луисом Алонсо. Князев оказался в западне, потому что обо всем узнала его жена, и узнала в понятном ключе: ей сообщили, что муж по уши в долгах и отказывается от дела, на котором мог бы разбогатеть. Жена у Князева

жадная, он сам это признает, но — любимая. Так его и заставили.

— Удар ниже пояса, — пробормотала я.

— А как ты хотела — такие возможности. Дальше было просто. Князеву сказали, что нашли человека, готового играть его роль. В назначенный день Князев меняется чипами с актером и скрывается. А актер показательно ссорится с его женой и уходит из дома. Поселяется где-нибудь в мотеле, где его никто не знает. Глупость, но Князев поверил. Несколько недель после этого он прожил в бункере, программируя чипы по требованию. Он не видел своих «клиентов», имена для фальшивок брал в «Энциклопедии деловых людей». Счастье, что хоть запомнил всех. В один прекрасный день он сбежал — хотел жену повидать, соскучился очень. Бункер оборудован на заброшенном наделе, там есть несколько зданий разной степени завершенности, и сомневаюсь, что хозяин тех земель знает — у него завелись гости. Ближайшая трасса — в пятнадцати километрах от бункера. Князев вызвал себе автоматическое такси и, пока летел домой, ознакомился с последними новостями. Сообразил, что влип. Он понял, что к жене соваться нельзя и возвращаться в бункер — тем более. Ключи от коттеджа Бейкера у него сохранились, и он забился туда, зная, что Бейкер держит годовой запас продуктов. Познакомился с Нэми Фогарт, очень дорожил общением. Девушка призналась ему, что хотела бы постричься в монастырь, и они обсуждали эту идею. Князев настолько расчувствовался, что признался «сестре по духу», в каком преступлении замешан. Рассказал, как вел разгульную жизнь, потом пришел к вере, но бесы принялись его осаждать. Он крепился как мог, почти победил, и тут они подослали сатаниста с искушением. Князев не поддался, и тогда бесы добились своего через близких людей — жену и друга. Князев совершил грехопадение, а теперь готов на все, чтобы спасти душу. Нэми ему искренне сочувствовала, поддерживала и уговаривала обратиться в полицию. Пусть тюрьма, зато душа спасена будет.

— Да уж, — хмуро заметила я. — И не только душа — но и жизнь. Послушал бы умного человека — глядишь, девчонка осталась бы жива.

— Нэми, в сущности, уговорила его. Они сошлись на варианте, что в полицию первой пойдет Нэми, встретится с Крюгером и объяснит ему ситуацию. Князев очень боялся, что его застрелят прямо на входе в управление. Ну и надеялся, что ему за добровольную явку и сотрудничество будут какие-нибудь бонусы. В таком состоянии их и нашел Грант. Затолкал в подвал, стал угрожать. Нэми воскликнула что-то в духе: «Держись, Господь испытывает твою веру!» Князев отказался сотрудничать с Грантом. Тогда Грант велел оркам насиловать девушку, ну и сам не упустил момент. Князев сломался. Ему в этот же подвал притащили аппаратуру из бункера, на которой он поменял местами генные карты в досье Бернарда и Адама Бейкеров. Тут же в подвал спустилась парочка, хорошо одетая, заносчивая. Женщина сказала, что нужен чип для ее мужчины на имя Максимиллиана ван ден Берга. Князев сделал. К тому моменту он понял, что положение безвыходное. Его спасла Нэми — она собралась с силами и затеяла драку с Грантом, а Князев дал деру. Он отлично понимал, что девушку убьют. Но понимал и то, что ее убили бы в любом случае. Утешал себя, что она святая, приняла мученическую смерть. Но совесть все равно грызла, и он ходил по церквям, стараясь не привлекать внимания, и ставил свечки за упокой ее души. Когда ты его нашла, сначала испугался, а уже в полиции испытал облегчение: теперь-то точно его не достанут. И все демоны-искусители будут мучить воображение, но физически достать не смогут.

— Н-да. Негусто. А чего ты так долго с ним возился? Или он стойкий?

— Да какое стойкий, сломался мигом. Боюсь, что Нэми Фогарт сделала для этого больше меня.

— Проклятье. Как всегда обидно, что рождается талант — но безвольный, и погибает в тюрьме. Сколько он мог бы сделать для людей!

— Тюрьма не могила, — возразил Август и проверил время: — Делла, через полчаса приедет ветеринар.

— Зачем?!

— Я пригласил. К Брюсу. Профилактический осмотр, стрижка когтей, и, по-моему, у

него нижний резец шатается. Еще обязательно скажи ветеринару, что Брюс не только валяется в компостной куче в парке, но и пытается поесть сгнившую траву. Ему чего-то не хватает.

— А то, что он во сне повизгивает и лапами дергает, не надо?

— Это чепуха. У меня все собаки так делали. Снится что-то. А вот гнилую траву они не ели. Не забудешь? А я пару часов досплю. Всю ночь работал, сейчас с ног валюсь.

Он ушел, а я отправилась переодеваться. Не в коротком же платье и туфлях на шпильке вести врача к собаке, верно?

* * *

Через два часа в парке Трех Сосен нашли брошенное инвалидное кресло. А около полуночи за баром «Семнадцатый квартал» обнаружили труп немолодого мужчины среднего роста. Его зарезали в пьяной драке. Лицо было разбито в фарш куском арматуры, содран скальп. В крови — почти смертельная доза алкоголя. Если верить чипу, то убитого звали Келвин Костелло.

В час ночи я стояла в морге у стола, на котором покоилось тело. Йен стоял напротив и смотрел больше на меня, чем на труп. Кажется, он все-таки что-то заподозрил на мой счет. Извини, Йен, ты славный парень, но у разведки свои правила игры, и они — для внутреннего пользования.

— Ну что? — спросил бодрый, явно отлично выспавшийся за целый день «недомогания» доктор Моррис. — Экспертизу ДНК сразу делаем или понадеемся на мою догадливость?

— Сразу, — одними губами произнес Йен, не заметивший иронии.

Доктор Моррис живенько загрузил в аппарат кровавой мазок. Тридцать секунд.

— Пол Гэбриэл Даймон, — с оттенком торжества сообщил доктор Моррис. — А что этот Келвин Костелло? Тоже из той же шайки?

— Нет, — ровным голосом ответил Йен. — Раньше убивали бандиты, чтобы взять имя жертвы. Теперь убит бандит, скрывавшийся под чужим именем. Делла, это он?

Я очень старательно осмотрела тело.

— Йен, я не могу опознать его. Я видела только голову, все остальное было скрыто маскировочным костюмом. Я не знаю его особых примет и сомневаюсь, что такие были, — все-таки диверсант и разведчик, явные особые приметы недопустимы. Я не могу утверждать, что это Даймон. — Я подумала, тщательно взвесила свои слова и после паузы добавила: — Впрочем, точно так же я не могу утверждать, что это не он.

Йен покивал.

— Интересно, а что с настоящим Келвином Костелло, — пробормотал он, выщелкнув из-под манжета наладонник. — Сейчас, — он отошел к окну. Через несколько минут, переговорив с кем-то, вернулся и сказал: — Келвин Костелло умер две недели назад. На Сиене — там клиника, куда его поместили родственники. Ему было около ста тридцати, из которых он пил последние пятьдесят, печени и сердца, считай, не было. Увезли его в бреду, в пути он впал в кому и больше не очнулся.

Доктор Моррис в это время что-то увлеченно изучал на большом мониторе. Я скользнула взглядом, потом сообразила, что этого терминала тут раньше не было, а еще долей мгновения позже — что в морге он неуместен.

Точно такой же стоял в инженерной лаборатории управления полиции Таниры. На нем Хуан Антонио подтвердил факт подделки чипов.

— Доктор Моррис, — удивилась я, — зачем вам это?!

— А? — он оживленно вскинул брови. — Да просто из любопытства, знаете ли... Кстати, чип у этого несчастного, — он кивнул на труп Даймона, — подделан. Не надо быть специалистом, чтобы разобраться. У него на чипе слишком мало информации, да и та вписана топорно. Делла, ручаюсь, вы тоже так умеете, на вашем факультете этому учат

обязательно.

Я не покраснела, нет. И не смутилась.

— Если подделка заметна невооруженным глазом, нам же лучше, — ответила я.

— Вот что в свете последних событий не мешало бы проверить, так это не чип на имя Костелло, а досье Даймона, — предположил Йен.

Я отрицательно покачала головой:

— Невозможно. Даймона секретило государство. То есть я сразу могу сказать — досье липовое. Там и не было ничего истинного, кроме этой генной карты да имени.

— В таком случае для частного лица вроде Князева подделка подобного досье несравненно труднее, чем обычного? — настаивал Йен. — И мы можем верить, что убит именно Даймон?

— Скорее всего, так, — согласилась я.

— Делла, — не выдержал Йен, — он же преступник. Если...

— Без «если», Йен. У Даймона и без банды врагов хватало. Это не банда. Мне очень жаль, но нам не удастся раскрыть это убийство.

Йен молчал.

— А кто, хотя бы приблизительно?

— Тебе это ничего не даст.

— Но все-таки.

— Джордж Эдвард Энстон, граф Калипсо.

Йен протяжно засвистел.

— Даймон надул его с последним заказом, — продолжала я. — Энстон не стерпел. Идиот. Не Энстон — Даймон. Я ж его предупреждала. Расслабился в мирной обстановке. Ему наши банды, хоть все скопом, — семечки. Привык никого и ничего не бояться. Ну и потерял квалификацию. А у Энстона специалистов такого профиля мно-ого. Поздравляю, Йен: это будет твой первый «висяк».

— Ты поедешь со мной на место? — очень устало спросил Йен. — Пусть «висяк», но отрабатывать его придется всяко.

— Да, пожалуй.

Мы ногами обошли все бары неподалеку от места убийства Даймона. Показывали последнее фото — в гриме под Костелло. Этого парня видели, но никто не знал. Нет, он ни с кем не ссорился, вообще не разговаривал. В одном баре он выпил немного виски, во втором — пинту пива. После этого ушел один в сторону отеля «Голубая звезда». Отель находился строго напротив бара, и как труп оказался в противоположной стороне, неясно. Опрос всех рамок в округе результатов не дал: рамки не засекли не только Пола Даймона, но и Келвина Костелло.

За баром, как я и думала, был дешевый мотель. Пара, снимавшая комнату на первом этаже, помнила, как в половине двенадцатого по пустой улице шел мертвецки пьяный мужчина, что-то неразборчиво бормотал. Одежда похожа на ту, в какой запомнили Келвина Костелло в баре. Больше ничего не было — ни шума, ни криков. Только около полуночи вдруг раздался женский вопль: какая-то женщина уводила из бара своего благоверного, пошла задворками и споткнулась о труп.

Мне было тяжело и душно. Хотелось хоть на час переключиться, выпасть из этой реальности. Я позвонила Августу и сказала, что если он хочет моей смерти, то может потребовать отчет сию секунду. Я приеду, отчитаюсь и сдохну у него на руках. Август удивился и спросил, а чего бы я хотела.

— Секса, — мрачно сказала я. — Сейчас же. Поэтому, ты уж прости, но ночевать я буду в городе. Потому что мне нужен секс, и у меня есть человек, который даст мне столько секса, сколько выдержи.

— Тебе не секс нужен, а выспаться, — разумеется, сказал Август.

— Чтобы выспаться, мне нужно уснуть. А чтобы уснуть, мне нужно принять снотворное или хорошую дозу секса. Предпочитаю второе.

— Ну-ну.

Было уже четвертый час, самое темное время ночи. Я заехала в булочную миссис Кавендиш, она недавно открыла круглосуточный прилавок. Помня, что у Макса непереносимость творога, я набрала пакет пончиков с разными начинками, и поехала в отель на такси. Ехала и мечтала: Макс, наверное, спит, я разбужу его поцелуем. Мы сразу займемся любовью, а потом будем пить чай с пончиками.

Конечно, после примирения Макс настроил дверные замки на меня, чтобы я могла прийти в любой момент, даже если его нет. Я и пришла. В гостиной включен свет, на столе — недопитая бутылка шампанского, два бокала, коробка конфет. Я так вымоталась, что не сообразила даже, к чему эти знаки. Положила пакет с пончиками рядом с бутылкой и, не разуваясь, шагнула к спальне.

Первое, что я увидела, — женский зад. Большой, есть за что подержаться. Над задом — складочки на боках. Складочки подрагивали и подпрыгивали в такт прыжкам, которые их блондинистая обладательница совершала на Максе.

— Я вам не помешаю? — весело спросила я.

Блондинка взвизгнула, дернулась, послышалась ругань Макса. Эти двое не сразу разобрались и распутались, девица едва не сломала ему член, наконец скатилась на пол и метнулась почему-то на балкон. Тут же вернулась, юркнула в ванную. А Макс продолжал ругаться, бессильно дергаясь. Я пригляделась и все поняла: запястья пристегнуты наручниками к изголовью.

Из ванной с независимым видом выползла блондинка, кутаясь в мой халат. Интересно, отстраненно подумала я, сколько женщин его надевали в мое отсутствие?

К своему изумлению, я узнала Долли — консультантку из игрового салона Лианы Серви. Так-так... А она узнала меня — и вскинула голову еще выше. Можно подумать, от этого ее хоть кто-то сочтет уверенной в себе особой.

— Каждая женщина имеет право на счастье! — с вызовом заявила она мне.

— Особенно на чужое, — кивнула я. — Ладно, одевайтесь, я в гостиной.

Вышла, встала у окна, скрестив руки на груди. Мне не хотелось плакать, мне хотелось с горечью рассмеяться. За моей спиной слышались голоса — раздраженный мужской и обиженно-воинственный женский. Ну надо же, а ведь Долли на что-то рассчитывала. На то, что Макс выгонит меня и заступится за нее. У них ведь был секс, да. То, что со мной у него этого секса было куда больше, не считается.

Я вызвала такси. Через секунду на чип пришло сообщение, что машину подадут через десять минут.

Из спальни вышел красный и злой Макс.

— Почему ты не предупредила? Я думал, ты будешь ночевать у Маккинби!

— И поэтому привел другую женщину.

— Делла, послушай, я взрослый человек. Я нуждаюсь в сексе. Каждый день. Я не могу так жить — ты сегодня есть, а завтра несешься в чертову командировку или приходишь в четыре утра! Я что, должен ждать, когда ты найдешь для меня время?!

— Никто никому ничего не должен. Ни ты мне, ни я тебе. Макс, не стоит устраивать скандал. Это вульгарно. В конце концов, это я тебя застукала, а не ты меня.

— Это был просто секс.

— Да хоть сложно секс. Макс, это не имеет значения. Сейчас приедет машина, я поеду домой, а ты продолжишь заниматься просто сексом.

— В какой еще дом? Делла, твой дом там, где я!

— Нет, — я засмеялась, — мой дом там, где я могу его защитить. В том числе и от хищниц, которые считают, что тоже имеют право на мое счастье.

Макс демонстративно застонал:

— О-о! Делла, ты же умная женщина! Ну какого дьявола ты слушаешь всяких дурочек?

— Когда мужчина взывает к женскому уму, он рассчитывает на женскую глупость и тщеславие. На то, что женщина не устроит сцену, простит, поймет и так далее. Она же умная.

Умный человек не должен опускаться до бытовых разборок. Умный человек не должен придавать значение всякой ерунде. Именно поэтому женщины, которых мужчины считают умными, и остаются у разбитого корыта. Потому что они всегда уступают — из боязни потерять мужчину или поддавшись на лесть. Ну кому же не станет приятно, если его назовут умным? Увы, Макс, с мужской точки зрения я дура. И пока мы с тобой не обзавелись корытом, которому суждено разбиться, я уйду.

— Делла, — Макс схватил меня за руку, — остановись. Пойми — это же действительно ничего не значит. Тебя неправильно воспитали. Ты хоть у Маккинби своего спроси, он подтвердит: секс — ничто. Он ни к чему не обязывает. Ты не можешь просто взять и выбросить все, что нас связывает, из-за паршивого секса...

— Ты же выбросил! — перебила я. — Из-за паршивого секса, без которого, хоть он и ничто, ты обойтись не можешь. Удачно покувыркаться, — я кивнула, высвободила руку и ушла.

Макс не стал догонять меня.

Впрочем, ничего другого я и не ожидала.

* * *

Я вошла в дом с веранды. Сняла туфли и босиком, беззвучно, прошла на кухню. Налила себе стакан молока. Мое детство прошло на ранчо, и молоко я возненавидела к двенадцати годам. Но после армии мне почему-то раз в полгода хочется его — да так, что от одной мысли слюнки текут.

Краем глаза я уловила движение, вздрогнула, подняла голову. В дверях стоял Август.

— Чего не спишь? — спросила я.

Вместо ответа Август вынул из шкафа блюдо, прикрытое полотенцем, и включил чайник. Я приподняла ткань — на блюде красовались шесть румяных ватрушек.

— У миссис Кавендиш новая услуга — доставка, — объяснил Август.

— Чудесно. А то свои пончики я забыла у Макса.

Август поставил передо мной чашечку. Я увидела в чае листик мяты и удивилась:

— Ты знаешь, какой чай я люблю?

— Ты же знаешь, какую я люблю кашу. Бренди?

— Пожалуй. Вместо снотворного.

— Вместо снотворного отлично подойдут ватрушки, — заверил Август. — А бренди — чтобы очнуться.

— Да я в порядке.

— У тебя нет интонаций в голосе. Это — не порядок.

Август принес мне бокал. Правильный бокал с правильным бренди в правильном количестве. Я выпила.

— Август, ты наш временный контракт уже зарегистрировал?

— Нет.

— Если хочешь, можем переоформить на обычный, годовой.

— Хочу.

— Ты не спрашиваешь, в чем дело.

— Я знал.

— И не сказал мне?

Август вздохнул.

— Видишь ли, это сложный этический момент.

— Ну да. Это же просто секс, не стоит придавать ему значения. Ты же не придаешь. Макс поставил тебя в пример, кстати.

Август поморщился:

— Секс не имеет значения, только когда нет отношений. Он все время слышит первую часть фразы и забывает про вторую. И про то, что обязательства накладывают не

сексуальные связи, а чувства. В его случае секс имеет значение — потому что у него есть обязательства перед тобой.

— Я просто ушла.

— Правильно сделала. Нельзя прощать того, кто не раскаивается.

— Как ты узнал?

— Когда пришла информация, что его чип тоже подделан, я обратился в агентство и нанял детективов. Макс мой клиент, и я обязан позаботиться, чтобы у него было алиби буквально на каждую секунду. Он ездил к Лиане Серви без тебя. Хотел узнать побольше про Хенту Ахири. Вечером он снова подъехал к салону, оттуда выскочила Долли и уселась к нему в машину. Ночевала она у него. Сегодня — пятый или шестой раз. Я не стал тебе говорить... потому что не стал.

— Что же, — с грустью усмехнулась я. — Не судьба мне стать княгиней Сонно.

— Не жалею. Может быть, тебе суждено что-то лучшее.

— Да. К сорока годам скопить денег, усыновить пару сирот и остаток жизни прожить на дедовском ранчо.

— Почему усыновить?

— Потому что должен же кто-то усыновлять сирот.

— Делла... — Август сделал такое движение, словно хотел погладить меня по руке, но, конечно, не погладил. Это было бы чересчур. — Если тебе надо выговориться или даже поплакать — я тебя послушаю.

— Да нет. Лучше еще глоток бренди, ватрушку и спать. Про то, что Даймона убили, ты уже знаешь?

— Да, Моррис звонил.

— Удивительно. Он ненавидит беседы по голосовой связи. Скорее уж напишет.

— Я тоже. Поэтому вхожу в число тех немногих, кому он звонит часто.

— И что думаешь?

— Ты там была, видела.

— Я видела изувеченный труп.

— А я вообще ничего не видел. Подробно можешь рассказать завтра, думаю, срочного уже ничего нет.

Я не стала пить еще бренди, и в мой усталый желудок поместилась только половинка ватрушки. Вторую я взяла с собой и пошла к вольеру, где жил Брюс. Открыла, выпустила щенка. Скармила ему с руки остатки ватрушки и повела в дом. Поставила будильник на полчаса раньше, чем обычно, — чтобы успеть вывести щенка из дома до того, как Август проснется и пойдет в тренажерку. Я скрывала от него, что частенько беру собаку в постель. Опять будет ворчать, что я неправильно воспитываю кобеля.

Брюс, виляя хвостом, уверенно и умело залез на кровать, устроился на «своей» половине. Я легла, он толкнул меня носом, потом — лапой.

— Эй, не время для игры, — скомандовала я. — Спи давай.

Брюс закрыл один глаз, потом второй, вздохнул и через минуту засопел. Я погладила его густую гриву, улыбнулась.

Нет лучшего снотворного, чем теплый щенок под боком.

* * *

— Август, Князев сделал чипы на имена Джона Смита и Джейкоба Бирмы, но не делал на имя Келвина Костелло, я права?

Август не спеша отвлекся от текущего занятия, осмотрел меня с головы до ног.

— Ты не хочешь вежливо пожелать мне доброго утра, например?

— Я еще не знаю, доброе оно или так себе. Так я права?

— Насчет утра — нет, очень даже хороший день намечается, если верить расписанию погоды. Насчет чипов — да, разумеется. Скорей всего, Даймон изготовил его сам.

— Вот именно! А на чем, спрашивается? Его ж на коленке не нарисуешь, нужна чистая болванка... У него в городе постоянный сообщник, и черт бы меня подрал, но я знаю, кто это!

— А ты опять брала собаку в постель.

Я не выдержала:

— Да, брала! И буду брать! Это моя постель, я плачу за стирку и имею право хоть в обуви ложиться, не то что с чистой собакой!

— Делла, пускать щенка в свою постель — непедagogично. Ты разбалуешь собаку, а ведь она вырастет довольно крупной.

— К черту. Это моя собака. Ты мне ее подарил? Все теперь. Моя собака, и мне с ней жить, если разбалую — значит, мне это нужно! И хватит вообще вмешиваться в мою личную жизнь, и так никакого интима нет, да еще и собаку теперь нельзя в постель брать!

Август едва заметно приподнял брови:

— Делла, если ты приучишь кобеля спать в твоей постели, интима у тебя не будет, пока он жив. Собаки, знаешь ли, свою собственность защищают зубами, а мужчинам это почему-то не нравится.

— Интересно, почему? — с вызовом спросила я.

— Когда узнаешь — скажи мне. Я сам с детства спал с собаками и никогда не понимал девушек, которые просили, чтобы я куда-нибудь выгнал на ночь свою любимую суку.

Я с невольной улыбкой присела на край своего рабочего стола.

— Ну да, и сука у тебя была, небось, не болонка, и даже не ласковая колли, а какая-нибудь злобная терьериха.

— Сибирская овчарка.

Я аж кашлянула.

— И ты брал в постель такое чудовище?!

Август неподдельно удивился:

— Почему «чудовище»? Очень красивая собака. Большая, рыжая и лохматая. Меня очень любила.

— Ну да, — я недоверчиво покачала головой, — и есть что обнять...

— Есть, — согласился Август. — И что, ты хочешь прямо сейчас навестить потенциального сообщника Даймона? Думаешь, нам это как-то поможет?

— Да, потому что... Потому что поможет.

— Езжай, — разрешил Август. — Но если ты понадобишься мне, немедленно бросишь все и вернешься.

— А ты уверен, что моя поездка бесполезна?

— Я считаю, что можно обойтись и без нее. Но тебе нужно чем-то заняться, иначе ты весь день посвятишь борьбе за свое право делать глупости.

— Тьфу, — только и сказала я.

* * *

Миссис Кавендиш заметила меня и подошла, едва я перешагнула порог булочной.

— О, мисс Берг, — обрадовалась она. — Как поживаете? Вы чудесно выглядите, но почему-то я уверена, что вы сегодня не завтракали. Хотите попробовать пирожки с ягодами? Это новый продукт, я пеку их по старинному рецепту нашей семьи.

Я подумала, что за последние недели потеряла самое малое пять килограммов живого веса, так что от пары пирожков моя фигура точно не пострадает. Миссис Кавендиш проводила меня в кафетерий, велела подать чай и пирожки, присела со мной за столик. Пока для меня сервировали завтрак, я объяснила хозяйке, зачем пришла. Мне нужна была коробка каких-нибудь простых, но очень вкусных булочек-печенок из расчета примерно на два десятка растущих организмов.

— Двадцать? — удивилась миссис Кавендиш. — Вы словно в сиротский приют

собираетесь.

— Примерно так.

— Хорошо. Я понимаю. Доверитесь моему выбору? Я знаю, что любят дети и подростки и от чего у них никогда не болят животы, даже если они переедят.

К тому моменту, когда я позавтракала — пирожки оказались просто сказочными, — мне собрали коробку, источавшую дивные ароматы. Я взяла еще пакет ватрушек — для взрослых, погрузила все в машину и вырулила на разгонную полосу. Мне осточертели тоннели, кроме того, в воздухе я всегда чувствовала себя увереннее, чем под землей.

Парковка у дома мастера Вэня пустовала, как и в первый мой визит. Казалось, в этот дом не приезжает никто, кроме меня. Я подхватила в одну руку коробку — тяжеленькая, однако! — в другую пакет с ватрушками и пошла в дом. Двери раскрылись, я снова оказалась в той же подчеркнуто китайской прихожей. Через несколько секунд послышались отнюдь не старческие шаги, и ко мне вышел подросток.

— Мастер Вэнь в саду, — сказал он. — Давайте помогу вам донести.

Коробка пахла весьма недвусмысленно, но подросток и виду не подал, что догадался о ее содержимом. Он провел меня на веранду, с которой я увидела типичный армейский навес от солнца. Под навесом стояли пластиковый складной столик и шезлонг, в котором дремал старик. Когда я была в трех метрах от него, Вэнь открыл один глаз.

— Здравствуй, Делла Берг, — сказал он. — С чем пожаловала?

— С угощением, — ответила я. — В коробке — для ваших воспитанников, в пакете — для вас, к обещанному чаю.

— А, — старик оживился и из полулежачего состояния плавно перетек в прямосидячее. — Отнеси ребятам, — приказал он подростку, — и проследи, чтоб младшие не объелись. Попроси, чтоб нам чайник принесли, с чашками, а чай на кухне в зеленой банке. И стул какой-нибудь для гостей!

Подросток испарился вместе с ношей, но тут же нарисовались две девчушки лет пятнадцати. Они вдвоем несли легкий складной стульчик. Я сделала вид, что не заметила, как обе рассматривают меня.

За те несколько минут, что нам собирали чай, я увидела, кажется, всех воспитанников Вэня. Каждый появлялся строго по делу — один нес блюдце, другой чашку, третья салфетку... Клади на место и уходили. И только с веранды доносилось возбужденное шушуканье.

— Ты у них знаменитость, — объяснил мастер Вэнь. — А еще и Хуан Антонио нахвастался.

— Кстати, я его не вижу.

— Так он в полиции торчит. Ему там интересно, а копы его не прогоняют. Ничего-ничего. Глядишь, и не придется его уговаривать школьный экзамен сдать.

— А сможет?

— Хуан Антонио? Конечно. Просто не хочет. Дурак молодой. Я ему уже сказал — лови момент, балбес. Ты сейчас хоть у самого комиссара можешь рекомендацию попросить. Со школьным аттестатом да такой рекомендацией в два счета найдешь приличную работу. А там и на колледж накопишь. Так что тебя на этот раз интересует, Делла Берг? Князева вы взяли, вроде загадок и не осталось.

— Даймон, — лаконично сказала я.

Вэнь засмеялся:

— Ничего, если я тебя просто по имени звать буду? Меня зови Вэнем, так привык.

— Как скажете. Ватрушки попробуйте, они чудесные.

— Да знаю. Даймон тоже всегда приходил — с ватрушками для меня и с коробкой для ребятшек. По-моему, у всех хоббитов менталитет одинаковый. Я тебе так скажу: у меня было три чистые болванки для чипов. Болванки честные, они с легким браком, я их списать-то списал, но не уничтожил. А что, они для копирования годятся вполне. Все три он у меня купил. Насчет двух я ему сказал: Пол, я глубокий инвалид, могу уснуть посреди разговора.

Вот я и уснул. А он компанейский мужик, поглядел, что я дрыхну, пошел к ребятам ляды точить. Ну а это же хоббит. Выспросил у моих ребят исподволь, где мастерская, и час там просидел. Я потом честно пытался разобраться, что он там вытворял, — не понял. Он все логи постирал, и, главное, качественно так. Собственно, я все, что осталось, сохранил, можешь хоть в полиции показать. На самом деле не знаю, чем он там занимался. А вот насчет третьей болванки сказать могу, потому что ее-то писал я сам. Когда проснулся, ясное дело. Сказать какую? Ту, какую он Энстону отдал в подтверждение твоей смерти.

— Это надо понимать так, что он позволил себе некоторую откровенность?

— Некоторую — хорошее слово. С нашей братией никогда нельзя быть уверенным, что сказано все. Ну, конечно, если это не на допросе у твоего босса происходит. Тот, я слыхал, вынимает реально все. Даймон старый мой друг. Учились вместе. У меня это был первый и последний университет, у него третий. Я шел по полной программе, он по дополнительной, для взрослых. Я был на втором курсе, он только появился, но у него программа двухлетняя, так что выпускались мы вместе. И оба потом ушли на Фронтир. Я в Шанхай, он к Энстону. И неясно еще, кому повезло меньше. Знаешь, как у нас говорили? Из Эльдорадо люди либо возвращаются, либо нет. А из Шанхая возвращаются всегда, но — по частям. Есть у них противная манера присылать назад пойманных разведчиков фрагментарно. Не, трупы выдают всегда. В течение года. Раз в месяц по куску. Моего напарника, который меня и провалил, присылали двенадцать раз. В последней посылке были аккуратно упакованные копченые — чтоб не провоняли, — голова, туловище и внутренности. Все в отдельных пакетиках с этикетками. Я сбежал после первой же посылки. Жить могу, но ты меня видишь. А ведь я сильно моложе Даймона. Но осталось мне — может, месяц, может, год. И вместо семьи у меня толпа воспитанников с учениками. Но и Даймону не легче пришлось. Что такое Энстон, ты сама знаешь. Даймон уж на что хитер, и то пикнуть боялся, покуда Энстон в силе был. Тоже не жизнь. Вроде целый, а собой распоряжаться не можешь. Поэтому, когда Даймон решил нагреть Энстона, я помог ему. Но, конечно, сначала он мне рассказал. Хорошую штуку выдумал этот парень с Эвереста. Но я еще усовершенствовал ее.

— Вы помогли ему после того, как узнали, что он убил двоих безвинных?

— Делла, Делла. Даймон — живой труп. Как и я. Ну посмотри ты на вещи трезво. Ты побывала под Энстоном, но тебя из могилы вытащил Маккинби. Славный он парень. А нам повезло меньше. Выжили как сумели. Даймон рассказывал мне — ты его пожалела, сдаться уговаривала. И невдомек тебе, молодой, что мертвецов надо хоронить, а не лечить. Вон, лучше Князева спасай, он небезнадежный. Слабак, чего уж там. Но совесть у него есть.

— Но вы его спасать не стали.

— Я вообще никого не спасаю. Сил для этого нет. Я помогаю тем утопающим, которые тонуть не хотят. Чем могу, тем и помогаю. Кров, еда, знания. А дальше — сам. А Васька — парень талантливый, но в быту — дурак простодушный. Без царя в голове. Сам он жить не может, ему нужно, чтоб за него кто-то отвечал. Я уж от отчаяния с отцом Александром поговорил — вот он-то Князева в церковь и привел. Но сплеховал: надо было ему, пока Князев неофитским огнем горел, запретить встречи с Бейкером. Совсем. Нашли бы мы деньги долги Васькины выплатить, в конце концов. Бейкера терпеть не могу. Насколько его отец хорош был, настолько же сын гаденыш. Такой вежливый, улыбчивый, а душонка мелкая, сморщенная и черная. Лгал всегда и всем. Из тех людей, что с утра не наврут — день напрасно прожит.

— Про оркушку, Диргу Та, ему вы рассказали?

— Да мог и Ли Бэй, они знакомы. Даймон же здесь не первый раз. Он с Чонгом — зятем Ли Бэя — служил вместе. Домой к нему не ходил, у меня они встречались. И Ли Бэй как-то зашел. Сдается мне, что встречи с Даймоном — единственное, о чем не ведала жена Чонга. Парень военные тайны хранить умел.

— Но Ли Бэю сказал же?

— Во-первых, я, а не Чонг. А во-вторых, чего б не сказать, если Ли Бэй сам десять лет в тех местах отслужил? На пенсию федеральную выслужил — и домой, свой бизнес делать

уже спокойно. Мудрый человек.

— Даймон что-нибудь рассказал про банду?

— И не только Даймон, — согласился Вэнь. — Ты спрашивай, спрашивай. Что знаю, отвечу.

— Но ровно в тех рамках, которые известны мне?

Вэнь пожал плечами:

— Знаешь, Делла, ты ведь сумела задеть меня за живое. Жалко мне Ваську. Так что... давай поговорим как коллеги? Люди ко мне приходили, болтали. Много. В основном бред всякий. Тебе он не нужен. А картина у тебя кое-какая есть. Вот и давай поработаем.

Я думала долю секунды. У меня нет выбора. То есть, конечно, я могу наябедничать Крюгеру, но смысл? Полезной информации получу, возможно, даже меньше.

— Кто нанял Даймона?

— Без понятия. Он не называл имен. Какая-то женщина, судя по тому, что двадцать лет назад у него с ней случился короткий роман.

— Оружие банде поставлял он?

— Ну-у, Делла. Надеюсь, твой вопрос все же был провокацией. Провокация — не очень-то хорошо, значит, ты мне не веришь, раз стараешься взять на примитивную манипуляцию. Но провокация тем не менее лучше, чем такие подозрения, высказанные искренне. Делла, Даймон — наемник. То есть он получил заказ, договорился об оплате, выполнил, получил деньги. С этого момента его с заказчиком не связывает ничего, кроме репутационных забот — наемник, выдавший заказчика, не получает новых заказов.

— Один из моих информаторов сказал, что банда вынашивает планы по захвату планеты. Да, на первый взгляд не с их силами. Однако проскочил намек, что банда имеет доступ к закрытым андроидным цехам. Это было бы смешно, но тут банда использовала оружие, которое гражданским недоступно. Я хочу знать, кто поставщик. Потому что если Даймон — в следующий раз корабли Бейкера могут привезти андроидов вместо орков.

Вэнь потер подбородок.

— Я понимаю тебя. Тем более что Даймон, при всей своей осведомленности и технической грамотности, тоже попытался совершить ту же ошибку. Делла, чтобы рассматривать эту версию, надо сделать два допущения: что слова Бейкера и миф об андроидах — истинны. Как человек в теме, могу сказать: оба они ложны. Там, где Бейкер, правды нет и быть не может. И андроидных цехов не существует.

— Я в армии своими глазами видела андроида. Да, старого. Но это значит, что самое малое один конвейер был.

— Охотно верю. Я тоже, представь себе, видел андроида, причем не одного. Делла, никто не говорит, что андроиды не выпускались. Выпускались, конечно, в нескольких местах и в значительном количестве. Но затем выпуск прекратился ввиду полной непригодности андроидов для боевых действий.

— То есть то, что говорили об их каннибализме...

— Каннибализм — это поедание особей своего вида. Андроиды не каннибалы, они людоеды. У них в критической ситуации — тяжелые повреждения, затрудненная связь с базой, явное подавляющее преимущество врага при невозможности отступления — включается аварийный режим. Его еще называли режимом берсерка. Поэтому андроиды в принципе непобедимы. Считается, что этот режим подразумевает яростное сопротивление до последнего, а затем самоуничтожение. Это так, но — на крайний случай. А до него андроид старается выжить. Любым способом. В том числе уничтожением и употреблением в качестве топлива всего, что шевелится. Это не проблема, так и было задумано. Проблема в том, что переключение из аварийного режима в стандартный возможно лишь в первые тридцать минут. Кто-то при разработке счел, что полчаса — достаточно, чтобы подошла подмога. На практике проходит до тридцати суток. Я слышал о городах, занятых андроидами, которые приходилось уничтожать ядерными бомбардировками. Иначе эти сволочи начинали истреблять наших. Я не люблю андроидов. Их никто не любит. Они слишком похожи на

людей, вот только инстинкты у них — как у крокодила.

Я молчала.

— Ни одного целого конвейера не сохранилось. Нигде. Оборудование ценное, поэтому его распродали. Значительная часть ушла на Сибирь, они там уже лет пятьдесят с его помощью делают киборгов из своих замечательных собак. Что-то безнадежно устарело, есть куда более совершенные и доступные образцы. А остальное уничтожено. Базы, где когда-то выпускали андроидов, законсервированы. Сами базы — не конвейеры, их-то разобрали и вывезли. А базы отлично оборудованы, в хороших местах, могут еще пригодиться.

— И неподалеку от Таниры такая база есть, — сказала я полуутвердительно.

— Ты живешь тут недавно. Я-то подольше. И Бейкер тут почти пятнадцать лет. Вот примерно пятнадцать лет назад случился локальный скандал, когда на китайском рынке вдруг появилось довольно много одежды армейского образца. Понятно, что воров поймали, — только слухи, что это обмундирование для андроидов, пресечь не успели.

— А поскольку это Танира, то прошлогодние скандалы никого не интересуют, — я закончила мысль Вэня. — И те, кто приехал после ограбления, скорей всего, о нем не знали.

— Естественно. Бейкер наплел своим сообщникам, что на этой базе в морозилке лежат десятки тысяч андроидов. Да плюс цеха, чуть ли не упакованные для погрузки. И он знает, как их вывезти.

У меня сложилась картина. Да, именно так и было. Бейкер наврал с три короба, в доказательство привез некоторое количество оружия заведомо армейского образца. Откуда он его взял? Проще простого. Он ведь возил диких орков, взятых с нативной планеты. Нативные планеты орков и эльфов — у индейцев вообще свое государство, с царем, советом старейшин и богатой мифологией, — охраняются армией. Если Бейкер пробирался на планету, то он кому-то платил. И оружие мог достать через того же посредника. Все просто.

Но зачем ему эта ложь? Для самоутверждения? Черта с два, такие люди настолько глубоко уверены в своем превосходстве, что никогда не самоутверждаются. Значит, у банды было что-то интересное для Бейкера, такое, чем он собирался завладеть при помощи обмана.

Меня осенило.

Корабли. Два «Дельфина».

Андроидов же надо на чем-то вывозить. Собственного транспорта Бейкера не хватит, банда выдаст ему свои корабли. Бейкер получит их — и испарится.

Мелковато, конечно, зато не в пример более разумно, чем захват планеты.

Я вспомнила обмолвку «Костелло» о странном ангаре посреди поместья Ахири. Вспомнила необъяснимый интерес сначала Бейкера, потом Хенты Ахири к тренажерам на базе «Дельфина». Вспомнила, что мне говорил Макс об этих кораблях.

Значит, в поместье спрятаны два корабля.

Бейкер мог купить их — если бы Хента Ахири запросила поменьше и сама вывела их хотя бы на орбиту. Но обе стороны оказались слишком жадными. Поэтому Бейкер выстроил грандиозную интригу с единственной целью: угнать корабли.

Я попрощалась с Вэнем и поехала домой.

Боже мой, думала я, столько народу угроблено из-за двух кораблей!

* * *

Она была чуть постарше меня, чуть манерна, чуть жеманна, чуть заносчива, но в целом вполне терпима. Гуманитарный университет, факультет филологии считывался буквально со лба. У нас его звали «факультетом хороших манер» — обидно и понятно. Яркая представительница земной элитки. Но стоило ей заговорить, и впечатление моментально изменилось. Только что была типичная светская львица, одержимая собственной значимостью, — и вот уже перед нами деловая женщина. Конкретная, вмняемая, жесткая — и очень твердо знающая, чего желает добиться.

— Я Аннабелл Ахири, — сказала она. — У меня пропал муж, Мэтью Ахири. Поехал в

поместье, где живет его мачеха, Хента София Ахири. Прошло уже четверо суток. Мы живем не здесь, на Земле, я побеспокоила Хенту, она ответила, что Мэтт не появлялся и она ничего не знает. Тогда я приехала сама. Я бывала здесь раньше, знаю, что местное общество ведет разгульный образ жизни и Мэтт мог просто сорваться с катушек. Однажды с ним такое было. Ничего удивительного, он нормальный человек, у него тоже бывают эмоции и стрессы. Я не знаю всех его знакомых, но подумала — если я права, мне кто-нибудь скажет, ведь все местные круглые сутки только и делают, что сплетничают. Однако его никто не видел. Я подумала, что предпринять. И решила обратиться к вам. В новостях пишут странное, и я не хотела бы привлекать лишнее внимание к нашей семье. Какие-то два трупа в поместье... Понимаете, могла произойти какая-нибудь накладка, что-то еще, а полиция развеет шум и будет искать труп. У меня натянутые отношения с мачехой, и я не хочу упреков в пристрастном отношении. Вы можете что-нибудь узнать тихо?

— Вы хотите только разыскать мужа? — уточнил Август.

— Да. Я немного знаю уголовное право. Инквизитор заключает договор лишь на конкретное действие. Если попутно выяснится, что нужно другое действие, я согласна на расширение договора или перезаключение. Но пока мне важно найти мужа. Когда я говорю «найти», я подразумеваю, что у меня благодаря вашим действиям будет возможность встретиться с ним здесь, в вашем кабинете. Разумеется, если не случилось худшего и он не погиб. Если он погиб, я хочу принять участие в визуальном опознании останков и настаиваю на полной их экспертизе. Если он находится в заточении по закону, меня устроит встреча в комнате свиданий.

— У вас есть основания подозревать, что ваш муж умер или арестован?

— Никаких. Я пытаюсь максимально раздвинуть рамки нашего с вами договора и учесть все гипотетические возможности.

Август кивнул мне, я подала бланки. Через минуту миссис Ахири-младшая (а если по возрасту, то как раз старшая) стала нашей клиенткой.

— Зачем ваш муж поехал на Таниру?

— Он получил известие, что в поместье... Непорядок, скажем так. Видите ли, вообще-то оно принадлежит ему. Мы знаем из новостей, что поместье связывают с двумя убийствами, и нас даже беспокоили из полиции, но я решительно не вижу, чем мы можем помочь в расследовании: мы вообще не появлялись на Танире уже два года. Кроме того, я категорически не хочу иметь ничего общего с мачехой. И дело не в ней. Дело в моем родном брате. Джон Холден. Наш отец разорился, играя на бирже, и мы с Джоном оказались нищими. К счастью, Мэтт любил меня, а не потенциальное приданое, и у меня не возникло проблем. А Джон привык жить на широкую ногу. Сначала он выманивал деньги у Мэтта, но быстро истратил кредит доверия. Я денег не давала — позвольте, они не мои, с чего бы я тратила их на гуляку? У Джона неплохое образование, пусть ищет себе работу и делает карьеру. Но ему, конечно, это унижительно. Мы из очень хорошей семьи, у него все друзья — богатые. И я на свою голову познакомила его с мачехой Мэтта. В сущности, у меня не было другого выхода: Джон пришел на семейный праздник, незваный, выгнать его было бы неприлично. Как и многие повесы, он обаятелен. Он очаровал Хенту. Разумеется, поведал, как я унижала его, не давая денег. Ну как же, у мужчины должны быть деньги, а если я не даю, то намеренно унижаю его перед друзьями. И делаю это, конечно, исключительно из зависти к его уму, обаянию и многочисленным талантам. Наши ссоры начались именно с этого... Я не знаю, в каких он сейчас отношениях с Хентой, но подозреваю, что все еще использует ее — раз она не разорена, а он не выпрашивает денег.

— Ваш муж считал, что неполадки в поместье связаны с вашим братом?

— Нет. В этом случае он не поехал бы. Нет, ему кто-то сказал, что в поместье — школа для нелегальных мигрантов-инородцев и готовят тут не рабочих, а рядовых для мафиозных кланов. Вот такого нам не нужно. Поэтому он поехал.

— Вы не знаете, кто его предупредил.

— Нет. Я даже не знаю, этот человек написал Мэтту, позвонил или выложил при

личной встрече.

— Когда?

— Мэтт сказал мне о поездке семь дней назад.

— Делла, — позвал Август, — дай-ка наше досье. Прямо на стену.

Я подала. Аннабелл Ахири очень внимательно рассмотрела фото всех жертв, но никого не опознала. Я поколебалась, но потом выложила два снимка Пола Даймона — без грима, из досье, и в гриме под Келвина Костелло.

— О, — Аннабелл показала на загримированного Даймона, — этого отлично помню. Приятный человек.

— Кто? — спросил у меня Август.

— Даймон в гриме.

— А, — равнодушно заметил Август и пояснил для Аннабелл: — Наемный убийца.

Она удивилась. Но без истерики.

— Убийца? Надо же. Впрочем, возможно, он профессионал высокой квалификации?

— Да, очень, — согласился Август. — Вам это важно?

— Это объясняет, почему я сочла его приятным человеком. Видите ли, мистер Маккинби... впрочем, кому я это объясняю, вы же инквизитор первого класса, отлично знаете, что у людей бывают странные хобби. Моя подруга, например, слегка выпив, любит уходить в свой кабинет и там просматривать записи ядерных взрывов. Она отлично понимает, что оружие массового поражения аморально, она состоит в общественном движении за полный запрет ядерного оружия. Но сами по себе ядерные грибы кажутся ей эстетичными. Такой вот парадокс.

— Да где же здесь парадокс, — Август пожал плечами, — такие краски, такая форма. Эстетика катастроф притягивает многих. Сила, страсть, смерть. То, что пугает, кажется наиболее привлекательным. Смерть отвратительна, именно поэтому человек испытывает потребность найти в ней хоть какую-то красоту. Так он защищается от страха.

Аннабелл смотрела на него с недоумением и некоторым ужасом.

— Не знаю, — резковато сказала она, — я считаю, что смерть — это плохо. И убийство — плохо. Но это не значит, что я боюсь профессиональных убийц. Они ничем не отличаются от наших снайперов в армии, вся разница, что вторым платит государство. Бояться надо не убийц, а их заказчиков, вот у кого никаких моральных запретов нет... Впрочем, неважно. Я знаю, что профессиональный убийца в быту — один из самых безопасных людей. Он осторожен, внимателен и осмотрителен. Он не совершит случайного преступления — вроде побоев, нанесенных жене или соседу, или наезда на пешехода.

— Вы несколько идеализируете их, — заметил Август. — Впрочем, вот это действительно неважно. В любом случае профессионал умеет создать нужное впечатление о себе. И при каких обстоятельствах случилась ваша встреча?

— В офисе мужа, дней, наверное, десять назад. Он стоял и разговаривал с нашим начальником службы безопасности. Поскольку тот хотел в отпуск, но ему не было замены, я решила, что вот этот мужчина — возможный кандидат. Он был похож на профессионального телохранителя, если вы понимаете, о чем я. Я подошла, он представился. Келвин Костелло. Сказал, что просто посетитель, хотел попасть на прием к моему мужу, но не знал, что тот принимает строго по записи. Записался на завтра. Я спросила, что за вопрос, я жена владельца фирмы, но он очень вежливо ответил, что не смеет тратить мое время, вопрос вполне ждет до завтра. Я и запомнила его из-за этой вежливости, безупречной вежливости.

— Что за вопрос, муж вам не рассказал?

— Я не спросила. На следующий день у меня была важная встреча, я выложилась эмоционально, потом муж сказал, что едет на Таниру... У меня просто вылетело из головы. Это важно?

— Да нет, — сказал Август. — Небольшое уточнение, не более того.

— А что с этим... убийцей? Он арестован, надеюсь? Да, мне он показался приятным человеком, но преступник должен сидеть в тюрьме.

— Он убит. Несколько дней назад.

— О, — только и сказала Аннабелл. — Вам что-нибудь нужно для поисков моего мужа?

— Как обычно. Список деловых партнеров, друзей, однокашников, родственников. Если вы знаете прежних, добрачных его подруг — тоже. Образ жизни, привычки, тайные склонности.

Аннабелл тяжело вздохнула:

— Мистер Маккинби, я уже обзвонила всех. Включая даже женщину, которую я ненавижу. Понимаете, Мэтью, если разобраться, по меркам сегодняшнего дня удивительно порядочен. Мы в браке больше десяти лет, у нас трое замечательных детей. Однако был случай, когда мы едва не расстались. Из-за женщины. Тогда Мэтью... ну, он сорвался с катушек. Разумеется, потом он раскаялся. Я говорю «разумеется», поскольку, если бы он этого не сделал, мы развелись бы. Простить можно лишь того, кому это прощение нужно. Эта женщина живет здесь, на Танире. Я звонила даже ей. Но Мэтью никто не видел. Тем не менее я составила полный список, с комментариями, кому я звонила и что мне ответили. Допускаю, что кто-то из моих абонентов лгал, и вы, конечно, его ложь при повторном опросе раскроете. Хотя я думаю, что Мэтью в поместье.

— И при этом не сообщает вам?

— Не может, наверное. Я думаю так: если бы там был порядок, то Мэтью, конечно, давно бы дал о себе знать. А вот если там беспорядки, то Мэтью могли и не выпустить.

— От кого вы узнали, что в поместье неладно?

— От мужа. Он же должен был как-то объяснить мне, зачем летит на Таниру. Я уже говорила, с Танирой у него связана очень личная история, и он намеренно рассказал мне о цели поездки, чтобы... Чтобы я не ревновала, будем называть вещи своими именами.

— У вас есть план поместья?

— Все есть, — Аннабелл кивнула. — Вся документация. И доверенность на право принятия любых решений по этому владению. Когда я составляла пакет данных для вас, я включила в него копию всех документов. Сейчас, когда мы подписали договор, я напишу вам доверенность на осмотр.

Она положила ему на стол карточку с чипом. Август подал ей бланки доверенности — на свое и мое имя, — клиентка быстро и умело заполнила их.

— Что ж, миссис Ахири, — Август поднялся, и клиентка тоже встала. — В ближайшее время я свяжусь с вами. Делла, проводи, пожалуйста.

Я довела гостью до парковки. У машины она обернулась и посмотрела мне в глаза.

— Весьма неожиданная встреча, — сказала она. — Нет-нет, мы не знакомы. Вы ведь Офелия ван ден Берг? Моего отца разорил ваш бывший муж.

— Для вас это что-то значит?

— Честно? Ровным счетом ничего. Я даже к Максимилиану никаких чувств не питаю. Отец заигрался и утратил чувство меры. Но если вы пойдете в поместье и вдруг наткнетесь на моего брата — будьте осторожны. Мой брат приходит в ярость от одного упоминания вашего бывшего мужа. А он... — Аннабелл запнулась. — Мне очень неприятно, но у моего брата тоже нет чувства меры. И уважения к чужой личности.

— Благодарю за предупреждение.

— Не за что. А мой отец, кстати, усвоил урок. Он живет с нами, с Мэттом и мной, и не гнушается консультировать Мэтта в сложных финансовых вопросах. И, кстати, это он убедил Мэтта прекратить отношения с Джоном.

Август в кабинете не скучал: он изучал карточку, переданную ему Аннабелл.

— Есть что интересное? — спросила я.

— Тебе придется туда сходить, — ответил Август.

— С удовольствием. Должна же я увидеть своими глазами хотя бы одну жертву Макса? А то про них все говорят, но никто не видел. Август, все сложилось ведь, верно? У нас наконец-то есть главарь.

— Не будем загадывать. Мы ничего не можем доказать. У нас есть Князев и Бейкер, оба с подделанными чипами. Больше ничего достоверного. Нет даже доказательств, что оба связаны с убийствами. А на Ахири вообще ничего нет. Там нашли два трупа. Но в таком случае замешана вся Танира, ведь трупы нашли здесь. Ну, появилась она в салоне с поддельным Бергом. Недоказуемо, что она знала, с кем идет.

— Ну да, а доказать ее участие в изготовлении того самого поддельного Берга можно только через очную ставку с Князевым...

Дохлый номер, подумала я. Для этого надо уговорить Хенту Ахири на добровольное опознание, поскольку для принудительного оснований нет. Мало ли кого и по каким личным причинам могли описать нам свидетели.

— Совершенно верно.

— По-моему, надо любым образом дожать Крюгера, чтобы он дал добро на допрос Бейкера.

— Не даст. Бейкер не долечился у психиатра, любой адвокат запретит инквизиторский допрос, поскольку есть риск спровоцировать суицид.

— Ладно, — с полным присутствием духа сказала я, — буду работать ногами.

— Без вариантов, — согласился Август.

* * *

Йена я обнаружила в том самом закутке инженерного отдела, где не так давно нашла и наглого федерального агента. Только Йен сидел среди мужчин, ничем не выделяясь, а место федерала занял Хуан Антонио. Такой же тощий, худо одетый, но зато побрившийся и причесавшийся — едва ли не впервые в жизни. Надо отметить, что внимание аудитории, в том числе и женской ее части, Хуан Антонио удерживал мастерски, притом что объяснял какие-то чисто математические фокусы.

Я не стала отбирать у него заслуженное внимание. Послала с чипа сообщение Йену, что жду его в коридоре, и отошла подальше. Йен выскочил тут же, все еще смеясь, и первым делом попытался рассказать мне анекдот из жизни математиков.

— Йен, я сейчас еду в «Белую гору», — едва дослушав, сказала я.

Всякое веселье с него сдуло.

— Делла, ты уверена?

— Утром у нас была Аннабелл Ахири. Пропал ее муж, законный владелец поместья.

— Ага, и вы думаете...

— Все так думают. У меня все документы и доверенности. Хочешь поехать со мной?

— Послушай, а если мужика там нет?

— Куда хуже, если он там есть и, пока я буду торговаться за его жизнь, мужика грохнут по-тихому и сожгут выхлопом от стартующего корабля.

— О, — только и сказал Йен. — Делла, погоди. Надо подумать. Во-первых, одной тебе идти опасно. Во-вторых... — он внезапно ушел в сторону инженерных посиделок, и я услышала его вполне командирский окрик: «Хуан Антонио! Ну-ка живо сюда, дело есть...»

На разработку операции мы потратили полтора часа, из которых двадцать минут ушло на обсуждение, десять на постановку задачи Хуану Антонио, после чего он погрузился в написание вируса, а мы приняли бой с Крюгером. Крюгер нипочем не желал пускать меня в поместье одну.

Еще через полчаса мы тронулись в путь.

* * *

Хента Ахири встретила меня именно так, как я и рассчитывала: с миной ледяного презрения. Я показала ей свои документы, она скривила тонкие губы:

— Мэтта здесь не было. Если б он собирался приехать, я бы знала. И никаких

беспорядков у меня тоже нет. Я не какая-то простушка, я умею управлять поместьем.

— Что ж, если у вас порядок, вы не будете возражать, если я осматрю его?

— И не подумаю вас пускать. Это все наветы моей невестки. У вас нет права вламываться в мой дом.

— Он не ваш. Это дом вашего пасынка. У меня доверенность от его жены.

— Подделка, — бросила Хента Ахири. — Убирайтесь.

Я пожала плечами, повернулась, вроде бы случайно коснулась левой рукой дверного косяка. Готово. Вирус ушел в домашнюю сеть. Через десять секунд он начнет отправку данных на адрес Августа и Йена параллельно. Собственно, на этом моя минимальная миссия завершена.

Уйти я не успела — с лестницы за спиной Хенты Ахири сбежал смазливый молодой человек. Глаза кукольные, лицо трогательно-детское, ресницы до бровей и лихая челка. Я видела его фото в подборке, которую нам передала Аннабелл Ахири.

Джон Холден.

Он же — загадочный поддельный Макс из салона Лианы Серви.

Губки сложились в улыбку радости.

— О, Хента, у нас гости?! Как чудесно, мы так давно не принимали гостей! Здоровая жизнь на природе — это прекрасно, но иногда становится скучно.

— Это не гости, Ники, — тон Хенты Ахири изменился, обретя сюсюкающие нотки. — Тебе лучше не пачкаться такими знакомствами. Это сыщица, ее подослала Белла.

— О! — еще пуще обрадовался «Ники». — Настоящая сыщица? Как поразительно! Хента, ты же не хочешь расстроить меня? Это же... это же целое приключение! Я никогда не общался с настоящей сыщицей.

Я слушала и притворялась идиоткой. Хента и ее «Ники» еще несколько минут старательно разыгрывали сцену, играя в доброго и злого следователя. В конце концов он уговорил ее пустить меня. Хента притворилась сердитой и велела ему самому развлекать меня, если уж так не терпится пощекотать себе нервы.

«Ники» немедленно пригласил меня в гостиную. Хента оставила нас наедине, и я ни капельки не сомневалась, что она ушла заметать следы, пока «Ники» будет испытывать на мне свою харизму. Сколько угодно, как говорится. За первые десять секунд своей электронной жизни вирус развернулся и адаптировался. Теперь он будет принимать все команды и отчитываться оператору об успешном выполнении.

— Я Ники, — сообщил молодой человек с очаровательной улыбкой. — Ник Хидден.

Боже, ну никакой фантазии.

— Я знаю, вы говорили с Беллой. Должно быть, она показывала вам мои фото и говорила, что меня звали иначе. Я сменил имя. Хочу начать новую жизнь. Пока еще я не получил ответа на свой запрос о перемене имени, но... Простите, что я не предложил вам рукопожатие, видите ли, мне невыносимо даже представить, что я буду пользоваться старым именем. С ним у меня связаны ужасные воспоминания...

Ну еще бы ты предложил мне обменяться ярлычками. Ты ведь чипы сам менять не умеешь, постороннему довериться тоже не можешь. Значит, до сих пор ходишь с чипом на имя Максимиллиана ван ден Берга.

— Хента — моя лучшая подруга, но вы не думайте, мы просто друзья.

О, какой изящный заход. Слов нет, сейчас расту.

Принесли чай. Я с интересом оглядела слугу. Человек, не слишком обремененный интеллектом, для домашней прислуги излишне мускулистый. Расставил на столе чайные принадлежности и удалился, не изронив ни слова.

— Вообще-то он мой тренер, — Ники заговорщицки подмигнул мне. — Видели, какая фигура? Атлет! Хента ужасно беспокоится за меня, поэтому прислала его вместо дворецкого — глянуть, все ли в порядке. Как будто мне может грозить опасность от хрупкой девушки! Давайте я за вами поухаживаю, — и он налил мне чаю.

Я сделала вид, что отпила.

— Мэтт. У меня сложные отношения с ним. И с ним, и с Беллой. Так вышло. Я был слишком молод. К тому же мой психолог всегда говорил, что мне вредно вести ту жизнь, какую я вынужденно вел на Земле. У меня слишком легко истощаемая психика, я устаю и страдаю. Мне необходимо ограничивать общение. А как его ограничишь на Земле? Здесь я словно в раю. Хента так заботлива! Она положительно влияет на меня. Пожалуй, мне бы хотелось увидеть и Мэтта, и сестру. Мне было бы интересно узнать, что они теперь скажут обо мне, ведь я так изменился.

Ах ты мой юный нарциссик, захотелось сказать мне. Но я только распахнула глаза и соорудила доверчивую мину.

— Мэтт действительно не приезжал. Я знаю, Белла беспокоится, и разделяю ее беспокойство. Я даже нарушил зарок и пообщался с некоторыми из старых знакомых, которые могли знать, где Мэтт. Ну, вы понимаете, у мужчин даже в самом крепком браке есть некоторые секреты от жен, а брак Мэтта не назовешь самым крепким.

— В самом деле?

— Ну, я неправильно выразился. Я так устроен, так воспитан, что мне подобное поведение кажется немного аморальным. Самую малость аморальным. Если бы я женился, в своей жене я видел бы единственную женщину на свете. Ни на кого бы не посмотрел. Мэтт не такой. Но мою сестру, кажется, это устраивает, так и зачем я буду морализаторствовать? Я и упомянул об этом лишь потому, чтобы вы как-нибудь тактично обошли эту тему в беседе с Беллой. Вы ведь женщина, понимаете. А я... словом, я звонил любовнице Мэтта. Она неплохая женщина, хотя, конечно, даже как любовница ему не пара, и уж тем более в подметки не годится моей сестре. Мэтт давно не звонил ей, и она не знает, где бы он мог быть. Впрочем, если Мэтт не объявится завтра, я побеспокою еще кое-кого. Это ужасно, если он там, потому что это заведение для отребья, но лучше быть там и живым, чем влипнуть в какую-нибудь неприятность.

— О да, конечно. Думаю, я сумею объяснить миссис Ахири, где был ее муж, не вызвав при этом семейной ссоры.

— Прекрасно. Тогда мы с вами друг друга поняли. Вы действительно хотите убедиться, что Мэтта нет в поместье?

— Честно говоря, если бы я хоть секунду думала, что Мэтью Ахири здесь, то приехала бы с полицией. Я согласна с вами: он взял отпуск от семейной жизни и где-то отдыхает. Тем более времени с его исчезновения прошло немного. Говорят, умные жены иногда сами отпускают мужей погулять.

— О, я не такой. Мне совершенно не нужна свобода от любимых людей.

— Что вы, Ники. Свобода от любимых и отдых от семьи — это совершенно разные вещи. И каждый отдыхает так, как того требует его душа. Вы, возможно, провели бы этот месяц в горном шале, за чтением бумажных книг...

— О! — Ники охотно кивнул. — Пожалуй, да. Но это не отдых от семьи. Это подарок мне от семьи. Месяц одиночества, каждый день которого я мечтал бы о возвращении... А вы, значит, нанесли чисто формальный визит? — спросил он с плохо скрытой надеждой.

— Скорей, я воспользовалась формальным поводом, чтобы побывать в поместье. Видите ли, не знаю, говорила ли вам Хента, раньше в поместье пускали туристов. Понимаю, какое беспокойство они доставляли хозяевам, но... Но вам стоит знать: «Белая гора» считается одной из жемчужин Таниры. Я столько слышала о местных красотах! Конечно, я не могла упустить случай полюбоваться ими! — я рассмеялась звонко и беспечно.

— Совсем другой разговор! Конечно, я с удовольствием покажу вам самые красивые места!

Вот интересно, подумала я, меня собираются убивать сразу или помучают до вечера? Ники поднялся, сделал приглашающий жест в сторону дверей:

— С чего начнем? Дом, сад, парк?

— Пожалуй, с сада? Если останутся силы, тогда можно будет решить, что дальше — дом или парк. Боюсь, что после прогулки по парку сил уже ни на что не будет.

Вирус молчал.

Помимо скачивания всех данных, вирус должен был установить, заходил ли в дом Мэтью Ахири. В случае положительного ответа вирус должен был сообщить мне, Августу и Йену Йоханссону одновременно. На эту задачу вирусу отводилось десять минут.

Условным сигналом было... отсутствие любых сообщений от вируса.

В течение первых десяти минут работы.

Прошло четырнадцать.

Ники фонтанировал комплиментами. Нормальная девушка уже потекла бы, как мороженое на летнем солнце, а я только глупо хлопала глазами, смущенно хихикала и многозначительно улыбалась. Я услышала, что Хента не права, я так очаровательна и умна, конечно, Ники получает удовольствие от беседы, давно такого не получал, да что давно — никогда вообще. Он горячился и изредка проговаривался, как влюбившийся с первого взгляда подросток. Еще немного, подумала я, и он прямо посреди сада встанет на колени и попросит моей руки.

— Ники, я верно поняла, что Хента — ваша невеста?

Он рассмеялся — доверительно и с оттенком высокомерия:

— Ну что вы. Я не могу жениться на ней, она ведь не моего круга. Видите ли, у нее сомнительное происхождение, и брак со Стариком Ахири ни капельки не возвысил Хенту. Я думаю, в ее положении лучше остаться уважаемой вдовой, чем снова пойти замуж. К тому же вы ведь обратили внимание на особенности ее анатомии? Хента бесплодна, как и все женщины такого типа. Таблеточный ребенок, девушка «на выход», как их называют в моем кругу. А мне нужна супруга, которая принесет наследника. Увы, так устроены все семьи моего круга. Мужчины должны думать не только о любви и духовном единстве, но и о продолжении рода. Правда, я считаю, что одно другому не мешает. А вы?

— Разумеется, вы правы. Такой подход лишь оттачивает лучшие мужские качества характера — надежность, дальновидность, ответственность.

— Да, да, именно так. Позвольте вопрос? Я немного слышал о вас... Вы ведь были замужем за Максимилианом ван ден Бергом. А почему развелись?

— Боже, Ники, вы как будто не знаете, что это за семья.

— Знаком мало и плохо.

— Вот и не повторяйте моей ошибки, не знакомьтесь слишком близко. Там же одни сплошные сумасшедшие или алкоголики. Вырожденцы. И даже исключения не улучшают картину. Лучше расскажите мне про Хенту. Вы так уничижительно о ней отзывались, а мне она показалась красивой женщиной.

— Красивой? — изумился Ники. — Красивая женщина — это вы. А Хента — это продукт нашей испорченной цивилизации. Нет-нет, это не презрение. Она сама осознает свои недостатки, поэтому, я полагаю, и не претендует на какие-либо отношения со мной, кроме дружбы. Она весьма неглупа. Я бы не назвал ее красивой, но ее умение слушать меня пленяет. В сущности, Хента — это женщина, с которой любому старику приятно появиться в обществе. Но я-то еще далеко не старик!

— К тому же материально она полностью зависима от Мэтта. Ведь она живет здесь из милости, потому что он разрешил.

— Я считаю, что это несправедливо. У Мэтта и так всего довольно. Впрочем, Хента имеет небольшой бизнес, собственный. Пойдемте в дом?

Я вздохнула:

— Ники, я страшно устала. Мне безумно хочется увидеть все, но силы тают.

— Я сварю вам кофе!

— Лучше уговорите Хенту, чтобы она позволила мне приехать еще раз, когда я отдохну.

— Прекрасная мысль. Уговаривать не придется, я попрошу, она ни в чем мне не отказывает. Вас проводить до машины?

Я согласилась. Так мы дошли до центральных ворот, попутно успев перейти на «ты».

Машину я предусмотрительно запарковала в ста метрах от главного входа.

— Ники, безумно жаль, но мне пора идти. Я... я с радостью увижусь с тобой еще раз.

— Ты уже уходишь? Делла! Не покидай меня так быстро. Давай еще поговорим немного. Вот, тут есть беседка, она как будто создана для того, чтобы ты присела, дав отдых усталым ножкам. К тому же я не вижу твою машину, неужели ты пришла пешком? Такие ноги нельзя убивать пешей ходьбой, погоди, я скажу Хенте, чтобы она вызвала нашего шофера...

Я повернулась и показала на свою машину.

— О. Жаль, я думал, у нас будет еще хотя бы пара минут...

— Ты можешь проводить меня.

Я стояла слишком далеко от него. Он сделал шаг, распахивая объятия, я попятилась со смехом и выскочила за ворота. Ники поспешил за мной. Ну да, ему ж надо на память о себе всадить мне «жучка» под воротник или в волосы, а как он это сделает, не обняв? Я же притворилась, что хочу распалить его страсть, и пару раз очень достоверно увернулась. Ники поверил, что я всего лишь дразню.

— Ники, — я выставила ладонь, — давай без глупостей. Люди видят.

— Да пусть хоть весь мир видит, мне нечего стыдиться!

— Сказать по правде, я не готова ни к каким отношениям, кроме дружеских. Ники, у меня есть мужчина.

— У тебя? — он неподдельно удивился. — Мужчина?

— Да, и я очень люблю его. Он чудесный человек. Ты чем-то похож на него, как младший братик. Но давай мы так и будем общаться — как брат с сестрой?

— Делла, — он насупился, — подумай, неужели я не превосхожу твоего мужчину? Ведь ты работаешь сыщицей, значит, муж не может тебя обеспечить. А я богат, очень богат, к тому же у меня влиятельные друзья, всюду. Мы можем жить на Земле, и ты никогда не будешь работать.

— Моя работа — это каприз, — сказала я. — Мне нет никакой нужды зарабатывать на жизнь. И работаю я под началом человека, для которого расследование — хобби, а не добывание хлеба насущного. Поэтому твоя сестра и обратилась именно к нам — мы не какое-то отребье, а люди с хорошим происхождением. А мой мужчина принц, и он сквозь пальцы смотрит на то, что я играю в инквизицию.

— Я тоже принц, — Ники скривил губы. — Разве ты этого не поняла? Я лучше, все равно лучше.

— Лучше Максимилиана ван ден Берга?! — я снисходительно расхохоталась. — Ники, не смейся. Ты в подметки ему не годишься.

Эффект был даже лучше, чем от пощечины. Ники разом перестал улыбаться.

— Ты же сказала, что он алкоголик и сумасшедший.

— Нет. Я сказала, что у него семья такая. А сам он — исключение.

— Ты лжешь.

Я смотрела в его глаза. Пустые злые глаза.

— И, кстати, пока ты развлекал меня, я работала. Мэтт в доме. Он еще жив?

Ники кинулся на меня. Вот идиот.

С перекрестка сорвалась патрульная машина, мгновенно поравнялась с нами. Из нее выскочили два таких дюжих копа, что я поняла, как ко мне относится Крюгер, — самых рослых, небось, выбрал. Вопящего и брызгающего слюной Ники положили мордой на капот машины...

Грохнул выстрел, потом подряд — еще три.

Я метнулась за машину, выглянула.

Хента Ахири шла грудью защищать своего возлюбленного.

* * *

Мы неслись со всех ног. Настолько быстро, насколько позволяла перестрелка. Почему-то я нисколько не удивилась, увидев среди полицейских шлемонавтов Августа. Бой шел за каждый угол в коридоре, за каждую комнату. А нам надо было прорваться в подвал.

Орки. Те самые орки, которых обучали стрельбе. Это хорошо, что орки. Эльфы стреляют куда лучше, а эти палят в белый свет как в копеечку. У меня кончились патроны, Август бросил мне магазин. Запасливый. Сам он стрелял редко, но убийно: Макс как-то обозвал его любимый пистолет ручным противотанковым орудием. Сама я сейчас предпочла бы любимый ствол Макса, его абордажный пистолет-пулемет. На всю жизнь запомнила, что по оркам лучше бить очередями.

Я скатилась с лестницы, очень удачно скатилась, даже не пришлось отламывать второй каблук — оба отлетели сразу. Дверь. Бронированная. Ну, это к Маккинби.

Когда внезапно стало тихо, я даже решила, что оглохла.

— Что там? — спросила я у спускавшегося Йена.

— Все побежали, — сказал он. — Я вызвал подкрепление, деваться им некуда, дороги перекрыты.

Замок Август не взломал, а открыл. Отмычкой. За дверью обнаружилась каморка метр на два, на полу лежал связанный мужчина. Живой.

— Мэтт Ахири? — спросил Август.

— Воды дайте, — ответил тот.

Грохнуло так, что я машинально упала лицом вниз. Грохнуло и заревело, пол пошел трещинами, где-то посыпались камни. Пахнуло острым, с характерным парфюмерным запахом, жаром. Стены задрожали.

Светопреставление длилось пару минут. Потом рев стал удаляться. Я поднялась и побежала наверх.

К тому моменту, как я перебралась через обгорелые завалы, ловить было нечего. Я стояла, задрав голову, и смотрела на яркое солнышко, стремительно уходящее ввысь. Красивый сад выгорел полностью, и парк тоже. Пламя выхлестнуло за ограждение, но, похоже, соседние дома отделались только выбитыми стеклами и сорванными крышами. Часть машин на улице валялась перевернутыми.

Август и Йен вывели Мэтта Ахири. Он тоже посмотрел в небо и выругался.

— Что это было? — спросил Август.

— Корабль, — Мэтт сплюнул. — Сами не поняли, что ли? Старый «Дельфин», потому и засрал тут всю округу выхлопом.

— А, — равнодушно сказал Август. — Далеко не уйдет.

— Там двигло хорошее. Родное.

— А у меня на внешней станции два перехватчика.

Мэтт хохотнул и согласился:

— Тогда да. Далеко не уйдет.

Когда взлетел второй корабль, я почему-то даже не удивилась. Да и далеко он стартовал, до нас даже ударная волна не дошла. Йен неподалеку с кем-то общался по голосовой связи. Поговорил, грустно посмотрел на меня:

— Я так и думал, что нам Хенту Ахири и ее малахольного любимчика подсунули ради отвлечения внимания. Бейкера из больницы украли два часа назад, а Князева с боем забрали из изолятора только что. Крюгер рвет и мечет: опять нападение на полицию, Танира уже во всех новостях гремит... Там две сотни орков было точно. И вся эта банда сейчас разбежалась по городу. Боюсь, что Бейкер и Князев как раз на втором корабле.

— А я боялся, что Бергу совсем нечего делать будет, — сказал Август удовлетворенно.

— Какому Бергу? — оживился Мэтт.

— Тому самому.

— И что он там делает?

— Командует. Я, по-вашему, поставлю корабли на дежурство без командования?

— Ха, — только и сказал Мэтт. — Тогда они не то что далеко — они вообще никуда не

уйдут.

— Нисколько не сомневаюсь, — подтвердил Август.

* * *

На космодром мы полетели все вместе, едва втиснувшись в маленькую «Залию». Я украдкой косилась на Мэтта и Аннабелл. Она не сводила с мужа сияющих глаз, касалась его рукой, иногда на секунду прислонялась к плечу. Он отвечал сдержанной, но такой нежной улыбкой, что сердце сжималось. Крюгер, который, естественно, не мог пропустить событие — и из-за которого мы едва не опоздали, — пыхтел и бурчал, решив, что все незаконно, а ему теперь нас покрывать. Мы с Августом, понятно, помалкивали — пусть будет сюрприз.

Посадочную площадку к нашему приезду освободили и оцепили, здание космопорта частично закрыли для всех, кто не имел отношения к делу. На парковке уже стояло несколько спецмашин, сверкая маяками. За посадкой мы наблюдали через бронированные окна диспетчерской.

Все прошло как на учениях — гладко и мирно. Корабли садились парами «перехватчик-грузовик». Едва заглохли двигатели, к ним устремились машины космодромной службы безопасности. Нас попросили спуститься вниз, к парковке, чтобы передать задержанных и встретить экипажи перехватчиков.

Из первой же машины бодро выскочил Макс. Повседневная джедайская форма, крепко завязанные в хвост волосы, чуть скучающее лицо. А из второй с достоинством выплыла смутно знакомая фигура в форме гражданского пилота, и Август сказал Крюгеру:

— Эту не трогать, она засланный казачок.

— То есть? — Крюгер не знал такой идиомы.

— Когда вы допрашивали арбалетчика, меня интересовал лишь один момент: где он видел объявление Гранта. Я туда же бросил объявление, что опытный пилот ищет работу. Так я внедрил в банду двоих надежных людей. Точнее...

Мы поняли. Вслед за пилотом вышел эльф.

Я глазам своим не верила.

По ровным плитам вышагивала, зажав под мышкой тросточку, та самая баба Лиза. Вот только не была она ни старушкой, ни инвалидкой. Танцующая легкая походка, гордо вскинутая голова. На полшага позади — почтительный, но оч-чень хорошо знающий себе цену эльф. Рослый, коротко стриженный, в полувоенной куртке и летных штанах.

— Лорд Рассел с Кангу давно хотел проверить на практике, получится ли из эльфа пилот корабля, — добавил Август. — Мисс Элизабет Корни учила этого парня сама и результатом довольна. Когда ей предложили выбрать себе помощника, она выбрала его. Он и пилот хороший, и стрелок замечательный, что на бандитском корабле, сами понимаете, не лишний навык.

— Да, — пробормотал Крюгер, пристально глядя на эльфа. — Как его зовут-то хоть?

— Джон Смит, — ответил Август. — Самое распространенное имя.

Крюгер издал короткий стон.

Из космодромных машин вынимали бандитов. Толстую женщину, кое-как переставлявшую ноги-гумбы, — надо же, а леди все-таки движется! Низкорослого, уродливо плечистого мужчину с синяком на половину физиономии — Гранта, надо полагать. Бейкера. Князева. Были и другие — обслуга, наемники.

Макс и баба Лиза подошли к нам одновременно.

— Мисс Корни, — Макс изобразил полупоклон.

— Сэр, — она ответила тем же.

— Мисс Корни, чрезвычайно признателен. Без вас мне пришлось бы тяжелее.

— Верю. Вы, сэр, видно, что военный. Только если б я хотела, я бы такого жару вам задала!

— В связи с чем имею деловое предложение. Не желаете ли вы переехать на Сонно и

возглавить курс для молодых пилотов? Разумеется, вы будете играющим тренером.

Баба Лиза кокетливо вскинула бровь:

— А что? И пойду, пожалуй. Особенно если этот чудесный экзоскелет останется у меня. Сэр, — она повернулась к Августу, — это же чудо что такое, я совершенно не чувствую его, и нога как настоящая!

— Секундочку, — вмешался Крюгер, — давайте-ка кое-что уточним. Вот эти корабли...

— Перехватчики? — будничным тоном спросил Август. — Мои. В аренде, так-то они на балансе у генерала Рублева. Взял для проведения учений на Кларионе. Но у меня учения через полтора месяца, и Берг выпросил их в субаренду для учений на Сонно. Что еще вас беспокоит?

— «Дельфины», — мрачно заметил Крюгер. — Все понимаю, спасибо за помощь, но с ними у нас очень, очень большие проблемы. Вы не имели права их задерживать.

— Почему? — в один голос изумились Макс и Аннабелл Ахири. Переглянулись, засмеялись, и Макс пояснил: — К вашему сведению, Крюгер, это мои корабли. Куплены вчера у собственника — Мэтью Ахири, точнее, у его супруги, имевшей доверенность на продажу. Я взял их для коллекции. Решил пригнать с Сонно большой грузовик для перевозки, ну и заодно перехватчики отвести. Только встал на внешней станции, гляжу — а мимо моя собственность чешет! Угнали какие-то сволочи мои корабли. Я их и вернул. Готов даже временно оставить в вашем распоряжении, для сбора улик. Но — временно. И учтите, что не я потребовал посадить на планету корабли с неэкологичным типом двигателя, а вы. Не ждите, что я после этого стану платить штрафы за загрязнение при старте.

Крюгер только глаза закатил.

Задержанных распахивали по спецмашинам полиции. Бейкер перехватил мой взгляд и внезапно забился в руках копов, крича:

— Я не убивал его! Слышите! Я не убивал Джона Смита!

Он вопил до тех пор, пока за ним не закрылась дверца.

Мы попрощались с Крюгером и Йеном, с которыми уехали баба Лиза с ее верным эльфом, и вернулись в «Залию», подхватив Макса.

Наше дело сделано.

* * *

Говорят, что только Вселенная началась из одной точки, а все остальное рождается в стечении многих обстоятельств.

Наша банда складывалась много лет. Как водится, один человек познакомился с другим, а тот представил его своим друзьям. В это время третий человек попадает в переплет, оказывается в тупике из законов и морали, проламывает стены — и понимает, что терять ему больше нечего. Четвертый с рождения считал, что весь мир ему должен, а пятый... пятый просто любил четвертого.

Сьюзен Бейкер очень любила рассказывать всем подругам, какой у нее счастливый брак. С будущим мужем, Стивеном Бейкером, она познакомилась, когда училась в колледже искусств в Дели. Она была студенткой, он — известным на тот момент галеристом-неоклассиком, и его уговорили прочитать курс лекций по шоу-менеджменту. Стивен Бейкер о ту пору был чертовски хорош собой, дьявольски удачлив и демонически обаятелен. Его звезда только-только восходила. Молоденькая Сьюзен решила, что непременно заполучит этого роскошного самца. Ее не отпугивали рассказы о его сексуальных похождениях, почему-то она считала, что уж ей-то он изменять не станет. А Стивен, само собой, не обращал на нее внимания. Да мало ли в его жизни смазливых студенток? Была бы очевидно талантливая художница, еще никому не известная, — другое дело. На такой можно и нужно жениться там, где поймашь. А зачем ему очередная администраторша, пусть и с выраженными задатками лидера?

В год, когда Сьюзен закончила колледж, Стивен ощутил себя по-настоящему богатым человеком. Он приобрел четыре квартиры в Гонконге — в одной жил, три рассматривал как выгодное вложение капитала, его галерея считалась модным местом, из двух его любовниц одна была внучкой прославленного художника, вторая — сумасшедшей, но популярной поэтессой. Он мог позволить себе все, что хотел. Он приобрел дополнительную площадь для галереи, задумав перестроить здание, под это дело расширил штат и в числе прочих новобранцев принял вчерашнюю выпускницу Сьюзен. Надо сказать, она не очень-то емуглянулась. Но подкупила восторженным рассказом — мол, вы читали у нас лекции, я с тех пор только и мечтаю работать у вас, вы гений современности... Какой мужчина устоит перед лестью?

А через год он покатился вниз. Поэтесса умерла в расцвете юности, утонув в ванне, полиция затаскала Стивена на допросы, вообразив, будто он убил ее из ревности. Объяснить нормальному человеку, что ревновать откровенно сумасшедшую женщину, жившую в своей реальности, глупо и неконструктивно, Стивен смог — но лишь спустя полгода. Внучка художника бросила его сама, решив, что он убьет и ее тоже, точно так же, а она с детства боялась утонуть в ванне. Финансовые дела пошатнулись — у Стивена больше не было времени и сил вести необходимый образ жизни. На годик он еще и запил.

Тут-то Сьюзен и показала себя. Она стала ему лучшим другом. Помощником, утешителем, нянькой, а потом — и строгим контролером, когда Стивен пошел лечиться от алкоголизма и нуждался в моральной поддержке. В конце концов Стивен от отчаяния переспал с ней, не зная, что Сьюзен уже год принимает препараты, которые повышают вероятность зачатия. Она забеременела. Стивен понял, что терять ему нечего, и женился. В положенное время родились близнецы.

Сьюзен Бейкер всем и каждому рассказывала, какая у них идеальная семья. Рассказывала с жаром, достойным лучшего применения. Она оставила работу и стала домохозяйкой. Стивен Бейкер в это время уверенно шагал к разорению. Вскоре после рождения детей он навсегда закрыл галерею, продал одну из квартир и заложил две других, раздал долги, а на остаток приобрел хорошо походивший малотоннажный грузовик. Через три года у него было четыре кораблика и полностью выкупленное имущество. К тому моменту выяснилось, что младший из близнецов, несомненно, имеет талант живописца. Мечта Стивена Бейкера — воспитать новую звезду — сбылась в самой приличной форме: его сын подавал надежды.

Будучи человеком властным, он намеренно избегал общения с младшим сыном — чтобы не задавить его авторитетом. Талант нужно растить нежно. При этом он тратил бешеные деньги на его учителей, на натуральные материалы для рисования, на экскурсии по музеям и всю мыслимую культурную подготовку. Поскольку мальчишек двое, Стивен, не желая раздоров, то же самое давал и старшему из братьев, хоть тот и был очевидно бездарен. Разумеется, все решения он обсуждал с женой. Да, они не спали вместе очень давно, но Стивен считал, что их семья — это партнерство, они спаяны общей целью: вырастить талант.

Сьюзен так не считала. Да в конце концов, она не для того замуж выходила, чтобы жить ради детей. После родов ее внешность стала яркой, Сьюзен хотела внимания и поклонения, а ее низвели до положения служанки при будущем таланте. Назло мужу она стала переманивать младшего сына на свою сторону, настраивала его против отца и брата. А старшего сына настраивала против младшего, тайком поощряя его ссоры и драки с братом. Сьюзен даже позволила себе парочку романов на стороне, как она себе твердила, просто чтобы компенсировать невнимание со стороны мужа. Одним из ее любовников был странный человек, очень странный и опасный. Пауль, так он назвался. Расстались они друзьями, и на прощание он дал ей код посредника со словами: «Будут проблемы — звони. Решим». И почему-то Сьюзен ни секунды не сомневалась, что решения Пауля будут радикальными и окончательными.

Потом он узнала, что муж неверен ей. И кто же донес на него? Папашкин любимчик Бернارد. Сьюзен так торжествовала, что не расстроилась из-за адюльтера. Она тоже давно не

любила мужа, и ее тяга к нему объяснялась желанием отомстить за свои несбывшиеся надежды.

Точку в их браке поставил невинный разговор. Сьюзен устала жить экономя каждый грош. Из трех квартир, которые принадлежали мужу, две пустовали. Стивен заложил их однажды, потом выкупил — и больше никак не вовлекал в финансовый оборот. Сьюзен потребовала, чтобы муж продал их, в крайнем случае сдал в аренду. Ну сколько можно жить в нищете, когда все деньги расходуются только на обучение детей?! Стивен спокойно поглядел на нее и ответил: «У меня только одна квартира — та, в которой мы живем. Те апартаменты, о которых ты говоришь, принадлежат Бернарду. Я давно переписал их на него. Ему понадобятся деньги, когда он вырастет, живопись требует больших вложений, а популярность — еще больших». Сьюзен опешила: «А Адам? Ты забыл, что у тебя двое детей?» Стивен пожал плечами: «Адам получит мое дело. У него есть деловая хватка. Когда Бернард придет в профессию, я передам фирму Адаму, а сам буду менеджером Бернарда. Я смогу уберечь его от ошибок, которые делают все начинающие». Сьюзен только и спросила: «А я? Обо мне ты подумал?» Стивен непритворно удивился: «О тебе? Сьюзен, ты уже большая девочка и можешь сама о себе позаботиться. У тебя есть хорошее образование, ты вполне можешь найти прекрасную работу. Кстати, если тебе надоело экономить, почему бы не поискать работу прямо сейчас?»

Сьюзен не стала искать работу. На деньги мужа она наняла частного детектива и быстро раздобыла доказательства супружеской неверности Стивена. И подала на развод. Стивену пришлось отдать ей единственную свою квартиру на Земле и выплатить значительные алименты с условием, что она отдаст ему сыновей. Сьюзен только посмеялась — уговаривай сам. И вновь отцовский любимчик не подвел ее: Бернард отказался расставаться с матерью. Зато Адам внезапно заявил, что хочет жить с отцом, потому что ему надоел брат.

Стивен уехал на Таниру, забрав Адама. А Сьюзен осталась на Земле, с Бернардом, которого презирала. Она не могла запретить ему занятия живописью, но никакой моральной поддержки мальчик больше не имел. Лишь когда она узнала, что сын втайне от нее встречается с отцовской родней и все больше склоняется к мысли переехать к отцу, она спохватилась. С тех пор жизнь Бернарда превратилась в ад: Сьюзен умело играла роль одержимой мамочки. Сначала играла, потом втянулась...

Оставшихся от мужа денег вполне хватало, чтобы вести разумную светскую жизнь, которая и стала новой профессией Сьюзен. Женщина была красива, имела давние связи в богеме, иной раз на этих связях зарабатывала. Через год после развода она создала маленькое агентство, подбиравшее девушек для арт-сопровождения. В этом-то агентстве в один прекрасный день и появилась Хэрриет Джонс. Несмотря на юные годы и провинциальное происхождение, девушка была истинной находкой. Никаких моральных запретов, никакой совести, лишь желание выслужиться. Сьюзен занималась ею сама. Она заставила девушку ходить к репетиторам, исправляя произношение и вырабатывая хорошие манеры. Она выводила ее в лучшие шоу, знакомила с самыми нужными людьми — и Хэрриет не подводила хозяйку. Какие бы блага ни сулили ей любовники, Хэрриет оставалась верна Сьюзен.

А потом Сьюзен нашла ей мужа. Богатого старика, жившего на Танире. Она сказала Хэрриет: «Выставочная карьера коротка, тебе надо подумать о будущем самой или довериться моему выбору. Может, мистер Ахири и не молод, зато у него самое красивое поместье на самом красивом курорте. Поверь, это лучшее, что тебе светит. Ты скоро войдешь в танирское общество молодой, богатой, респектабельной вдовой». Хэрриет уже знала, что хозяйка не подает милостыню. «Что от меня требуется?» — спокойно спросила она. «Мы сменим тебе имя так, что нигде не останется записей об этой перемене. Никто не узнает, что ты работала в арт-сопровождении. Но мы с тобой, конечно, останемся подругами».

Хэрриет Джонс захотела, чтобы ее звали Хентой Софией. Хента София Паркер.

Неплохо звучит. Через месяц она стала миссис Ахири. Брак, против ожиданий, ей нравился. Старый эксцентричный муж был забавным и не жалел денег на жену. Сьюзен даже пару раз скрипнула зубами: надо было самой захомутать этого старикашку. Правда, он хотел жениться на бесплодной — у него уже было много детей, со всеми разругался, кроме младшего, Мэтта. Тот умел сносить отцовские выходки и при этом был хорошим дельцом. Старик гордился им. Хэрриет-Хента ненавидела пасынка и жаловалась Сьюзен, а та отвечала — терпи, тебе же надо прописаться в обществе, тебя никто не примет, если ты согласишься с Мэттом.

Этот брак для Сьюзен был чем-то вроде вложения капитала. Она не знала еще, как можно использовать Хенту, но считала, что надежный якорь на Танире, знаменитом курорте, ей пригодится. Не стоит и забывать, что именно на Танире проживали бывший муж и сын Сьюзен. Она сама себе твердила, что второе обстоятельство не сыграло никакой роли в ее решении, ну совершенно никакой, мотивы были другие... Только вот эти другие мотивы никак не придумывались.

Хента исправно докладывала Сьюзен, как поживают Стивен и Адам. Стивен не женился второй раз, и не слыхать было, чтобы крутил романы. Выглядел презентабельно, но женщинами не увлекался. Сьюзен уже подумывала, как бы устроить бывшему подлянку. Просто чтобы помнил, кого он обидел. Например, можно было дожидаться, пока Хента овдовеет, — благо, ее старикашка весьма обнадеживал в этом плане. Хента вскружит голову Стивену, она умеет, выведет в общество — а потом бросит, посмеявшись. Повод для знакомства нашелся быстро: Хента сказала, что у ее мужа есть два старых корабля, не знает, куда девать. Сьюзен подсказала предложить их Стивену.

Пока она думала, жизнь выбросила коленце, да не одно. У Сьюзен самой пошатнулось здоровье, она даже едва не впала в депрессию. Бернард отдалился и явно завел себе женщину, что возмущало Сьюзен до глубины души — и женщина, и скрытность сына. Как посмел? Его обязанность — безответно любить мамочку. Внезапно умер старик Ахири, оставив Хенту вдовой, только не богатой и благополучной, а во всем зависящей от пасынка-наследника. А Стивен не купился на соблазнительные корабли. Он вообще отошел отдел, передав фирму сыну, и все чаще летал на Землю. Тут у него осталась родня, вроде бы все понятно, только в эти же дни у Бернарда случались какие-то выставки, и его никогда не бывало дома. Затем разразился колониальный кризис, чувствительно задевший Таниру, и тогда Сьюзен позвонил старший сын.

Как все матери пройдох, Сьюзен заблуждалась относительно истинных чувств сына. Ей казалось, Адам наконец-то осознал, какую глупость совершил, уехав с отцом. А сын не спорил, нет. Твердил, что скучает, но чертов кризис... Стоит отвлечься, и он нищий. Он и так нищий, отец последние годы совсем запустил дела, а тут еще невезение... Сьюзен подумала, что он еще больше полюбит маму, если получит от нее приятный подарок.

Она помогла ему раз, другой. Она внезапно открыла в себе интерес к грузоперевозкам и даже завела соответствующие знакомства. Тогда-то ей и пришла в голову простая схема. Орки-рабы всегда в цене. Их покупают люди особого сорта, но ведь Сьюзен нет нужды общаться с ними напрямую. У нее есть весьма приятный знакомый, который возьмет на себя эти трудности. А от Сьюзен требуются только регулярные поставки качественного товара. Качественного — это значит, что орки должны уметь говорить на федеральном, владеть минимальными навыками боя и быть послушными своим командирам-людям.

Проще всего было воровать орков с их родины. А что? Их там все равно больше, чем нужно. Плодятся как обезьяны, да они и есть обезьяны, даром что говорящие. Само собой, дуриком на эту планету не попадешь, надо дать на лапу кому следует. У Сьюзен нашлись связи и в военном министерстве, так что ей дали контакт разумного офицера на базе, запиравшей орочью родину от воров. Корабли для перевозки у нее были — Адам, родненький сыночек, уж конечно, он не откажется от такого выгодного контракта. А что контракт незаконный, так можно подумать, он слова такого, «контрабанда», никогда не слышал. Для первичной дрессировки и передержки орков вполне подходило поместье «Белая

гора», куда Сьюзен так удачно внедрила Хенту.

Однако Хента впервые в жизни устроила бунт. Она, видите ли, влюбилась. В молодого человека из хорошей семьи. Путем несложных изысканий Сьюзен выяснила, что речь о шурине Мэтта, пасынка Хенты. Некий Джон Холден, смазливый бездельник и прохиндей. Ничего-ничего, подумала Сьюзен про Хенту, ты ко мне еще приползешь.

И точно. Месяца не прошло, как Хента рыдала в монитор, объясняя, что у ее возлюбленного беда — его разорил некий принц, жить не на что, а Мэтт не дает. В общем, она поговорила с Джоном, он посетовал на судьбу, но припомнил, что в истории даже принцы бывали, каким приходилось уходить в леса и заниматься честным разбоем. Сьюзен не стала напоминать, что принцы эти были самозванцы, — пусть Хента бредит своей романтикой, тем покорней будет.

Начало обнадеживало. Адам еще подобрал хорошего программиста, который подделывал ему все документы, и теперь вовсе не боялся разоблачения. Деньги потекли рекой.

А потом смерть обманула Сьюзен.

Стивен умер буквально за несколько часов. Утром еще строил планы, а днем его не стало. И Сьюзен поняла, что жить-то, в общем, незачем.

Тут-то и выяснилось, что мужа она не знала. Пока она копала яму под него, он восстановил отношения с Бернардом, пользуясь старыми знакомствами, помог ему начать карьеру. А Сьюзен еще удивлялась, как у такого слизняка так легко все получается? Но самое ужасное, что он оставил Бернардку кусок земли. Адам и не думал возвращаться к мамочке, а тут и Бернард собрался уехать.

Болела она давно, но врачи сказали: легкая форма, вылечивается без последствий, можно не особо беспокоиться. Сьюзен, однако, воспользовалась этим поводом и накрепко уселась в инвалидное кресло. Ха-ха, Стивен, не удалось тебе обмануть меня! Никуда твой любимчик не денется, до могилы будет за мою юбку держаться, а я еще спляшу на его похоронах!

Но возраст уже был не тот, Сьюзен подвело собственное тело. Она никогда не отказывала себе в гастрономических радостях и буквально за месяц умудрилась разъесться так, что ходить и вправду стало тяжело. Сьюзен не узнавала себя в зеркале. И понимала, что, если она в таком виде покажется на люди, та же Хента перестанет с ней считаться. Люди, живущие инстинктом наживы и власти, не уважают больных, стариков и инвалидов. Тогда Сьюзен перестала выходить из дома. Хента позвонила ей — у ее любимчика Холдена был день рождения, пригласила приехать. Сьюзен высокомерно ответила: «Хента, леди — не движется. Кому надо, сам приедет, а я не собираюсь скакать по планетам. Твой Холден — нищий. Кто он такой, чтобы я к нему летела?»

Может быть, Хента и обиделась. Но Сьюзен верно выбрала тон. Дрянная девчонка даже пикнуть не посмела.

А в августе позвонил Адам и сказал: «Мамуля, у тебя ведь разные знакомые есть. Подумай, кому можно продать идею». И изложил такую идею, что Сьюзен разом поняла: это ее шанс. Последний. Фантастический.

Она соглашалась с Адамом, что надо знать меру. Не стоит грабить банки и объявлять себя императором вселенной. Надо взять то, что не вызовет шума. Например, наследство, которое Бернард получил от отца. Сьюзен считала, что младший сын недостойн и десятой части, а получил все. В то время как Адам, бедный, бьется, задыхается в нищете.

Схему они придумали быстро. Им нужен козел отпущения — тот, кого в конце можно будет сдать полиции. Тот, кто ответит за убийство Бернарда. Опять же, не мешало бы избавиться от изобретателя, он просит слишком дорого за свою идею. Адам обмолвился, что если бы забрать те корабли, за которые Хента Ахири при последних переговорах заломила несусветную цену, то он знает, как обеспечить матери безбедную жизнь. И разумеется, он будет при ней, как был Бернард. Ведь он и станет Бернардом — а как иначе забрать его наследство, не заплатив чудовищных налогов?

Сьюзен снова позвонила Хенте. Она знала, что сказать и как. Она напонила, что Джон Холден разорен, но, кажется, подвернулся случай отомстить обидчику. Джону и трудиться не придется, чтобы негодяй оказался нищим и голым. Ведь если Джон Холден получит чип с именем разорителя, он просто заберет все его деньги... А о подробностях Сьюзен предложила договариваться с Адамом.

Адам потом рассказал, что был в ужасе. Такие мечты, как у этого Холдена, — залог провала. Ну каким надо быть идиотом, чтобы строить планы по захвату Сонно?! Да, отец Холдена угодил под каток по имени Максимилиан ван ден Берг. Известный мерзавец. Ну коль скоро он известный, зачем пытаться одолеть его на его же поле? Да и не было там такого уж тотального разорения, вон, сестра Холдена вышла замуж за Мэтта. И лет прошло столько, что Джон Холден давно устроился бы в жизни, благо образование и связи не потерял, — если бы хотел. Но он сумасшедший какой-то. Нет чтоб взглянуть на вещи трезво. Какой смысл тратить жизнь на грезы о том, как Бергу станет худо? Не станет ему худо, этот крокодил где угодно уцелеет. Но Джон Холден этого не понимал. Он услышал про чипы — и решил, что отнимет не только деньги, но и княжество, и даже имя. Он сам станет носить это имя — вот достойная месть за свое прозябание.

Сьюзен посмеялась и посоветовала Адаму поддакивать и подогревать эти мечты. Адам не подвел. Ему ведь требовались корабли, а чтобы их получить, нужно было много наврать. Он и наврал. Такую историю выдумал, пальчики оближешь. Пообещал привезти целую армию — чипы чипами, а Сонно придется зачищать, там ведь хватает тех, кто знает Берга в лицо, вот их следует уничтожить и подавить сопротивление. Быстро, до появления правительственных следователей. Зато, когда следователи появятся, им можно будет доказать, что законный князь гасил мятеж. Имеет право. К тому моменту специалист по чипам так подчистит и досье, и архивы данных, что настоящий Берг не сумеет доказать свою настоящесть. Все документы будут на стороне Холдена, а живые свидетели — в могиле. В Сенат же лучше не являться, впрочем, князь Сонно не обязан, он же не сенатор. Можно, можно повернуть... Вот для успеха этой легенды Адам и предложил поставить будущему князю армию... андроидов.

О, как он был убедителен! Он так живо описал этот конвейер, этот склад, словно был там вчера и все потрогал руками. Адам умел быть убедительным. Именно поэтому сам предложил доказать свою честность — скажем, предварительной поставкой нескольких единиц оружия, недоступного гражданским. Оружие он достал через того же самого офицера, который обеспечивал ему свободный проход в орочью зону.

Холден поверил.

Но потребовал клятвы на крови.

Клятва входила в интересы Сьюзен.

Адам принес достойную жертву, отдав Холдену жизнь своего брата и человека, должного заменять Князева.

Холден поручил Адаму убить изобретателя — тогда он не знал, что это посредник, — и еще одну женщину, имя которой никому ничего не говорило. «Хамство должно быть наказано, — провозгласил Холден. — Никто не смеет обижать Хенту».

Сьюзен позвонила Паулю, которого держала в уме двадцать лет. Ее не удивило, что Пауль отлично помнил ее. К «маленькой просьбе» подсказать хорошего наемного убийцу отнесся с циничным весельем. И... настоял на личной встрече.

Сьюзен неделю голодала и тренировалась — нельзя же появляться перед этим импозантным мужчиной на инвалидном кресле и в телесах! Она затынулась в сплошной корсет, она задыхалась в нем, а Пауль окинул ее взглядом и... предложил поговорить о деле. Кто, когда, где, почему.

Всю ночь Сьюзен проплакала. Но к утру подумала: будут деньги — будет и красота. Хоть целиком переделаюсь, но буду прежней. И тогда, дорогой Пауль, ты уже не спросишь меня про деньги за работу...

Изобретатель доставил им хлопот. Его наметили первой жертвой, и Пауль уже вылетел

на место, когда выяснилось, что проклятого мальчишку не могут разыскать. Программист Адама взломал транспортную сеть, чтобы отыскать следы паршивца, — а там нету ничего! Вот так бывает: прилетел человек на Таниру и прямо с космодрома исчез. Потом пришел в коттедж Бейкера на встречу. Опять исчез. Он был сатанистом, и на Танире какие-то сатанисты были, его искали и среди них — ни следа. Никто не знал, не слышал.

Пришлось срочно менять порядок. Паулю поручили убрать женщину из Оаквилля. Он не задавал вопросов. Дело выполнил чище не бывает. Затем обстряпали исчезновение любимого программиста Адама.

И только тут случайно обнаружили изобретателя.

Банде недосуг было разбираться, где он отсиживался. Да и полиция ломала головы. А инквизитор первого класса Август Маккинби даже удивился — он-то выяснил сразу.

Сержио Чекконе, глава танирских сатанистов, учился в колледже у матери Луиса Алонсо. Очень уважал эту женщину. Конечно, когда ему позвонил Луис Алонсо, Сержио не отказал ему в приюте. Сам съездил на космодром, встретил, поселил у себя на квартире. И целый месяц старался образумить парня. Образумил, но не совсем. От криминала парень решил отказаться, да и свое мнение о лучшем друге Зелинском переменял. Вот только счел, что с проблемами справится сам. И от Сержио Чекконе уехал не попрощавшись, на такси, ибо был зол на весь белый свет за то, что оказался дураком.

Погиб как дурак, в шаге от спасения. Даймон промашек не давал.

Сюзен Бейкер так и не узнала, где ее новая эротическая мечта научилась убивать. Впрочем, нельзя исключать, что ее не остановило бы ничего — тщеславие и самолюбие плохие советчики. А Пауль — Пол Даймон — успел задать Луису Алонсо кое-какие вопросы. Просто для общего развития, так сказать, поллюбопытствовал.

С Бернардом проблем уже не возникло никаких. Адам еще лично проследил, чтобы Бернарда точно убили.

И вот уже Адам превратился в Бернарда и заметал следы, вот уже нашелся покупатель на недвижимость в Гонконге... Холден стал что-то тормозить с обещанными кораблями. Потребовал, чтобы сначала ему привезли еще побольше орков и хотя бы десять андроидов. Адам послал корабли за рабами, а насчет андроидов сказал жестко — корабли вперед.

Наверное, все бы получилось, хотя конфликт вылезал раньше времени. Но... стечение обстоятельств. Из бункера удрал чокнутый программист-гений, которого нанял Адам. Холден решил, что Адам намерен бежать и выводит ценного человека из-под удара, ведь мастер был заложником. Послал своего убийцу следить за Адамом. И тут, как нарочно, Адама опознал эльф...

Адам доказывал, что эльфа не нужно трогать. Ему никто не поверит. Найдется Князев, подделает досье, заменит генные карты — и любая экспертиза докажет, что Адам — это Бернард. Не нужно лишних трупов.

Эльфа убили на следующий день.

И почти сразу труп обнаружила любопытная ассистентка инквизитора.

Провал.

А ведь какой был замысел!

* * *

Мы сидели в самом приличном кафе, какое нашлось на китайском рынке. Я была в двойке с короткой юбкой, Хуан Антонио — в новых джинсах и новом, но явно рукодельном джемпере. Я вчера положила Августу на стол полностью расшифрованный отчет о банде, а Хуан Антонио наконец-то получил школьный аттестат, сдав экзамены и тесты экстерном. Хуан Антонио травил байки с математическим уклоном, я тихо улыбалась. На нас глазело все кафе. Кажется, сюда набился весь Китайский квартал — полюбоваться, как Хуан Антонио обедает с Деллой Берг.

Хуан Антонио честно притворялся, что наслаждается, хотя пристальное внимание его

нервировало. Не ожидал он, не приготовился к такому любопытству.

А мне было хорошо. Я знала, какой сюрприз лежит в моей сумочке.

— Хуан Антонио, — позвала я, — ты умеешь быть откровенным?

— С тобой — безусловно.

— Тогда расскажи, как ты родился. На самом деле.

Он вздохнул.

— Да пошлая история-то. Банальная и противная. Моя мать — проститутка. Снимала клиентов в притоне. Почему не сделала аборт, когда забеременела мной, — никто уже не узнает. Мне был год, когда очередной клиент зарезал ее и застрелился сам. Когда протрезвел, ага. Меня взяла под опеку семья, жившая по соседству. Им требовались детские руки в хозяйстве. Лет с четырех я жил у Вэня. Вот и вся история.

— Но это только начало, — загадочно сказала я.

Хуан Антонио пожал плечами:

— Думаю, продолжение будет таким же скучным.

Я мягким движением вынула конверт из сумочки и протянула ему:

— Погляди, может, там найдется кое-что интересное для тебя?

На конверте красовался герб полицейской академии Кабаны. Письмо пришло вчера, и половину дня я уговаривала Крюгера дать его мне — хотела вручить сама.

Хуан Антонио переменился в лице. Открыл, достал листок пластиковой бумаги, четыре раза прочел текст, шевеля губами.

А потом вскочил и оглушительно завопил:

— Эй! Слушайте меня! Вы только послушайте, что принесла мне Делла Берг! Эй! Меня зачислили в колледж! В федеральный! Там уже идут занятия, но я догоню! Глазам не верю — я студент?! Я, Андрей Некрасов, — студент федерального колледжа?! Вот, глядите, — он помахал конвертом, — мне прямо оттуда написали! Это полицейская академия Кабаны, лучшая академия! Инженерный факультет!

Сначала было тихо. Потом люди вскочили с мест, кинулись обнимать и поздравлять Хуана Антонио. Со всех сторон неслись крики:

— Здорово!

— Ты молодец, Хуан Антонио!

— А что, коп — отличная профессия! Никогда без работы не останешься, копы-то везде нужны!

— Федеральная служба — чего еще надо?

— И пенсия будет!

— Карьеру сделаешь!

Я тихо отступила на задний план. Расплатилась по счету и вышла на парковку.

Крюгеру действительно понравилась моя идея с «оплатой» труда Хуана Антонио. Всего-то делов — написать ректору академии в Кабанах с просьбой принять на обучение способного парня, оказавшего помощь полиции. Я думала, что Хуана Антонио зачислят на следующий год. Похоже, Крюгер не ограничился письмом, а еще и лично побеседовал с ректором, представив в лучшем виде подвиги парня, если зачислили прямо на текущий курс. Хуан Антонио справится, ни капельки в этом не сомневаюсь.

И Крюгер хороший человек. Надо будет при случае просто зайти к нему на чай.

С ватрушками.

ЭПИЛОГ

Нам достались почетные места — сразу за женихом и невестой, слева от прохода. По правую руку от меня башней возвышался невозмутимый Август, по левую стоял Макс.

— Кто бы мог подумать, — бормотал Макс.

Он еще не пришел в себя от шока. Нам всем сказали только вчера. Суеверная Эмбер боялась, что в последний момент все сорвется. Не знаю, с чего это она решила.

Мы смотрели в спину молодым. Эмбер сияла. Такой хорошенькой она никогда еще не была. И на жениха глядела с бесконечной любовью. Она действительно была чиста душой. Никакие сплетни, никакие слухи о прошлом жениха ее не отвратили. Как не отвратила и правда о его происхождении.

Эмбер Мелроуз превратилась в леди Рассел.

— Она хотела любви, — внезапно сказал Август. — Она готова была полюбить кого угодно, даже женщину, лишь бы ее любили.

— Лорд Рассел — прекрасный человек, — сказала я с некоторым возмущением. Меня злили ксенофобские нотки в словах моих мужчин.

— Уж получше многих чистокровных, это точно, — согласился со мной Макс.

Свадьба была веселой, и я не чувствовала никакой грусти. О чем грустить? Мы с Эмбер так и будем дружить. Я каждый год буду прилетать к ней в гости, поохотиться и насладиться красотой поместья.

Когда Эмбер бросила в толпу букет невесты, Макс ловко толкнул меня плечом. Я невольно переступила, чтобы сохранить равновесие, и почти с ужасом увидела, как точно мне в лицо летит плотная связка цветов. В последний миг передо мной возникла мужская рука и схватила злосчастную примету. Макс выругался.

Держа в лапище букет невесты, Август обернулся к другим гостям. Послышался хохот. Август непонимающе посмотрел на людей, потом вопросительно — на меня.

— Почему они смеются, я что-то делаю не так?

Я не придумала, что ему ответить.